

А. В. Сафронов, Лекции по экономике СССР

Оглавление

Лекция 1. «НЭП и военный коммунизм»	2
Лекция 2. «Механика первых пятилеток».....	21
Лекция 3. Военная экономика.....	49
Ответы на вопросы (перед следующей, четвертой лекцией отвечал на вопросы, которые остались с третьей).....	141
Лекция 4. «Послевоенное восстановление».....	145
Лекция 5. «Пятая пятилетка»	162
Лекция 6. «Хрущевские экономические реформы».....	185
Лекция 7. «Экономические дискуссии, предшествовавшие Косыгинской реформе»	217
Лекция 8. «Косыгинская реформа. Предпосылки»	251
Лекция 9. «Восьмая пятилетка»	285
Лекция 10. «Девятая пятилетка».....	304
Лекция 11. 10-11 пятилетки	334

Лекция 1. «НЭП и военный коммунизм».

Вопрос: в чем её были сильные стороны, уязвимые места?

А.С. Это первая моя лекция на этой площадке и первая лекция по теме, которую я считаю одновременно крайне важной, крайне нужной и крайне неизвестной современным слушателям, интересующимся проблемами, связанными с историей советского государства.

Озвучу пару замечаний, которые у меня есть в отношении этой теме.

Замечание первое касается хронометража. Надеюсь, все понимают, что рассказать экономическую систему страны за час абсолютно невозможно, поэтому сегодня у нас будет первое знакомство, т.е. я буду обозначать некоторые поворотные моменты. В условной ненаписанной книжке по советской экономике мы сегодня пройдем страницы оглавления, а дальше будем действовать по заявкам слушателей. Проблема заключается в том, что в настоящее время советская экономика является вещью практически забытой, т.е. если существует огромное количество публикаций, посвященных политической системе Советского Союза или же просто общеисторической, то внутренняя механика экономических изменений, она в значительной степени остается за кадром. Связано это с рядом причин. Часть из них связана с тем, что книжки по экономике в СССР печатались значительно меньшими тиражами, чем та же художественная литература или книги по социально-экономическим проблемам, потому что экономистов тогда было значительно меньше, и вообще считалось, что это узкоспециальные вопросы, а на момент смены курсы эти книги ещё и дружно повыкинули или сдали в макулатуру. Первая проблема заключается в том, что крайне непросто искать источники информации, потому что сейчас, несмотря на то, что прошло лет 20-90, чувствуешь себя полноценным археологом, который по крупницам пытается что-то восстанавливать.

Вторая проблема связана с тем, что большинство книг рассказывают, что происходило, но не рассказывают, почему это происходило; т.е. идет некое описание фактов (например, 1929 г. – ускоренный переход к индустриализации, но не объясняется, почему это был не 28 год или не 33). Т.е., если мы ставим себе цель не просто выстроить последовательность событий (мы не исторический кружок), а если у нас превалирует попытка выработать активную жизненную позицию, что подразумевает некоторую внутреннюю стройность наших логических концепций, то с этим возникают наибольшие проблемы. Попытка понять методологию, которой руководствовались советские плановики

это наиболее сложная и одновременно наиболее серьезная подзадача внутри более широкой и также сложной задачи изысканий по советской экономике. Так же как в другой науке считается, что мы знаем предмет тогда, когда мы можем его предсказать или хотя бы смоделировать, так и здесь я считаю, что ставить точку в изучении советской экономики можно будет тогда, когда можно будет с некоторой уверенностью сказать, что обладая завтра реальной властью в государстве можно будет без особых пробелов восстановить эту систему, если в ней появится необходимость. Сейчас я очень далеко нахожусь от этой цели и поэтому я думаю, что в нашем путешествии вопросов будет больше, чем ответов.

Вторая вводная, о которой я хотел бы сказать, это - то, что «советская экономика» это очень общо. Советская экономика образца 1987 г. это совсем не то же самое, что советская экономика образца 1918 г. И это идея, которую считаю полезной помнить вообще при исследовании Советского Союза. Потому, что, когда говорят «Советы», «советская политика», «советская экономика», «Советский Союз», если при это нет указания на период, то это упрощение, причем упрощение недопустимое, т.е. то упрощение, которое уже ведет к потере смысла.

И ещё один момент, который является неявным, но очень важным. Неявным он является, потому что все стороны, которые так или иначе освещали события той эпохи, старались его затушевать по разным причинам, поэтому многие вещи, которые делало советское правительство в ходе развития нашего государства, они были вынуждены. Несмотря на указания, что нет такой крепости, которую не могут взять большевики, в достаточно большой степени те экономические решения, как удачные, так и неудачные, которые ими принимались в ходе развития, были обусловлены теми обстоятельствами, которые к тому времени складывались. И понятно, почему все стороны об этом не очень хорошо говорили: потому что большевикам было приятно говорить, что всё, что у них хорошо получается, получается хорошо, потому что они вооружены самой правильной теорией, или просто потому что они авангард рабочего класса. Противникам большевиков было приятно говорить, что косяки большевиков были обусловлены не тем, что они действуют в очень неудачных исторических условиях, а тем, что они там сволочи все. И в итоге этот момент вынужденности ушел на второй план и, на мой взгляд, очень неправильно, потому что, понимая то пространство решений, в котором могли действовать действующие лица, можно лучше понимать, почему в итоге был выбран тот или иной вариант.

Сделав такую вводную, я приступаю, и мой первый постулат логически вытекает из последнего вводного момента. Он связан с тем, что основные идеи, которым начали

руководствоваться большевики, получив власть, они в общем то они были разработаны далеко не в ночь с 24 на 25 октября; более того, многие из них были разработаны не ими. А параллельно с общим процессом концентрации капитала и развития государственных монополий, шел процесс в умах экономистов, которые всё больше и больше обращались к идее централизованного планирования. Предполагалось логичным, что если фирмы постепенно укрупняются, то рано или поздно в каждой отрасли останется по одной крупной фирме. А, поскольку фирма внутри себя особой вольности не допускает, то логично перенести эти идеи на экономику вообще. И этим делом стало заниматься царское правительство в добровольно-принудительном порядке, потому что с началом Первой Мировой Войны экономика стала разваливаться - сначала тихонько, потом больше и больше.

Вопрос: «Прошу прощения, а разваливается, это что значит?»

Разваливается, в моем представлении значит, что используя чисто рыночные механизмы, оказалось невозможным снабжать фронт продовольствием, снарядами, топливом и орудиями убийства.

Вопрос: «А по какой причине? Не продавалось? Не покупалось? Не производилось?»

Для начала причины. Причина первая: одновременно сворачивание торговых операций и призыв крестьян в армию сократили возможность для дальнейшего развития сельского хозяйства. Во-вторых, одна из очень серьезных причин - это паралич транспорта, потому что одновременно основные ресурсы металлургической и машиностроительной промышленности были направлены на производство вооружений, а не на воспроизводство подвижного состава. И за счет того, что гражданскими перевозками занималось одно ведомство, а военными – другое, сложилась ситуация, когда достаточно серьезная система железных дорог Российской Империи впала в разбалансировку, т.е. либо вагонов не хватало, чтобы довести всё нужное для фронта, либо их не хватало, чтобы вывезти с фронта обратно. Т.е. это - частично проблемы управления, частично – проблемы недостатка и неразвитости материальной базы.

Вопрос: «Но то, что вы сказали, это - чисто управленческая проблема».

А. С. Нет, не только. Помимо всего прочего, если мы желаем, чтобы крестьяне продавали нам хлеб добровольно, то мы должны давать им взамен адекватное количество продукции. Если наши заводы загружены производством вооружений, то у нас с этим

возникают проблемы. Надо понимать, что с экономической точки зрения производство того, что стреляет, это - чистый минус. Т.к. с помощью винтовки тяжело произвести дополнительное количество продукции и в нормально работающем хозяйстве эта винтовка ни к чему (если не брать экстремальные способы защиты собственности) или отъема.

Производство вооружения это чистая нагрузка на экономику. Это всё равно как выкопать ресурсы, использовать их и выкинуть.

Вопрос: «Кризисы у Маркса в области производства, почему одно упирается в другое – там все это описано, все понятно. Хотелось бы столь простую схему – почему застопорилась царская экономика?»

Начались перебои с добровольными поставками хлеба, в связи с чем царское правительство пришло к идее особых совещаний, т.е. это - некие надминистерские образования, которые должны были координировать действия правительства, для того чтобы не возникало таких косяков, как возник в транспортной системе. Было особое совещание по хлебозаготовкам, по транспорту, по топливу и, по-моему, как раз военное совещание (не помню точно, как называлось).

Вопрос: «Известно, что царское правительство пришло к комиссиям по хлебозаготовкам существовали уже в 1916-17 г. Хотелось бы прояснить историю этого вопроса: в 16 году пришли к этому, или подобные комиссии существовали ранее?»

За точной датой нужно лезть в справочник, но началось всё именно с заготовкой хлеба для армии. Крестьянам предложили сдавать хлеб не по гибким, а по фиксированным ценам. Естественно, крестьяне стали этот хлеб прятать. Для того чтобы это дело как-то пресечь, стали формировать некий аналог будущих загранторядов, которые стали препятствовать массовой перекачке зерна из одной губернии в другую. Крестьяне ответили на эту меру сокращением товарной части хлеба, в связи с чем перебои начались уже не только у армии, но и у городов. Правительство ответило на это попыткой добровольно-принудительно взять хлеб не только для армии, но и для городов. Изначально предполагалось, что крестьянам за это честно платят, просто платят фиксированную цену. Но надо понимать, что с началом военных действий баланс финансов РИ оказался нарушен и правительство чем дальше, тем больше начало прибегать к эмиссии денег, необеспеченных товарной массой. Печать необеспеченных денег началась при царском правительстве во время войны, резко ускорилось при Временном правительстве и добрым наследством досталось большевикам. В итоге к началу 1917 г. ситуация ухудшилась до

момента, когда в городах начались голодные бунты. Причем некоторые историки говорят, что хлеб в стране был, просто не было возможности довести его до городов из-за паралича транспорта и финансовых вопросов.

Вопрос: Какую роль небезызвестный Викжель сыграл в этом процессе?

Вопрос-ремарка: «К 1917 г. был накоплен двухгодичный запас хлеба и снарядов, на котором и шла вся гражданская война. Это к вопросу о том, как не надо управлять и планировать. Давайте перейдем к советской экономике».

А. С. Первоначальная программа советской власти не предполагала тотальной национализации всего и вся. Она не предполагала построения плана «до каждого гвоздя». Большевики не было оторванным от реальности людьми. Они понимали, что в раздолбанной крестьянской стране такие вещи были невозможны. Но практически сразу они столкнулись с рядом неприятных сюрпризов. Один из сюрпризов пришел из финансовой отрасли, другой – из промышленности, т.е. отрасли реального производства. В промышленности была попытка ввести рабочий контроль: предполагалось, что если оставить капиталистов на предприятиях, но предложить рабочим за ними приглядывать, то можно будет сохранить управленческий опыт «старой гвардии» и не допустить саботажа. Но по факту получилось следующее: капиталисты сотрудничать отказались наотрез; там, где можно было, предприятия банкротились и закрывались, и ничего не оставалось, как брать их на баланс государства. При этом надо понимать, что на баланс государства регулярно попадали предприятия в состоянии банкротства, которые до этого успели хорошо раздербанить. При этом рабочие показали себя не с лучшей стороны и в массе своей воспринимали возможность контролировать предприятие как возможность растащить предприятие по домам. А попытка взять начальные суммы средств из Госбанка Российской империи вылилась в анекдот, когда служащие банка сказали: «Кто вы такие? Мы вам ничего не дадим». После чего Госбанк пришлось брать штурмом (известный исторический анекдот), но в общем служащие после этого закрыли все кассы и с ключами разошлись по домам.

Вопрос: «Известно что до половины офицеров царской армии так или иначе перешла на сторону Красной армии. И есть данные, что до половины директоров (в крупных городах может быть до трети) остался на своих местах. В частности, по Весьегонскому уезду, глухая деревня, но есть там и маслобойня, и кожевенная фабрика и другие производства. Там переход предпринимателей на сторону новой власти составил до ¼. Этот переход предпринимателей на

сторону советской власти вообще что-нибудь дал? И есть ли какая-нибудь статистика по данному поводу? Или только набор данных о том, что «раздербаненные предприятия» приходилось национализировать?»

А.С. Понятно, что какое-то время предприниматели сотрудничали, потому что какое-то время вообще никто не понимал, что это за новая власть такая, и люди продолжали ходить на работу. Статистику я посмотрел. Как бы там ни было, я не знаю о деятельности Вигжеля, но профсоюз банковских служащих повел себя однозначно и объявил тотальную забастовку, которая длилась до марта месяца 1917 г., в связи с чем наступил полный паралич финансовой системы. Т.е. никакие предприятия в стране и сама советская власть не могла получить никаких денег ни на какие нужды.

Вопрос: «А деньги же всё равно печатались?»

В связи с чем пришлось печатать деньги дальше, разумеется. Поскольку фабрику Гознака национализировали одной из первых, (она по-моему, вообще не была государственной), то за невозможностью задействовать банковскую систему пришлось брать деньги из воздуха.

Далее, крестьяне отреагировали на революцию тоже весьма однозначным образом: они решили, что, раз помещиков выкинули, а землю раздали, то больше нам от государства ничего не нужно и ему от нас тоже ничего не нужно. В связи с чем попытки собрать с крестьян налоги терпели поражение за поражением, потому что крестьяне говорили, что «власть наша и мы ничего не должны».

На это наложился усиливающийся транспортный кризис, что фактически привело к отделению отдельных частей бывшей империи от центра. Ещё до начала Гражданской войны связь с отдельными частями страны оказалась во многих случаях затруднена.

Так же «весело» повели себя местные Советы, многие из которых одновременно проводили реквизиции и контрибуции на местах и требовали денег у центра, говоря, что денег ни на что не хватает.

В этом отношении есть эпичнейшая книжка по финансовой политике советской власти 1918 г., которая читается как триллер и не требует, в отличие от большинства финансовой литературы, особого умственного напряжения; можно кино снимать. Все, что можно придумать в плане коллапса финансовой системы свалилось на советское государство. В течение всей половины 1918 г. проходили всевозможные съезды финансовых органов. Финансовые органы дружно говорили, что контрибуции и

реквизиции это - очень плохо, и дружно продолжали их проводить за неимением никакого другого источника средств.

Одновременно с этим возникла ещё одна неприятная вещь, связанная с тем, что по условиям Брестского мира за национализацию предприятий с участием немецкого капитала советская власть должна была всё-таки что-то выплачивать.

Вопрос: «Этот немецкий капитал, его ещё не в 1914 ли году отобрали? Какую политику по данному вопросу проводило царское правительство?»

А. С.: «Суть в том, что, какую бы политику ни проводили до этого, что царское, что Временное, что большевистское правительство, немцы после провала мирных переговоров поставили ультиматум, что мы забираем у вас вот это, вот это и вот это, и что если вы хотите национализировать предприятия, где был наш капитал, то будьте добры выплатить денежный эквивалент. В связи с чем многие русские предприниматели, которые до этого долго думали, что им делать с советской властью, наши замечательное решение: продать свои доли немцам. Известный декрет о национализации всей крупной промышленности, подписанный 28 июня (ещё один момент, о котором Советы не очень любили говорить), тоже был во многом вынужденным. Там в течение всей весны шли консультации по поводу того, как бы все эти условия обойти. Когда немцы сказали: «Ладно, всё что вы национализировали до этого мы с вас требовать не будем, а всё, что вы национализируете с 1 июля, будьте добры компенсировать». После чего наши за ночь напечатали декрет с длинным списком всех фабрик, которые национализуются 29 июня, с тем чтобы немцам не досталось вообще ничего. Немцы были в ярости, но формально всё было по закону.

Я рассказываю эти вещи, чтобы понимать, что в течении первого года существования советской власти большинство решений, которые они принимали, были не последовательной политикой, а ответом на «вызовы времени». Т.е., по сути, реакцией.

В итоге к лету 1918 г. финансовая система по-прежнему находилась в крайне плачевном состоянии. С одной стороны, удалось побороть забастовку и кое-как набрать новых служащих. С другой стороны, началась Гражданская война, и части страны стали оторваны от центра. И, если раньше получать оттуда налоги было затруднительно, потому что крестьяне не понимали, кому и что они должны, и финансовые органы отказывались их взимать, то сейчас фактически сообщение оказалось прервано. Кроме того, на балансе у советской власти оказалось огромное количество предприятий разной степени раздолбанности, которые не только в будущем могли дать доходы, но в настоящем

требовали финансовых вложений, которых не было. В связи с чем переход к политике военного коммунизма, начиная со второй половины 1918 и особенно 1919 гг., стал ответом на сложившуюся ситуацию. Т.е. советы решили, что раз у нас безудержная денежная эмиссия и развал финансовой системы, невозможность взимания налогов, то надо финансовую компоненту из экономики просто на время выключить. В связи с чем начался переход к натуральному снабжению в зависимости от карточных норм, установленных для различных категорий граждан. Вы можете посмотреть, к чему это привело уже к декабрю 1918 г. {Распечатанная таблица}

Вопрос: «Ожесточенные споры на тему отмены финансовой системы велись уже в декбаре 17 – начале 18 гг. Было ли какое-либо идеологическое обеспечение перехода к военному коммунизму? Месяца за 2 была острая полемика между Лениным и Богдановым. Богданов настаивал на том, что деньги и капитал остаются, а прямой товарообмен – деградация. Ленин апеллировал к тому, что мы непосредственно переходим к фазе строительства коммунизма.»

А.С. «Мне это лобовое столкновение неизвестно, потому что этот кусок, по крайней мере, у Ленина, я не смотрел. Другое дело, что сами финансисты на летних съездах говорили, что, раз нам в будущем деньги не нужны, давайте уже сейчас их отменим, тем более, что с ними столько проблем. Известна позиция левых коммунистов, считавших, что отмена денег – это хорошо, и правильно, и прогрессивно, но, вне зависимости от того, что считало руководство партии, эта политика была реакцией на вызовы сложившейся ситуации».

Вопрос: «Было ли некое такое чисто идеологическое обеспечение: что мы приходим к этому не потому, что нас вынуждают экономические факторы, а потому, что у нас есть дальние замыслы?»

А.С. «Было абсолютно точно, просто я не готов объяснить сейчас, чем оно являлось».

Ремарка: «Иллюстрация того, что идеологическое обеспечение было – это то, сколько народу пострелялось в период введения НЭПа».

Вопрос на вопрос: «Красный бандитизм?»

Ответ: «Красный бандитизм – это когда те же самые рабочие и крестьяне нападают на Советы и тех же самых нэпманов чуть ли не с попытками свергнуть власть и обвинениями в контрреволюции. От подобного рода ярости можно начать стрелять не только в себя, но и в других».

А.С. «Листочко дает хорошее объяснение того, что попытка планировать все в натуральных показателях уже в 1918 году настолько усложнилась, что там прочесть-то все не так просто. С этой точки зрения следует рассматривать военный коммунизм как попытку рационального распределения уже имеющихся ресурсов, а не наращивания ресурсов. У нас есть некий объем ресурсов, и нам его нужно распределять до того времени, пока продлится Гражданская война. Объем ресурсов постепенно сокращается, и нам его нужно его распределять так, чтобы хватало тем, кто может продлить наше дальнейшее существование. Известно, что были различные нормы снабжения для тех работников, которые были полезны для продолжения войны, в первую очередь – это армия, во вторую – рабочие, в 3, 4, 5 – все остальные. Военный коммунизм, с этой точки зрения, свои задачи выполнил, несмотря на то, что объемы и нормы производства ухудшались, Советы выиграла войну, так как армию снабжать удавалось. Понятно, что долго так продолжаться не могло, так как военный коммунизм – в первую очередь, временная политика, а нужно было думать над политикой созидательной. Известно, что идеи введения НЭПа, замены продразверстки продналогом высказывались задолго до 1921 года, но Ленин тогда отвечал, что они преждевременны. Особенно за них ратовал Ларин, несмотря на то, что его считали потом каким-то «железобетонным». В 1921 году произошло сразу несколько событий – окончание Гражданской войны, крестьянские восстания сразу в нескольких областях, которые показали, что с политикой перераспределения наличных ресурсов пора завязывать и переходить к политике увеличения совокупного объема имеющихся ресурсов. Чуть раньше, в конце 20 года, произошло знаковое событие – был презентован план ГОЭЛРО, разработанный в нечеловеческие сроки в нечеловеческих условиях которые впервые дал более-менее связный ответ на то, что большевики намерены делать дальше. Здесь, наверное, надо сказать о личности основного разработчика – Глеб Максимилианович Кржижановский, уникальная личность в истории, соратник Ленина, один из основателей Союза борьбы рабочего класса, один из организаторов работы «Искры», сосед Ленина по сибирской ссылке, был директором электропередачи одной из иностранных фирм в Москве (не «Сименса», в «Сименсе» был Красин). Он так хитро отошел от революции, что, с одной стороны, знал, что там происходит, а с другой – поднабрался технических знаний и, когда красные пришли к власти, знания технической базы промышленности были подкинута именно ему. Он собрал инициативную группу, которая в краткие сроки составила план электрификации страны. Проблема в том, что проект никто не рассматривал изначально, как программу действий, он был один из многих, поэтому о его реализации никто всерьез не задумывался. Идея заключалась в том, что, поскольку Гражданской войной от нас отрезаны источники высококалорийного топлива, был потерян Донбасс, то нам необходимо

ориентироваться на источники местного сырья – в основном, это – торф, трава, упор делался на торф. Предполагалось создание единой энергосистемы, чтобы перекачивать по проводам энергию из одной части страны в другую. До создания единой энергосистемы предполагалось создание сети местных станций, работающих на том, что есть в данной области – гидро-, торф - рядом с основными промышленными районами с тем, чтобы линиями электропередач, концентрически расходящимися от этих станций, можно было покрыть эти районы, а в перспективе - расширить до создания единой системы.

Ремарка: «Такой аспект из области природных ресурсов– на энергоснабжении российских городов негативно сказалась потеря польского угля. С зимы 1914 года лесистость Подмосковья сократилась на 10%, попытки использовать торф с этим связаны, а Ленин проникся этой идеей, читая книжку Фукачева о том, как можно использовать ресурсы болот. Но и эта идея, видимо, не получила реализации до 1917 года».

А. С. «План ГОЭЛРО заслуживает тех эпитетов, которые ему давали в советское время – «старая программа партии», потому что это был первый комплексный созидательный план, что нам делать после того, как закончим войну. Было понятно, что с политикой перераспределения ресурсов между уровнями значимости мы далеко не уйдем, и, хотя связи между отменой политики военного коммунизма и планом ГОЭЛРО не проводят, мне кажется, что стоило бы это сделать. Как бы там ни было, разверстка, то есть политика, когда определяется необходимый минимум продовольственных товаров, а все остальное отбирается, в царское время - с денежной компенсации, во время военного коммунизма – нет денежной компенсации, была заменена политикой продуктового налога, когда отбирается фиксированная часть, а все, что крестьянину удалось вырастить свыше этой части, остается в его распоряжении. В связи с чем, очевидно, у крестьянина остаются некоторые излишки, которые он может «толкнуть» на рынке. Соответственно, для того, чтобы эти излишки можно было использовать, надо, чтобы эти излишки можно было кому-то продать. Соответственно, за одним указом следует создание рынков, восстановление товарно-денежных отношений. НЭП мыслился как средство «спасения», экстренной остановки дальнейшего развала промышленности, с этих позиций он свою роль сыграл. Действительно, со вводом НЭПа снабжение стало улучшаться, стали заново открываться разрушенные ранее предприятия, но практически сразу возник ряд противоречий, которые в дальнейшем привели к необходимости его сворачивания. Уже в 1923 году советская власть столкнулась с 1 из ряда кризисов НЭПа, известным как так называемые «ножницы цен». Вкратце, проблема заключалась в том, что за годы революции и Гражданской войны сельское хозяйство к 21 году давало 67% того, что оно давало в 18 году, а промышленность

сократилась, по-моему, раз в 7. Аналогичным образом, промышленность и восстанавливалась тяжелее: к тому времени, как сельское хозяйство давало продукцию, сопоставимую если не с 13 годом, то хотя бы с 17, промышленность по-прежнему лежала если не в руинах, то в состоянии, близком к ним, в связи с чем возник дисбаланс между объемом продукции сельского хозяйства и промышленности, то есть, «на пальцах» - если у нас в стране есть 100 хлебов и 100 топоров, то мы 1 хлеб продаем за 1 топор, а если у нас только 10 топоров и 100 хлебов, то 1 хлеб продаем за 0,1 топора. Крестьянам вся эта высокая механика была безразлична, они просто увидели, что до революции покупали плуг за 3 мешка зерна, а теперь – за 10 мешков, в связи с чем активно выражали свое недовольство. Правительство долго думало, что с этим делать: либо произвести резко больше промышленных продуктов, но не на чем, либо оставить все, как есть, но тогда крестьяне недовольны. Одновременно с этим происходит затоваривание складов. Либо директивно снизить цены. В 23 году было принято решение директивно снизить цены, то есть, промышленный продукт стали продавать ниже себестоимости. Кризиса удалось миновать, крестьяне получили вилы и косы, возник вопрос, что делать дальше. Вся политическая борьба 20-х годов и все известные события с отстрелом оппозиции связаны с 1 вопросом – что делать дальше. «На пальцах» вопрос объясняется очень просто. Нам надо поднимать промышленность. Как нам поднять промышленность? Нам нужны инвестиции. Откуда нам взять капитальные вложения? Вариант 1 – попросить из-за границы. Вариант 2 – попросить внутри страны. У кого просить внутри страны? Промышленности самой не хватает, значит, надо попросить у сельского хозяйства. Можно попросить у НЭПманов. Но тогда были законы, запрещающие частные капиталы инвестировать в промышленность, для того, чтобы НЭПманы не стали полноценными советскими капиталистами. Как просить у крестьян? Надо им предложить что-то полезное взамен. А предложить нечего. В середине 20-х партия билась над вопросом: где же взять средства на развитие промышленности. Там были дискуссии, связанные с вопросом первоначального социалистического накопления. Есть капиталистическое накопление, когда мы часть прибавочного продукта пускаем на дальнейшее развитие наших мощностей и на дополнительную рабочую силу. Есть первоначальное капиталистическое накопление, которое мы имели возможность наблюдать в 1990-е годы, когда мы грабим кого-то более успешного, чтобы иметь возможность «раскрутиться». Развитые капиталистические страны решили проблемы в 18-19 веке: англичане провели «огораживание» и создали колониальную империю, немцы пошли войной на французов и обложили их контрибуцией, но суть в том, что в основе первоначального накопления был отъем ресурсов без должной компенсации. Либо это был прямой, либо завуалированный грабеж. Когда стало понятно, что развивать

промышленность нечем, стала востребована идея первоначального социализма и решено было «пограбить» крестьян с тем, чтобы потом им это «награбленное» вернуть. Некоторые исследователи говорят, что после того, как Преображенского с этой идеей «запинали», Сталин ее все-таки использовал: вопрос был в степени. С официальной советской позиции, позиция троцкистов заключалась в том, что мы грабим крестьян настолько сурово, насколько это можно, развиваем промышленность, насколько возможно и надеемся на то, что мировая революция начнется раньше, чем наши крестьяне нас «съедят». Позиция Наркомфина была в том, чтобы договариваться с капиталистами, чтобы они вкладывали средства, и начинать честную игру. Были концессии, была попытка договориться. На Генуэзской конференции договорились с немцами. Первая попытка договориться была в Локарно, но партнеры по переговорам потребовали вначале выплатить царские займы. На Генуэзской конференции удалось ограниченно договориться с немцами, потому что с ними никто не хотел дружить после 1 мировой. Частично по политическим причинам, частично потому, что концессии себя не оправдали, стало понятно, что капиталисты развивать советскую промышленность желанием не горят. Но даже после этого понадобилось еще 2 кризиса НЭПа, чтобы стало окончательно понятно, что рыночными методами ничего не получится – кризисы 25 и 27 годов.

25 год – был составлен экспортно-импортный план: предполагалось вывезти н-ное количество зерна и закупить н-ное количество станков, но то ли план оказался завышенным, то ли не учли настроения крестьянства, но летом, когда было необходимо производить выплаты, выяснилось, что крестьянство по ценам, указанным в плане, продавать не желало. Сначала стали повышать цены на хлеб: боялись, что сорвутся поставки из-за границы. Оценили расчет, на 26 год составили умеренный план развития индустрии, план закупок. 26 год прошел спокойно. 27 год – обострение внешнеполитической ситуации, разрыв отношений с Англией, резня коммунистов в Китае. На волне угрозы войны население решило запастись всем, чем только можно, в связи с чем, тот запас товаров, который правительство планировало пустить на закупки хлеба, был сметен гораздо быстрее, чем планировалось: в итоге план хлебозаготовок стал проваливаться, значит, проваливается план закупок станков из-за границы, проваливается план индустриализации. Что делать, если нечего предложить крестьянам, а те не понимают, что в будущем все вернется? Было принято решение возродить административные меры, опубликована информация о том, что имеющееся постановление «О спекуляции» применяется недостаточно активно и надо бы тех крестьян, которые злостно пользуются положением правительства и не желают продавать хлеб «по-человечески», по данной статье привлекать. Как раз в 27 году стало понятно, что на НЭПе провести ускоренную индустриализацию не удастся.

Вопрос: «В советское время, в попытках придать НЭПу законность, говорилось, что тяжелая и легкая промышленность восстановились на столько-то процентов, то есть, перечислялись отрасли промышленности, которые удалось восстановить во время НЭПа. После развала СССР появилась другая статистика: НЭП никоим образом проблему не решил, и, наоборот, даже легкая промышленность оставалась на уровне 1913 года, никакая отрасль промышленности не восстановилась. Насколько это верно?»

А.С. «Все, что я могу сделать – процитировать те же самые источники, есть книжка 1993 года»

Ремарка: «Я, как человек, который учил советскую историю в школе и изучал историю партии в институте и это очень хорошо помню, должен сказать, что НЭП характеризовался всегда отрицательно, именно с точки зрения развития производства. Показывалось, что рыночная экономика тормозила восстановление производства, что НЭП был чисто политическим нововведением и что, как только обстоятельства позволили, партия от НЭПа отошла. Данные публиковались до развала СССР, но оценки эмоционально были отрицательными».

А.С. (цитирует книгу): «Объем национального дохода дореволюционной России в ценах 28 года составлял 30-31 млрд рублей. Национальный доход СССР в 28-м году составил 26, 4 млрд рублей. Таким образом, национальный доход оказался на 12-15 процентов ниже уровня 2013 года. А душевое его производство, с учетом роста населения на 5%, уменьшилось на 17-20%. Источник – Вайнштейн А., Национальный доход СССР, Москва, 1989 год.

Ремарка: «По сельскому хозяйству в книге Данилова утверждается, что в доколхозной советской деревне к 1928 году сельское хозяйство, в целом, восстановилось, поскольку оно было мелкотоварным, оно и легче восстанавливалось, крестьяне получили представление об основных формах кооперации. 75% хлебозаготовок находилось в руках богатейших семей.

А.С. «Это – крайне тяжелая тема, поскольку она является идеологической, политической, но не исторической. Исторической она станет, дай Бог, лет через 200. Тем не менее, у меня есть оценки Станислава Густавича Струмилина, которым, думаю, можно доверять: он был очевидцем и во многом определял дальнейшее развитие: 1 или 0 пятилетка была составлена под руководством Струмилина, а уже 2, которую мы знаем, как 1 – под руководством Кржижановского. Струмилинин пишет, что весь рост производственных фондов от 24 до 27 годов можно оценить в размере не 30, а только 13%, объем

производственных фондов сельского хозяйства остался на дореволюционном уровне, так как поголовье скота в 28 году не достигло уровня 13 года.

Уточненные цифры национального дохода позволили по-новому определить динамику производительности труда: занятость в материальном производстве выросла на 11%, в таком случае, годовая производительность труда снизилась на 23% по сравнению с 13 годом. Это 1928 год. Есть оценки, связанные с тем, что НЭП позволил отойти от края голодной смерти, но ряд кризисов показал, что, опираясь на рыночные методы взаимодействия с единоличным крестьянством ускоренное восстановление промышленности нам явно не грозит. В 27 году уже практически «свернута» пятилетка Струмилина, основывавшаяся на постулате сохранения НЭПа, была отвергнута, я так понимаю, о ней до сих пор никто особо не знает, во-вторых, на фоне внутри- и внешнеэкономических событий были приняты директивы партии для формирования следующего 5-летнего плана, в которых были 2 основных мысли – 1 – наличие военной угрозы, 2 – первоочередной развитие производств, которые повысят отдачу от сельского хозяйства – химия/удобрения и сельскохозяйственное машиностроение.

Ремарка: «Допускается ли экономический фон, что процессы в городе и деревне шли в противоположных направлениях: если в городе буржуазная собственность уничтожалась, то в деревне она создавалась, и пока до 28 года деревня не была достаточно пролетаризирована для того, чтоб понимать необходимость коллективного хозяйствования, когда все получились «соседями по горшку», многие думали, что через несколько лет станут кулаками. И пока эта идея не «расшибла себе морду» к 28 году, никуда не могла сдвинуться?»

А.С.: «Я об этом не говорил, что идея: «землю – крестьянам – это не наша мысль, мы основываемся на крестьянских наказах – эти идеи Ленина общеизвестны. Я не говорил о кооперации, потому что это – вещи, которые проходят в школьных учебниках истории. Возвращаясь к 17 году, мы дали землю крестьянам, каждый получил свой кусок, за счет этого мы выиграли политически, но непонятно, что с этим делать дальше. Понятно, что к фермерам они не готовы, к колхозам не готовы, надо приучать к коллективным действиям. Кооперация мыслилась как промежуточный вариант, за счет чего ее называли «путем к социализму», государство предлагает товары промышленности, взаимодействуя не с каждым крестьянином в отдельности, а с группами крестьян. Точно так же, крестьяне, желая с нам взаимодействовать, работают не с каждым торговцем в отдельности, а с представителями государственной торговой сети. Это – потребительская кооперация, была еще производственная кооперации. По большому счету, колхоз представляет из себя форму

производственной кооперации, когда с 1 стороны- контракт на поставку определенного объема продукции, а с другой – обязательства поставить сельхозтехнику на условиях аренды, чтобы можно было этот объем произвести. В принципе, с экономической точки зрения, колхоз – форма коллективной собственности».

Ремарка: «С точки зрения жизни интеллигенции – при НЭПе и в начале индустриализации, сейчас есть такой сайт «Социальная история науки», где публикуются жалобы на то, что тоталитаризм осуществлял идеологическое давление на ученых, происходит это с начала индустриализации. Что касается экономического аспекта, снаряжения экспедиций – во время НЭПа ученый жить на зарплату не мог. Ситуация очень напоминала нынешнюю. Работать надо было на 2-3 работах, преподавать во всякого рода практических техникумах, которых тогда наоткрывали кучу, это какие-то деньги давало. С началом индустриализации можно было жить, работая на 1 месте, пусть плохо, в том числе потому, что были карточки, одновременно резко увеличились вложения в обеспечение науки, скажем вот, если посмотреть коллекции Зоомузея, чуть ли не половина коллекций птиц собрана с 29 по 34 год, начались экспедиции по добыче ресурсов страны, вот такая забавная диалектика».

Ремарка 2: «Диалектика не совсем забавная относительно того, что происходило в эти годы: интеллигенция выдвигается в буржуазию, буржуазия использует интеллигенцию как идеологический «таран» для борьбы с феодалами и попами. Как только буржуазия «сходит с исторической сцены», интеллигенция резко становится такой же «реакционной пробкой», как до нее эти попы».

Ремарка 3: «Согласно теории Грамши, своих интеллектуалов выдвигает любой борющийся класс, пролетарии в том числе».

А.С.: «Давайте вернемся в 27 год. Окончательно оформилось несколько принципов планирования, которые были основополагающими вплоть до 50-х годов 20 века. Ведущим мне кажется принцип директивности – любой план формировался на основе директив партии. Директивы по 5-летнему плану докладывались на каждом съезде, их можно найти и в настоящее время. На практике это вело к тому, что планы были целевыми. Еще в 20-е годы велась дискуссия между «генетиками» и «телеологами». Телеология обозначает целеполагание. Условно говоря, группа «генетиков» в Госплане и ВСНХ предлагала отталкиваться от текущей ситуации и строить планы, исходя из условий, которые мы наблюдали в реальной жизни, а группа «телеологов» говорила, что учет реальных условий необходим, пока он не начинает довлеть над тем, чего мы вообще хотим по жизни.

Несмотря на то, что эти позиции сложно разделить, «кто за кого», когда дискуссия из научной плоскости перешла в политическую, основные «генетики» были объявлены вредителями, и административным порядком телеология победила. 5-летний план всегда мыслился как промежуточная ступень к генеральному плану. Все руководители во всех уклонах говорили, что страна должна развиваться по единому плану, попытки составить генеральный план предпринимались на протяжении всего существования СССР, но по разным причинам потерпели неудачу. 1-вые попытки создания генерального плана предпринимались в конце 20-х, но, как завершённую программу, имеющую силу закона – до этого не дошло, я единственно видел книжку Сапсовича по генеральному плану. Думаю, что основной момент связан с тем, что Сапсович едва не на 1 странице говорит, что все его проектировки исходили из 2 предпосылок- отсутствия мировой революции и отсутствия мировой войны. Поскольку в 1-вые пятилетки начальные планы приходилось корректировать в сторону увеличения вложений в промышленность, которая в будущем может завалить страну вооружением, о генеральном плане в ту пору не говорилось. Есть данные о том, что после войны над генеральным планом работал директор Госплана Вознесенский. Но, поскольку в ходе борьбы ряда группировок, его жизнь завершилась насильственным образом, работу завершить он не успел. Я не знаю, велись ли работы над генеральным планом в 50-е годы, но, уже начиная с середины 60-х, работы видоизменились в создание комплексных программ, из которых самая «комплексная из комплексных» - программа развития научно-технического прогресса СССР. Мне известно о существовании 3 этих программ, вполне возможно, их было больше, раскопки продолжаются. Комплексная программа, принятая в 70-е годы на период развития до 2000 года, принятая в 83 на период до 2005 года, комплексная программа, принятая в 87-88 на период до 2010 года. Проблема заключалась в том, что эти комплексные программы на ту пору не могли перебить 5-летние планы и были материалом для информации к размышлению. Несмотря на то, что генеральным планам не везло, я считаю, что методологию, которую я позаимствовал из книжки Сапсовича, вполне можно вам доложить, как, в общем-то, методологию, которой пользовались в ранних 5-летних планах. Отталкивалась она от темпов роста тех отраслей промышленности, которые мы называем «основными» и «главными» - «принцип ведущего звена». Сначала мы усилием воли представляем, что нужно нам для счастья через 5 лет. Далее, мы смотрим, что имеем сейчас, высчитываем темп роста, который нам необходим, чтобы достигнуть той планки, которую мы сами себе поставили. Далее, мы прикидываем рост фонда отдачи. У нас есть необходимый нам рост объема выпуска и прикидки по тому, насколько мы можем увеличить основной капитал. Если мы основной капитал можем увеличить в меньших объемах, то разницу мы закладываем как рост фонда отдачи,

одновременно прикидываем, насколько она реальна. У нас есть предприятие, которое стоит 5 млн, выпускает 100 топоров в год. Через 5 лет мы хотим иметь 200 топоров в год, но у нас нет 5 млн, чтоб построить 2 такую же фабрику. Что мы делаем? У нас есть наличные – 4 млн. Построим фабрику меньшей мощности, но за счет энтузиазма рабочего класса, техники, рационализации, мы спроектируем так, что фабрика, рассчитанная на выпуск 80 топоров, будет выпускать 100 топоров. Таким образом, с меньшими капиталовложениями мы добьемся успеха. После того, как мы запланировали рост фонда отдачи, мы определяем плановый фонд, как соотношение будущего объема выпуска и фонда отдачи, из чего определяется объем капиталовложений: зная, сколько нам надо основных фондов, чтоб выполнить план, мы можем прикинуть, сколько нам надо денег, чтобы на них купить оборудование, стройматериалы, дать зарплату строителям, чтобы они нам это счастье построили. Также везде дается скидка на энтузиазм рабочего класса: объем капиталовложение мы планируем с учетом повышения эффективности строительства. Точно так же мы закладываем усилием воли рост производительности труда. Зная плановый рост производительности труда, мы можем прикинуть, сколько нам нужно рабочих. Зная, сколько у нас будет рабочих, мы можем запланировать, сколько им нужно заплатить денег, и сколько нам нужно будет произвести потребительских товаров, чтобы рабочие на эти деньги могли себе приобрести нечто полезное. Таким образом, у нас определяется план ширпотреба, как план, необходимый для того, чтобы отоварить зарплату рабочих. Далее планируется снижение себестоимости, улучшение материалов, снижения цен. Снижение цен планируется в объемах меньших, чем снижение себестоимости. Себестоимость условного топора снизится до 8 рублей, а цена – до 9 рублей, в связи с чем образуется рубль дополнительной выгоды – социалистическое накопление. Этот рубль мы пускаем на то, чтобы построить еще больше заводов и завалить население топорами до наступления изобилия. Если все установки работают, то на выходе мы имеем всеобщее счастье. Снижение цен позволяет обеспечить лояльность работяг, снижение себестоимости снимает вопрос дополнительных трат. На выходе у нас есть деньги, которые можно вложить в следующий виток, довольные работяги, сумевшие отоварить свою зарплату и новый объем выпуска на основе использования более совершенной техники.

Ремарка: «Причем «на длинной дистанции» мы строим новые производства именно те, которые нужны людям, а не те, которые приносят максимальную прибыль».

А.С.: «Очевидно. Если вы заметили, здесь о слове прибыль нет речи, здесь речь идет о социалистическом накоплении, которое образуется как разница между снижением себестоимости и снижением отпускных цен. На следующем витке часть средств мы тратим

на здравоохранение, культуру, жилищное строительство, а часть направляем в промышленность, чтоб построить следующий виток. Слабым местом является «усилие воли». Если усилием воли можно запланировать темпы роста выпуска, то со следующими пунктами могут возникать проблемы. Честно говоря, по результатам 1 пятилетки так и получилось. Не говоря о том, что в начале пятилетки планы были пересмотрены в сторону увеличения выпуска вооружений, а выпуск военной продукции – для экономики чистый минус, зарплаты рабочим оборонного комплекса все равно платить придется, а ничего такого, что можно продать, они не производят.

Ремарка: «Возражаю. Военное производство является той областью, которая стимулирует научно-технический прогресс. Тракторное строение никуда бы не двинулось, если бы его не стимулировало танкостроение».

А.С.: «Вы знаете, я соглашусь с Вами в том, что это касается научно-технического прогресса, но об этом можно говорить с конца 40-х. Если речь о 1 пятилетке, то тракторное строение представляет собой «обратный инжиниринг»: первый трактор «Путеловец» был собран с «Фарцзола».

По большей части показателей 1 пятилетка оказалась не выполнена. Она оказалась перевыполнена по общему объему выпуска крупной промышленности, по машиностроению, если мы берем в деньгах, невыполнена по всем остальным статьям. Выяснилось, что на стройках работало гораздо больше людей, чем закладывалось в план. Полетел к черту план по себестоимости и план снабжения товарами. В ход пошли добровольно-принудительные методы отъема средств у населения, типа займов, когда людей агитируют положить деньги на книжку или купить гособлигации. Власть отдавала себе отчет в своих действиях, потому что уже 2 пятилетка была спланирована с учетом превышения группы Б над группой А. Производство средств производства – группа А в промышленности, также вооружения, а производство ширпотреба – группа Б. В начале 50-х этот баланс был оформлен в виде закона с преимуществом группы А, но, на мой взгляд, никакого закона нет, есть текущая политика, каждый раз мы делаем выбор: мы можем произвести сейчас некоторое количество рубашек, а можем – станок, который даст нам много рубашек. Каждый раз – это оценка того, на что мы можем пойти без особых политических последствий.

Ремарка: «Изучение работ ряда экономистов ГМК показывает, что производство средств производства растет более быстрыми темпами, чем производство ширпотреба, это

«железно» обосновывалось в книгах до 50-х годов. А выведение этого закона обосновывалось тем, наблюдая за ГМК, выявилась определенная совместимость?»

А.С.: «Это соотношение я законом не считаю, вне зависимости от того, говорим мы о ГМК или советской индустриализации: это – темпы роста производства. Каждый раз у нас есть определенное количество ресурсов и выбор, как их использовать. Если это – бюджет семьи, то мы можем все потратить, или начать свой бизнес, или положить деньги в банк. Если это – бюджет страны, мы можем национальный доход пустить на вещи, которые сейчас принесут радость людям, но тогда у нас в будущем не останется ничего на то, чтоб получить этого национального дохода больше. По результатам последнего года мы сейчас имеем в России нулевой рост промышленного производства. Это значит, что каждый год мы производим столько же, сколько производили в прошлом году. 2 пятилетка была спроектирована с превалированием группы Б, с тем, чтобы ростом производства ширпотреба компенсировать людям тяготы первых 5 лет ускоренной индустриализации. Но план по 2 пятилетке был пересмотрен в связи с событиями в Европе, провокациями японцев, соображениями советского руководства. Непосредственно процесс индустриализации представляете по учебникам истории: наступление на кулака, бегство кулаков из деревни, много низкоквалифицированной рабочей силы, можем строить, не оглядываясь на то, как сходятся балансы, надеясь на то, что мы отстроим раньше, чем нам аукнется – политика «пан или пропал». В 1958 году китайцы решили механически повторить – начался большой скачок. Но у нас выгорело, а у них нет.

Вопрос: «На политику индустриализации оказала большое влияние Великая депрессия? Есть данные, что цена на экспорт падала быстрее, чем цена на высокотоварную продукцию».

А.С.: «У Великой депрессии было двоякое влияние: сократились цены на сельхозпродукцию, таким образом, чтобы купить те машины, которые нужны, нам понадобилось продать больше зерна, чем мы рассчитывали. Это сыграло роль в голоде начала 30-х, наряду с рядом просчетов в проведении коллективизации. Одновременно Великая депрессия привела к готовности капиталистов продать нам те технологии, которые ранее не хотели продавать. Основные стройки 5-летки строились с участием иностранцев, в частности, американцев. Китайцы нас скопировали, но уже в 80-х. Предполагалось, что все турбины ДнепроГЭСа мы везем из-за границы, по факту, наши там разобрали первую турбину по винтикам, часть турбин была «буржуйских», а часть – наших, в общем-то, Великая депрессия сыграла роль в том, что когда наши «драли» все технологии, которые могли, капиталисты на это не очень ругались.

Вопрос: «Помимо продаж технологий, от 1 трети до половины объема высокотехнологичной продукции, которая продавалась в 30-е годы, шло в СССР (импорт)».

А.С. : «Я не знаю, как сводить плюсы и минусы вывоза продовольствия и ввоза станков»...

Ремарка: «Уже во 2 половине 30-х годов вывоз нефти давал больше, чем вывоз продовольствия».

А.С.: «Понятно, что это была вынужденная мера. Некоторые исследования говорят о том, что статья Сталина «Головокружение от успехов», призывавшая приостановить темпы коллективизации, связана была с тем, что темпы ввода Сталинградского тракторного завода срывались. Понятно, что колхоз эффективен при наличии современной техники. При ее отсутствии это – фактор раздражения для крестьян, которые в форме протеста перерезали тягловый скот. По плану коллективизация должна была проходить одновременно с вводом тракторных заводов с целью демонстрации крестьянам новой техники и решения на следующий год продовольственной проблемы. По факту, не получилось: задержки строительства, просчеты рабочих и плановиков, бывало, что строить начинали до утверждения смет, только в 1934 вышел закон о запрете начала строительства до введения смет. Многие крупные стройки были переделаны (Сталинградский, Кузнецкий заводы). После статьи Сталина коллективизация была приостановлена и возобновлена с момента ввода СТЗ.

Несмотря на отсутствие генерального плана или аналогичного ему закона, 1 и 2 пятилетки следует рассматривать вместе. 1 пятилетка – земляных работ и строительства, а 2 – пятилетка монтажа оборудования и его освоения. Если мы смотрим на показатели 1 пятилетки без 2, мы можем получить превратную картину, потому что в 1 пятилетку мы вложились, а во 2 стали получать отдачу: без учета 2 пятилетки 1 выглядит минусом, потому что вложили много, а толк не видел. «Либо мы успеем завалить страну промышленными товарами, либо не успеем». В итоге, успели.

Лекция 2. «Механика первых пятилеток».

А.С.: «В прошлый раз речь шла о спорах между генетиками и телеологами. Генетики были разгромлены сначала идейно, а потом административно, сформировалась система, сохранившаяся до реформ Косыгина, а, может, и дальше. Предполагалось, что у нас есть 3-звенная система – генеральный план, пятилетний план и годовой план, причем генеральный план является планом структурной перестройки экономики и задает нам контуры того, что мы хотим получить на выходе. Пятилетний план, в основном, является планом некапитальных вложений. Горизонт «пять лет»

выбран, прежде всего, чтобы элиминировать «скачки урожайности», которые случаются раз в несколько лет, и потому, что за 5 лет большинство объектов можно уже построить. Мы отмечаем, что всякие там ГЭСы потом строились лет 15, но тогда система формировалась, за затягивание сроков строительства карали. Годовой план был планом эксплуатации, учитывал анализ того, что уже успели построить, в нем учитывались разные балансы – в основном, это были балансы материальных ресурсов, а также спроса-предложения, чтобы у нас не возникало прорывов возможности у людей купить что-то на честно заработанные деньги. Другое дело, что прорывы все равно периодически случались, но на уровне системы с ними предполагалось бороться. В прошлый раз я озвучивал общих чертах методологию, которую пытались использовать при построении генерального плана, который так и не был сверстан как директивный документ, потому что первый генеральный план – это план ГОЭЛРО, в котором центральным звеном была электрификация, с помощью которой вся промышленность переводилась на новую техническую базу. И, как и в дальнейшем, использовался принцип ведущего звена, которую мы считаем главной в настоящее время, мы прикидываем, что хотим получить в будущем, сколько этой отрасли нужно стройматериалов, рабочих и сырья, смотрим, что у нас есть в наличии, прикидываем, что нам нужно, чтоб это все получилось, и так у нас эти плановые проектировки расплзаются по всей экономике. Когда мы понимаем, сколько нам чего нужно построить по всем отраслям, чтобы главная отрасль получила все, что ей нужно, мы смотрим, во сколько нам обойдется – в людях, сколько придется выплатить зарплаты, сколько произвести товаров ширпотреба для избежания дефицита. Эта методология критиковалась за большую примитивность в сравнении с пятилетними планами за то, как я понял, что ее автор Сапсович оперировал крупными блоками, такими, как промышленность в целом, транспорт в целом, в общем-то не давал никаких технических обоснований того, чем он руководствовался, закладывая те темпы роста, которые он закладывал. И в плане ГОЭЛРО, и в 5-летних большое внимание уделяли техническим, технологическим, организационным мероприятиям, которые в будущем помогут нам обеспечить то, что мы сами закладываем: в первую очередь, это направления развития техники по отраслям хозяйства: то есть, планы предполагали, что на моменте предплановых разработок мы со всех наркоматов, со всех отраслевых ведомств соберем информацию о том, какие есть технические возможности повышения производительности, снижения себестоимости, мы моделируем образцы зарубежной техники, думая, что оттуда можно себе «перетащить», и на основании этого у нас эти проектировки роста ведущих отраслей не повисают в воздухе, а опираются на возможности техники, которые уже достигнуты или будут достигнуты в ближайшем будущем. 2 пункт – разверстка плана по району. В 20-е годы началось формирование школы экономической географии – районной экономической школы, которая как раз ориентировалась на то, что на основании комплекса природно-климатических условий страна делилась на экономические районы, внутри которых формировался комплекс взаимосвязанных предприятий, которые по цепочке эксплуатировали преимущества районов. Если в Сибири есть Ангарские пороги или место, где у Енисея русло становится более узким, там можно построить ГЭС, если рядом есть бокситы, можно построить алюминиевый завод, который будет использовать

местную руду и местную энергию и можно прицепить еще кучу всяких производств, которые будут использовать местный алюминий и так далее. Соответственно говоря, потом это дело синтезировалось – определялись типы и формы экономических отраслей и их раскидка по районам. (КАРТЫ). В 1 пятилетку ключевыми отраслями были выбраны те отрасли, которые в предыдущий период реконструкции начали лимитировать дальнейшее развитие народного хозяйства – ТЭК, металлургия и машиностроение. Основные проблемы были с топливом и с металлом, потому что если будут топливо и металл, то будет все остальное. По тому принципу ведущего звена, которые я озвучил, были созданы через систему балансов прикидки по строительству и по транспорту, затем – по сельскому хозяйству, чтобы понять, сколько нам будет нужно, чтобы рабочих накормить.

Следующий этап – планирование сферы обращения и финансов, то есть торговли, кредита и государственного бюджета. Также планирование темпов роста рабочей силы, которая связана частично со строительством, а частично – с планами сельского хозяйства. В системе балансов использовались, в основном, балансы натуральные – это баланс энергии, топлива, естественных ресурсов, хлеба, фуража, технических культур. Точно так же примерно с 29 года в планы стали включаться проектировки по росту производительности труда, снижению себестоимости и росту объемов строительства – капиталоемкости. Условно говоря, если в настоящее время нужно построить цех на 100 единиц продукции, нужно затратить 100 рублей, то в Госплане мы закладываем под это дело 90 рублей. Когда к нам приходят местные власти и говорят: «Вы нам дали мало денег, мы это не построим», - мы им отвечаем: «У вас большие издержки строительства, повышайте организацию труда и справляйтесь за 90 рублей, которые мы вам даем. Контрольные цифры народного хозяйства на 29-30-е годы, такой план, как закон, состоял из 5 частей. Первая часть – это строительная программа года. Как я говорил, 5-летка – это, в основном, план капитальных вложений, соответственно, в строительной программе вместе с общим объемом строительства дается анализ состояния проектного дела, балансы материального обеспечения капитальных вложений, обосновываются задания по снижению себестоимости, конкретизируются особенности плана по строительству в отдельных отраслях. Вторая часть – производственная программа. После того, как мы что-то начнем строить, мы прикидываем, что из того, что мы уже построили, можно задействовать. Производственная программа охватывает конкретные задания по росту объемов и улучшению качественных показателей в разрезе отдельных отраслей промышленности, сельского и водного хозяйства. 3-я часть – социальная программа. Когда мы закончили с промышленностью, нужно подумать, как обеспечить это дело людьми и сделать так, чтобы они у нас не разбежались. Подразделы включали народный доход, социальные сектора и процессы обобществления, включая нелюбимый многими план коллективизации сельского хозяйства, программу кооперации, расчеты по себестоимости и ценам и по товарообороту в целом, расчеты балансов труда и план культурного строительства, с тем, чтобы повышать условия жизни людей. 4-я часть плана – районный и республиканский отдел, в котором предыдущие части раскидывались по территориям. 5-я часть была заключительными сводными таблицами, в которых все предыдущие сведения сводились в более сжатую, сухую форму. Насколько я понимаю, этот

принцип организации планирования сохранялся на протяжении всего периода индустриализации, вполне возможно, на более длительный период времени, но до этого момента я рассказывал конспект предыдущей лекции, плюс дополнительные вещи, которые я сам узнал за последние 2,5 месяца. Непосредственно сегодня я бы хотел поговорить об организационных мероприятиях, которые обеспечили выполнение плана, потому что основная «битва» между генетиками и телеологами как раз сводилась к тому, что «запланировать вы можете, что угодно, но с чего вы взяли, что это будет выполняться», поэтому организационные мероприятия кажутся мне вещью, на которой стоило бы остановиться подробнее, потому что многие из них, как мне кажется, были незаслуженно забыты.

Ремарка: «Господствует идея, что большевики все сделали «пинками».

А.С.: «Да. Но в отношении «забывания» организационных мероприятий огромную роль сыграли и сами большевики, потому что я тут читал огромную книжку «Развитие советской экономики» 40-го года выпуска, которая занимает 600 страниц текста, которая написана своеобразным стилем: сначала мы пишем все, как было, а потом все неудачи и минусы из текста выкидываем. Остается «движение от успеха к успеху», поэтому картину, для чего нужны те или иные мероприятия, понять невозможно, поэтому, если так все было хорошо, зачем было что-то менять, чтоб опять все было хорошо, а потом опять что-то менять, чтобы снова все было хорошо, но она дает упор на мероприятия, собственно, к ним и переходим».

Что обеспечило выполнение этой грандиозной программы индустриализации? 1-вое – заимствование иностранных образцов, отправление советских специалистов на запад для изучения иностранного опыта, привлечение иностранных специалистов к проектированию «гигантов пятилетки», в ряде случаев – их строительству. В частности, книга воспоминаний Джона Скотта – это такой пример низовой, хотя понятно, что с советской стороны старались привлекать, в основном, инженеров и крупных руководителей, но, если простые работяги ехали, то от их помощи тоже не отказывались. Второе – это комплексная механизация и электрификация, план пятилетки был связан с переводом всего народного хозяйства на новую технику, это – основная идея еще плана ГОЭЛРО, но, поскольку в период НЭПа капитальные вложения, в основном, шли на ремонт того, что уже было, то вот эта техническая реконструкция расширенная началась с принятием 1 пятилетнего плана. Комплекс мероприятий, связанных со стандартизацией, специализацией, сокращением ассортимента. Понятно, что если у нас есть многопрофильный завод, он будет работать хуже, чем множество узкопрофильных, потому что, чем более узкая специализация на производстве, тем дешевле будет обходиться 1 деталь. На пути развития стандартизации и специализации возникли всякие организационные трудности, связанные с тем, что, во-первых, не очень хорошо работал транспорт, во-вторых, не всегда удавалось наладить взаимодействие между наркоматами и главками одного наркомата, в связи с чем, избегая поставок от смежников, предприятия пытались нарастить у себя все вспомогательные производства для того, чтобы от смежников меньше зависеть. Предприятиям от этого было спокойнее – они знали, что по чужой

вине не сорвут план, а в масштабах народного хозяйства это оборачивалось падением эффективности, с этой «болезнью» боролись в течение всего периода существования СССР, в особенности, я знаю, сильно она обострилась в 70-е годы, потому что тогда, за счет внимания советского руководства к различным отраслям хозяйства, в общем-то, разрывы между различными отраслями стали технологическими, качественными. Если в 30-е годы была боязнь, что какие-нибудь насосы не дойдут вовремя, то в 70-е – что дойдут, но они будут настолько некачественные, что проще сделать самому. В связи с чем цель сокращения ассортимента, специализации, стандартизации была заявлена, но ее воплощение было связано с определенными трудностями. Следующий пункт был связан с увеличением времени работы оборудования, поскольку в ту пору рабочих рук было много, а современной техники было мало и закупалась она за валюту, руководство решило – чего это техника будет по ночам простаивать? В связи с чем была введена посменная работа – техника работает круглосуточно, просто приходят новые рабочие. По первости, возникли проблемы: если рабочие потоком приходят и уходят, сложно выяснить, по чьей вине сломалась техника, если она все-таки сломалась, потому что такой подход, когда множество работников работает на 1 станке по очереди приводит к тому, что при поломке каждый кивает на соседа. В связи с чем возникла «обезличка», с которой стали бороться: формировались 4-х звенные бригады, когда за конкретным станком закреплялось либо 4 работника, либо, если это большой кусок цеха – 4 бригады, чтобы там все контролировали, и, если следующая бригада приходит, а предыдущая там все переломала, можно было быстро вычислить, кто это сделал, а виновных покарать.

Ремарка: «И было введение системы дежурств».

А. С.: «Я не знаю насчет системы дежурств, но если раньше работник, когда приходил, становился к 1 попавшемуся станку, то, чтобы потом можно было вычислять, кто на этом станке работал раньше и не привел его в порядок перед следующей сменой, закрепили определенных людей. Это – организационное мероприятие, направленное на обеспечение непрерывной сменности. К сожалению, это – штука одноразовая. То есть, можно один раз перевести технику на непрерывный режим работы, а в следующую пятилетку на такой же режим работы перевести не получится. Везде абсолютно старались внедрять режим экономии, рационализации и социалистическое соревнование. Надо понимать, что товарищ Стаханов сделал свои сколько там – 10? 12? 15 норм не просто так. Это невозможно сделать, если ты будешь просто очень здоровым мужиком. Если ты просто очень хорошо налегать на отбойный молоток, но при этом ничего другого не придумаешь хитрого, ты сможешь там ну в 2 раза эту норму перевыполнить, ну в 3, но после ты все равно упадешь. Поэтому сейчас, когда говорят о стахановском движении, в первую очередь напирают на то, что люди по идеологическим причинам «впахивали», но забывают о том, что любой крупный эффект был получен не из-за того, что люди впахивают, так как силы человеческого организма ограничены, а за счет того, что стахановцы придумывали некоторые рационализаторские предложения, позволявшие резко увеличивать выработку, после чего их честно награждали, а их идеи внедряли по всей промышленности. Тот же самый Стаханов добился результатов не потому,

что был большим здоровым мужиком, а потому что договорился со своей бригадой, что он только рубит уголь, а остальные крепят потолок, уголь привозят-отвозят, следят за тем, чтобы молоток в порядке был. Сначала подготовлены условия работы, чтобы человек ни на что не отвлекался, а затем человек идет на рекорд. Все крупные рекорды были поставлены за счет того, что люди хотели что-то усовершенствовать, выдвигали какое-то рацпредложение, получали почет и уважение, а их рацпредложение внедрялось по всей отрасли.

На начальном этапе режим экономии соблюдать не удавалось, поскольку, когда пришло большое количество необученной рабочей силы из деревни, и заводы только строились, наблюдалось повышение себестоимости, но продолжалось всего 3 года, по-моему, с 30 по 1932 годы, а с 33 уже началось снижение себестоимости и далее шло постоянно. В целом, можно говорить о том, что в индустриализации было 2 периода.

Ремарка: «Как раз при объяснении советской экономики ее носителям надо было касаться просчетов и трудностей: вот что вам надлежит преодолеть. А где-то с середины 60-х годов «МосЭнерго» даже на внутренних совещаниях стали это «как бы не обсуждать».

А.С. : «Что касается 30-х годов – про «просчеты и трудности» активно писали в газетах, говорили на всяких съездах достаточно откровенно, но в результирующий документ, которым я пока считаю монографию «Развитие советской экономики» 1940-го года – они там есть, но где-то на границе сознания. И много политики из серии объяснения просчетов и трудностей «происками вредителей».

Ремарка: «В газете «Московский кабельщик», которую я читал на работе у отца, про просчеты и проблемы с изобретением рационализации перестали писать где-то в конце 70-х годов.

А.С.: «Следующим пунктом, связанным с предыдущим, были мероприятия экономии, связанные не с поддержкой изобретательства, а, в общем-то, заинтересованностью конечных работников. К ним можно отнести встречные планы, потом хозрасчетные цеха и хозрасчетные бригады. Что такое встречный план? Если совсем грубо – сначала формируется план на уровне Госплана, что там отрасли должны отдать в следующем году на 20% больше стали, потом доводится до соответствующего наркомата, наркомат его раскидывает по предприятиям, предприятие получает свой кусок, где написано, что в следующем году надо на 50 тонн стали больше. Потом предприятие доводит дело до всех работников, чтобы каждый знал, сколько ему нужно. Работники собираются, возможно, у них есть какие-то внутренние резервы, например, они вчера в журнале прочитали о зарубежном новшестве, закупив которое они смогут дать еще больше, но, поскольку журнал вышел только вчера, плановики наверху не успели подсуетиться – и они дают встречный план. Такие сумасшедшие люди, которые выходят сначала на своего директора, потом директор – на местную плановую комиссию, та уже – на общесоюзную, и говорят: «Дайте нам те же самые ресурсы, мы из такого же количества руды выплавим больше чугуна, чем должны были». А для того, чтобы дело не было на чистом энтузиазме, помимо внедрения хозрасчета на средства

объединений, он внедрялся и на уровне цехов, и, опционально – вплоть до уровня бригад, то есть в чем смысл хозяйственного расчета? Первоначально мыслился исключительно как сметность, потому что в период военного коммунизма предприятия были введены на сметный режим работы, то есть они составляли смету, сколько им нужно, им давали денег из госбюджета, когда деньги фактически кончились, то это все дело стало составляться в натуральных показателях. Все излишки, которые у них оставались после выполнения плана, сдавались обратно в центральный бюджет. Побочным эффектом стало то, что у предприятий не было стимула улучшать качество работы, поскольку «дадут все равно, сколько попросишь, даже если попросишь меньше, все равно ничего не будет, а результаты заберут целиком». В связи с чем хозрасчет подразумевал, по первости, я так понимаю, обособленный счет. Предполагалось, что предприятие само внутри себя считает, во сколько ему обходится его деятельность, и старается эти показатели улучшить. Как я уже отмечал, в период индустриализации можно выделять 2 подпериода: 1 период – с 29 года по 32 – период, так называемый, «буря и натиск»: характеризуется резкими изменениями в сельском хозяйстве, резким ростом объемов капитального строительства, нарушением принципа хозрасчета. 2 период, примерно с 32 года – период урегулирования, когда, в числе прочего, стал восстанавливаться хозрасчет, как личная ответственность предприятий за результаты деятельности, и был проведен ряд других мероприятий, направленный на то, чтобы структурный сдвиг, произведенный в предыдущие годы непонятно, какой ценой, ввести в аккуратные рамки. В продолжение темы, следующие условия – производственные совещания и самокритика, поскольку подразумевалось, что социализм – это строй цивилизованных кооператоров, которые сами договариваются, что им нужно, сами делают, сами распределяют продукцию, определенные полномочия к этому были, несмотря на централизацию и «диктат» правящей партии, в том числе, заключались в том, что стимулировалось развитие «критики снизу», в особенности, по хозчасти, связанной с тем, например, что начальник цеха не видит, что можно улучшить, а простой работяга ему подсказывает. Соответственно, я выделил производственные совещания и самокритику в отдельный пункт как составную часть комплекса мероприятий. Напоминаю, что все это было сделано, чтобы выполнить задачи снижения себестоимости и повышения производительности, которые были заранее заложены в планы. Если у нас есть 80 рублей, а мы хотим что-то построить на 100 рублей, то вариант 1 – искать срочно недостающие 20 рублей, вариант 2 – найти способ, как за 80 рублей построить то, что обычно стоит сто. Инвесторов пытались приглашать, но»...

Ремарка: «Тут есть проблема: бесплатная работа, если ее повторять слишком часто, становится некачественной, но нужно же реальное восстановление».

А.С.: «Возвращаясь к тому, что я читал про стахановцев, все говорит о том, что их работа не была бесплатной – при средней по тем временам зарплате в 300, 400 рублей, стахановцы зарабатывали по несколько тысяч, и, если вы видели кадры, посвященные 2 мировой войне, что там какой-нибудь знатный свиновод купил танк и подарил его действующей армии, понятно было, что не каждый человек в состоянии купить танк».

Ремарка: «Да, но это был первый этап эксперимента. Потом было предложение пересмотреть расценки, и они пересматривались в разы».

А.С.: «Последний пункт, которого не было в книге 40-го года, но который я считаю необходимым отметить – это превращение хозяйственных дел в политические. Это – та вещь, которая меня очень огорчает на моей нынешней работе, связана она с тем, что в настоящее время очень сложно наказать человека, который просто плохо работает. Если человек в принципе ничего не таскает с работы, а просто на ней спит, просыпается раз в месяц, чтобы получить зарплату, то его покарать в современной системе госслужбы достаточно сложно. На ту пору эта проблема решалась известным способом. В одной ситуации мы говорим, что ты «продолбал ресурсы и ничего не сделал» - понятно, не было опыта, скоро научишься. В другой ситуации – «ты спал на работе, потому что ты хотел этим навредить советской власти и использовать прокол советской власти для антисоветской агитации. После чего мы оперативно выясняем, что товарищ уже лет 20 завербован иностранной разведкой, он отправляется валить лес где-нибудь, где ему спать не дадут. Крайний способ стимуляции не желающих работать людей, но он применялся и определенную роль сыграл. Среди советских ноу-хау надо отметить также комбинирование и районирование – они позволяют резко повысить отдачу от промышленности в масштабе всей страны. Комбинирование – когда мы устраиваем сетку предприятий, где ходы одного являются ресурсом для другого, то есть в 1 месте мы строим не просто сталеплавильный завод, но рядом с ним ставим прокатный стан, рядом с ним – машинный цех, получаем фактически безотходное производство. В городах это проявилось как ТЭЦ. Отходы пара, пропускаемые через турбину, направляются в систему центрального отопления города, в связи с чем город имеет и свет, и тепло. Районирование – то же самое, но с привязкой к условиям местности, в зависимости от того, что там есть хорошего, и что мы планируем построить, и формируются кластеры производств, привязанные либо к минеральным ресурсам, либо к пашням. Работает при наличии 2 условий: 1 – мы перестраиваем всю страну, 2 – у нас есть централизованное управление, которое может сразу заводов построить на пяточке, не дожидаясь, пока 1 завод в рыночных условиях подтянет смежников.

В дополнение к имеющимся условиям процитирую товарища Сталина: у него была речь «6 условий победы», исходящая из совещания хозяйственников, проведенного в 1931 году, где он частично подвел итоги того, что придумали по факту, частично указал, на что можно обратить внимание. Условие 1 – оргнабор рабсилы по договоренности хозяйственных организаций с колхозами, плюс механизация труда. Если не хватает рабсилы, 1 вариант – механизировать, 2 вариант – набрать больше людей. Известно, что в СССР к тому времени закрылась последняя биржа труда. Безработных в стране резко не стало. Народ из колхозов побежал, но недостаточно активно, чтобы самоходом снабдить те огромные стройки, которые были заложены. Поэтому в план 31 года была включена разработка технических и организационных мероприятий, направленная на выполнение плановых заданий в каждой отрасли промышленности, был увеличен контроль качественных показателей, чтобы вести учет не только валовых показателей, но и того, во сколько

нам это обходится, был сформирован план по труду, предусматривающий организованный набор колхозников, их подготовки и распределения по приоритетных стройкам. Соответственно, можно это воспринимать как «закрепощение труда» или мероприятие, направленное на выполнение тех целей и задач, которые на ту пору мы сами себе поставили. Условие 2 – ликвидация текучки, уравниловки, улучшение бытовых условий. Проблема с рабсилой была не только в том, что ее сложно добыть, но и в ужасных условиях труда. В 31 году была ликвидирована уравнительная система оплаты труда и максимально внедрена система прямой и прогрессивной сдельщины. В частности, в черной металлургии была разница между 1 и последним разрядами 1 к 2,8 – ее расширили до 1 к 3,7. Плюс «сдельщина» - чем больше делаешь, тем больше получаешь. Я обращаю на это внимание, потому что часто СССР вспоминают как «светлое царство уравнительной оплаты труда», но связано это исключительно со временами позднего Брежнева, но никак не со всем периодом существования.

Ремарка: «Интересно, в каком возрасте эти люди были во времена позднего Брежнева и в какой отрасли работали? Всегда существовала «прогрессивка». Зависело от специфики производства – где можно делить поштучно и где нельзя».

А.С.: «Я думаю, зависит еще от разрыва – в какие-то периоды он между низшими и высшими был больше, а в какие-то – меньше. 1 к 3 и 1 к 4 – разрыв в выплатах за 1 и ту же работу».

Ремарка: «Не за 1 и ту же. Разряд означает квалификацию».

А.С.: «Я имею в виду, что за выполнение более сложной работы это давало, в дополнение к разрядной квалификации, еще дополнительные доходы».

Ремарка: «Ничего не давало. При расчете «тарифной сетки» заранее закладывалось, что вот эту работу выполняет работник не ниже, допустим, 4 разряда, соответственно, его разрядная ставка закладывается при расчете тарифа. Вот и все».

А.С.: «Я имею в виду, что, если вдруг такое случается, что если работника более высокого разряда перекидывают на низкоквалифицированную работу, он получает больше».

Ремарка: «Товарищи, у меня есть такое представление, что идея господства в СССР «уравниловки» - чисто следствие того, что люди зарабатывавшие много, включая лауреатов сталинских премий, не могли купить себе то, чем в классовом обществе богатые обозначают свое господство. То есть в вещах большая зарплата выражалась крайне слабо. И поэтому создалось впечатление, что все получают примерно одинаково, плюс есть такой момент, не знаю, как в сталинское время, но в брежневское время доходы граждан распределялись по гауссиане, а в классовом обществе – по Паретто, то есть гиперболически: очень мало тех, у кого доход большой, и, чем ниже категория дохода, тем больше таких граждан в популяции. Не знаю, как в сталинское, но в позднесоветское время был этот «колокол» - то есть, средний заработок был прогностичен. Может быть, от этого».

А.С.: «Думаю, еще 1 момент связан с тем, что в более позднее время в этих комплексных программах, когда они анализировались в 70-е годы с выработкой рекомендаций на 80-е – 90-е годы, там отмечалось, что имевшийся на ту пору разрыв в зарплатах между рабочими и ИТР был недостаточен, по мнению составителей программ, чтобы стимулировать рабочих превращаться в ИТР, что одновременно демотивировало и ИТРовцев, потому что они не чувствовали своего отличия...»

Вопрос: «А было ли нужно стимулировать в 70-е получение высшего образования, если у нас возник дисбаланс уже обратный? То есть людей с высшим образованием было больше, чем рабочих мест под них».

А.С.: «Я сделаю небольшое отступление, которое, надеюсь, останется без комментариев, поскольку мы дойдем и до этого периода в наших лекциях: сложилась ситуация, когда структурные мероприятия в позднесоветский период сводились к «затыканию дырок» текущих. В частности, с рабочими местами случилось следующее: по первости, ИТРов сильно не хватало, им предоставляли широкие полномочия. Например, когда из-за сбоя в 1 пятилетку пришлось ввести карточки, больше всего продуктов получали не рабочие, больше всего получала интеллигенция – профессора, директора музеев и библиотек, старшие научные сотрудники. Предполагалось в теории, что написано в том числе в генеральных планах 30-х годов, которые были разработаны, но не были приняты, что по мере продвижения к коммунизму у нас всякие неприятные работы будут попросту ликвидироваться с помощью механизации. По факту, когда в 60-е народ обнаружил, что, несмотря на прогресс автоматов, у нас много неприятных работ, что в отсутствие возможности их механизировать, которая связана не с тем, что просто мозгов не хватает, это невозможно сделать по физическим законам, а потому, что ресурсы тратятся на другие прорывные направления, а не улучшение жизни населения. Встал вопрос: либо мы меняем приоритеты, либо мы деньгами «затыкаем эту дырку». В силу разных причин выбрали 2. Начиная с какого-то момента, 60-е годы, заработная плата в ряде отраслей на ряде низкопрофильных профессий отражала не важность труда этих людей, а являлась денежной компенсацией тяжелых условий труда. В сравнении с ИТРами они получали больше, не потому, что они важнее, а потому, что их нечем заменить – никто на такую работу идти не хочет. Изменяем условия труда, делаем хорошую социальную инфраструктуру, либо проводим комплексную механизацию, либо «заливаем» все деньгами. Был выбран «путь наименьшего сопротивления». Возник вопрос: что делать с ИТРами. Выяснилось, что несмотря на пользу обществу от ИТРов, люди, согласные работать в тяжелых условиях, получают гораздо больше. Падает трудовая мотивация. Определенный дисбаланс – вначале приоритетный, затем – технологический, позднее вместо того, чтобы собрать волю в кулак, начать это исправлять, систему стали «лечить» «заплатками», которых становилось все больше. Но напоминаю, что мы с вами в 31 году и изучаем речь товарища Сталина «6 условий победы».

3 пункт речи – ликвидация «безлички». Закрепление конкретных участков за конкретными людьми. То же самое делалось в колхозах. Из небольшого количества колхозников формировалось

звено, которое обрабатывало кусок поля или занималось конкретным количеством животных, для того, чтобы, в случае ошибки, можно было найти «крайнего».

Это выполняло мотивационную и контрольную функции. Заработная плата тоже выдавалась по звеньевому принципу. Одновременно, это был контроль за ближним и осознание того, что получаешь по собственным результатам, а не по тому, что кто-то за тебя поработал. Сложно разделить функции контроля и поощрения.

4 пункт – создание «красной интеллигенции» и института выдвиженцев. Сталин предложил выдвигать в руководство отличившихся на производстве. В 30-м году ВУЗы были переданы в ведение профильных наркоматов, что позволило более тесно сочетать учебную и научно-исследовательскую деятельность. Я думаю, университеты оставили, как «высшую науку», а иные, более «узкопрофильные» ВУЗы «прицепили» к соответствующим наркоматам. Увеличилась возможность прогнозирования объема рабсилы на следующий период за счет того, что наркоматы представляют, сколько им будет нужно для обеспечения будущего заводов, тут же могут дать заказ ВУЗам на корректировку учебной программы в соответствии с тем, что они получают.

5 условие победы – изменить отношение к инженерно-техническим силам «старой интеллигенции».

6 условие – укрепление хозрасчета промышленности. То разделение индустриализации на 2 периода, о котором я говорил. Период с 29 по 32 годы – хозрасчет в некоторых областях был нарушен, что предоставляло возможность некоторым не особо идейным людям этим нагло пользоваться. Пришлось вводить карточки, нормированное снабжение. В колхозах централизованные заготовки близко подошли к продразверстке. И период, начиная с 1932 года, когда началось урегулирование.

Разобрав основные оргмероприятия, мы далее рассмотрим, как были реорганизованы основные механизмы управления советской экономикой, чтобы реорганизовать это дело в повседневной работе. Реформа управления промышленностью: большее и большее «ветвление». На момент начала ускоренной индустриализации был ВСНХ, как общий орган руководства промышленностью, под ним были главки, как отраслевые органы, под главками были синдикаты, как органы, планирующие сбыт внутри продукции трестов, а тресты – просто хозрасчетные единицы, объединявшие родственные заводы. 27 год – начало перестройки управления. В марте прошел пленум ВСНХ, в котором была принята основная идея: все, что можно передать вниз, туда и передаем – передача прав и обязанностей нижестоящим звеньям с тем, чтобы вышестоящие звенья сохранили только минимальное количество прав и обязанностей, которые действительно необходимы им в повседневной деятельности. Оперативное управление передано от ВСНХ к трестам и синдикатам. А сам ВСНХ разрабатывал план 5-летки промышленности, рассматривал и утверждал годовые планы подведомственных предприятий, осуществлял кадровую политику, назначал и снимал руководителей трестов и синдикатов. На ту пору структура ВСНХ была

следующей – Президиум, плановое экономическое управление, которое разрабатывало нормативы, научно-техническое управление, которое разрабатывало общие директивы по исследованиям-разработкам-научной организации труда-стандартизации и руководило научно-исследовательскими институтами. Я еще раз повторяюсь, что план пятилетки в большой степени был завязан на то, какие достижения техники существуют вообще, какие из них можно внедрить для того, чтобы добиться того, чего мы хотим добиться, то есть внедрение новой техники сразу же стало составной частью госполитики в промышленности.

С 31 года начался процесс сокращения синдикатов в связи с тем, что под синдикатами образовывалось все больше трестов, а под теми – все больше предприятий. Постепенно пошел процесс реорганизации этих громоздких объединений – превращения их частично в тресты, а частично – в главки. Затем настала очередь самого ВСНХ. В 32 году был разбит на 3 наркомата – тяжелой промышленности, легкой промышленности и лесной промышленности. На 31-32 год структура выглядела так: Совет труда и обороны руководил хозяйственными наркоматами, Совет народных комиссаров выполнял исполнительные, распорядительные и контрольные функции. Госплан осуществлял общую политику, связанную со стратегией. В 31 году стал Комиссией при СНК с правами отдельного наркомата для того, чтобы иметь больше возможностей заставлять другие наркоматы делать то, что нужно. Произошла реорганизация контрольных органов – вместо центральных контрольных органов была создана Комиссия партийного контроля и ЦК партии и Комиссия всесоветского контроля при СНК. Интересно, что штат этих комиссий был совсем не многочисленный, но опирался на тысячи добровольцев «на местах». Сейчас принято говорить, что «все на всех стучали», но по факту получается, что, если люди внизу верят, что будет обратная связь, эти изменения помогут выполнить те задачи, которые они считают правильными, то такой контроль значительно более действенный, чем штат управленцев-контролеров «сверху», который периодически приходит на предприятие, и от них все прячутся. Несколько сотен штатных работников на весь союз.

Вопрос: «Принимала ли Комиссия решение большинством голосов? Надеялась ли на какие-то региональные комиссии, которые принимали решение?»

А.С.: «Я помечу себе это, как вопрос».

Ремарка: «У меня есть устав ВКП(б), там подробно описана Комиссия партийного контроля, ее права и структуры от 1029 года».

Вопрос: «А на местах существовали аналогичные подразделения?»

А.С.: «Однозначно, существовали. Еще раз, чтоб не наврать, я помечу себе, как вопрос, прочитаю в умной книжке и напишу рецензию перед тем, как их выкладывать. Я напоминаю, что, помимо того, что я периодически читаю лекции, я занимаюсь добычей «древних» советских экономических книжек, сканирую и выкладываю в сеть. Если происходит так, что я книжку сначала

читаю, потом сканирую, я к ней пишу рецензию с описанием основных идей и того, что там мне понравилось. Если сначала сканирую, потом читаю, то просто выкладываю книжку без своих мыслей».

Ремарка: «Да, почему для лучшего понимания рассказов, лучше читать записи в его Живом Журнале».

А.С.: «Да, в конце лекции все желающие получают ссылки и другие ценные указания. В довершение к тому, что разделили ВСНХ на 3 наркомата, 1 января 32 года все цеха промышленности переведены на хозрасчет. То есть, хозрасчет сначала внедрялся на уровне синдикатов и трестов, потом – на уровне предприятий, потом – цехов. На уровне цехов это было оформлено законодательным образом, на уровне бригад – в качестве агитации. Идея была в том, чтобы каждый участок производства знал, сколько ему стоит его кусок производства. Важное отличие, насколько я понимаю, хозяйственного расчета в том понимании, которое вкладывали в 30-е годы в отличие от 80-х. Это не значит, что мы переключаемся на продукцию, которая дешевле. Нам это нужно для контроля и понимания, где больше работать над повышением себестоимости. Но, если нам спустили задание делать продукцию, которая убыточна, то мы будем честно писать убыточные сметы, требовать дотацию и ее делать. Важное отличие хозрасчета, как я его сейчас понимаю – это то, что знание издержек не является регулятором. Как только оно становится регулятором, начинаются неприятные побочные эффекты.

Помимо разделения ВСНХ, разделили и Наркомзем – на Накромзем, ему передали колхозы и наркомат зерновых и животноводческих совхозов. Отличие колхозов от совхозов – совхозы – это те же госпредприятия, только, например, не по производству металла, а по производству продукции. Люди там получают зарплату, финансируются на общих основаниях. Предполагалось, что совхозы будут «маяками» - будут приходить колхозники и смотреть, как надо.

В итоге, система управления становится следующей: наркомат – главк- трест- предприятие, а потом – наркомат – трест – предприятие. Делаем все больше и больше наркоматов, под ними – больше и больше трестов, это позволяет дотянуться до предприятий, которых становится больше. Тресты и объединения сохраняются там, где большое количество некрупных предприятий разбросано по большой территории.

1933 - разукрупнение главков, постановление СНК.

1934 – наркомат снабжения разделен на 2 – торговли и пищевой промышленности.

1935 – председатель Госплана наделен правом решающего голоса в промышленности.

1936 – главки наделяются рядом функций синдикатов. Синдикаты упразднили. «Откат». Главки приобретают хозрасчетные права и могут манипулировать прибылями подведомственных предприятий. У одних может излишки отобрать, а другим передать. Это – частичное нарушение

хозрасчета, но, одновременно позволяет быстрее маневрировать средствами, не дожидаясь распределения через общесоюзный бюджет. Выделен наркомат обороны из наркомата тяжелой промышленности, который через пару лет разделится.

1937 – Совет труда и обороны преобразован в ЭКОСО – Экономическое совещание при СНК СССР. К 40-му году в составе ЭКОСО 6 хозяйственных советов, объединяющих различные наркоматы. Если представлять визуально, это – постоянное отращивание у дерева все более «разветвленных» ветвей.

Вопрос: «А что произошло с Комиссией по изучению производительных сил России, через которую к хозяйственной деятельности «пристегивалась» вся Академия наук? Потому что к 34 году АН СССР перевели в Москву, как раз сформировалось то самое научное министерство, которое сейчас реформаторы разрушают. То есть появились отрасли, которые получали задания, пристегивали результаты фундаментальной науки к плановым решениям».

А.С.: «С Комиссией ничего плохого не случилось – она была преобразована в Совет, СОПС, живет до сих пор и даже пишет книжки, которых никто не видит, он был «пристегнут» к Госплану, первоначально, как понимаю, там обитали географы, потому что, когда Комиссию создали, идея была просто обходить там Россию и посмотреть, что в ней вообще есть».

Вопрос: «Не на Вавилова ли обитает учреждение?»

А.С.: «По-моему, да. Точную механику превращения не скажу, но помню, например, что я сейчас выкладывал несколько экономгеографических книжек, там где-то то ли в предисловии, то ли в воспоминаниях об авторах написано, что рубеж 30-х – период борьбы за то, чтобы СОПС сделать менее «географическим» и более экономическим. Поточнее: я знаю, что он живет до сих пор, а к кому был «прицеплен» в 30-е годы – я сейчас не скажу, но постараюсь узнать».

Вопрос: «Потому что интересно, в плане истории науки, в контексте индустриализации, что большевики в 28-29 году очень грамотно поставили в прорывных направлениях – физике, химии, биологии – интенсивное развитие генетики. 28-29 гг. – съезд по селекции и генетике, где наши специалисты были на хорошем месте, при том, что у нас генетика начинается только с 22 года, приглашали там Мюллера и прочих западных спецов. Очень грамотно были выбраны направления исследований 20 века, где преимущества отсталости могли дать максимальную отдачу. Тогда же, в начале 30-х годов, возникает Институт экспериментальной биологии, где, с 1 стороны, исследования фундаментальные, а с другой – быстро могли дать какие-то практические приложения».

А.С.: «Я читал доклад директивы к 1 пятилетнему плану Кржижановского – он там отметил, в числе прочего, что нам нужно форсировать, в числе прочего, разработку радио. Это 28 год».

Ремарка: «И тогда же возникают академические научные журналы – зоологические, журнал общей биологии».

А.С.: «Я посмотрю про СОПС».

Получается следующее: правительство понимает, что не может мониторить все хозяйственные вопросы, делает некий орган, на них специализирующийся. Орган обрастает текучкой, его «членят» на несколько кусков для того, чтобы они этими вопросами занимались более плотно. Над ним надстраивают еще 1 орган – «прокладку» между новым наркоматом и правительством. В частности, на момент 1940 система выглядела так: есть СНК и Госплан, которые занимаются стратегией, при СНК есть Экономическое совещание, под ним – 6 хоз. Советов, под каждым из них – несколько наркоматов. ЭКОСО занимается тактикой действий. В каждом Совете заседает человек по 4-5, которые садятся за «круглый стол» и оперативно решают необходимые вопросы. На 40 год в ведении СНК было 23 союзных наркомата, в том числе, 20 хозяйственных, 14 союзно-республиканских наркоматов, в том числе, 11 хозяйственных, 7 комитетов, 11 учреждений экономического назначения – Госплан, Госбанк, Госарбитраж, Комиссия советского контроля и т.д. Организационные изменения в управлении промышленностью в 30-е годы – почкование и отчленение, связанные с постоянным ростом объекта управления. Мы прошли половину того, что я хотел рассказать. Поэтому я хочу спросить, можно ли сделать перерыв, а затем продолжить.

Ремарка: «Туда, где народ победнее, торговцы повезут товаров меньше, они же знают, где какой спрос. Результат будет примерно тот же, но с другими социальными последствиями».

А.С.: «Здесь я могу сказать, что это – неправильные меры, поскольку можно под разным углом в разные стороны расписать».

Вопрос: «Мне не кажется, что меры неправильные. Мне интересно посмотреть: за счет чего была повышена эффективность труда. Если за счет введения капиталистических мер – да ради Бога».

А.С.: «За счет всего. Кстати, насчет повышения - я в предыдущем блоке не дорассказал: было создано несколько институтов, продвигающих НОТ – ЦИТ, Центральный институт труда и вторая контора, которой я забыл расшифровку. В том числе, там говорилось, что есть система Тейлора, Ленин по ней прошелся, и, поскольку наша задача – «драть» у капиталистов все, что у них есть хорошего, пролетарская культура должна впитать в себя всю мировую культуру, чтоб свою сделать более высокого уровня, в том числе, эта система тоже изучалась, что касалось там «потогонки» и повышения интенсивности труда, смотрели с оглядкой, а что касалось рационального расположения вещей на столе и прочих организационных мероприятий, то доверяли».

Начало 30-х – время, когда Институт труда и конкурирующие конторы активно светились. Кстати, про конкурирующие конторы – вещь, которая, в основном известная в авиации, но она была везде. Это – вещь, которую я не отметил в записях, но которую стоит упомянуть – везде была конкуренция. Технологически понятно – всегда институтов аналогичных было минимум 2, чтобы «бодались» друг с другом, а лучше не 2, а побольше, соответственно, Институтов труда – тоже, школ экономгеографии на ту пору мне известно 2 – одна Бернштейна-Когана, «когановцы», другая – товарища Дена, «деновцы».

Ремарка: «И, кстати, на моем личном примере, я знаком много лет со знаменитым соперничеством МИФИ и МФТИ».

Ремарка 2: «Знаете, что это больше всего напоминает? Не конкуренцию экономическую, а метод плюрализма рабочих гипотез в науке. Если ты хочешь быстрее «нащупать истину», важно легко относиться к своим предположениям, чтоб не стать рабом какого-то одного, сразу несколько их иметь».

А.С.: «И, соответственно, Госплан и ВСНХ при составлении 5-летних планов. 5-леток было 2, ну, проектов, и получилось известное дело – победила пятилетка Госплана, но через 2 года руководителя ВСНХ перевели на руководителя Госплана. Из серии «учитесь работать вместе, несмотря на конкуренцию». В книжке, которую я читаю прямо сейчас, есть записки, когда Куйбышеву пишет там какой-то из его сторонников: «Почему в Госплане все старые люди, которые были при Кржижановском?» - а он отвечает: «Не хочу никакой революции – ломать эту работу». Дублирование было структур везде, чтоб постоянно был стимул, что тебя, возможно, кто-то обойдет. Упор на создание чего-то нового. Особенно сильно это было во всяких институтах, а управленческих структурах – там, где нужно было разрабатывать перспективные планы. После 32 года, особенно, после 33 и дальше сельское хозяйство отошло от шока, что позволило еще через 2 года отменить карточную систему. Последние пункты, которые я б хотел разобрать, связаны с налоговыми и кредитными факторами. Это, собственно говоря, ресурсы: откуда деньги. Деньги там, грубо говоря, напечатать можно, но откуда еще и материальные ресурсы?»

Налоговая реформа. На момент начала ускоренной индустриализации в СССР было полно различных видов налогов. Их было под 60 различных штук – региональные, общесоюзные, прямые, косвенные, акцизы, в основном – на водку, на соль, на спички, на керосин, на самые ходовые товары. Начиная с 26-27 года, собственных средств промышленности – чистой прибыли и амортизации – перестало хватать для финансирования капитальных вложений. 26-27 год – рубеж, после которого новое строительство и ремонт стали финансироваться за счет бюджетных вливаний. Понятно, что бюджетные вливания из ниоткуда не возьмутся, они берутся от того, что мы перераспределяем имеющиеся ресурсы на те направления, которые считаем правильными. План определял долю прибыли от предприятий и долю прибыли, которая поступает в бюджет. Эта система деления чистого дохода получила название «двухканальной».

До 29 года был подоходный налог – 8% прибыли, промысловый налог, акцизы, плата за землю, всевозможные сборы, типа гербового сбора, и куча местных налогов. Из оставшейся прибыли платили в резервный фонд, для местных трестов – отчисления в промышленный фонд, остаток, если он был, перечислялся в бюджет. То есть, предприятия вначале платят кучу налогов, потом перераспределяют прибыль по различным фондам, если что-то остается – в бюджет.

29 год – 1ая перестройка налоговой системы».

Вопрос: «ВВП увеличивался за счет отчислений в бюджет?»

А.С.: «Тогда ВВП не считался – такого понятия не было».

Вопрос: «А сейчас «задним числом» не посчитали?»

А.С.: «А сейчас куча исследований, когда считают чуть не с династии Романовых, а то и с Рюриковичей, очень популярно в экономике строить временные ряды лет за 300-500».

Вопрос: «То есть, я имею в виду, что постоянных оценок не было?»

А.С.: «Я просто очень глубоко в это не влезал, надо очень глубоко «копать в методологии», потому что разная методология дает разные оценки. Тогда считался национальный доход и конечный продукт. Основное отличие от ВВП нынешнего было в том, что тогда сфера услуг не включалась в конечный результат. Считалось, что в сфере услуг не создается новая стоимость, а перераспределяется то, что уже было создано в материальном производстве. Я знаю, что это – еще одна любимая тема «рубли в интернетах».

Вопрос: «А как Вы относитесь к работам Ханина?»

А.С.: «Ханин? Мне кажется, что это стоит изучать, что он глубоко копал. Я планирую следующие лекции, я не нашел у него работ по 30-м годам, но...»

Ремарка: «У него есть, были очень популярны в перестройку, работы, где он показывал не только «перекосы счета», но и то, что реальные результаты были сильно ниже освещаемых пропагандой».

А.С.: «Он потом, вроде, немножко пересмотрел свои оценки собственные, сделал их менее радикальными».

Ремарка: «Он даже не то, чтобы их пересмотрел, он показал, что к 50-м годам плановая экономика стала устойчиво обгонять рыночную, показывала свои преимущества и, поскольку этот вывод был малоинтересен для пропаганды, про него трубили уже не так».

А.С.: «Я собираюсь использовать его работы для подготовки к следующей лекции. Я в Китае обработал его книжку, «Динамика ВВП Советского Союза» или как-то так она называется, а серия статей его есть в интернете.

29 год – сократили количество налогов, оставили, в основном, подоходный налог – 20% от прибыли, а из оставшейся части прибыли – сначала 47% нераспределенного остатка идет в бюджет, а остальное уже раскидывается по фондам. До 29 года - из чистой прибыли формируем всевозможные фонды, если что-то осталось – в бюджет. После 29 года – сначала бюджет свою долю забирает, оставшееся идет в фонды. Я тут вижу явное нарушение принципа хозрасчета, одновременно с этим – резкое увеличение поступлений в бюджет, которые можно перераспределить на срочные нужды.

Вопрос: «Почему нарушение принципов хозрасчета?»

А.С.: «Потому что, если у тебя отбирают все, что у тебя есть, то, соответственно, хозрасчет предполагается определенную финансовую замкнутость. Предполагается, в идеале, что ты работаешь без бюджетных дотаций – у тебя есть средства, которых тебе хватает для развития, а то, что тебе не хватает, тебе дают из бюджета, но бюджет это получает из налогов. То есть, есть разница между «отобрать определенную долю» и «отобрать все сверх необходимого минимума», то же самое, что между продразверсткой и продналогом.

Вопрос: «Но в бюджет же забиралась определенная сумма? Нужно заплатить n-ный процент – и бюджет берет, сколько нужно».

А.С.: «Два канала поступлений в бюджет: 1 – налоги, 2 – то, что сейчас называют дивидендами. Сначала государство получает налоговые поступления, потом уже получает отчисления от прибыли. Увеличили долю отчислений от прибыли. Это не полное нарушение принципа хозрасчета, но уже определенный звоночек.

Эта система держалась до 30 года. В 30-м году для удобства и за счет того, что частной промышленности почти не осталось, 2 сентября – новая реформа – с 1 октября 30 года отменяются почти все налоги, которые были раньше, заменяются единым налогом с оборота. То есть множественность налоговой системы 20-х годов объясняется тем, что у нас была куча негосударственных предприятий, которые нужно было облагать в зависимости от того, как мы хотим себя вести по отношению к частникам. Там были подоходные налоги, то, что сейчас называют «патент» - то есть, за право заниматься какой-то деятельностью, там были налоги на прибыль предприятий и прочие. Я все сам не знаю, у меня просто было отмечено, что их было больше 50 видов. Поскольку к началу 30-х частников почти не осталось, в основном, движения средств шли внутри государственной промышленности, смысла во множественной налоговой системе не осталось. Осталось 2 вида изъятий – 1 вид – в качестве налога с оборота, который увеличивал цену продукции, 2 – отчисления от прибыли. Если прибыли не было, то не было отчислений, но был

налог с оборота. Это было особенно актуально в первые несколько лет, когда многие предприятия работали в убыток.

Что есть? Налог с оборота, подоходный налог, единая госпошлина, отчисления в доход государства госприбылей, промысловый налог с частных предприятий и промыслов, подоходный налог с частных и гослиц. Отменено 56 государственных и местных налогов и сборов, налоговых платежей и платежей в спецсредства, отменяются взыскания с обобщественного сектора, плата за разработку месторождений, плата за древесину, прекращается размещение в промышленности внутренних займов. Распределение прибыли шло следующим способом – в первую очередь, определенный процент – в доход государства по дифференцированным нормативам. 2 очередь – 9 % от улучшения быта рабочих и служащих. В 3 – все, что осталось – на увеличение уставного капитала. В 31 году ставки отчисления от прибыли: для предприятий – промышленных, сельскохозяйственных, финансирующихся из госбюджета – 10%, для Госбанка – 50%, для торговых предприятий – 85%, для предприятий, не финансируемых из госбюджета в связи с тем, что в их планах не предусмотрены накопления, которые превышают траты на их строительство при увеличении оборотных средств – 81%. Если ты планируешь свою деятельность так, что у тебя по результатам деятельности остается прибыль, которая больше твоего плана капитальных вложений, 81% этой прибыли забирается в бюджет. Если ты планируешь свою деятельность так, что у тебя по результатам остается чистой прибыли меньше, чем твой план капитальных вложений, то ты отчисляешь в бюджет только 10%. Система стимулирует расширение капитальных вложений, насколько это возможно, с одной стороны, 2 – стимулирует то, что, если ты сам не хочешь развиваться, у тебя отбирают условные излишки для того, чтобы бросить их на тех, кто развивается. Понятно, что резко расширяется фронт капитального строительства, растет «незавершенка», везде не хватает материалов, но одновременно с этим по всей стране вырастают тысячи новых предприятий. Система продержалась всего несколько лет, но вот этим налоговым маневром, если у тебя план строительства больше, тебе оставляют, если план строительства меньше, у тебя отбирают, внизу, с помощью налоговой системы, было резко продвинуто все, что только можно: не хочешь, чтобы все отобрали – срочно строй.

Вопрос: «А зачем стимулировать такого рода вложения при отмене займов для промышленности?»

А.С.: «Что имелось? 2 основных канала – налог с оборота и отчисления от прибыли. Если нет отчислений от прибыли – нет отчислений в фонды самих предприятий и прочего. Помимо всего прочего, система стимулирует работать прибыльно. Цены фиксированы, поэтому единственный способ работать прибыльно – снижать себестоимость. Цены оставались в течение 1 пятилетки одинаковыми по тяжелой промышленности, по легкой они были пересмотрены после введения налога с оборота на величину этого налога с оборота. Налог с оборота в тяжелой промышленности был не очень большой, в легкой промышленности – был больше. Я не знаю, можно ли считать его

косвенным налогом. Понятно, что он включался в цену продукции, потом накладывался на людей, которые ее покупали.

В 36 году фонд улучшения быта был заменен на фонд директора, который образовывался, как 4% плановой и 50% сверхплановой прибыли. Напоминаю, что первоначальный вариант был 9% прибыли. То есть, 31 год – фонд улучшения – 9% прибыли, оставшейся после расчета с государством, 36 год – 4 % плановой и 50% сверхплановой. Еще раз – усиление материального стимула: хочешь, чтоб оставалось больше ресурсов у предприятия на улучшение быта – давай сверхплановую прибыль.

Кредитная реформа...»

Вопрос: «А улучшение быта было одним из стимулов для предприятий? То есть, именно, заинтересовать рядовых рабочих этим можно было?»

А.С.: «Конечно. Там, для начала, жилья не было, люди жили в бараках. На самом предприятии проще проследить, куда он идет (фонд улучшения быта) – для низового работяги это более прозрачно, чем, если он строится, например, через бюджет города. Я не знаю досконально, конечно, нужно читать мемуары, но, если ты знаешь, что садик около твоего дома построен из фонда улучшения быта твоего предприятия, который формируется от процентов прибыли твоего предприятия, что возможно только за счет снижения себестоимости, так как цены долгие годы не пересматриваются, ты понимаешь, за что тебе работать. Если ты знаешь, что садик построят, потому что городские власти так решат, а они так решат, если добьются дотаций от федерального бюджета, то ты не понимаешь, как твоя личная работа влияет на то, построят его или нет.

Кредитная реформа. В 28 году был создан Банк долгосрочного кредитования промышленности. В полном соответствии с логикой хозрасчета предполагалось, что предприятие берет кредиты на капиталовложения, строится, начинает выпускать продукцию, рассчитывается с банком. Быстро выяснилось, что сроки строительства срываются, стоимость больше плановой, все банковские расчеты идут к черту, а строить надо. Поэтому ...»

Вопрос: «А стоимость строительства меняется в большую сторону? Почему?»

А.С.: «Частичная инфляция – она существовала в скрытом виде, а частично зависело от смены проекта, частично, это – лучшие материалы, частично, актуально было в 60-70-е – нужно было идти в тайгу, за Полярный круг, строить в вечной мерзлоте – от смены условий».

Вопрос: «Бывает так, что предприятие взяло кредит, его расчеты были верными на 35 год, но неверными на 37, потому что все те же самые материалы и услуги стоили по-другому?»

А.С.: «Мне кажется, что да. Проблема была в том, что многие предприятия без проектов строили. Проект завода возникал, когда ползавода уже построено. Приходит проект – и работяги

начинают ломать стены, потому что не в том месте не то сделали. В 34 году только выпустили постановление о том, что запрещено начинать стройку без документации.

Вопрос: «А не было удешевления строительства в связи с тем, что появлялись цементные заводы, карьеры, где добывали стройматериал? Потому, что когда это сделали, строить стало дешевле. Потом, строительные комбинаты. Технология самого строительства изменилась».

А.С.: «Конечно, оно было. Выписывали новую технику – бульдозеры, краны, мешалки. Но в первые несколько лет другие факторы, условно говоря, неумелость вчерашних крестьян, общая сумятица в связи с перестройкой, отсутствие опыта полное, отсутствие условий – они оказывались более сильными. Если брать пример больницы: три года себестоимость росла, затем стала снижаться. Пример: «давайте хоть как-нибудь начнем, а дальше придется заканчивать». Рисковый шаг, за который сейчас до сих пор бьются – нужны ли были такие темпы? Надо было успеть к 40-му году. Но успели. Некоторые особо «иезуитские» товарищи говорят, что если бы в 1-ые годы «рвачества» было меньше, то в последние годы можно было бы еще быстрее. Если бы поменьше людей загубили и поменьше материалов такими вот непродуманными способами не пустили на ветер, потом все решалось бы более быстрыми темпами, но понятно, что это рассчитать совершенно невозможно.

Ремарка: «Есть еще 1 аспект, связанный с социальными преобразованиями, на примере республики немцев Поволжья – она замечательна тем, что там трудящиеся массы практически были несоветскими. Коммунисты там были либо из интеллигенции, либо из немногочисленных рабочих и, сформировав коммунистический немецкий полк, погибли большей частью, либо были рассеяны в Гражданскую войну, население находилось под очень сильным контролем ксендзов и пасторов. С 34 года впервые стало отмечаться явление, когда неформальные лидеры среди работников по собственной воле стали вступать в компартию. Грубо говоря, социальный перелом произошел по завершении индустриализации. А влияние пасторов сильно упало».

А.С.: «Хочу привести еще 1 здоровенную цитату о неуловимости понятия «хозрасчета». «До вступления в период социализма хозрасчет был связан с правом предприятия самостоятельно определять свое место в товарообороте, устанавливать цену, ассортимент, контингент по снабжению и сбыту и т.д. После разрешения вопроса «кто-кого» в пользу социализма в городе и деревне, необходимость в конкуренции социалистических предприятий с капиталистическими внутри страны отпала. Это, однако, не означает, что в условиях вступления СССР в эпоху социализма значение хозрасчета уменьшилось. Роль планового начала гигантски возросла План не действует автоматически: необходимым рычагом плана является хозрасчет – договорная система контроля рублем. В новых условиях хозрасчетная самостоятельность предприятий направлена к тому, чтобы предоставить предприятию право самостоятельно наилучшим образом определять пути и методы выполнения плана, снижения себестоимости, увеличения накопления, мобилизации внутренних ресурсов» («Развитие советской экономики», 1940 год). Хозрасчет в условиях

социализма значит, что «мы вам даем план, а вы сами думайте, как его выполнить». Если его выполнить с меньшими затратами ресурсов, то разница остается у вас, и вы на нее сами делаете себе что-нибудь хорошее.

Ремарка: «Хозрасчет – это средство самоуправления».

А.С.: «Да. А мы возвращаемся к кредитованию. Через 2 года стало понятно, что система долгосрочного кредитования скоро лопнет, потому что непонятно, кто и как будет эти кредиты возвращать. Поэтому в 30 году вышло постановление, что ассигнования по госбюджету по финансированию предприятий являются безвозвратными. Но остаются еще и оборотные средства. Предприятиям дают средства на то, чтобы они строились. То есть, предприятия их не занимают, а получают, так как стройка – это общенародное дело».

Вопрос: «Допустим, Банк долгосрочного кредитования лопнул. Это вообще на банковскую систему повлияло или нет?»

А.С.: «Поскольку все эти банки государственные были, ни на что ю не повлияло. Соответственно говоря, значит, что выяснилось: предприятия активно кредитуют друг друга в обход руководящих органов, что сейчас называют «дебетовкой-кредитовкой». Отпускают товары авансами и точно так же авансом что-то платят под будущие поставки. Причем объемы оказались сопоставимы с банковским кредитованием. Это называется «коммерческий кредит» - 20% от оборотных средств. А государственный кредит – 25% оборотных средств. Когда центральные власти спохватились, что здоровенный кусок денежного обращения выпал из-под централизованного контроля, вышло постановление о том, что прямое кредитование предприятиями друг друга должно быть прекращено. Вместо этого, все расчеты между предприятиями должны идти через государственные банки. Но возникла другая проблема, связанная с тем, что у предприятий собственных оборотных средств фактически не было. То есть, все, что у них было, они вложили в самих себя. И банк стал кредитовать предприятия под план: то есть, условно говоря, есть у него план продукции, вот мы тебе под этот план даем деньги. Выполняешь ты его или нет, выпускаешь продукцию надлежащего качества или нет – никого не интересует. Еще «веселее» - есть у тебя контрагент, который по плану должен твою продукцию закупать, из нее что-то делать. То же самое, хочет он этого или нет – никого не волнует: с него списывают деньги, тебе переводят. Счастье длилось недолго: уже через год вышло следующее постановление: до 20 марта 31 года с 1 мая кредитование идет под конкретные договора, есть право акцента и аккредитива. То есть, средства переводятся со счета 1 предприятия на счет другого после согласия самого этого предприятия.

Вопрос: «Допустим, предприятие хочет получить чугун, но может его не получить. Как оно тогда должно расплатиться?»

А.С.: «Предполагается, что ты можешь договориться с другим поставщиком о чугуна. Ты можешь заключать хоздоговора, с кем хочешь.»

Вопрос: «А какова роль Госснаба в этой системе?»

А.С.: «Я так понимаю, Госснаб был всегда, но он был на уровне Госплана для общехозяйственного балансирования. Связан он был, по первости, с тем, чтоб у нас в масштабах всей страны соблюдался некий баланс – если у нас есть несколько аналогичных предприятий, ты договорился с одним – никто не мешает передоговориться с другим. Более того, сейчас я буду рассказывать про реформу цен: ранее могли договариваться два предприятия, одно из которых находится в Москве, а другое во Владивостоке, но им установили такие транспортные тарифы, что сотрудничать стало невыгодно, и начали искать того, кто поближе.

Вопрос: «Допустим, одно предприятие плохо производит чугун, все отказались с ним сотрудничать, что тогда?»

А.С.: «Допускаю, что руководителя такого предприятия объявляют китайским шпионом, после чего он отправляется в места, не столь отдаленные. Если предприятие регулярно не выполняет планы, то к нему начинают все активнее приглядываться».

Вопрос: «Но план же идет по объему?»

А.С.: «Нет, увеличение качественных показателей».

Вопрос: «Допустим, все показатели плана соблюдены, но предприятие не получило денег. Не знаю, почему не получило, не важно. Тем не менее, сами покупатели отказались от его услуг».

Ремарка: «Нет, такого чуда не бывает. Если произвели нужное количество чугуна нужного качества, непонятно, почему его чугун не будет востребован. Чисто по теории вероятностей в условиях расширяющегося производства это – крайне маловероятная ситуация».

А.С.: «Предполагается, что план постановил произвести какую-то штуку, которая никому не нужна – так?»

Вопрос: «Нет. Предполагается, что есть заводы А и В, производящие чугун. А потом они должны произвести по 100 кг чугуна и заводы С и D покупают по 100 кг чугуна. Завод А произвел 100 кг чугуна, у завода В случился порыв энтузиазма, и они произвели 200 кг чугуна. Заводы С и D купили нужный им чугун у завода В, завод А остался без покупателей».

А.С.: «Если брать ситуацию, когда товар замечательный, но никому не нужен, что нужно, чтоб произошло? Это – отсутствие расширения, это невозможно в условиях ускоренной индустриализации, когда не хватает всего. Как с этим бороться? Во-первых, сводки планов выпускались ежеквартально – шла информация о текущей ситуации, и план не был догмой. Если

читать ведение битвы телеологов с генетиками, то они говорят, что при совпадении всех условий, при энтузиазме трудящихся мы сможем это сделать, если что-то пойдет не так, мы этого не добьемся. План народно-хозяйственный не автоматическая штука. Как это урегулируется? Если это – полуфабрикат, то выпускается больше готовой продукции. И нельзя на пустом месте перевыполнить план. Даже если на несколько процентов перевыполнить план – это нужно что-то делать «умное». Для этого работают целые институты. В инструкциях Госплана везде написано, что он должен стоять «над» и приводить к порядку групповые интересы. Я так понимаю, что там, когда решался вопрос с Вознесенским, что привело к трагическому финалу – то, что товарищ Сталин заявил, что Госплан должен быть вообще безгрешен. Предполагалось, что Госплан, встречные планы, рабочий контроль такие ситуация, как та, в которой один директор – большой друг другого, они должны пресекать. «Косяки» были, и сейчас о них пишут все, кому не лень.

Ремарка: «В 30-е годы все это блокировалось так, что всякие приятельские отношения находились под контролем товарищей по партии того же уровня иерархии, предполагалось, что друзья должны быть особенно требовательны друг к другу».

Вопрос: «А сколько такая ситуация просуществовала?»

А.С.: «У меня нет сведений, когда предприятиям сказали, что они больше не могут выбирать себе поставщиков. Может быть, это в следующих пунктах будет. Сейчас я зачитал кусок про хозрасчет в 20-х, где написано, что предприятия вообще могут делать все, что хотят. Хозрасчет в 30 – им дают план, как они его выполняют, это им самим решать. 30 год – переливы денежных средств идут через банк, там уже банк делает, что хочет. 31 год – говорят, что переводить средства со счета на счет можно в случае с предприятием, которое обеспечено хозяйственными договорами. Идет большая кампания по заключению договоров. На момент 31 года предприятие само должно договориться, кому сбывает итоговую продукцию. Разумеется, оно в общем потребителей знает. Если это тяжелая промышленность – внутренние цепочки, если ширпотреб – либо это госторговля, либо потребкооперация. Опять-таки, в системе торговли существовало даже не 2, а 3 контура – государственная торговля, продкооперация, частная торговля. Тот же самый 31 год – наделение предприятий собственными оборотными средствами по нормативам. Для каждого предприятия в банках вводилось 2 счета – 1 для собственных средств, расчетный, а другой – для заемных средств, ссудный счет. Это – заемные средства на текущие операции, потому что капитальные вложения финансируются не как кредит, а как расход, по бюджетной смете. Если мы хотим что-то строить, но у нас нет денег, мы пишем заявку, что хотим построить цех – и нам просто дают денег; и расчетный, и ссудный счет – текущие операции. Мы сегодня отгрузили свою продукцию, а нам сказали, что деньги привезут завтра. А нам сегодня же нужны деньги. Срочно бежим в банк, просим кредит на 1 день. Это – кредит. Это – ссудный счет.

Мы решили построить цех. Своих денег нет. Где взять деньги? Это не ссудный счет. Это вообще не банк. Это – заявка в наркомат: «Дайте денег из бюджета». Насколько я сейчас понимаю

систему, средства на текущие операции – банковские и возвратные. Средства на капитальные вложения – они безвозвратные. Банк долгосрочного кредитования приказал долго жить.

Сначала мы у тех предприятий, у которых возможно, берем прибыль побольше, потом распределяем на то, что считаем нужным.

Вопрос: «Средства от наркоматов куда шли, на какой счет?»

А.С.: «Я так понимаю, что финансы должны были идти не непосредственно от наркомата, а либо из бюджета по смете, если мы строим тот же завод не своими силами, то они перечисляются специализированной строительной организации, дальше мы имеем дело со строителями. Если своими силами – должен быть еще 1 счет, помимо этих 2, расчетного и ссудного, какой-то счет, на котором чисто капитальное строительство. Битва расчетности и ссудности – на текущие операции. Чтобы «рублем контролировать», чтобы все шло через Госбанк, наверху хотя бы видели эти обороты. 0 ситуация – предприятия кредитуют друг друга, наверху не знают, что делается внизу. 1 итерация – говорят: «Давайте через банк». Отвечают: «А у нас нет оборотных средств». А банк: «А я вас буду тогда по плану кредитовать.» Предприятия: «О, можно работать, как хотим, все равно по плану аккредитуют». Проходит год, банк говорит: «Буду кредитовать под конкретные договора. Договаривайтесь, как раньше, но теперь вы будете «гонять» не между собой, а через меня». 2 года занимает баланс между тем, как сохранить самостоятельность предприятий, но одновременно сделать их подконтрольными центральной власти.

Вопрос: «Кто его придумал?»

А.С.: «Вот этого не знаю.»

Вопрос: «Возлагались ли на банки контрольные функции? Что должны были делать банковские служащие, если видели, что предприятия занимаются операциями, которые им кажутся весьма сомнительными? Расследовали сами или обращались в Комиссию контроля?»

А.С.: «Я думаю, каждый раз в зависимости от того, насколько злостные неплательщики. 32 год – когда ситуация немного стала лучше, снова создаются банки для финансирования капитальных вложений. Для усиления контроля над процессом капиталовложений декретом ЦИК и СНК 10 мая 1932 года была создана система специальных банков для финансирования капиталовложений в области промышленности, сельского хозяйства, товарооборота, коммунального хозяйства». 32 – темпы 2 пятилетки снижены почти в 2 раза по сравнению с 1. Если в 1 пятилетку предполагался рост чуть ли не в 20 с чем-то %, то 2 пятилетка – 16%.

Последний пункт нашей сегодняшней программы – торгово-заготовительные отношения.

Ремарка: «Во всяком случае, до конца 60-х годов плановая экономика росла быстрее рыночной в процессе сравнительной индустриализации».

А.С.: «Хочу отметить, что руководство отслеживало рывок, который вызвал дестабилизацию: 1 пятилетка нарушила отношения города и деревни, частично – принципы хозрасчета, в числе всего прочего были нарушены пропорции между зарплатой и ее товарным покрытием. Как вы помните, в теории, когда составлялся план – 5-летний и годовой, после определения того, как развить промышленность, мы получали данные о том, какое количество рабочих нам нужно, соответственно, данные о том, сколько им платим зарплаты. После этого начинался следующий этап – сколько ширпотреба мы должны произвести, чтобы рабочие свою зарплату могли потратить. На практике в течение 1 пятилетки не удавалось выполнять планы по себестоимости и производительности труда, за счет чего рабочих было больше, чем предполагалось планом, а делали меньше. Возник дисбаланс между суммой денег, которую им выплатили, и суммой товаров, которую можно на нее купить. «Закон преимущественного роста группы А над группой Б», сформированный в хрущевские времена, с тех пор кочующий из учебника в учебник – это не закон, а продукт политического решения с издержками: можно развивать быстрее производство средств производства, можно – ширпотреба, можно делать, чтобы они развивались одинаковыми темпами, разница в издержках. Во 2 пятилетку планировали развивать ширпотреб быстрее, чем тяжелую промышленность, для того, чтоб «закрыть дырку», образовавшуюся в 1 пятилетку. Сделать не удалось. Темпы роста были примерно одинаковые, тяжелая промышленность оказалась чуть быстрее – в структурном плане, план 2 пятилетки не был выполнен, но был выполнен в совокупных объемах показателей.

Соответственно говоря, предпосылки сложившейся ситуации в торговле и заготовках. В 27 – 28 годах «ножницы» между ценами промышленности и сельского хозяйства сомкнулись. А в 28-29 годах относительные цены сельхозпромышленности стали выше промышленных. Если раньше крестьянину надо было продать мешок овса, чтобы купить топор, то теперь топоров научились делать много, ему нужно продать полмешка. У крестьян появляется возможность физически продавать меньший объем продукции для удовлетворения своих нужд. Часть народа перемещается в города, у горожан начинаются проблемы с продовольствием. 27 год – кризис НЭПа, рухнули планы хлебозаготовок, в 28 году принимается решение о начале чрезвычайных мер по стимуляции хлебозаготовок, частичный возврат к продрозверстке. Параллельно с этим, с 28, в части регионов – с 29, во всем Союзе – с 30 года вводятся карточки – нормированные системы распределения. Существует 3 типа магазинов: 1 – торгует по карточкам за фиксированные цены, 2 – государственный коммерческий, который торгует по ценам в несколько раз более высоким, чем цены по карточкам, но более низким, чем цены свободного рынка, 3 – свободный рынок, частично – колхозники, частично – спекулянты-перекупщики. В дополнение к этому существуют отделы рабочего снабжения – ОРСЫ – которые частично занимаются с тем, что требуют промышленную продукцию, где могут, а частично тем, что создают собственные базы – создание совхозов вокруг крупных городов на волне проблем со снабжением рабочих. Наибольшая норма потребления введена для интеллигенции. На 2 месте – рабочие. На 3 – иждивенцы и все остальные.

1928 – начало массовой контрактации сельхозпродукции. Договор с крестьянином о продаже урожая до того, как тот выращен. Охватывает большее количество хозяйств, переходит от договоров с крестьянами к договорам с объединениями. Правительство стимулирует эту систему, формируя 2 системы заготовки – это кооперация и государственные заготовительные компании, чтоб договора были двусторонние: с 1 стороны, мы заключаем договор на будущую продукцию по фиксированным ценам, в том же договоре прописываются обязательства государственного заготовительного объединения по технической помощи крестьянству. Мне кажется, что эта достаточно взаимовыгодная система проработала до 1932 года, поскольку эти цены были меньше цен свободного рынка, что очевидно в ситуации, когда в стране не хватает еды. Поэтому в 32 году система контрактации заменена системой обязательных поставок государству по фиксированным закупочным ценам. Это то, что мы разбирали, когда препарировали доход колхозов. Здесь – это более жесткий нажим, в форме закона. Создается контора Заготзерно по закупке у крестьян зерна по фиксированным ценам – закупает у крестьян и продает горожанам и в пищевую промышленность по фиксированным ценам + налог с оборота – 70 с лишним % цены. Заготзерно забирает прибавочный продукт и перечисляет его государству, после чего решается проблема кормления горожан крестьянами.

32 год – свобода колхозной торговли. Предложено после закупки по заготовительным ценам закупать у колхозников дополнительные объемы продукции на общих основаниях после жесткого решения продовольственной проблемы. В продолжении послабления, 10-15% хлеба разрешено выдавать в качестве аванса на трудодни уже в период уборки, если раньше в колхозе нужно было жить на прошлом урожае до след. Года, теперь можно часть продукции получить в натуральном виде в форме аванса. Еще через год то же самое авансом можно получить еще и в денежной форме. 34 год – разделение Наркомснаба, с 1 января 31 года начинается отмена карточек.

В тяжелой промышленности цены заморожены на всю 1 пятилетку и выполняют исключительно учетные функции. Никого не интересует, сколько на самом деле. Убытки покрываются дотациями из бюджета. 2 вида цен – отпускные цены – цены промышленности, цены реализации на сторону, 2 – цены предприятий, цены внутри треста, объединения. 31 год – рост цен на уголь, лес, некоторые другие стройматериалы, для восстановления прибыльности предприятий промышленности. В группе Б цены остаются неизменными, за исключением налога с оборота. Они увеличены на объем налога с оборота. Существует 2 вида цен, 1 цена – отпускная, промышленная, другая цена – рыночная, по которой можно продавать потребителям, налог с оборота – разница между двумя ценами. Цены промышленности сформированы таким образом, чтобы любая продукция давала предприятиям одинаковую прибыль. Рыночные цены следят за требованиями покупателей, двигаются вместе с ними, чтобы не было очередей и «затоваривания». Налог с оборота является демпфером между рынком и предприятием, уходит государству, с одной стороны, у предприятия не возникает стимулов играть с номенклатурой продукции, что было бичом после косыгинской реформы, с другой стороны, у нас возникает возможность регулировать дефицитность

товаров: как только мы видим большой спрос, мы повышаем налог с оборота, всю разницу государство забирает себе, как результат, повышается отпускная цена, по которой можно купить товар в магазине, за счет чего мы балансируем спрос – предложение. На волне нововведений с 1 января 1935 начинается отмена карточек, для компенсации повышения цен одновременно остается просто государственный магазин – цены в нем – нечто среднее между ценами коммерческого и карточного магазина из прошлого. Чтобы рабочие не пострадали, одновременно проходит индексация зарплаты. С 1 февраля 1936 ликвидируются коммерческие магазины и системы Торгсина, после чего остаются государственные магазины, магазины кооперации, колхозные базары. 36 год – пересмотр отпускной цены промышленности, отмена дотаций, восстановление полного хозрасчета. Цены промышленности пересмотрены таким образом, чтобы все предприятия имели рентабельность 3-5%. Налог с оборота по группе А снижен с 5% до 0,5-2%. В группе А налог с оборота практически исключен, все цены приведены в ситуацию рентабельности 3-5%, часть забирает государство, фиксированные цены и примерно одинаковая прибыльность всех видов продукции – единственная возможность у предприятия «навариться» - снижать себестоимость. Сверхплановая себестоимость – 50% сверхплановой прибыли идет в фонд директора, таким образом, если вы снижаете себестоимость и получаете внеплановую прибыль – половина остается вам и идет на удовлетворение ваших потребностей. В системе группы Б существует демпфер в виде налога с оборота между рыночной конъюнктурой, которую сложно прогнозировать, и отпускными ценами завода, за счет чего у заводов не появляется идеи выпускать более выгодную продукцию, а мы закрываем дефицит. Цены транспорта фиксированы в зависимости от состояния. У потребителей появляется экономический стимул заключать договора с заводами поближе к ним. Дальноводные перевозки занижены, чтобы стимулировать развитие речного транспорта и разгрузить железные дороги. Перевозка угля, дров, сахарной свеклы дотационна, остальные цены введены в состояние, обеспечивающее рентабельность транспорта. Одновременно с этим отменяются дотации на покрытие нерентабельных предприятий. В цене древесины учтена попенная плата, идущая на восстановление лесов. 37-38 годы – еще 1 реформа цен группы Б. 1 группа – единые общесоюзные цены. 2 группа – поясные цены, учитывающие одинаковые транспортные расходы и неодинаковые погодные условия, 3 группа – товары республиканской и местной промышленности, учитывающие местные особенности. Не допускать дефицита и сохранять минимальную рентабельность предприятий-производителей. Общий итог за 28-40 годы: среднегодовой прирост цен группы А – 2, 5%, группы Б – 6, 3%, закупочных цен на с/х продукцию – 9, 6%, рыночных цен – 15, 3%. Несмотря на огромные структурные сдвиги, удалось провести ускоренную индустриализацию фактически без инфляции. Одновременно стимулировалась инициатива снизу и балансировался спрос-предложение на случае прорывов, сохранялся хозрасчет, что позволяло иметь ответственность и сохранять контроль над хозяйствующими субъектами.

Вопрос: «Были ли экономические планы на случай масштабной войны?»

А.С.: «Фактически 3 пятилетка была в срочном порядке пересмотрена в сторону форсирования производства вооружений. Есть книга, выпущенная в 1940, точное название не помню, но «Сырье, обеспечивающее развитие стран, в 1 мировую и иные империалистические войны». Военная угроза была 1 из обоснований 1 пятилетки, 1 из причин, почему не выполнили план 2 пятилетки по ширпотребу, военная угроза «висела» с 20-х годов, перенос промышленности на восток, часть других мероприятий были связаны с подготовкой к войне. Но я старался ориентироваться на то, как с помощью комплекса организационных, бюджетных и прочих мероприятий удалось воплотить в жизнь те грандиозные планы, которые обсуждались на прошлой лекции и повторялись в начале этой».

Лекция 3. Военная экономика

Сафронов А:

Я не знаю, насколько хорошо вы помните прошлую лекцию, поскольку у нас здесь из-за такого сугубо любительского характера наших собраний. Я, по крайней мере, веду лекции по принципу «Что успел прочесть». Прошлая у нас проходила моя лекция, по моему, 4 января. В общем, в начале января. Она была посвящена периоду первых пятилеток довоенных, и мы там старались делать упор на всякого рода организационные мероприятия, которые позволили выполнить те сумасшедшие планы, которые были приняты с началом того, что в Советское время называлось «Периодом социалистического наступления».

Я надеюсь, что сегодня мы методологический подход сохраним. Потому что, когда я начал читать про военную экономику, я столкнулся с тем, что всю эту огромную массу цифр и фактов – запомнить совершенно невозможно. В связи с чем, я прочитал книжку раз, потом, начал перечитывать ее второй раз, как будто ее не читал. Потом взялся за другую книжку. И в конечном итоге, в битве с огромным количеством цифр я потерпел позорное поражение.

Поэтому, мы поступим также, я старался поступать раньше – в самом ближайшем времени я разошлю запись лекции. Я надеюсь, что, хотя бы один из трех диктофонов не подведет. И вместе с ней я разошлю те книги, по которым я готовился, с тем, что, если кого-то, вдруг, позарез заинтересует: сколько же там миллионов тонн стали было выпалено в 43-м году, сколько из них было броневой, а сколько было электростали – то, человек мог бы удовлетворить свое любопытство.

До тех пор, пока я еще не стал таким ходячим справочником, я постараюсь выявить основные моменты, которые обеспечили возможность победы во Второй Мировой войне. Про военную экономику рассказывать относительно просто, в связи с тем, что, в принципе, достаточно понятно, что нужно делать. То есть, если вы хотите выиграть в войне – вам, всего-навсего, нужно, чтобы ваша боевая техника по качеству была лучше, чем техника противника. Чтобы у вас ее было больше, чем у противника. И чтобы ваши люди умели и хотели с ней обращаться.

Но, это, наверное, тот самый случай, когда сказать и сделать – это две большие разницы. Я думаю, что все слышали фразу «Все для фронта, все для победы». И сегодня мы попробуем определить, что за ней скрывалось.

Начать, наверное, нужно с того, что в общем и целом – специфика предвоенных пятилеток, особенно второй и третьей, свидетельствует о том, что в очень большой степени все планы, которые в нее закладывались – действительно были планами подготовки к войне. Поэтому, как уже говорилось в прошлый раз – результаты первой пятилетки бессмысленно рассматривать в отрыве от второй. Потому что в первой, в основном, это были котлованы и стройки, которые стали давать какую-то продукцию больше, чем на пятилетнем горизонте.

А результаты второй и третьей пятилеток, и те цели, которые ставились на тот период времени – их совершенно бессмысленно рассматривать, если мы мысленно выкидываем перспективу войны. Потому что, иначе, это действительно выглядит таким мероприятием из серии «Всех за-мучать и ничего хорошего не сделать».

Слушатель:

А, Вам, можно вопрос?

Сафронов А:

Конечно!

Слушатель:

В какой степени вообще эта необходимость предопределения дальней структуры экономики и его проблемы после войны?

Сафронов А:

Это очень хороший вопрос. Я думал, что по ходу рассказа я буду отмечать эти вещи, которые, как мне кажется, действительно ..., одно там, в относительно недалеком будущем, привели к ряду достаточно таких, неприятных моментов в экономике. Но, так или иначе, если я сейчас немного забегу вперед - до, как минимум, конца четвертой пятилетки, несмотря на то, что приходилось решать целый ряд очень таких напряженных задач, экономика, в целом, как мне кажется, на том уровне, который я сейчас представляю – она была достаточно здоровой. В том смысле, что там, разумеется, были перекосы, но эти перекосы, каким-то образом держались под контролем, и каким-то образом отслеживались. А, начиная с пятой пятилетки – стали нарастать чисто экономические проблемы, которые через 20 лет привели ко всем известным событиям.

Но, мы возвращаемся в довоенный период. Довоенный период характеризовался тем, что, допустим, третья пятилетка дала нам рост военной промышленности на 39% при росте промышленности в среднем по больнице на 13%. Можно сказать, данные по государственному бюджету. Я постараюсь, чтобы цифр было поменьше, потому что,

почему-то у меня у самого с ними..., просто цифры – они, во-первых, сложно запоминаются, во-вторых – это не нужно. Потому что давно напечатаны статистические справочники. Но, чтобы вы понимали: 39-й год – 25% государственного бюджета идет на военные цели; 40-й год – 32% бюджета идет на военные цели; 41-й год – 43% бюджета идет на военные цели.

Слушатель:

Это потому что было запланировано заранее на 45 и больше?

Сафронов А:

Это фактически. Это факт.

Слушатель:

И в том числе, и с половиной уже военной?

Сафронов А:

Да, в том числе, уже с половиной военной. А, по аналогии соотношения, соответственно говоря, последний предвоенный год – на 40-й год на военные цели идет 15% национального дохода, 26% промышленности, 9% сельского хозяйства и 16% транспорта. 42-й год с экономической точки зрения – является самой глубокой ямой. Потому что, начиная со второй половины 42-го года экономические показатели стали улучшаться. И то, что было в 42-м году – оно позволяет оценить именно пере-распределительную часть процессов.

Значит, 42-й год: 55% национального дохода на войну. То есть, больше половины. 68% промышленности работает на войну. 24% сельского хозяйства. 24% - это именно снабжение армии. И 61% транспорта. Соответственно говоря, за 2 года удалось перераспределить все фактически основные народно-хозяйственные пропорции в 3-4 раза для того, чтобы обеспечить нужды военной промышленности.

Как это было? Несмотря на известное всем заявление Ворошилова о том, что мы собираемся бить врага на чужой территории и выиграть войну малой кровью – анализ мероприятий сразу после начала Второй Мировой войны показывает, что наше руководство готовилось к войне тяжелой, долгой и затяжной. И в первую очередь, с точки зрения экономики, первое и главное, что обеспечило победу – это какие-то не поддающиеся осмыслению масштабы эвакуации предприятий.

Достаточно сказать, что уже 1 июля был образован комитет по эвакуации и за период с начала войны по конец ноября 41-го года, было вывезено полторы тысячи предприятий и

около 10 миллионов человек. А за весь период эвакуации – было эвакуировано 2,5 тысячи предприятий. Причем, надо понимать, что вывозка одного предприятия – это несколько десятков железнодорожных эшелонов. Не вагонов, а поездов.

Первым организационным мероприятием с момента начала войны – стало создание государственного комитета обороны, который возглавил Сталин. При этом, все гражданские органы власти оставались действовать. То есть, точно также действовал Верховный совет, и точно также действовал совет народных комиссаров. Государственный комитет обороны, насколько я понимаю, выполнял функции некоего такого постоянно действующего съезда партии, в том части, в которой съезд задавал директивы.

Если кто-то помнит предыдущую лекцию – я там рассказывал основные принципы клановой системы. Когда партия дает некие основные направления развития. На основании этих направлений гос. план делает более или менее сбалансированный план в укрупненных показателях. Потом, этот укрупненный план разбрасывается по наркоматам и детализируется в пределах тех лимитов, которые им дают для соблюдения пропорций.

Соответственно, насколько я понимаю, ГКО – действовал, примерно также. То есть, в нем был основной штаб руководства экономикой и ГКО следило за тем, чтобы все наркоматы работали согласованно. Я напоминаю, что для того, чтобы решать хозяйственные вопросы и не допускать ведомственности, которая во второй половине существования Советского Союза – стала бичом Советской системы. Действовал сов. нарком. При нем, так называемый, малый сов. нарком., или «Вермишельная комиссия», которая занималась утряской мелких трений между отдельными наркоматами.

И, поскольку в период предвоенного десятилетия, достаточно серьезно разветвилась система наркоматов, то для того, чтобы лучше их утрясать друг с другом, появились, так называемые, экономические совещания по крупным блокам народного хозяйства. Я так понимаю, что с экономической точки зрения, деятельность ГКО – можно считать таким совещанием совещаний. То есть, это была структура, которая одновременно давала основные плановые установки наркоматам, и одновременно с этим увязывала различные, как сейчас говорят «Тёрки», между наркоматами друг с другом, для того, чтобы они не тратили на это время.

Из-за войны, естественным образом произошел процесс избавления системы от бюрократизма. В том смысле, что те соглашения, которые раньше обязательно оформлялись хозяйственными договорами, согласовывались, и, в общем-то, процесс был достаточно длительным. Теперь, по мере возможности визировались по телефону. На наиболее крупных объектах дежурили заместители наркомов, которые постоянно контролировали, что там происходит и оперативно решали всевозможные вопросы.

Тогда же, 1 июля, если мне не подводит память – были расширены права наркомов. Им дали право самостоятельно изменять внутри своих наркоматов лимиты между предприятиями. Перекидывать между предприятиями объемы капитальных вложений, объемы сырья, материалов. Те текущие средства пускать на капитальные вложения, а капитальные средства пускать на текущие. То есть, с этих позиций, немного была нарушена иерархия, когда гос. план должен согласовывать основные народно-хозяйственные пропорции, с другой стороны – у наркомов появилась возможность достаточно оперативно

отвечать на те проблемы, которые возникали в процессе перестройки хозяйства на военный лад.

Чтобы завершить тему организационных перестроек: какие изменения произошли за войну, именно в структуре управления народным хозяйством? В первую очередь, как уже было сказано, это создание государственного комитета обороны - это ген. штаб всего, условно говоря. Во-вторую – это создание двух наркоматов, о которых не позаботились до начала войны и что пришлось исправлять в процессе. Осенью 41-го года был создан наркомат танковой промышленности и наркомат минометных вооружений. Наверное, переврал название, но, в общем, наркомат, который занимался исключительно выпуском минометов.

Проблема военной промышленности тех времен заключалась в том, что на этапе, непосредственно перед Второй Мировой, в процессе и непосредственно после, произошло несколько таких локальных технологических революций, в связи с чем техника очень быстро устаревала. У нас, по свидетельствам нескольких людей, чьи книжки я читал, подобного рода вещь – сослужила плохую службу в отношении авиационной промышленности. Потому что по результатам второй пятилетки у нас были созданы новые образцы самолетов, которые на ту пору считались лучшими в Море. И они неплохо показали себя во время войны в Испании, а также, очень неплохо дрались в небе Китая, где, собственно говоря, их полулегально обкатывали.

За счет чего у руководства возникло некоторое успокоение на счет уровня нашей авиационной промышленности. И то, что непосредственно перед Второй Мировой у немцев появилось новое поколение истребителей – наши, не то чтобы проморгали, но, во всяком случае, отреагировали на него менее тревожно, чем надо было реагировать.

Аналогичным образом очень быстро устаревала и другая техника. В связи с чем, во многом, те образцы техники, которые были наработаны за время первой и второй пятилетки, к началу Второй Мировой войны утратили свою...

Слушатель:

Значимость.

Сафронов А:

Свою значимость, да. Известный пример, что в самом начале войны наш танк КВ не пробивался никакими немецкими танками, за счет чего он мог вести себя, как «Терминатор» на поле боя.

Слушатель:

Ну, по-моему, не совсем так.

Слушатель:

Если доезжал, поскольку, очень часто были проблемы технического характера. Но, поскольку убытка в выпуске не было, потому получались часто некачественные танки.

Сафронов А:

Но, в общем, через некоторое время он это свое преимущество потерял, потому что немцы перестроились на более мощное производство танков. Как бы там ни было, поскольку у нас непосредственно обсуждение вооружений не является темой лекции, то, давайте с вами поговорим о том, что нужно, чтобы их производить.

Соответственно, первое, что было сделано – это спешная эвакуация на Восток. Эвакуация проходила во многом стихийно, но одновременно с этим, хаоса и неразберихи удалось избежать.

Я сейчас накопаю, у меня здесь где-то было хорошо прямо по дням расписано, как это происходило. Потому что это очень...

Сафронов А:

Вот, 24 июня образован совет по эвакуации при ГКО. 25 июня принято решение о создании новой базы танкостроения на Востоке. 27 июня принято постановление о порядке вывоза людей и имущества. Таким образом, для того, чтобы сориентироваться и принять первые действия о том, что и куда везти – совету понадобилось 3 дня. 8 июля образованы особые мобильные и строительно-монтажные части, главной задачей которых было быстро разобрать кучу заводов, погрузить их, переехать вместе с ними и быстро собрать на новом месте.

Вопрос о том, откуда бралось новое место. Новое место бралось отовсюду, где можно было это сделать. В первую очередь, использовались пустующие площадки заводов на Востоке. Во вторую очередь, использовались пустующие здания недалеко от заводов. Иногда здания непромышленного назначения. То есть, выгоняли какую-нибудь школу, или какую-нибудь местную администрацию и размещали там станки. В особо суровых случаях использовали полянку под открытым небом. Есть свидетельства о том, что некоторые заводы начинали давать продукцию буквально в каком-то сосняке, когда там на ветках были проложены провода.

Слушатель:

Яковлев же об этом и писал, Александр Сергеевич.

Сафронов А:

Ну, да. Но, я, все-таки, думаю, что таких было не очень много. Но, такое тоже встречалось.

Слушатель:

Я помню что-то, по какому-то такому рассказу я писал в школе то ли изложение, то ли сочинение.

Сафронов А:

Я уверен, что такие факты – они наверняка использовались в воспитании подрастающего поколения. Но, понятно, что завод, который стоит в чистом поле – он работает немного хуже, чем тот завод, у которого есть крыша.

Слушатель:

Я слышал такое было, когда под Сталинградом надо было, ну, соответственно, на другом берегу Волги развернуть производство самолетов максимально быстро. Зам. пред. министра авиастроения, фамилия вылетела, но, он единственный гражданский награжденный орденом «Победа», который был **(23:55) (неразборчиво)**.

Слушатель:

Гражданских с полководческим орденом «Победа» не было никогда.

Слушатель:

Надо написать в Википедия: «Награжденные орденом Победа».

Слушатель:

Ну, да. В общем...

Слушатель:

Давайте, пока, да, примем. Давайте сойдемся на том, что все верят, что такое было.

Слушатель:

Я правильно понимаю, что такие площадки уже с заранее подведенными коммуникациями, как бы их впрок заготавливали?

Сафронов А:

Их впрок заготавливали. Но, я нигде не нашел, что их заготавливали именно под эвакуацию. Все мои книжки пишут о том, что это были площадки – задел под новое строительство тех заводов, которые там уже были. И это еще один такой момент, что называется, двойного назначения. Потому что, с одной стороны, в лоб, наверняка этого никто не писал, а с другой стороны, когда нужно было срочно увеличивать мощности металлургических заводов на Востоке, а также, мощности по добыче топлива, то, в первую очередь, воспользовались заделами, которые были на ту пору сделаны. То есть, срочно достраивали то, что начали стройку до войны. И я так понимаю, что такого было достаточно много.

То есть, на момент начала войны на Востоке было большое количество «незавершенки». И эта «незавершенка» сыграла очень позитивную роль, когда туда прибыли эшелоны с оборудованием. Соответственно говоря, как шли эшелоны – понятно, что там сотни составов, которые идут по одному единственному Транссибу. Они этот Транссиб забивают и если специально ничего не сделать, то там будет адская пробка. Что делалось? Ну, понятно, что НКПС стоял на ушах все это время. По утрам старались пропустить эшелоны на Запад с войсками, после этого, по всем колеям шли эшелоны на Восток. То есть, движение по встречной полосе.

Слушатель:

А, если не успевали до пункта назначения? Их перегоняли на какие-то запасные пути и просто освобождали путь?

Сафронов А:

Да, в том числе.

Слушатель:

Ну, на станциях просто.

Слушатель:

А людей, когда? Надо же еще работников вывозить.

Сафронов А.:

Работников вывозили вместе с оборудованием. В тех же составах преимущественно. На всем пути следования были сделаны пункты горячего питания. И где это было возможно – пункты медицинской помощи. Потому что работникам ехать в товарных вагонах с оборудованием – тоже было не сладко. И за счет того, что несмотря на все старания, эшелоны часто по несколько часов стояли в ожидании, когда их можно было пропустить. Это время использовалось для того, чтобы этих людей накормить и по возможности, как-то привести в чувство.

Были образованы специальные органы помимо совета по эвакуации для того, чтобы улучшить именно работу транспорта. Это был транспортный комитет при ГКО. Центральное управление военных сообщений при наркомате обороны. Ну, и собственного говоря, сам НКПС – народный комиссариат путей и сообщений.

Как они взаимодействовали друг с другом? Транспортный комитет раздавал лимиты, соответственно говоря, сколько эшелонов выделить на каждое направление. Центральное управление военных сообщений получив эти лимиты уже определяло, в какой мере и куда можно и нужно возить войска. И после этого эти сведения доводились до НКПС с тем, что там решили, как в сложившейся ситуации можно вести эшелоны с оборудованием. После того, как большая часть оборудования была вывезена, транспортный комитет самораспустился и его функции перешли к центральному управлению военных сообщений.

После этого, военные определяли: сколько и на каких направлениях нужно транспорта. А НКПС уже старался эти заявки выполнить. Как я говорил, в 42-м году – 61% транспорта работал на военные нужды. Но, надо понимать, что в середине 42-го года эвакуация практически закончилась.

Что еще помогало эвакуации? Помогало то, что немцы до конца 41-го года все еще надеялись на Блицкриг. И поэтому, не спешили бомбить те заводы, которые они надеялись использовать. За счет этого, к примеру, меньше пострадали авиационные заводы. Потому что, в общем-то, к тому времени, когда немцы поняли, что нужно их уже уничтожать – большую часть успели вывезти.

Кроме того, железнодорожники проявляли чудеса смекалки и сообразительности, и в среднем, восстановление путей после авианалета занимало – 6 часов. Железнодорожники, каким-то образом, научились в полевых условиях очень быстро выпрямлять гнутые рельсы и сваривать их.

Что нужно для военной промышленности? Военпром состоит из черной металлургии – понятно, это основное сырье. Цветная металлургия, которая существенным образом повышает качество.

Слушатель:

Добавки.

Сафронов А.:

Да, добавки. Она требует машиностроения для обработки всего этого дела. И это, грубо говоря, первый круг. То есть, первый уровень народно-хозяйственных связей. Следующий уровень – уже для металлургии нужна руда черная и цветная. Для ее выплавки – нужны коксующиеся угли. Для того, чтобы все это ездило – нужен бензин, желателен высококачественный. И для того, чтобы все это довезти до линии фронта – нужны более или менее рабочие дороги и средства передвижения.

В экономической плоскости, лозунг «Все для фронта, все для победы», выразился в том, что внимание озвученным отраслям – уделялось пропорционально тому, насколько близко они стояли к военному. То есть, военпром – для него делалось все, что можно. Для металлургических и машиностроительных заводов – по мере возможности. Производство топлива, еды, одежды и все остальное – как пойдет. Поскольку, без топлива все-равно ничего не работает, то, через какое-то время, топливо – стало узким местом, которое лимитировало развитие военной промышленности фактически до конца войны.

Что, опять-таки, помогало? Как я уже говорил, по аналогии с заделами нового строительства на новых площадках Восточных заводов – были созданы заделы по геологоразведке. В третьей пятилетке немного замедлилось развитие черной металлургии, но шли активные геологоразведочные работы. Были открыты новые рудники, которые не вводились в строй, потому что на ту пору не успели. Но, эти новые рудники, в частности, очень помогли нам, допустим, по марганцу, молибдену и другим цветным металлам, которые существенным образом изменяют качество стали.

Слушатель:

А, какие основные регионы этим занимались?

Сафронов А.:

Ну, вот, здесь очень упирают на некую шахту «Полуночную». Я думаю, что интернет расскажет, где она находилась. Но, регионов было 2 основных, это: Урал и Северных Казахстан. Цветные металлы обитают в районе озера Балхаш – там медный комбинат, но в этих рудах, помимо меди, еще много всего другого. И на Южном Урале – всем известный на Южном Урале Карабаш, лунный пейзаж, на который можно смотреть хроники экологической катастрофы. И, так понимаю, недалеко от него.

То есть, надо понимать, что на ту пору, ресурсы Западной Сибири и Восточной Сибири – они были частично открыты, но мало освоены. Поэтому, я, когда в школе изучал, что немцы ломались на Кавказ, потому что их привлекала нефть – я не мог понять, что мне говорит мой учебник, потому что сейчас нефть ассоциируется исключительно с Сибирью, на худой конец с Башкирией. Но, тогда ничего этого не было.

Слушатель:

Не, ну было...

Сафронов А:

База «Второй Баку» только стала создаваться.

Слушатель:

Чечня с нефтью ассоциируется.

Слушатель:

Это еще с Первой Мировой.

Слушатель:

Задолго до Первой Мировой.

Слушатель:

Ну, да.

Слушатель:

«Рассвет Баку», я думаю, если бы (33:56) (неразборчиво) я об этом мог бы рассказать.

Слушатель:

В 30-е годы освоили «Второе Баку».

Сафронов А:

Вот, я как раз, про него говорил. Вот.

9 ноября 41-го года стройки черной металлургии объявлены ударными стройками постановлением ГКО с созданием аналога труд армии. Соответственно говоря, строители

объектов черной металлургии, приравниваются к военнообязанным со всеми вытекающими. Соответственно, я напоминаю, что, по-моему, еще в 40-м году произошло радикальное ужесточение трудового законодательства, по которому нельзя было самовольно переходить с одного предприятия на другое. В конце 41-го года, из-за всем понятных условий, я не помню, то ли на всех предприятиях, то ли на большинстве предприятий промышленности – было введено фактически военное положение, по которому, если человек не выходил на работу, то он приравнивался к дезертиру. Поэтому, энтузиазм – энтузиазмом, но он подкреплялся соответствующими законами.

На план на 42-й год наркомату строительства были выделены ресурсы на ускоренное строительство домен и мартеновских печей в Восточных регионах страны. Про планы, я забыл сказать, опять-таки, чтобы понимать степень готовности к войне, как я уже говорил, 24 июня создан комитет по эвакуации, 1 июля принят мобилизационный план на 3-й квартал 41-го года. В конце августа – принят мобилизационный план на 4-й квартал 41-го года. Я думаю, все понимают, что план на квартал работы такой страны, как Советский Союз – за неделю, из пустоты создать невозможное. Несмотря на то, что в книжках просто пишется, он принят 1 июля – надо понимать, что его черновик с небольшими вариантами, явно разрабатывался немного заранее.

Слушатель:

По персоналиям – кто скорее всего это делал?

Сафронов А.:

По персоналиям – в отношении..., руководителем Госплана на ту пору был Вознесенский. Руководством эвакуации сначала назначили руководить Когановича, но буквально через 2 недели заменили на Шверника. Соответственно говоря, правой рукой Шверника был Косыгин, который на этой эвакуации, собственно говоря, и поднялся.

Слушатель:

У Косыгина в этом плане серьезные заслуги.

Сафронов А.:

В этом плане, да.

Слушатель:

Ага, ясно-ясно.

Сафронов А.:

Что еще делалось, чтобы ускорить достройку тех предприятий, которые начали строить? Ну, понятно – трудовая армия, понятно. Кнудом и пряником – социалистическое соревнование, повышение зарплаты, премии за ударничество и всемирное развитие рационализаторства. Там в книжках приводятся данные по количеству рацпредложений, поданных простыми людьми и внедренных. Но, там счет идет на тысячи. В итоге удалось снизить сроки строительства предприятий в 2-3 раза, по сравнению с довоенным периодом.

Одновременно с этим было принято постановление, по-моему, совнаркома о том, что разрешается возводить упрощенные, облегченные конструкции со сроком службы несколько лет. Но, в переводе на русский: стройте так, чтобы просто была крыша, и чтобы эта крыша в течение 2 лет не упала на рабочих, остальное не важно. В итоге доходило до того, что удавалось вводить предприятия тяжелой промышленности в строй после эвакуации за 2 месяца – не все, но отдельные. И, допустим, тот завод, который строился до войны 3 года с хвостиком – во время войны строился год.

Например, на Магнитогорском металлургическом комбинате, 5-ю по счету домну вбили в конце 42-го года – она была построена за 7 месяцев. Притом, что первые домны строились, практически всю первую пятилетку.

В качестве такого маленького штриха о том, что еще делалось – например, сталевар, который выплавлял ударными количествами, перевыполнял план по стали – он считался гвардейцем той части, которая воевала его металлом. И наравне с ними награждался, в зависимости от заслуг в его части.

Слушатель:

Вполне. Чтобы сопричастность проследить, да!?

Сафронов А.:

Да, конечно.

Слушатель:

Это очень даже (39:35) (неразборчиво).

Слушатель:

А, вот такой, встроенный вопрос у меня, когда я учился в школе, все время возникал: в Советское время очень любили пиарить колхозников, которые там сдавали миллионы рублей на танк, на самолет. Откуда у колхозника эти деньги?

Слушатель:

Там не колхозники. Там колхозы.

Слушатель:

Ну, Ферапонт Головатый, например, был такой.

Слушатель:

Да.

Слушатель:

Этот вопрос надо прояснить. Что-то я про колхозы слышал...

Слушатель:

Это персонале.

Слушатель:

Ну, про персонале там...

Слушатель:

Отдельные люди были тоже.

Сафронов А:

Ну, скажем так, по ударникам, если, опять-таки, если кто помнит прошлую лекцию – там Стахановское движение. Стахановцам – им платили адекватно их достижениям. Поэтому, если кто-то перевыполнял нормы, там, в 10 раз, не потому что у него кулаки размером с арбуз, а потому что он придумал какую-то штуку, которая изменила процесс

производства. То, соответственно говоря, он получал зарплату в 10 раз больше. Плюс к этому, в войну были нарушены пропорции в производительности труда и заработной плате.

Чуть позже, если дойдем, я буду рассказывать про государственный бюджет. И точно также, как в Первую Мировую – не обошлось без дополнительной эмиссии.

Слушатель:

Это же самое интересное.

Слушатель:

Володь, могу сказать про колхозников. Я некоторые конкретные случаи знаю. Просто были области, не подлежащие обобществлению. Например, пчеловодство. И там один из этих граждан, которые сдали действительно, чуть ли не на целый танк – он на пасеках зарабатывал.

Слушатель:

Нет, это я слышал. Но, цена на мед не позволяла, тем не менее, заработать миллион в кубышку 40-го года. Да, давай не будем мешать.

Слушатель:

Прошу прощения, а танк сколько мог стоить тогда?

Слушатель:

Ну, не миллион.

Сафронов А.:

Я сейчас скажу. Значит, я могу сказать, что стоимость танка очень сильно изменялась во Вторую Мировую войну. И в начале 41-го года танк Т-34 стоил значительно больше, чем он стал стоить в конце войны. Сейчас я попытаюсь за какое-то приемлемое количество времени найти правильные данные. Я бы, все-равно, об этом говорил, когда бы я говорил про повышение производительности труда.

Слушатель:

Это потому что изобрели сваривание...

Слушатель:

Да-да...

Слушатель:

Башню поменяли на более простую.

Сафронов А:

Здесь россыпью дается огромное количество всяких мелких улучшений. Мелких и не очень мелких. Например, по броневой стали – ее научились выплавлять в мартенах. То есть, до войны, насколько я понимаю, самая лучшая сталь получалась там, практически исключительно электричеством – вот, собственно, электросталь под Москвой, она этим занималась. И во время войны были разработаны, скажем так, то, что решило проблему броневой стали – одно, это выплавка в мартенах. Фактически, каким-то образом, стали получать броневую сталь так, как раньше получали обыкновенную. А, второе – броневой лист научились катать на блюмингах. То есть, точно также, как раньше прокатывали железо для крыш – научились таким же образом катать железо для танков.

Слушатель:

Я чувствую свою вину за этот вопрос, потому что я Вас отвлек от линии...

Сафронов А:

Нет. Я бы, все-равно, стал об этом рассказывать. Другое дело, что за конкретными цифрами бы не полез. Сейчас, если я в течение полутора минут найду, то... Так, тактико-технические. Вот, я нашел тактико-технические, что танк Т-34 в конце войны – это совсем не то, что танк Т-34 вначале.

Слушатель:

Это Т-34-85 – это другой танк.

Сафронов А:

В целом, в эвакуацию отправили 65% заводов, подчиненных наркомату обороны. Была красивая таблица: сколько стоил до и сколько стал стоить после.

Слушатель:

Ну, не суть важно. То есть, общую тенденцию мы уже поняли – уменьшение стоимости.

Сафронов А:

Нет, если я найду конкретные цифры, то я скажу, сколько стоил танк Т-34 и мы узнаем, сколько надо было копить простому колхознику.

Слушатель:

Не уверен, что это принципиально.

Слушатель:

Какая-то доля была внесена на заводах, а какая в специализированных учреждениях.

Сафронов А:

Все, занимались все. И я так понимаю, что на итект производства – там большей частью простые работяги старались.

Слушатель:

Танк поступал в войска – его там пытались как-то...

Сафронов А:

Да-да.

Слушатель:

Например, Калашников.

Сафронов А:

Т-34 – его же, чуть было не забраковали. Потому что, первую партию выпустили, она поучаствовала в пробеге, оказалось куча недоделок. И в конечном итоге, кстати говоря, Ворошилов сказал, что ладно, я им верю, дайте им время, чтобы они его докрутили до ума.

Вот, кстати, корпуса танков изготовляла судостроительная фабрика. Многие детали стал выпускать метизный завод. Среди смежников были также, кожевенный завод и швейная фабрика, типография и несколько отелей.

Слушатель:

Ничего себе.

Сафронов А:

Ну, понятно, что их все перепрофилировали. То есть, допустим, многие заводы пищевой промышленности, когда пищевая промышленность осталась без сырья – они перевелись на производство всякой химической штуки, либо составляющей части всяких взрывчатых веществ. Либо, начали осваивать пенициллин и другие какие-то пасты для заживления ран. Либо, вообще, какие-то химикалии против химической атаки, против отравляющие.

Слушатель:

Антидоты.

Сафронов А:

Да, антидоты. Ладно, не найду. Извините, не найду.

Вот, ладно, я честно отвечу на вопрос: сколько стоил танк – потом. Это делается путем оцифровки книги с текстом и потом, поиск по ключевым словам. Я знаю, что книжки, которые я потом рассылаю, после лекции – никто не читает. Я призываю изменить эту традицию, либо мой блокнотик-подсказка.

Да, соответственно говоря, в Восточных областях удалось увеличить производство металла в полтора раза за войну, общими усилиями. Но, металл – это еще не все. Что делалось с топливом? С топливом делались достаточно неприятные вещи, связанные с тем, что шахту хрен-два вывезешь. Если завод можно разобрать, повезти, перевезти на другое место и там собрать. То, с залежами угля – такое не прокатывает. Поэтому, несмотря на все усилия по развитию Кузбасса, Донбасс давал чуть ли не 60 с хвостиком процентов общей добычи угля. И поэтому, когда немцы его захватили – все стало резко плохо.

Вот, у меня есть... А, нет, вру. Донбасс давал чуть больше половины. Значит, путем нечеловеческих усилий, удалось к 40-му году поднять, по сравнению с 13-м, в лучших традициях Советской статистики. Значит, Кузбасс с 40-й к 13-му рос добычей в 24 раза. На 40-й год – это 13% общей Союзной добычи. Подмосковский бассейн с 40-й к 13-му – рос добычей в 33 раза. Несмотря на такие темпы роста – он давал 6%. Донбасс – давал 50 с хвостиком процентов.

Слушатель:

А, остальное, кто давал?

Сафронов А:

А, остальное – всякая мелочь.

Слушатель:

В Коми – что-то было в этот момент?

Сафронов А:

В Коми... Печерский бассейн только начали осваивать. Значит, что делалось? А, вот – добыча угля в оккупированных районах – 63% от всей добычи. Я помню, что где-то 60 фигурировало.

Рудоремонтные заводы изменены так, чтобы они стали выпускать горн-шахтное оборудование.

Слушатель:

Какие ремонтные?

Сафронов А:

Рудо. Значит, я так понимаю, что ремонтные заводы при шахтах Кузбасса и других мест – с ремонта оборудования были переведены на его выпуск. Была построена Северо-Печерская магистраль для вывоза угля из Печеры. Были построены несколько веток железной дороги от Каспийского моря до Саратова для того, чтобы окружным путем вывозить нефть. Потому что до Баку немцы не добрались, но они отрезали нормальные пути ее подвоза. Нефть из Баку переплавляли через Каспийское море в бочках, потом эти бочки

ставили на колеса. Бочки – цистерны. И потом, везли через Север Казахстана. И потом окружным путем.

В связи с этим, через какое-то время, поскольку так возить долго и дорого – так стали возить только авиационный бензин. И несмотря на то, что непосредственно до Баку война не дошла, но добычу там пришлось свернуть. Добычу Грозного и Майкопа – понятно, накрылась «медным тазом». И причем, надо сказать, что наши при отступлении там все так все качественно подорвали, опасаясь того, что немцы, все-таки, смогут ее использовать, что добычу в Грозном и Майкопе не могли восстановить несколько лет после войны.

Аналогичным образом, очень качественно наши и немцы – все вместе, поработали в Донбассе. Потому что, по данным самих фашистов – у них очень туго и тяжело шло восстановление. И доходило до того, что эти паровозы, пока они довозили Донбасский уголь до Германии – большую часть угля они сжигали в процессе доставки. Плюс, наши старались, саботировали восстановление, по мере возможности. И в итоге, в общем и целом – тот экономический эффект, на который немцы рассчитывали, захватывая Украину и наступая на Кавказ – он, в общем и целом, достигнут не был.

То есть, объединенными усилиями Советских подрывников больших расстояний и Советских саботажников – использовать Украину для расширения ресурсной базы, по большому счету не удалось. Разумеется, оттуда много чего вывезли. Но, вывезли, большей частью запасы, созданные нашими до начала войны. Потому что, понятно, что все эвакуировать было невозможно. И запасы руды, или угля, которые уже извлекли на поверхность – их, разумеется, оставили там, где они были.

5 февраля 42-го года – начало восстановления Подмосковного угольного бассейна. 8 сентября 43-го года – полное освобождение Донбасса. На конец 44-го года в Донбассе действует 17 заводов из 20 подчиняющихся главному управлению металлической промышленности.

Если не брать Донбасс, то за войну, добычу угля увеличили на 40%. Кавказ давал 87% общесоюзной добычи нефти. Во время войны, я уже сказал, что там было. В общем, добыча нефти упала в 2 раза в среднем по больнице. Аналогичным образом добыча топлива в целом, точно также, упала в 2 раза.

Поэтому, если в 2-х словах охарактеризовать военную промышленность и задачи военной промышленности, то задача звучит следующим образом: как имея в 2 раза меньше ресурсов, произвести в 2,5 раза больше продукции. Кто решил – тот выиграл войну.

Слушатель:

А, как с производительностью труда? Вот, если сравнивать, например, Советских рабочих и немецких.

Сафронов А:

У меня по немецким рабочим данных не очень много. Потому что у меня...

Слушатель:

Или Чешских.

Сафронов А:

По Чешским рабочим у меня данных нет вообще.

Слушатель:

А, причем тут Чешские рабочие?

Слушатель:

Они работали лучше.

Слушатель:

Очень хорошо работали. 40 немецких...

Слушатель:

Процент саботажа меньше сильно. Я читал такие данные. Но, они не экономические, а скажем так, социально-политические.

Сафронов А:

У меня есть только... Я сейчас готов сказать только обзорно...

Слушатель:

Да, о Советских.

Сафронов А:

Нет, я могу сказать про Германию, только так, совсем обзорно, поскольку у нас был период, когда мы сотрудничали после Ропальских мирных соглашений, до прихода Гитлера к власти, то, в каком-то смысле, они скопировали у нас систему управления промышленностью с поправкой на свои условия. У них точно также, были главки. У них было, по-моему, штук 30, или 31, которые представляли из себя вертикально интегрированные, как сейчас говорят, холдинги по управлению, начиная от каких-то министров и заканчивая конкретными заводами.

И при каждой такой укрупненной отрасли существовала некоторая ресурсная база – так называемые ринги, или кольца, которые поставляли ей ресурсы. То есть, там тоже была очень такая централизованная система жесткая. Профсоюз свой они разогнали, чтобы не мешали. Вместо этого создали комитет согласия, куда пополам входили представители администрации и рабочих, которые в рабочем порядке старались решать какие-то вопросы, связанные с уровнем жизни простых работяг.

У них был принят в 36-м, по-моему, году – четырехлетний план развития народного хозяйства, который, я так понимаю, они тоже во многом скопировали по принципам у нас. И в качестве маленькой ремарки, в общем-то, если вы читаете мой журнал – вы знаете, что я там выкладываю книжки. И многие книжки по планированию мне предоставляет некий неведомый товарищ, который сейчас обитает в Германии и копает там немецкие библиотеки. И вы, иногда, скачивая книги, можете на обложке увидеть красивый штампель с орлом и свастикой. То есть, каким-то образом немцы вывезли, именно немцы периода 3-го рейха, вывезли дофига Советской плановой литературы. И очевидно, ее там осваивали.

Возвращаясь к топливу: «Второй Баку» - рост в полтора раза, Сахалин – рост в полтора раза. Начало использования природного газа, начало строительства газопроводов: Бугуруслан - Куйбышев и Саратов – Москва. Несмотря на все эти усилия, ситуация выглядит следующим образом: 43-й год – добыча топлива 59% от 40-го года, в производстве военной промышленности – 224% от 40-го года. То есть, еще раз: «Как имея в 2 раза меньше, сделать в 2,5 раза больше».

Электроэнергия: до начала войны – электроэнергия, из всех отраслей у нас была наиболее успешной. Все знают, что план ГОЭЛРО был выполнен и перевыполнен. Меньшая часть народа знает, что после провала попытки создать генплан развития – вместо генплана был принят второй план электрификации, который обозначил некие такие долгосрочные цели развития на вторую, третью и последующие пятилетки.

Принципы развития электроэнергетики: темп роста электрификации – быстрее темпа роста промышленности; концентрация и централизация; использование местных ресурсов, по возможности; в части строительства ГЭС – попытка комплексного решения проблем электроэнергетики, судоходства и орошения, то есть, по возможности 3 в 1; и теплофикация. Теплофикация – это, чтобы отработанный пар подавался с ТЭЦ в системы центрального отопления городов. Поэтому, у нас практически все тепло-станции, которые есть в Москве – они одновременно являются теплоцентральными. То есть, получаем электрическую и тепловую энергию вместе.

Из-за наступления фашистов мы потеряли 40% электрических мощностей. Как решалась проблема? Первое – принцип такой же, как и во всем остальном – ввод новых

мощностей на действующих станциях. То есть, везде, я так понимаю, к началу войны были созданы заделы, которые удалось с большим, или меньшим успехом во время войны использовать. Почти все заводы электрооборудования оказались на Западе, но 90% из них удалось вывезти.

Поскольку вывозить иногда приходилось не очень организованно – в 42-м году прошла глобальная перепись оборудования, проведенная ЦСО – центральным стат. управлением, после которой стало понятно: куда и что распахали, когда срочно все вывозили. Несмотря на все те меры по эвакуации, о которых я так долго и мучительно рассказывал – иногда случалось, что грузы оказывались либо без документов, либо не конкретные – в таких случаях, иногда, если стоит эшелон непонятно откуда он и куда, то, иногда, груз просто выгружали в поле и он оставался там ржаветь до тех пор, пока хозяин не найдется.

Слушатель:

А, сопровождающих не было в этих эшелонах?

Сафронов А.:

Сопровождающие были. Все-все было, но, иногда получалось так. Кроме того, иногда, если станция прибытия была забита под завязку, то оборудование выгружали на ближайшую станцию на свободную, а дальше, как пойдет. Это к вопросу о том, почему приходилось иногда работать под елками.

Слушатель:

Алексей, а как с военным производством продовольствия? Поскольку потери сельхозземель были еще более масштабными.

Сафронов А.:

Если в двух словах, то плохо.

Слушатель:

Вот, если сравнивать 43-й год с 40-м?

Сафронов А.:

Сейчас дойдем. Так, перепись оборудования провели. Что, куда распахали узнали. 43-й год – создание технического совета наркомата электростанций. Подключение академии наук, в том числе Хржановского, Интро и других таких сокалов. В общем, каким-то образом удалось не только восстанавливать электростанции, но и повышать их технические характеристики. В войну были введены прямоточные паровые котлы, новые типы турбогенераторов и в конечном итоге, составление новых проектов электростанций стало занимать в 6-8 раз меньше времени, чем это было до войны.

То есть, как ни странно, несмотря на адскую гонку первых пятилеток – оказалось, что можно еще быстрее, еще экономнее, но, при этом с кучей издержек. Что касается производительности труда – поскольку здесь средним по больнице не обойдешься, то, должен сказать, что, допустим, в том же Кузбассе – она упала на производстве именно угла. Ну, как производстве – добыче.

Почему она упала? Она упала по нескольким причинам: первая причина – нехватка специалистов. Потому что, как решалась проблема угля? Срочно открывали новые шахты, начинали копать новые разрезы – для этого требовалось просто больше людей. Больше людей – соответственно, приходят необученные люди. Второе – что делается, если нехватка людей? Нехватка людей – в первую очередь, экономия на смежниках. Если кто помнит, как Стаханов добился известности, то он только держал молоток, а рядом стояло несколько человек, которые крепили свод, чтобы Стаханова не засыпало. И уносили уголь, который он отбивал. В итоге, даже, если его достижения разобрать на всю бригаду – все-равно получалось хорошо.

Вынужденный метод добычи откатился на до-Стахановский период. Третий момент – это, разумеется, скотские условия жизни, потому что, даже очень воодушевленные и сознательные рабочие, все-равно, должны где-то жить, иногда мыться и тому подобное. Поскольку расширение добычи топлива велось в основном расширением и созданием новых шахт, в основном мелких, чтобы было подешевле и побыстрее. То, о создании человеческих условий – речь не шла.

Поэтому, по топливу, у меня есть данные конкретно по Кузбассу – производительность труда, по крайней мере, в первый период падала. Но, по объективным причинам. Второй момент был связан с тем, что заводы по производству горнорудного оборудования, а также, по производству насосов нефтяных – были переведены на выпуск военной продукции. Соответственно говоря, отрасль работала на том, что у нее было до войны. И за счет этого, новой техники для добычи – было просто неоткуда взяться.

У нас выросло за войну производство отбойных молотков и сократилось производство всей остальной техники, которая нужна для добычи руды. Соответственно говоря – все делается вручную, производительность труда маленькая, работать тяжело.

Поскольку электростанцию строить, все-таки, сложнее, то на электростанции была бронь на самых квалифицированных строителей. И аналогичным образом, если где-то наступал большой провал, то квалифицированных строителей и возвращали с фронта, и перебрасывали с места на место, для того, чтобы хоть как-то все это дело восполнить.

Слушатель:

Кстати, такой интересный момент..., я прошу прощения, что вклиниваюсь. В 43-м году – вышло постановление ГКО, что всех кандидатов и докторов наук по естественным наукам, с фронта возвращают.

Слушатель:

По-моему, вообще по всем.

Слушатель:

По-моему, специально как бы...

Сафронов А:

Я могу сказать, что в 43-м году начали разрабатываться планы послевоенного восстановления. И в 43-м году стали разрабатываться планы восстановления оккупированных территорий. И, по-моему, в 43-м году началась программа добычи и обогащения урана, забегающая немного вперед.

Слушатель:

А, те территории, которые были освобождены до 43-го года, начиная с декабря 41-го – они по каким программам восстанавливались?

Сафронов А:

Ну, по всей видимости, по соображалке местных властей.

Слушатель:

Прошу прощения, а зачем (66:54) (неразборчиво)?

Слушатель:

Сначала бомба, а потом это.

Слушатель:

Энергетическая программа – она только с 50-х годов.

Слушатель:

Причем, для начала, было даже не понятно: кто нас имеет больше шансов обогнать, потому что немцы могли, в принципе.

Слушатель:

Немцы не могли, потому что Идиват Алоизыч выгнал всех физиков, тех, которые хотели сотрудничать.

Сафронов А:

Ну, как бы там ни было, значит, про проекты сказал, что...

Слушатель:

Ну, не всех. Кое-кого вывезли потом...

Слушатель:

Я раз..., я о лицах кошерной национальности.

Сафронов А:

Как бы там ни было, самое общее – то есть, самый большой провал по экономике – это с конца 41-го по первую половину 42-го. С середины 42-го начинается рост в среднем по больнице показателей. И 43-й год – уже разрабатываются планы с прицелом на после победы. Поэтому, когда Жуков говорил, что из всех сражений он выделяет битву по Москвой – это имеет и экономическое обоснование, потому что сначала, понятно, был расчет на Блицкриг, что нас сомнут раньше, чем мы успеем перестроиться. После битвы под Москвой и после того, как было остановлено это наступление – война перешла на такой пресс: кто кого по экономике.

Значит, что происходило с электростанциями? В среднем по больнице – в 45-м году выработка составляла 90% от 40-го. То есть, усилиями строителей, ученых, инженеров – удалось практически сохранить выработку электроэнергии. При этом, выработка в

регионах Сибири и Урала – составляла 200% от 40-го. То есть, за войну удалось мощности электрические Урала и Сибири – увеличить в 2 раза.

Аналогичным образом, стройки приравнивались к военным. При восстановлении использовался опыт ГОЭЛРО – комплексное восстановление станций, подстанций и ЛЭП. То есть, старались в момент, когда готова сама станция, одновременно с этим готовить провода, чтобы пустить ток конечным пользователям.

Как это делалось, когда наши стали наступать? По всей стране и по всем отраслям промышленности – развернулось движение по организации помощи оккупированным районам – это означало, что несмотря на то, что на Востоке, у самих все было достаточно плохо и тяжело, изыскивались возможности для посылки обратно на Запад инструментов, оборудования и людей. И там приводятся данные по разным отраслям, что эта помощь была не символической. Там отправляли, конечно, не заводы целиком, но достаточно такие крупные технологические линии, которые уже можно было использовать для производства какой-то конечной продукции.

И также, как везде – соревнования, премии. Интересно, что 80% вводов были теплоэлектростанции, как менее трудоемкие в процессе строительства. То есть, гидроэлектростанции долго и дорого строить, но энергия получается дешевая и людей там практически не нужно. ТЭЦ строится быстрее и дешевле, но она жрет кучу ресурсов невозполнимых и для работы требует больше людей. Соответственно говоря, забегая вперед – кусочек ответа на ваш вопрос на счет того, какие пропорции были нарушены – вынуждено сиюминутным решением отдавался приоритет перед долгосрочными.

Некоторые ГЭС строились методом народной стройки, что в переводе на русский значит, что сгоняют всех с окрестных деревень и заставляют копать. 70% энергии шло в промышленность. Из этих 70% - 90% шло в тяжелую промышленность. Были составлены планы распределения электрической мощности и лимиты нескольких категорий, что означало, что есть предприятия, которым дается столько, сколько нужно, а есть все остальные. Жилье, легкая промышленность, сельское хозяйство – получали электроэнергию по остаточному принципу: есть – есть, нет – извините.

Ценой всех этих усилий удалось увеличить производство вооружения в 2,5 раза. Но, что касается легкой и пищевой промышленности, то все там было значительно более печально. Связано это главным образом с тем, что точно также, как нельзя вывезти шахту, или угольный разрез – нельзя вывезти поля. У нас были огромные потери посевных площадей. И, кстати, интересно: угадайте, по какой культуре у нас оказался самый большой провал!?

Слушатель:

Лен?

Сафронов А:

Нет.

Слушатель:

Конопля?

Сафронов А:

Нет.

Слушатель:

А, почему пшеница?

Слушатель:

Лапшевник?

Сафронов А:

Нет.

Слушатель:

Картофель?

Слушатель:

Пшеница?

Сафронов А:

Нет.

Слушатель:

Редька?

Сафронов А:

Нет.

Слушатель:

Рис?

Слушатель:

Подсолнечник?

Сафронов А:

Самый большой провал у нас оказался по сахарной свекле.

Слушатель:

А-а-а-а....

Сафронов А:

У нас 88% сахарной свеклы оказалось под оккупантами, в связи с чем, у нас самое большое сокращение производства было по сахару и кондитерским изделиям. Соответственно говоря, у нас всю войну люди сидели без сладкого. Было потеряно, примерно, половина пищевых предприятий. И, в общем-то, 88% свеклы, 59% подсолнечника. Самые большие потери были: сахар; на втором месте потери по растительному маслу. С остальным было не так страшно, потому что в предвоенные годы старались размазать сельскохозяйственное производство по территории страны.

В среднем по больнице, к 40-му году, производство пищевых продуктов, по сравнению с 13-м годом – выросло в 3,8 раза. Но, если смотреть не в среднем по больнице, то выясняется, что производство выросло в 3,8 раза, в основном за счет консервов, макарон и кондитерских изделий. У нас очень хорошо развилась макаронная промышленность, по моему, в 10 раз; консервная – в 12 раз; кондитерка – в 7 раз.

Слушатель:

И все это благодаря войне?

Сафронов А.:

Нет. Это все 40-й год. 40-й к 13-му.

Слушатель:

А, валовый сбор зерна?

Сафронов А.:

Валовый...

Слушатель:

40-й год в сравнении, скажем, с 35-м, 25-м?

Сафронов А.:

Валовый сбор зерна – есть интересный сюжет, связанный с тем, что у нас в Хрущевское время задним числом была пересчитана урожайность. И если смотреть послевоенные сборники, то там урожайность – 7,5 центнера с гектара, неизменно на протяжении всех 20-30-х годов. И это значит, что никакого экономического эффекта от коллективизации не было.

Слушатель:

Потому что я вот... Ну, я просто со своей биологической стороны интересовался – урожайность пшеницы поднялась где-то с 5,2, где-то до 6,9 – 10,3, ну в зависимости от года. И как раз, 39-40-й годы – они были пиком урожайности.

Сафронов А.:

Ну, вот, если вы откроете сборники довоенные, статистические.

Слушатель:

Ну, я обращал на это внимание.

Сафронов А.:

То, там будет рост урожайности, ну, и некое объяснение.

Слушатель:

А, насколько они правдивы?

Сафронов А.:

Ну, как бы...

Слушатель:

Не могло быть некой пропаганды?

Сафронов А.:

Задним числом, когда пересчитывалось, статистика времен Хрущева – заключается в том, что мы пересчитываем на амбарный сбор. То есть, мы говорим, что нам не важно, что выросло на поле, нам важно, что собрали. И за счет того, что убирали все плохо и неэффективно, все гнило и рассыпалось по роге – мы получаем, что у нас нет никакой динамики. Но, я так понимаю, что на амбарный сбор чудесным образом пересчитали период 30-х годов, а все остальное оставили, как было. За счет этого – преемственность временных рядов была нарушена. Поэтому, если мы хотим получить некую динамику – нам нужно, либо пересчитывать все, а урожайная статистика времен дореволюционных и 20-х годов – это штука такая достаточно ненадежная. Либо, нам не нужно пересчитывать вообще. Потому что, в противном случае, у нас получаются просто несопоставимые данные.

Слушатель:

Я, вот, со своей биологической стороны, добавлю вот, что: с 35-го года начали сеять районированными сортами, то есть то, что до этого Вавилов сделал. Появилась сеть селекционных станций, которая проводила собственные испытания, ну, если не по всей стране, то, в основном, в зерносеющих районах. В 34-м году появилась почвенная карта всего СССР. В 38-м – она была детализирована, но, фактически дохозяйски. Это не могло не дать прибавку в урожайности. И соответственно, для всего дореволюционного сельского хозяйства – есть правило, что, когда приходит засуха, ну, в зависимости от типа засухи, там разный процент зерносеющих районов она захватывает, но, когда засуха – недобор зерна и голо.

Соответственно, в 36-м году первый раз пришла засуха, когда голода не было. Второй раз в 40-м. То есть, некий подъем продуктивности – явно был. Причем, по мясу – его не было. Именно из-за того, что, ну, порезали скот – а корова, она, к сожалению, не растет, как пшеница, также быстро.

Сафронов А:

Соответственно говоря, что получилось с пищевой промышленностью, понятно – это потеря. В общем, чего больше потеряли – то и просело. Пищевая промышленность стала хуже работать не потому, что она потеряла половину мощностей. Ну, потому что, понятно, что заводы пищевой промышленности вывозили не в самую первую очередь. А, в основном, она стала хуже работать потому что она осталась без сырья.

Как выходили из положения? По рыбе – поскольку были потеряны моря основные: Балтийское, Черное и Белое. В 3 раза увеличился улов рыбы на реках.

Слушатель:

Белое почему?

Сафронов А:

Боевые действия тоже.

Слушатель:

Ну, там со стороны Финляндии.

Слушатель:

Ну, да.

Слушатель:

Мурманск где.

Слушатель:

Ближе до Мурманска.

Слушатель:

Баренцева.

Сафронов А.:

Но, тем не менее, соответственно говоря – вылов рыбы на Камчатке увеличился в 2 раза, на Дальнем Востоке – на 25%. Заводы были переведены на заготовку так называемых рыбных сухарей для того, чтобы дольше хранилось.

По молочной промышленности – молочная промышленность характеризовалась тем, что было несколько тысяч мелких заводов за счет приближенности к местам производства. Они сделали крен на производство сухого молока, сухого творога, консервированного молока и так далее.

Значит, заводы мясные – стали больше использовать отходы производства. Не в том смысле, что в еду, а в том смысле, что из отходов пищевой промышленности стали шить полушубки, шапки, валенки и прочее. Я не знаю, что делалось со шкурами животных до войны, я не думаю, что их совсем выкидывали, но, я так понимаю, что стали шить из лоскутов, насколько можно – настолько и делали.

Слушатель:

Как не догадались отходами кормить мясных животных?

Сафронов А.:

Вот это не знаю. А, мясные животные у нас тогда...

Слушатель:

Коровы, свиньи, овцы. То есть, как раз, из основных дефектов производства мяса в СССР с 50-х по 80-е годы, когда партия поставила задачу: догнать развитые страны по производству мяса – у нас, поскольку еще луга были не очень окультурены и низко производительны, поставили на кормление зерном. И у СССР – 73% кормов скота составляло зерно. А это, собственно, очень дорого. Во всех развитых странах – 30-45%, а недостающее, они добирают либо рыбной мукой, либо отходами – костная мука.

Слушатель:

И они это есть будут?

Слушатель:

Все будут есть. Прекрасно едят.

Слушатель:

От этого, кстати, коровье бешенство развилось в Европе.

Сафронов А:

Коровы были не довольны и взбесились.

Слушатель:

Наоборот, они были довольны и требовали продолжения.

Слушатель:

Это вирусная болезнь... Ну, не вирусная...

Сафронов А:

Ну, ладно. В общем, те заводы, которым, все-равно, было не из чего делать еду – они, как я уже говорил, переключились на пенициллин и всевозможные химические вещества. Здесь есть интересный сюжет: помимо всех прочих напастей - производства оборудования для пищевой промышленности точно также было переведено на производство военной промышленности. Соответственно, в основном боеприпасов. Но, когда в 44-м году его стали переводить обратно, то заводы, производящие оборудование для пищевой промышленности, получили новые высокопроизводительные станки, которые просто так бы нифига не получили.

Один из грустных сюжетов позднего СССР – это большой разрыв в технологиях, между военпромом и гражданскими отраслями. За счет того, что гражданские заводы во время войны какое-то время выпускали военную промышленность – они по разнарядке получили новые хорошие станки, и когда их перевели обратно – они эти станки назад не отдали. За счет этого, момент технологической несбалансированности был нивелирован. Я останавливаюсь на этом, потому что в будущем это станет большой проблемой.

За счет того, что... Было потеряно 50% мощностей мукомольной промышленности. Но, потеря производства муки уменьшилась на 15% только. То есть, либо мощности были не до-загружены, либо, какие-то резервы внутренние. Интересно сказать, что за время

войны – витаминная промышленность выросла в 10 раз. Внутри пищевой промышленности – это самый большой рост. За счет такого резкого роста витаминной промышленности – удалось избежать эпидемий, связанных с авитаминозом, в частности цинги и прочих неприятных вещей.

Было освоено производство соевого масла. Консервация плодов дикорастущих деревьев. И сюжет, связанный с тем, что при боевых частях создавались передвижные мясокомбинаты. Это была, что называется, инициатива снизу, поскольку, часть стад – они, сначала не успели отогнать их обратно, потом немцы не успели их съесть, забрать с собой. И в какой-то момент, бойцы осознали, что вокруг них ходит живая еда, и надо бы это дело как-то использовать. Инициативу моментально отследили на самом верху, и армиям стали прикомандировывать ветеринаров для того, чтобы народ не по травился, производя колбасу в полевых условиях. И оборудование для того, чтобы этим делом заняться.

И эти комбинаты передвижные – они кочевали вместе с армиями. А, когда армии освободили всю территорию нашей страны – их передали местным советам для того, чтобы на их основе восстанавливать пищевую промышленность на ранее оккупированных территориях.

Аналогичным образом, при всех крупных заводах были восстановлены ОРСы – отделы рабочего снабжения. Я напоминаю, что ОРСы – существовали в период первой пятилетки, когда была внедрена карточная система, для обслуживания крупных городов и крупных предприятий, продукциями овощеводства, молоком и прочими подсобными хозяйствами. Я так понимаю, что вплоть до развала Советского Союза – вокруг крупных городов существовали совхозы, которые занимались централизованным снабжением городов молоком и овощами, и тем, что можно вырастить в наших условиях.

Слушатель:

Ну, самое позднее время для (86:18) (неразборчиво).

Слушатель:

У нас до сих пор есть.

Сафронов А.:

Ну, вот эти ОРСы – их ликвидировали с обменом карточной системы и восстановили с началом войны. Сюжет с карточной системой – в принципе, известен и понятен. Сразу с начала войны было введено нормированное распределение. Нормы были дифференцированы, в зависимости от того – кто ты и что делаешь. И к концу войны на нормированном распределении было что-то там – 86, или 88 миллионов человек, то есть 2\3 населения страны. Вместе, в принципе, по части распределения, был использован опыт

первой пятилетки. Существовало спекулятивная торговля по тем ценам, по которым договоришься. Частично бартерная.

Существовали государственные магазины нормированного снабжения, где ты мог купить по символическим ценам, но по карточкам. И существовали государственные коммерческие магазины, образованные за счет того, что, как я говорил, были резко повышены зарплаты, выплачивались премии, и на руках у людей скопилось некоторое количество денег, на которые можно было им давать купить продукты. Причем, цены между государственными нормированными магазинами и государственными коммерческими магазинами – отличались в разы. На отдельные продукты – в десятки раз. Забегая чуть-чуть вперед – данный дисбаланс был ликвидирован в 47-м году, когда была проведена денежная реформа конфискационная.

Это такой сюжет, может быть, с высоты наших лет – выглядит не очень красивым, но, по большому счету, необходимым. Чтобы закончить тему финансов, кратко, скажу, что реформа проводилась таким образом, что, по-моему, старые деньги на новые на руках у населения обменивались, по-моему, 1 к 10. Вклады до 3 тысяч рублей обменивались 1 к 1, а свыше 3 тысяч рублей – 1 к 3. То есть, меньше всего выиграли те люди, у которых было не очень много денег... Больше всего выиграли те люди, у которых было не очень много денег, и которые хранили их на сберкнижке. Меньше выиграли те люди, у которых было много денег, и они хранили их на сберкнижке. И хуже всего было тем, кто хранил деньги под матрасом, или в банке, или еще где-нибудь. В банке, в смысле – стеклянной.

Реформа готовилась в строжайшей тайне, чтобы не допустить ажиотажа и спекуляций. И параллельно с ней, готовились достаточно мощные запасы товаров народного потребления для того, чтобы в день, когда люди придут в магазины по новым ценам, они бы увидели ломящиеся от продуктов полки. Была проведена индексация зарплат для того, чтобы сгладить немного конфискационный характер этой реформы. В общем и целом – она оказалась успешной, в том смысле, что в первые дни был ажиотаж, люди скупали те продукты, которых они просто не видели всю войну. И через какое-то время, когда первоначальное насыщение спроса произошло, то, в общем-то, система пришла в равновесие.

Одновременно с этим, за счет улучшения показателей производства, по-моему, с того же 47-го года – стали ежегодно снижать цены. То есть, сначала, условно говоря, люди сделали..., ну, я понимаю, что немного некорректно звучит, очень грубо. Но, грубо говоря, людей сначала сделали в 10 раз беднее, а потом, постепенно стали это дело восстанавливать с поправкой на то, что до 47-го года многие продукты просто нельзя было купить. А, после 47-го – они появились, не в изобилии, но, во всяком случае, можно было найти в магазинах.

Слушатель:

Ну, например?

Сафронов А:

Например... Надо в книжку лезть, если честно. Потому что, по реформе...

Слушатель:

Как мне рассказывала мама – теплое зимнее пальто.

Сафронов А:

Сейчас под-гляну.

Слушатель:

То есть, в эпоху до антибиотиков – отсутствие зимнего пальто могло означать воспаление легких. То, отсутствие хорошей зимней одежды в магазинах, даже Московских. Мама у меня в Москве жила в эвакуации. Ну, не долго была. Это была большая проблема. Обувь была теплая, а вот, пальто хорошего нет. И вот, студентам бедным выдавали мат помощь одеждой. С одной стороны, как бы, было платное образование для тех, кто высшее, для тех, кто достаточно... А, бедных освобождали от оплаты и выдавали мат помощь – одежду, ботинки и другие предметы долговременного пользования.

Слушатель:

Это, как я понимаю, многие вернувшиеся с фронта – они знаки различия военной формы еще долго носили.

Слушатель:

Ну, маме то, 15 лет было. Отец у нас умер в 34-м. Так что, меня мама воспитывала.

Слушатель:

Какой именно отец?

Слушатель:

Ее отец. Дедушка. Так что, ей выдавали эту мат помощь.

Слушатель:

Да, я вот, помню, что у меня дед еще лет 8 после войны шил обувь девическую. Тоже, потому что ее не было.

Сафронов А:

Кстати, еще один забавный эпизод, когда Мурманску угрожали немцы – была проблема с продовольствием, была экспедиция, ну, практически из подростков, для заготовки яиц и морских птиц на птичьих базарах. Про это потом фильм был снят «На новую землю» и так далее.

Слушатель:

А, насколько у них съедобное мясо?

Сафронов А:

Очень вкусное и хорошее. Причем, заготовили достаточно много. Ну, если бакланов не жрать, бакланы – они рыбой воняют. Топики – очень даже. А, яйца, так вообще.

Слушатель:

Морские птицы – я удивился. Я думал они все рыбой воняют.

Сафронов А:

Нет. Планктоноядные – они нормальные.

Слушатель:

Да, и во время войны разницы то особо не было.

Слушатель:

Ну, в общем то да.

Сафронов А:

Я, наверное, сейчас зачитаю кусочки из соответствующего раздела, чтобы было понятно. В общем, реформы стали планировать, как ни странно, в конце 43-го года. Соответственно говоря, первоначально, она планировалась на 46-й год. Но, из-за засухи и неурожая – этот срок не удалось выдержать, потому что не были подготовлены достаточные товарные фонды. Значит, были приняты специальные меры по развитию легкой промышленности.

Если в 45-м, текстильная промышленность выпустила миллиард 813 миллионов метров всех видов тканей, в 47-м – 2 миллиарда 843. Увеличение в 1,6 раза за 2 года. По кожаной обуви – увеличение в 2 раза за 2 года. Соответственно говоря, были накоплены резервы, которые не сразу отправлялись в розничную сеть для того, чтобы в день «X» показать людям изобилие. Единые цены на хлеб и крупу – устанавливаются на более низком уровне, чем пайковые цены, соответственно на 12 и 10 процентов.

В сравнении с нынешними коммерческими ценами – они снижаются в более, чем 2 раза. Новые цены на другие продовольственные товары, в основном, сохраняются на уровне действующих пайковых цен. Единые цены на промышленные товары – устанавливаются по несколько повышенным ценам, по сравнению с пайковыми. В переводе на русский – это значит, что у нас коэффициент 1 к 10, при этом, поскольку существовало 2 варианта цен: пайковые – по карточкам и коммерческие, которые в несколько раз больше. То, мы сохраняем большую часть цен на уровне пайковых. То есть, рост идет только за счет..., ну, то есть, фактически роста, получается, что практически нету.

Слушатель:

1 к 10. У кого в 47-м году могло быть более 3 тысяч рублей?

Слушатель:

Для пищевых продуктов и товаров...

Сафронов А:

Я начала не услышал. Сейчас скажу – одной из целей реформы – это ограбить тех людей, которые нажились на войне. Соответственно говоря, больше...

Слушатель:

А, сколько этих людей? И почему мы говорим о них, как об основном контингенте, если до 3 тысяч рублей – обмен шел 1 к 1.

Сафронов А:

У меня дома есть огромный том, посвященный документам реформы 47-го года. Я его не читал. Я уверен, что там есть какая-то статистика распределения. Я его посмотрю, и после этого напишу в рассылке.

Слушатель:

Я прошу прощения, ну, вот, нажились на войне, да. Насколько я понимаю, летчикам, да, вроде бы платили, например, за сбитые самолеты.

Слушатель:

Это да.

Слушатель:

Ну, все-равно. Что, сидеть на этих деньгах?

Слушатель:

Ну, почему, лежат и лежат. А, почему я обязательно должен их потратить?

Слушатель:

Я воспоминания по финансам читал и еще, по-моему, какая-то статья в интернете что ли была – там говорилось, что одна из основных целей реформы – это, собственно, чтобы спекулянты, которые положили в кубышку...

Слушатель:

Нет, цели реформы понятны. Это вопросов нет. Это поддержать пролетариат, убить буржуазию.

Сафронов А:

Нет, цели реформы – это восстановить баланс между количеством денег и количеством товаров.

Слушатель:

А, вот, по поводу баланса...

Слушатель:

А, это не так производится.

Сафронов А:

В течение войны государственный бюджет во многом финансировался за счет эмиссии, чтобы не произошло гиперинфляции, по аналогии с тем, что случилось в гражданскую – необходимо было лишние деньги из обращения изъять.

Слушатель:

Это разными способами можно сделать. Выпуском гособлигаций, повышением цен.

Слушатель:

Гособлигации выпускали.

Сафронов А:

Я сейчас масштаб зачитаю. Значит, перед реформой, в денежном обращении находилось около 60 миллиардов рублей. В процессе обмена старых денежных знаков на новые – на руках у населения осталось менее 10 миллиардов рублей.

Слушатель:

Ну, ок – деноминация.

Слушатель:

У меня вот такой вопрос, другой...

Слушатель:

Нет, деноминация – у тебя остается столько же денег, сколько было, условно говоря, просто они...

Слушатель:

Ты уверена, что столько же, сколько и было?

Слушатель:

По отношению к остальному населению – да. То есть, пропорции сохраняются. При пропорциональной замене – пропорции нарушаются, сдвигаются.

Слушатель:

Можно я скажу?

Слушатель:

Поэтому, по-моему, явный посыл характера реформы.

Слушатель:

Как я понимаю, тогда же была заложена ситуация, когда по отношению к себестоимости - продукты питания, в общем, стоят не много, а так сказать, пром. товары – стоят существенно больше, которое сохранялось до самого конца. Так ли это?

Сафронов А:

Я сейчас могу сказать, у меня здесь есть табличка по ценам. Я ее либо зачитаю, либо просто по кругу пошлю. Значит, движение розничных цен на товары для населения после проведенной денежной реформы. У меня в процентах от 40-го года. То есть, 40-й год – это 100%. Зарплата – 144, соответственно говоря, реальные денежные доходы, с поправкой на скрытую инфляцию и на все остальное..., нет, не реальные, номинальные. Номинальные денежные доходы – в среднем по больнице, ну, грубо говоря, в полтора раза больше, чем были в 40-м году.

При этом, значит, государственные розничные цены на все товары – 298. Из них: продукты питания – 362, непродовольственные товары – 220, цены колхозного рынка – 372. То есть, на ту пору, продукты питания выросли ощутимо больше, чем не прод. товары.

Дальше, движение цен идет следующее: продукты питания... Я зачитываю по годам – 47-й, 48-й, 49-й, 50-й. Напоминаю – это индекс, по сравнению с 40-м годом. Значит, продукты питания: 362, 291, 254, 203. Непродовольственные товары: 220, 207, 104, 165. Соответственно говоря, я вижу перелом в 50-м году. Цены колхозного рынка: 372, 134, 103, 104. То есть, мы видим, что, как только была проведена реформа и были ликвидированы карточки и пайковые магазины – после этого цены колхозного рынка упали в 3 раза. Ну, соответственно, поскольку там больше нельзя было спекулировать.

Поскольку на слух – это плохо воспринимается, я сейчас пушу. Здесь 2 таблицы: вверху – динамика производительности труда и себестоимости после войны; внизу – динамика цен. Соответственно говоря, я передохну 2 минуты, а вы по втыкаете на 2 красивые таблицы.

Слушатель:

И все сразу щупать-щупать книжку со всех сторон.

Слушатель:

Ну, я, только пока с одной стороны щупаю.

Слушатель:

Ой, простите.

Слушатель:

Нет, даже на слух, в общем, понятно, да. Ясные данные.

Сафронов А:

Ну, то есть, в 4-й пятилетке продукты питания, относительно 40-го года – стоили дороже, чем не прод. товары.

Слушатель:

Ясно.

Сафронов А:

Другое дело, что, может быть, в 40-м году уже был некий дисбаланс, и он просто меньше стал.

Слушатель:

Ну, да. Он же еще в начале 30-х начался.

Сафронов А:

Нет, он потом убрался. Он потом убрался. Одна из причин сворачивания НЭПа – это то, что эти ножницы цен, которые вызвали кризис 23-го года – они сначала схлопнулись, а потом в другую сторону разошлись. То есть, там сюжет был такой, что, поскольку промышленность восстановилась быстрее, чем сельское хозяйство, потому что сельское хозяйство вообще инерционно, то у нас на момент 29-го года – у нас индекс цен сельскохозяйственной продукции был больше, чем индекс промышленности. То есть, у крестьян была возможность продавать хлеба достаточно, чтобы им закупаться.

Слушатель:

Чтобы купить.

Сафронов А:

А, больше не продавать. И, в общем то, пару лет с этим по колупались, а потом устроили всем добровольно-принудительные колхозы.

Слушатель:

Ага, понятно.

Слушатель:

А, тему Ленд-лиза, Вы в докладе раскрываете?

Сафронов А:

Давайте попробуем. Тема Ленд-лиза.

Слушатель:

И вообще помощи союзников.

Сафронов А:

Да. Значит, тема помощи союзников. Ленд-лиз первоначально задумывался не для нас.

Слушатель:

Для Великобритании, это понятно.

Сафронов А:

Ленд-лиза задумывался для Великобритании по принципу того, что президент США имеет исключительные полномочия выделять ресурсы тем странам, чье участие в войне считается критически важным для безопасности Соединенных Штатов, на условии, соответственно говоря, отсроченной оплаты после военных действий. Точных условий не помню, но смысл в том, что то, что раздолбали во время войны, то фиг с ним, а то, что осталось – либо верните, либо оплатите.

По данным Вознесенского, который написал книжку, за которую получил Сталинскую премию – общий объем помощи по Ленд-лизу – составлял 4% наших собственных...

Слушатель:

Просто очень-очень много на этот счет споров. Притом, как с той, так и с другой стороны есть поразительные неадекватности. Одни орут, что без Ленд-лиза прекрасно бы обошлись, и вообще, союзники бы только примазывались. С другой же стороны – либеральная часть нашей общественной мысли клянется всем, чем может...

Слушатель:

Что умерли бы с голоду.

Слушатель:

Да, победили только благодаря помощи союзников.

Слушатель:

Союзников.

Слушатель:

Да, союзников.

Сафронов А:

Я думаю, что здесь понятно, что правда находится посередине. С учетом того, как скакнул военно-промышленный комплекс – понятно, что победили бы и без Ленд-лиза, но это было бы тяжелее.

Слушатель:

Ну, разумеется. Меня именно интересует вопрос: насколько тяжелее?

Сафронов А:

Ну, как я могу Вам ответить? Я могу рассказать одну интересную тему, которую я сам не знал до момента начала подготовки к лекции – по Ленд-лизу наши, в основном, просили сырье, как ни странно. Потому что достаточно быстро выяснилось, что иностранная техника в наших условиях долго не живет, за исключением отдельных образцов. Потому что, во-первых, она требует для себя каких-нибудь хороших смазочных материалов, или хорошего бензина.

Слушатель:

Покрышки.

Сафронов А:

А, во-вторых, она требует для себя, соответственно говоря, людей, которые знают, как ее отремонтировать. Потому что американцы честно поставляли нам запчасти. То есть, конкретно с запчастями особых проблем не было, но, тем не менее, по Ленд-лизу – наши просили, в основном, не готовую технику, а сырье. Потому что, военная промышленность перестроилась достаточно бодро, и все упиралось в нехватку металла и топлива. Это то, что интересно знать по Ленд-лизу.

Но, цифра Вознесенского – она такая, железобетонная, потому что он был председателем гос. плана. И потому что, в общем-то, его книжку, по слухам, Сталин лично проверял с карандашом, каждую цифру. Другое дело, что за этими 4% - ты не знаешь, насколько они были критичны. То есть, возможно эти 4% - это были те самые цветные металлы, без которых нельзя было сварить правильную сталь.

Слушатель:

Или, если рассмотреть эти самые 4%, даже, если принять эту цифру за правильную, в чем, честно говоря, лично у меня большие сомнения – даже, если посмотреть конкретно по пунктам, например, те же, автомашины – автомашины студебеккеры, очень даже котировались красной армией. Очень серьезно котировались.

Слушатель:

Я знаю минимум одно узкое место, которое, на мой взгляд, Ленд-лиз действительно компенсировал – это порох. Потому что, пороха..., я, вот, собственно, читал работу просто – то есть, пороха, Советская промышленность наращивать не успела. Но, поскольку стрелять то..., это самое, то... То есть, значительная часть, как бы...

Слушатель:

В комплекте шла шоферская куртка, и наше высшее даже командование, считало эту куртку офигенной для себя.

Сафронов А:

Я могу зачитать те данные, которые у меня есть в этой сборной книжке. Я думаю, вы уже успели посмотреть, что она, в целом, про период. Но, не конкретно про Ленд-лиз. Ну, вот, непосредственно сразу после того, как было принято решение о том, что Ленд-лиз распространяется и на СССР тоже – вскоре из Москвы от Сталина пришло послание на имя Черчилля, в котором вновь ставился вопрос об открытии второго фронта и просьба поставить к началу октября 30 тысяч тонн алюминия, и ежемесячно направлять в Россию, как минимум 400 самолетов и 500 танков – малых и средних. Открытие второго фронта англичане перенесли. А заявку на вооружение и алюминий – обещали исполнить почти полностью.

Дальше. Алюминий отметили.

Слушатель:

Для авиации – крайне важный металл.

Сафронов А:

Гостей удивило, что советская делегация делает упор прежде всего на поставки сырья, материалов и технологического оборудования. Еще 5 комиссий. Итоговый протокол конференции на 7 машинописных страницах – содержал прежде всего перечень и количество товаров, в которых нуждался Советский Союз. В этом перечне было выделено 69 позиций, в том числе: телефонная аппаратура, радиостанции, металлорежущие станки, электропечи, грузовые автомобили, алюминий – потребность 4 000 тонн, а также, полтысячи тон дюралюминия в месяц. Олово, свинец, броня, стальной прокат, колючая проволока, фосфор, армейские ботинки и сукно, пшеница и сахар. Кроме того, самолеты, танки, зенитное орудие, противотанковые ружья и другие виды вооружения.

Против каждого пункта указывалось, в какой мере США и Англия смогут удовлетворить запросы России. Чтобы указать на то, что Россия может и должна выдержать натиск немецкой армии – сроки поставок на первом этапе предлагалось осуществить до июня 42-го года.

Слушатель:

А, для чего был нужен фосфор?

Сафронов А:

Взрывчатые вещества, я так понимаю.

Фактически, Россия получила, примерно, 80% того, что предусматривалось протоколом.

Слушатель:

Ну, в общем и целом, можно сказать, что помогли, вполне себе достойно.

Сафронов А:

Ну, как бы...

Слушатель:

Экономически.

Сафронов А:

Ну, еще раз – есть цифра в среднем, если брать в деньгах – 4% от собственного выпуска. На сколько они были критичны – мы не узнаем, пока не залезем совсем глубоко и не посмотрим: сколько чего поставили и как это использовали для собственного производства.

Слушатель:

Ну, 4% - это, действительно, слишком уж средняя температура по больнице, потому что, действительно, надо лезть вот в детали, получается. То есть, если союзники нам помогли, как раз в устранении этих узких мест, то это помощь более, чем достойная.

Сафронов А:

Ну, да. Но, другое дело, что сейчас я Вам на это ответить не смогу. И более того, мне кажется, что, чтобы на это ответить нужно этим заниматься несколько лет, написать диссертацию по истории. И только после этого, можно об этом говорить не с позиции «Мне кажется», а достаточно обоснованно.

Слушатель:

Тем более, к сожалению, сейчас этот вопрос **(113:28) (неразборчиво)**.

Сафронов А:

Я единственное, что могу сказать, что книжка неминуемо будет оцифрована и после этого, я вас просто призываю ознакомиться с этим разделом.

Слушатель:

А Вы в **(113:40) (неразборчиво)** блог ведете?

Сафронов А:

Да.

Слушатель:

А, не подскажите Ваш ник?

Сафронов А:

«Вассал».

Слушатель:

Ага.

Слушатель:

А, вот, военная промышленность была процентов 60, получается, в войну, да!?

Сафронов А:

Да.

Слушатель:

Ну, значит, если 4% - считать, что это было все на военное, да, то, значит, порядка 8% - всей военной промышленности, получается было..., ну, то есть..., то есть – доля то выше.

Сафронов А:

Вы понимаете, нет, не факт.

Слушатель:

Скорее всего – 4% по тем отраслям, в которых они помогали.

Слушатель:

Нет, 4% от всего, или именно от военной.

Слушатель:

И верна ли эта самая цифра – 4%.

Слушатель:

Я думаю – 4% от данных конкретных вещей.

Сафронов А:

Вы можете обратиться к духу Вознесенского, он Вам скажет.

Слушатель:

Ну, я не знаю, я думаю, что он довольно злой.

Слушатель:

Да.

Слушатель:

Судя от того.

Слушатель:

Ну, грубо говоря: печенье и варенье. Варенье – там 10, а печенье – 2. Взяли производство варенья и производство печенья к стране, высчитали среднее и получили таким образом. Скорее всего так делалось.

Слушатель:

Кроме Вознесенского на эту тему кто-нибудь работал?

Слушатель:

Ну, по крайней мере, это было бы адекватно.

Слушатель:

Поскольку Вознесенский, понятно, он, скажем так, ну, не может быть беспристрастен.

Слушатель:

В общем-то, никто не может быть беспристрастен.

Сафронов А:

Ну, вот, у меня есть глобальная книжка.

Слушатель:

Сейчас, я прошу прощения.

Сафронов А:

Да.

Слушатель:

Уточню: или это имеется в виду – 4% от совокупного производства всего во всей стране?

Сафронов А:

Я Вам сейчас постараюсь цитату найти.

Слушатель:

От ВВП.

Слушатель:

А, от ВВП!?

Слушатель:

Я предположил.

Слушатель:

Нет, вряд ли.

Сафронов А:

Нет, ВВП тогда не считали.

Слушатель:

Если от ВВП – тут бы, как сказать, земля прогнулась от такого объема поставок.

Слушатель:

Ну, вот, я и говорю, что, если это...

Слушатель:

Скорее всего – это от данной отрасли. Ну, от данных, конкретных.

Слушатель:

Ну, не знаю.

Слушатель:

Нет, ну, надо посмотреть. Я тоже не знаю.

Слушатель:

В общем-то, и от той, и от другой стороны – меня уже, грубо говоря, тошнит.

Слушатель:

А ты не общайся с ними и все у тебя будет хорошо.

Слушатель:

И от тех, кто «пятками в грудь себя бьет» и орут, что союзники только примазались, и, соответственно, от нашей либеральной части общественной мысли. При том, что характерно – тошнит от обоих одинаково.

Сафронов А:

Собственно говоря, этот вопрос есть в энциклопедии.

Слушатель:

А, вот, смотрите, я нашел про пороха.

Сафронов А:

Какие отсюда сейчас..., ну, давайте сейчас.

Слушатель:

Ну, вот, смотрите: производство пороха в СССР и в Германии в тоннах – 41-й..., ну, я в тысячах тонн буду. 41-й – 43 112, 42-й – 67 146.

Слушатель:

Первым, что идет, Германия?

Слушатель:

СССР. То есть, сильно уступает.

Слушатель:

СССР – сколько чего?

Слушатель:

41-й – СССР 43 тысячи, Германия – 112 тысяч.

Слушатель:

Германия – это, в смысле, сама Германия и все покоренные страны.

Слушатель:

Да-да-да. 42-й – 67 тысяч и 146 тысяч. 43-й – 112 тысяч и 230 тысяч.

Слушатель:

Уже мы превосходим.

Слушатель:

Нет, в два раза стала разница.

Слушатель:

44-й – 126 тысяч и 253 тысячи. 45-й – январь-май – 49 тысяч и 26 тысяч. То есть, даже, в 44-м году пороховая промышленность уступала немецкой.

Слушатель:

Они стали раскручиваться, как раз, к концу.

Слушатель:

Но, тогда получается, что у немцев промышленность росла чуть ли не больше, чем у нас.

Слушатель:

Союзники поставили по Ленд-лизу 127 тысяч тонн порохов.

Слушатель:

Вы взяли один показатель, друзья.

Слушатель:

Вот, народ, союзники поставили по Ленд-лизу 127 тысяч тонн порохов. То есть, в общем, компенсировали разрыв.

Слушатель:

Это за все время.

Слушатель:

А, за все время, да-да-да.

Слушатель:

Получается, 4%, грубо говоря, порохов? Или 50% порохов?

Слушатель:

Нет, 50.

Слушатель:

Как 50?

Слушатель:

А, нет, процентов 20.

Слушатель:

Процентов 20, да.

Слушатель:

Столько, сколько произвели за удачный, допустим сорок, да, допустим, 44-й год.

Слушатель:

Да.

Сафронов А.:

Так, ладно, кое-что нашел. Так-так-так лишены основания... Голосом Левитана надо зачитывать: Лишены основания утверждения буржуазной пропаганды, будто Красная армия оснащалась в годы войны в значительной мере за счет поставок оружия и техники из союзных стран США и Англии. За годы войны наша промышленность произвела почти 490 тысяч артиллерийских орудий, более 102 тысяч танков и самоходных орудий, около 137 тысяч боевых самолетов. За это время было поставлено из США и Англии: 9 и 6 тысяч орудий, 18 и 7 тысяч самолетов, и 10 и 8 тысяч танков. По отношению к общему количеству боевых средств, полученных Красной армией в годы войны, поставки союзников составляли менее 2% артиллерийских орудий, около 12% самолетов и 10% танков.

Слушатель:

12% самолетов.

Сафронов А.:

Таким образом, помощь союзников оружием и боевой техникой – не могла оказать общественного влияния на ход войны. Особенно незначительны были поставки союзников в 41-м, 42-м году. То есть, наиболее тяжелый период Великой Отечественной войны. Наша доля участия в снаряжении Советских войск – невелика, по сравнению с их общими потребностями – признавал представитель правительства США Кроуле на пресс-конференции 3 февраля 45-го года. Английский историк А. Кларк, в книге «Барбаросса», вышедшей в Лондоне в 65-м году, пишет, что русские могли самостоятельно выиграть войну, или по крайней мере, изгнать немцев за пределы своего государства, без какой-либо помощи Запада. То облегчение, которое получал Советский Союз в результате нашего участия, несомненно сыграло определенную роль, но эта роль была, отнюдь, не решающей. Эти действия повлияли, так сказать, на продолжительность, а не на исход войны.

Слушатель:

Вполне вменяемая точка зрения. Но, сразу скажу, что 12% по самолетам – это много, и даже очень.

Слушатель:

Нет, ну а по артиллерийским орудиям – 2%. Поэтому, как бы, если брать среднее, мы видим...

Слушатель:

У нас, видимо, пушки были просто лучше.

Слушатель:

Извините...

Слушатель:

Главное, они просто были.

Слушатель:

Еще одно маленькое «но» - известный летчик АС и тактик, собственно, истребительной авиации Покрышкин – очень даже котировал американские самолеты.

Сафронов А:

Ребята, у нас здесь..., здесь сделана немного..., то есть, если вы обратили внимание, я вам сейчас зачитал данные по вооружениям.

Слушатель:

Именно по вооружениям, да.

Сафронов А:

А, чуть раньше я сказал, что наши, в основном, просили руду и сырье. Поэтому, руда и сырье, тоже, в этой книжке присутствует, но искать что-то в пятисот страничном томе – это крайне неблагоприятное занятие. Поэтому, я думаю, сейчас озвучена некая информация – каждый из нее может сделать выводы, в силу того, что он любит по жизни. На этом, я думаю, что информационную часть, я, наверное, прекращу. Потому что мы начинаем скатываться в пересказ 2-х огромных книжек, которые я гарантированно сделаю хуже, если

вы их сами прочитаете. И, которые, я надеюсь, вы сами прочитаете, если эта лекция вас чем-то заинтересовала.

За счет того, что тема эта в цифрах – она совершенно огромная, я чувствую, что я немного ее размазал, за счет недостаточного уровня подготовки. Поэтому, сейчас, наверное, сделаем так: я сейчас объявлю, перерыв на то, чтобы эта информация по отдельным отраслям немного уложилась. И буквально через 2 минуты я подведу итог в общем и целом по тенденциям, в том виде, в котором я сам его понял по результатам изучения этого вопроса. Уже без цифр, без отраслей. А, те основные моменты развития экономики, которые можно отнести, как характерные особенности военного периода ее существования.

Я напоминаю, что по нашему порядку заведено: вопросы присылать на почту. Я стараюсь на те вопросы, которые мне присылают – честно искать ответы. Поэтому, вопросы, связанные со статистикой – с ними проблем нет вообще, потому что берется стат. справочник, открывается, ищется. Вопросы, связанные с каким-то «А, как это делалось?» - с ними чуть-чуть посложнее, но я думаю, что все-равно там ответ будет найден. Поэтому, сейчас я выдохну, а вы подумайте.

Потом я подведу итог, и мы на этом, наверное, завершим до какого-нибудь следующего собрания.

Слушатель:

У меня по Ленд-лизу такой вопрос: вот, сейчас говорит, что без Ленд-лиз за (123:10) (неразборчиво) победить...

Сафронов А:

Невменяемая часть.

Слушатель:

Тут есть одна проблема – как я вижу ситуацию, на мой взгляд, у американцев просто не было иного выбора, кроме, как подставлять Ленд-лиз. Ведь, если мы возьмем ту же американскую армию – она по началу была очень слабой. Причем, не потому что американцы не умеют воевать, а просто потому что у США толком не было опыта войны на..., ведения боевых действий на континенте, с кем-то кроме мексиканцев, в лучшем случае.

Слушатель:

Ну, самих же американцев.

Слушатель:

Ну, гражданская война была за 65 лет до того. Это, примерно, как армия нынешняя РФ – ориентировалась бы на Великую Отечественную. Да и в Первую Мировую – американцы взяли больше массой, потому что немцы просто задолбались уже воевать. И без наличия, без снабжения Советской армии, у англо-американцев не было возможности победить немцев на суше. То есть, пришлось бы просто заваливать ядерными бомбами. В результате англо-американцы Вторую Мировую, конечно бы, выиграли, но в результате, от Европы остались бы просто дымящиеся развалины.

Слушатель:

Так, тише-тише-тише. Во-первых, почему однозначно такой термин «англо-американцы», поскольку Англия тогда еще очень даже самостоятельный игрок на политической арене.

Слушатель:

Сейчас скажу: у них структура армий сходного типа. Ни англичане, ни американцы не могут выиграть на континенте войну в одиночку – им всегда приходилось искать союзников из числа континентальных держав до Второй Мировой. После Второй Мировой, у американцев уже появилась одна из лучших армий в Мире, способная выиграть континентальную войну. До того, в общем-то, нет.

Слушатель:

Ну, положим, воевали и те же самые..., ну, это уже, действительно, скатывание, вот, в ту самую крайнюю точку зрения о том, что эти самые – воевать не умели, не могли и так далее. Вполне нормальная... Ну, во-первых, опыт – дело наживное, потому что, если бать, например, Советскую армию, то, если сравнивать умение воевать 41-го года и 45-го года, или даже не 45-го, а 43-го года – наверное, понятно, что это очень большая разница, именно в боевой выучке, в организации и так далее.

Слушатель:

Нет, ну, Вы, конечно, правильные вещи говорите. Но, не забывайте: Советская армия – это армия континентального государства, которому много раз приходилось участвовать в различных пограничных конфликтах. Плюс часть офицеров досталась еще с царского времени. Вы просто посмотрите на эту ситуацию с позиции американца – у них же 60 лет не было никаких... У них у армии не было опыта. Это же главная проблема.

Слушатель:

Опыт – дело наживное, это еще раз..., я это говорил и еще раз повторяю. И, в общем-то, как показали события, случившиеся далее – они вполне нормально воевали. И на островах, и на континенте. Например, англичане...

Слушатель:

Так, на островах – флот воевал.

Слушатель:

А?

Слушатель:

На островах – флот воевал.

Слушатель:

Ну, вообще-то, сами острова – захватывает морская пехота, если Вы не в курсе.

Слушатель:

Ох! У них там были вообще специфические операции.

Слушатель:

Я в курсе про операции. Где они умудрились потерять Эсминец и 300 бойцов, и в результате захватить пустующий остров. Я в курсе про эту операцию. Но, в таком случае, можно вспомнить..., ой, сейчас скажу – вот, в Советско-Финскую войну, где в будущем один из самых прославленных наших полководцев.

Слушатель:

Морисков?

Слушатель:

Нет. Василий Чуйков. Чуйков – умудрился продолбать 2 дивизии в войне против трех Финских полков. В чем дело – этот самый Чуйков и прочее-прочее сделали соответствующие выводы – люди просто учатся. И если...

Слушатель:

Диктофон остановите.

Слушатель:

Не помню я.

Сафронов А:

Я сейчас попробую сделать некое резюме выступления. И одновременно, оно будет, в каком-то смысле, таким манифестом.

Слушатель:

Стой.

Сафронов А:

Стою.

Слушатель:

Извини.

Сафронов А:

Значит, резюме выступления и одновременно манифестом. Я думал, что я его буду делать бодрый и отдохнувший. На самом деле, у меня сейчас уже немного язык заплетается, но я считаю, что это очень важно сказать. Как я понимаю смысл наших всех этих встреч: я считаю, что вопрос того, сколько там было танков, или сколько там было угля в килограммах – он представляет сейчас исключительно историческую ценность. Более того, все исторические вопросы, которые используются для не исторических дискуссий, типа: «Что было бы, если Ленд-лиз – было 5%? Не было ли его на самом деле 5%?» и тому

подобные. Все эти факты – они используются исключительно, как предлог для того, чтобы высказать свою точку зрения. Причем, не обмен мнением, а именно продавливание своей точки зрения.

В связи с этим, я хочу поделиться с вами своей точкой зрения на то, как нужно изучать Советскую экономику. И призвать вас делать это в том же самом ключе, что и я. Я считаю, что факты конкретные – нужны исключительно для понимания тенденции. То есть, если в какой-то момент наступает провал по металлу, то нам нужно зафиксировать, что есть провал и попытаться понять, почему это произошло. Сколько конкретно он был и на каких заводах произошел – это вопрос второстепенный. Если хотите, можете называть это таким техничным, или функциональным подходом.

В изучении Советской экономики – наиболее важной и одновременно наиболее сложной частью является поиск внутренней механики, внутренней логики работы, внутренних взаимосвязей. Все фактические данные должны использоваться для выявления этой внутренней взаимосвязи. Потому что, в том случае, если мы доживем до второй попытки создания коммунистического общества, то там гарантированно будут другие условия добычи угля нефти и металла. Но, нам необходимо будет знать общие принципы, на которых функционировала экономика во время первой попытки для того, чтобы мы могли адекватно оценивать вероятность того, что вторая попытка окажется более успешной.

В связи с этим, сейчас я попытаюсь резюмировать общие принципы, которые позволили Советской экономике выстоять во Второй Мировой войне в том виде, в котором я их понял. Советские пропагандисты неоднократно говорили, что война была соревнованием двух систем, которое показало большую выживаемость Советской экономической системы. Несмотря на то, что к поздней Советской пропаганде нужно относиться осмотрительно, именно эта фраза кажется мне правдивой.

В период Советской экономики, в период военной экономики наблюдался ряд факторов, которые, как мне кажется, свойственны именно Советской экономической системе. Во-вторых, тогда проявлялись в более явном виде, чем до, либо после. В первую очередь – это централизованное руководство, причем, умное централизованное руководство. С одной стороны, как я уже говорил, были резко сокращены бюрократические процедуры по части заключения договоров. Одновременно с этим, были расширены права наркомов, которые внутри своей отрасли могли перекидывать ресурсы в очень широких объемах.

Одновременно с этим, поскольку предприятия так, или иначе переводились в таком, полу хаотичном порядке – они были вынуждены налаживать кооперативные связи на новом месте друг с другом, фактически основываясь на том, как они сами понимали общую задачу. То есть, здесь наблюдается то самое единство планирования сверху и планирования снизу, о котором долго говорили во всяких популярных книжках. С одной стороны – жесткая централизация, с другой стороны – инициатива.

Именно во время войны поступило огромное количество рац. предложений снизу, о том, как улучшить технологические процессы. В течение всего периода войны – снижалась себестоимость и повышалась производительность труда, если мы будем брать в целом по

больнице и выкидывать совсем бесчеловечные условия, типа тех мелких новых шахт в Кузбассе, о которых я говорил ранее. Именно во время войны в очень больших объемах практиковались переброски фактически целых отраслей – то, что практически невозможно делать в условиях, когда в экономике много хозяев. То есть, после войны выходило несколько книжек о том, почему это не удавалось сделать Франции, о том, почему хуже удавалась эвакуация в Первой Мировой и Царской России. И понятно, что все эти книжки имели основной посыл то, что, когда у завода есть частный хозяин, с которым нужно договариваться, то вы теряете время и во многом теряете общую рациональность.

Далее, как известно, социализм подразумевает распределение по труду. Этот принцип в кондовых книжках Сталинских времен назывался буржуазным, потому что формальное законное равенство на самом деле оборачивается неравенством, так как у разных людей – разные потребности. И человеку, у которого семья из 5 детей – ему объективно нужно больше денег, чем человеку, который один. Даже, если они работают одинаково и честно получают одинаковые зарплаты. В Советское время принцип «Оплаты по труду», в военное время - принцип «Оплаты по труду» частично нарушался. Однако, в большей части – это не вело к тому, что люди начинали манкировать своими обязанностями.

Частично, конечно, это было связано с тем, что помимо оплаты по труду существовал еще военный трибунал и прочие суровые вещи для злостных уклонистов, но, в то же время – это был период, когда люди работали за идею. Благо, что идея эта была проста и понятна: если ты работаешь плохо – немцы придут и убьют тебя. Вопрос: можно ли сделать так, чтобы люди работали за менее суровую идею – остается открытым. Но, тем не менее, нужно это зафиксировать.

Во время восстановления промышленности оккупированных территорий в широких объемах практиковалась помощь целых отраслей, шефства целых отраслей. И, я так понимаю, что по большей части – эта помощь шла, как прямой убыток тем предприятиям, которые ее оказывали. Потому что, если ты добровольно отказываешься от производственной линии, то тебе самому в будущем будет хуже, чем, если бы ты оставил ее себе. Насколько я понял, этих книжек, эта помощь, то, что выделено в отдельные пункты – это то, что не входило в централизованные планы восстановления. То есть, это именно инициатива снизу.

Здесь мы видим в прямом явном виде то, что у нас народно-хозяйственные интересы господствуют над ведомственными и над интересами отдельного завода, отдельно предприятия. То есть, именно в период войны, мы видим, что хозяйство всей страны действительно работает, как единый народно-хозяйственный комплекс. Это то, к чему, по идее, хотели прийти теоретики Советского планирования, когда они мыслили: как оно должно быть при социализме. С поправкой на то, что во время войны – это все имело очень жесткую и понятную всем, даже самым дремучим слоям общества, причину. И надо было, каким-то образом, понять, как сделать, чтобы все то же самое работало без непосредственной военной опасности.

Многие говорят о том, что Советская экономическая модель, сильная ее сторона – это мобилизация всех сил на прорывных направлениях; слабая сторона – это недостаточный

учет потребностей простого народа. Война – это тот экстремальный случай, когда эти задачи совпали. На том уровне понимания, который у меня есть сейчас, позиция этих людей, к сожалению, имеет под собой определенные основания. Поэтому, сейчас я хочу сказать пару слов о том негативном влиянии, которое военная экономика оказала на дальнейшее развитие Советской экономической системы. Я не имею в виду непосредственный ущерб от разрушения заводов и гибели людей, а именно те изменения в подходах, которые потом, в каком-то смысле, так и не были выправлены.

Первое, о чем хотелось бы сказать – это то, что был частично нарушен принцип «Комбинирования производств». Если до войны производства стали размещать по принципу наилучшего использования географических условий и создания цепочек производств от выработки сырья, до получения готовой продукции – это были, так называемые, производственные комбинаты, или комплексы. То, понятно, что эвакуация шла частично стихийно, по принципу «Поставить там, где можно». Соответственно говоря, принцип «Рационального размещения промышленности» - во многом был нарушен.

Второй момент связан с тем, что во время войны из-за того, что люди это все-таки выдержали, у части руководителей сложилось впечатление, что так можно руководить и дальше. Это в меньшей степени относится к созданию каких-то конкретных условий и в большей степени относится к тому, что, когда, на мой взгляд, появилась объективная возможность изменения пропорций между производством товаров группы «А» и товаров ширпотреба в 54-м году – этой возможностью не воспользовались. Там было много причин объективного характера: начинающаяся гонка вооружений и другие неприятные вещи.

Но, тем не менее, так получилось, что в каждый момент существования Советского государства – момент, когда вся эта огромная, мощная экономическая система начинает действительно повышать уровень людей, как основной приоритет – он все время откладывался в светлое будущее. В 20-е годы – это период восстановления и попыток создания смешанной экономики, которая бы интересы простых людей учитывала бы через механизм рынка. 30-е годы – это рывок и все большая и большая подготовка к войне. 40-е годы – это война и период послевоенного восстановления, одновременно с этим – это период очередного обновления основных систем. Соответственно говоря, это огромные траты на ракетную технику и огромные траты на создание ядерного оружия.

50-е годы, я считаю моментом, когда эта система могла бы немного изменить свои приоритеты, но, тем не менее, в политической борьбе Хрущева с Маленковым – Хрущев сначала за пинал Маленкова, в том числе его попытку изменить пропорции между группой «А» и группой «Б», в пользу группы «Б». Через 10 лет он сам вернулся к этой идее, но был снят раньше, чем начал ее реализовывать. Почему это не было сделано в более поздние годы и после достижения ракетно-ядерного паритета? Мне, честно говоря неведомо. Я подозреваю, что это было сделано потому что, к тому времени, принцип «Преимущественного обеспечения нужд отдельных отраслей» по принципу «Мы решили, что это нужно для всей страны» - уже вошел в привычку.

Таким образом, 2 момента, которые нужно выделить:

1. Первое – это вынужденное нарушение равномерности географической. Вынужденное нарушение частично принципа «Комбинирования».

2. Второй момент – это то, что принцип «Сейчас нужно потерпеть, а потом, как-нибудь станет лучше» - он, по всей видимости, к сожалению, за счет того, что первые 20-30 лет существования Советского государства действительно объективно – действительно было так. Потом, я не знаю, это какое-то явное упрощенчество. И, наверное, там были более глубокие причины. Но, я боюсь, что потом, это в каком-то смысле, вошло в привычку.

Дополнительно, понятно, что война вызвала очередные кризисы в топливной промышленности, в промышленности ширпотреб в сельском хозяйстве. И в общем-то, после этого сельское хозяйство – оно, я так понимаю, до конца так и не оправилось, в отличии от других отраслей. Плюс, прямой экономический ущерб – это уже не предмет попыток понять на каких принципах работала система, а, опять-таки, предмет числовой оценки: сколько чего было порушено.

Поэтому, из принципов, когда будете сами читать эти книжки, я надеюсь, что, все-таки, будете, потому что я чувствую, что сегодня, в этой лекции я донес до вас меньшую часть того материала, который я освоил. Меньший процент от прочитанного, в отличии с предыдущими лекциями. Я прошу, в основном обращать ваше внимание не на конкретные цифровые данные, что, конечно, тоже важно, но, все-таки, а на механизмы исполнения тех, или иных задач.

За сим, разрешите закончить. Если у вас будут вопросы, я призываю писать их на коллективную почту – я сделаю все возможное, для того, чтобы найти на них ответы. Спасибо.

Слушатель:

Спасибо. Было очень интересно, да.

Слушатель:

Спасибо. А, можно один короткий вопрос?

Сафронов А:

Давайте, конечно.

Слушатель:

Правильно ли я понимаю: группа «А» и группа «Б» - производство средств производства и производство продуктов потребления. Правильно я понимаю, что группа «А» - в этом есть некоторый эвфемизм? Сюда входит и производство, так сказать, военной техники, которая...

Сафронов А.:

Ничего не производит на самом деле.

Слушатель:

Ну, да.

Сафронов А.:

Да, Вы понимаете абсолютно правильно. И более того, вот, в книжках, непосредственно военных, допустим, или в послевоенных, у Вознесенского – присутствует такой термин «Специфическое военное потребление». То есть, он признает.

Слушатель:

Бомбы, что ли?

Сафронов А.:

Нет, он имеет в виду, что производство вооружений – по-хорошему должно относиться в группу «Б».

Слушатель:

Это не расходные какие-то материалы?

Сафронов А.:

Нет-нет. Военное потребление – он имеет в виду в общеэкономическом смысле. Более того, в книжке Струмилина «Планирование в СССР» - это такое введение в планирование для чайников. Очень просто, на пальцах. Всем рекомендуется, как первая книжка для знакомства с темой. Он пишет о том, что, значит, группа «А» - сократилась в четвертую пятилетку. Но, поскольку он вынужден оговориться, поскольку книжка писалась в 57-м году – если он просто скажет, что это нормально, то он вызовет гнев Хрущева, который за это дело за пинал Маленкова в политической борьбе. То, после этого он добавляет, что это произошло не просто потому, что группа «А» - решили, что она и так слишком здоровая, а из-за того, что там присутствуют военные расходы, которые после войны, понятно, сократили потому что уже не нужно столько.

Ну, а так, да – это действительно некий эвфемизм. В группе «А» - сидит военная техника. И поэтому понять, сколько там чего... Вот, по военной промышленности – у меня есть цифры, я их в начале лекции озвучивал, сейчас повторю: значит, 44-й год к 40-му году, вся промышленность – рост на 4%; группа «А» - рост на 36%; внутри группы «А» - рост военной промышленности – в 2,5 раза; группа «Б» - падение в 2 раза, составляет 54% от уровня 40-го года. Это одновременно и к вопросу в среднем по больнице, и к вопросу военной промышленности.

Опять-таки, у меня есть данные, что..., ну, здесь, правда 42-й. Я сейчас озвучивал 44-й, а здесь – 42-й. В 42-й: 68% всей промышленности идет на войну. Я думаю, что этих цифр, в принципе, если посидеть, по колупаться с процентами – достаточно, чтобы вычислить, какую долю в группе «А» составляла военная промышленность. Ну, можно просто прикинуть по соотношению – если, в среднем, группа «А» - 36, а внутри нее воен. пром. в 2,5 раза, то из этого, мне кажется, можно вычислить, если чуть-чуть сесть и сосредоточиться, и подумать: что к чему и как относится. Я так понимаю, здесь просто какая-то пропорция.

Вот, поэтому, в общем-то, всем спасибо. Ждите книжки. Они пока не оцифрованы. Но, неминуемо будут.

Слушатель:

Можно еще вопрос?

Сафронов А:

Да.

Слушатель:

Я заранее просто спросила. Можете ответить, когда удобно будет.

Сафронов А:

Нет, знаю – сразу отвечу, не знаю – потом напишу.

Слушатель:

Хорошо. Что происходило там, не знаю, с денежно-кредитной, условно говоря, политикой, и вообще с финансами? То есть, вот, страна перешла на карточки – что это означает? Людям платили зарплату и давали карточки – это означает, что часть товара, значительная, не обменивалась на деньги?

Сафронов А.:

Нет, не совсем. По карточкам – люди тоже платили деньги. Но, они платили деньги – цены были заморожены на весь период войны. То есть, тебе платят зарплату. Ты на эту зарплату можешь купить по дешевым ценам некоторое количество хлеба фиксированное, сколько тебе положено. Все остальное – ты можешь купить на оставшуюся часть зарплаты, но будет стоить там в 5 раз дороже.

Слушатель:

На черном рынке, или в магазине?

Сафронов А.:

Официально, в магазине, в государственном.

Слушатель:

Об этом говорили уже.

Сафронов А.:

Значит, есть 3 варианта. У тебя есть 3 варианта, где купить еду, если ты городской житель:

1. Вариант первый – сколько тебе положено покупаешь в магазине карточном, пайковом – по символической цене.

2. Дальше – идешь в государственный коммерческий магазин, покупаешь то же самое, но в 10 раз дороже. Этот вопрос о том, откуда брались те спекулянты, у которых потом надо было изымать деньги.

3. Вариант третий – колхозный рынок.

Слушатель:

Ну, судя по тому, что цены были выше довоенных – у населения, в целом, изымалась денежная масса, получается!?

Сафронов А.:

У населения – зарплата населения тоже росла. И более того...

Слушатель:

В войну?

Сафронов А:

В войну, да.

Слушатель:

144% - говорили уже. Сравнение начала войны с ...

Сафронов А:

Это та самая табличка, которую я подсовывал.

Слушатель:

А, было.

Сафронов А:

Вот, я сейчас ее снова могу открыть. Но, в общем, там...

Слушатель:

То есть, номинальный доход увеличился, но, реальный, конечно, снизился.

Сафронов А:

Реальный снизился. Ну, то есть, там зарплата выросла в войну в полтора раза, а цены в три раза. То есть, фактически, люди стали за войну беднее в два раза. Если, опять-таки, брать очень обще.

Слушатель:

Цены в 3 раза – вообще все, что ли? Или среднестатистические? Или...

Сафронов А:

Давайте, снова таблицу открою.

Слушатель:

Говорили об этом.

Слушатель:

Да, было там: в 2,5, в 3 раза.

Слушатель:

Да.

Слушатель:

А, потом, оно уже снижаться начинало.

Слушатель:

Да, это же после реформы 47-го года. Стало бессмысленно...

Сафронов А:

Разумеется. Но, сейчас, еще два слова скажу. Видите, тут, я не знаю, то ли из-за того, что я плохо подготовился, то ли материала мало.

Слушатель:

Да, нормально.

Сафронов А:

Но, мы стабильно..., если с цифрой... Я просто смотрю, что долго получается. Что-то я, вроде долго говорил, а выясняется, что я о том не сказал, и о том не сказал. Вот, все товары – разбивка прод. не прод.

Слушатель:

Но, это государственные розничные цены – это, эти самые, да?

Слушатель:

Коммерческие.

Сафронов А:

Коммерческие.

Слушатель:

Вообще, эта ситуация напоминает перестройку, вот, когда талоны. По талонам что-то.

Слушатель:

В паково-коммерческих – цены остались.

Сафронов А:

Цены заморожены были, да.

Слушатель:

Ну, это цены, а зарплаты где?

Слушатель:

Ну, здесь – только здесь внизу.

Сафронов А:

Ну, потому что, зарплаты на другом листе. Вот откуда 144 – если кто-то решил, что это я сам присовал индекс. Вот, переписано с одной на другую.

Слушатель:

Повышение номинальной зарплаты. Ну, вот.

Сафронов А:

То есть, номинальная выросла в полтора раза, а реальная в 2 раз снизилась за счет того, что цены росли быстрее зарплаты. Еще – откуда брались деньги? Был введен специальный чрезвычайный военный налог. Помимо специального чрезвычайного военного налога, как я уже несколько раз говорил – практиковалась эмиссия, потому что все понимали, что это очень плохо, но без нее, к сожалению, обойтись не смогли.

Слушатель:

То есть, она была?

Сафронов А:

Да, она была.

Слушатель:

Круто! А, велика ли она была?

Слушатель:

В ноябре 41-го года ввели еще один налог – налог на бездетность.

Слушатель:

Какого?

Слушатель:

41-го. И предназначался..., ну, деньги, полученные от налога на бездетность – это был налог целевой, соответственно, предназначался на помощь в содержании детей, которые стали, в общем-то...

Слушатель:

Сиротами.

Слушатель:

Да, без родителей. Но, сами понимаете, что в 41-м году, а также, в 42-м, 43-м и так далее – таковых становилось все больше, больше и больше. Но, правда, налог этот просуществовал очень долго. Даже, тогда, когда, по-моему...

Сафронов А:

Ребят, кто хотел, раз уж мы тут полезли – у меня здесь достаточно представительная таблица по пайковым магазинам и по коммерческим. Вот, допустим, говядина: в 40-м году в свободной торговле стоила – 12 рублей за килограмм. В 45-м году в пайковом магазине – она стоила те же самые 12 рублей за килограмм, а в коммерческом магазине – она стоила 150 рублей за килограмм.

Слушатель:

Да, есть разница.

Сафронов А:

Понятно?

Слушатель:

При том, что стала зарплата, да, там 1000 рублей – нормальная зарплата, правильно я понимаю?

Сафронов А:

Да-да.

Слушатель:

700.

Сафронов А:

Масло сливочное – свободная торговля 40-й год – 25 рублей. 45-й год – пайковый магазин карточный – 25 рублей те же самые, коммерческий магазин – 370 рублей.

Слушатель:

Ну, как бы, есть разница, да, понятно. Но, сливочное масло – это, конечно, предмет роскоши.

Слушатель:

А, почему была необходима эмиссия?

Сафронов А:

Значит, как действует денежная система? Значит, мы забираем у населения сколько-то денег в виде налогов. Одновременно с этим, мы забираем у предприятий отчисления от прибыли, поскольку все предприятия принадлежат государству, и налог с оборота. Налог с оборота – включает в себя и отчисления от прибыли, и основную часть прибавочной стоимости, то, что в капитализме – капиталист присваивает себе, и так далее. Потом, эти самые деньги мы распределяем на то, что нам нужно. Это, условно говоря, система сбалансирована.

Что происходит, если нам необходимо – условно говоря, мы собрали 100 рублей всеми средствами, а хотим потратить 300 рублей. Нам срочно нужно построить комбинат. У нас есть 2 варианта:

1. Вариант первый – мы ждем, пока мы не соберем теми же самыми способами недостающую сумму и строим комбинат медленно и печально.

2. Вариант второй – мы допечатываем 200 рублей денег, которые ничем не обеспечены.

То есть, планирование шло балансовым методом, в числе прочего. И в числе прочего – там был баланс обеспечения денег товарами народного потребления. То есть, если мы спланируем выплатить 100 рублей зарплаты – мы должны сделать так, чтобы в магазинах было товаров на 100 рублей. Это в числе прочего нам подсказывает, какие цены надо устанавливать. Если, при всем желании, у нас товаров на 100 рублей нету, потому что у нас

фашисты отжали 30% территории, 90% сахарной свеклы, 60% растительного масла – то, какие у нас есть варианты? Один вариант – поднять цены на товары. Это было сделано.

Слушатель:

Но, не бесконечно.

Сафронов А:

Но, не бесконечно. Второй вариант – ввести новые налоги. Соответственно говоря, выплачивать людям зарплату и тут же, значит, часть ее забирать обратно.

Слушатель:

Тоже было.

Сафронов А:

Тоже было сделано. Третий вариант – выпускать деньги, которые ничем не обеспечены. То есть, людям дают деньги, а товара в магазинах на них нету. Причем, не то, что в данном сельпо нету, и в соседнем нету, а в целом по стране нету. Поэтому, неминуемо, у людей накапливается большое количество денег, которые они при всем желании не могут потратить. Потом, приходит 47-й год...

Слушатель:

Зачем в этих условиях допечатывать еще?

Сафронов А:

Вот, значит...

Слушатель:

У государства не было резерва? Или он был и сбрасывался? И каким он был?

Сафронов А:

Резерва чего?

Слушатель:

Денежного. Денежно-финансового.

Сафронов А:

Вот, эмиссия – это, по сути, неограниченный денежный резерв.

Слушатель:

Только толку от него!?

Слушатель:

А, в этом смысле.

Слушатель:

Толк есть, но, только очень строго дозированный.

Слушатель:

Кстати, читал работы Ванги, на счет того, как в кап. странах в Первую и Вторую Мировую войну?

Сафронов А:

Нет, не добрался пока. Я вообще... Я думаю, все согласны, что у нас следующая лекция – это у нас Владимир по скоро-чтению рассказывает. Потому что невозможно совершенно – тома лежат, которые надо осваивать, но, как бы, пропускная способность глаз – она лимитирована. Даже не мозга, а именно глаз.

Слушатель:

Ну, да, думаю, можно.

Слушатель:

Я не против.

Сафронов А:

Ну, да, Владимир, как раз, вышел в это время.

Слушатель:

Подождите, а, вот, еще один способ – ведь, получали же продукты от Америки. Это тоже ведь считался Ленд-лиз.

Сафронов А:

Да-да.

Слушатель:

Получаешь от них что-то.

Сафронов А:

Если бесплатно получаешь, то, конечно, этим тоже можешь, да. Да, конечно. Но, если ширпотреб приходит, то ты можешь этим тоже балансировать.

Слушатель:

Ну, мы его получали бесплатно – ширпотреб?

Сафронов А:

Ну, то, что в период войны – вроде как, да. То есть, это шло, что, типа, потом, когда-нибудь.

Слушатель:

И чего-то потом, там, вроде, небольшие...

Сафронов А.:

Ну, да, там что-то платилось после войны, потому что после войны надо было либо платить, либо возвращать. Соответственно, в какой пропорции было сделано – я не знаю, но что-то мы явно платили по Ленд-лизу – это известно. Там, главное было, чтобы не заставили непосредственно налом рассчитываться. Потому что там приводят данные, что у нас, ну, понятно – у нас с началом войны резко профицит торгового баланса превратился в дефицит, причем, очень большой. И сначала мы честно пытались закупать за золото, но, быстро поняли, что так мы далеко не уедем.

Слушатель:

Как пытались, например, в Первую Мировую войну за золото покупать оружие, ну, чуть ли не у всех, кроме, как непосредственных противников.

Слушатель:

От них трофеи брали.

Слушатель:

Ну, смотря, кто еще у кого. В 15-м году...

Сафронов А.:

Так, вот, да, про эмиссию – зачем она нужна? Что делать, если у нас доходов на 100 рублей, а комбинат стоит 300 рублей? Если у нас, в принципе, есть на него материальные средства, то мы можем заставить людей работать на энтузиазме. Но, поскольку на голом энтузиазме не получается, то эти два момента дозируются. Собственно говоря, первая пятилетка представляет из себя, как раз, такой момент нарушения равновесия, то есть, у нас объективно нет ресурсов для того, чтобы строить, поэтому, у нас есть карточное снабжение для того, чтобы люди не померли. У нас есть идеологическая подпитка, чтобы они не сильно отлынивали. У нас есть карательные законы для тех, кому идеологии недостаточно.

И после этого, проблемы бюджета – фактически снимаются. Потому что после этого, нам уже не важно, сколько денег в системе. Нам важно – есть кирпичи, или нет кирпичей. Если кирпичи есть – то, мы строим при любой структуре бюджета. Если кирпичей нету, то деньги нам никак не помогут. Я очень грубо говорю, но, по сути – именно это. То есть, обычно, равновесие – это хорошо. Потому что, при нарушении равновесия – начинаются неприятные условия второго и третьего порядка, которые в конечном итоге приводят к

очень большим перекосам в башке у людей. После чего, там, ну, в частности, Советский Союз разваливается изнутри.

Но, иногда, равновесие временно – можно нарушить. Я, вот, из прошлой лекции вынес хорошую аналогию, когда Владимир рассказывал про ресурсный кризис, грядущий – он говорил, что, если некий ресурс истощается, то для того, чтобы прекратить его тратить – не нужно ждать, пока он совсем истощится. Потому что тогда не будет резерва для перехода на другую технологию. Поэтому, правильная кривая использования истощающегося ресурса – это, мы его сначала пользуем-пользуем-пользуем, потом, мы его пользуем больше, то есть, он истощается быстрее, потому что мы накапливаем некий резерв. Потом, мы с использованием этого резерва, внедряем новую технологию и от этого ресурса отказываемся до того, как он кончится с концами.

То есть, для того, чтобы восстановить равновесие глобально – нужно его нарушить локально. Мне кажется, что это хороший общий принцип, который действует и в отношении природопользования, и в отношении ускоренной индустриализации. В самом общем виде НЭП – это мы честно пытались, сохраняя рыночное равновесие, строить быстрее, чем нам позволяла система балансов. Несколько раз крестьяне нас с этим делом прокатили, после этого, у всех построили. То есть, есть сюжет, значит, для индустриализации – нужны закупки за рубежом. Закупки за рубежом – нам в кредит никто не дает. Хотят все бартерный обмен, фактически. Значит – нужно много зерна, нужно много зерна – надо его купить у крестьян. Крестьянам – надо предложить промышленную продукцию.

Поскольку производство развивается быстрее, чем сельское хозяйство – в какой-то момент, у нас промышленная продукция становится относительно дешевле. У крестьян есть возможность и затариться, чем им нужно, и не продавать зерно больше. Соответственно говоря: либо, мы ждем, то есть, каждый раз покупаем по чуть-чуть, и в конечном счете проигрываем Вторую Мировую войну, потому что нам нечем воевать, либо, мы всех строим. Был выбран второй вариант.

Это, на мой взгляд, был выбор между плохим вариантом и очень плохим. Мне кажется, что между плохим и очень плохим – выбрали просто плохой. За что сейчас не любители товарища Сталина – его поносят. Вот, как это можно было сделать по-другому – я не представляю. Если мы верим, что через 10 лет начнется Мировая война. Если мы выкидываем из этих рассуждений Мировую войну – тогда, да, это там бессудное самодурство и вообще, там кровавый тиран. То есть, включаешь войну – понимаешь, что по-другому никак. Выключаешь войну – понимаешь, что люди совершенно охренели. Такой идеал.

Это на самом высоком уровне. Это мое представление о том, как работала система в целом. Оно формировалось на основании чтения – сколько стали сделали и сколько не сделали. И я вас призываю делать то же самое. То есть, когда вы читаете какие-то фактические данные – попытайтесь подняться на один уровень выше. Поэтому, если у нас нет денежных ресурсов, если мы хотим тратить больше, чем зарабатываем, то, либо мы отказываемся от этой денежной подпитки, либо мы начинаем чуть-чуть обманывать людей.

Ну, вот, эмиссия – это способ чуть-чуть обмануть людей. Потом это выходит боком нам же, потому что все механизмы имеют побочные эффекты – точно также, как в медицине, или где угодно. То есть, любое средство приемлемо, но у каждого из них есть некая..., за все надо платить. Надо платить за использование добровольно-принудительного труда – первая пятилетка, надо платить за эмиссию. Ну, вот здесь получилось. То есть, сначала людям платили зарплату, которую нельзя было отоварить, потом большую часть этой зарплаты в денежную реформу отобрали. Плохо – не хорошо так делать, да. Но, по-другому выиграть войну было нельзя.

Слушатель:

Ну, не знаю, у меня другое впечатление о денежной реформе.

Сафронов А:

Я ее совсем немного касался. То есть, мы, фактически, денежную реформу...

Слушатель:

Из того, что я поняла – она, как раз, снимает эффект эмиссии.

Сафронов А:

Она снимает эффект эмиссии. Она восстанавливает равновесие.

Слушатель:

Эмиссия – наоборот.

Сафронов А:

Эмиссия – наоборот.

Слушатель:

Потому что, эти деньги шли на небольшое количество товаров, который был у спекулянтов в десятикратном и так далее. Эти деньги оседали там, и потом их просто отрезали.

Сафронов А:

Просто, ты пойми, что, если мы платим людям зарплату, на которую ничего нельзя купить. А, потом эту зарплату отбираем назад, то, да, мы восстанавливаем равновесие в экономике.

Слушатель:

И даем им зарплату, на которую теперь уже можно что-то купить.

Сафронов А:

Это потом. Но, одновременно с этим, мы даем им страх, что снова отнимут.

Слушатель:

Я думаю, что там люди очень по-разному воспринимали – в зависимости от того, сколько у них денег.

Сафронов А:

Да.

Слушатель:

Я не думаю, что те, у кого было 200 рублей – страдали, что отобрали у тех, у кого больше 3-х тысяч. И думали, что теперь будут отнимать постоянно. Хотя, вот, то, что перестали платить ветеранские и еще какие-то выплаты.

Слушатель:

Там какие-то были выплаты за ордена – не очень большие, вроде бы.

Сафронов А:

Этого у меня даже не было в этих книгах. То есть, если они и были, то в обобщающих этих, видимо, не стали. Я прошу прощения.

Слушатель:

Кстати, вот, про Ленд-лиз вспомнила – моя бабушка, которая в Тобольске, она со своей мамой была. Значит, мама была ее, моя прабабка - пекарем. А бабушка была, ну, грамотность преподавала. И они, значит, не в своем городе жили, где-то в Ханты-Мансийском округе – сейчас, и занимались, работа была такая, что ханты и манси приносили мех, а они должны были по каким-то расценкам обменивать на товары, ну, в общем на еду какую-то. И ханты и манси – не брали американский шоколад. То есть, видимо, он доходил до туда, что моя бабушка, ну, только в семье говорила, что в войну она ела американский шоколад.

Сафронов А:

Интересно.

Слушатель:

Видимо, он до туда доходил, и видимо, Мир был настолько..., ну, как бы, вот. Хотя, эти две женщины могли и среди леса..., ну, не леса, там, в какой-то деревне.

Сафронов А:

Возьми, вот, раздел посмотри – более.

Слушатель:

Я просто сейчас...

Сафронов А:

Не готова?

Слушатель:

Не то, что не готова, я хочу ... кучу всякого добра, которое перед этим пересмотреть, потому что я не все читала.

Сафронов А:

Ну, ок, да.

Слушатель:

А на книжку – я, как бы, ее полистаю потом. Но, к сожалению, я помню только какие-то очень большие обобщения, которыми можно потом вертеть. То есть, эта статистика – она, ну, то есть...

Сафронов А:

Я старался ее, как можно меньше касаться, и в самом начале лекции говорил, что я постараюсь отбиться от статистики. И в процессе несколько раз. Но, как ты видишь, большая часть вопросов – именно по ней.

Слушатель:

Ну, это от них.

Сафронов А:

То есть: а сколько процентов было? Вот. Значит: на сколько зарплаты? На сколько цены? А, группа «А»? А, группа «Б»? То есть, с одной стороны – это тоже важно для понимания. С другой стороны – у меня такое, половинчатое ощущение, что я сегодня ничего не смог сделать так, как хотел.

Слушатель:

Нет, очень понятно, кстати.

Слушатель:

Хорошая, интересная лекция.

Сафронов А:

Я и от статистики не отбился. И, как-то лекция растянулась, и рассказал не все. Я, например, почти ничего не сказал, что у сельского хозяйства забрали кучу тракторов, тягловой силы и тому подобного.

Слушатель:

А, что с ними сделали?

Слушатель:

Как тягачи, да!?

Сафронов А:

Как тягачи использовали, фронту передали. То есть, у сельского хозяйства, практически отобрали энергетическую базу. Основная тема коллективизации, что мы заменим, значит, ручной труд – машинным. 10 лет мы его заменяли. В процессе, несознательные крестьяне перебили кучу скота, в том числе лошадей. Вот. А, потом трактора отобрали, потому что, возить нечем, потому что, в первые месяцы войны потери большие были, в том числе и по тягачам. Вот. И пришлось на себе пахать. На коровах пахали, на себе пахали.

И в сельском хозяйстве – все было плохо. При этом, как бы, правительство это понимало. Например, после войны – там шло распределение народного дохода. Там на группу «Б» - шло 6%, а на сельское хозяйство – шло 13%. То есть, мы вкладывали в сельское хозяйство, в его подъем – в 2 раза больше денег, чем в производство ширпотреба. Но, все-равно, это не помогло, потому что очень сильно рухнуло. Ну, понятно, что там избы порушены, значит МТС – порушены, трактора – порушены.

То есть, лозунг «Все для фронта, все для победы» - он в обе стороны работает. Но, смогли. То есть, в очередной раз – резюме лекции: военная экономика – это, как имея в 2 раза меньше ресурсов, производить в 2,5 раза больше.

Слушатель:

Там был еще один забавный такой момент, как раз, в медицине, в это время происходила очередная технологическая революция – антибиотики появились.

Сафронов А:

Пенициллин следом.

Слушатель:

Не только – грамицидин. Появились лекарства от туберкулеза.

Сафронов А:

Напоминаю: витаминная отрасль в 10 раз за войну поднялась.

Слушатель:

Да-да. И появились методы военной эпидемиологии, позволяющие предотвращать эпидемии среди разрушенных городов. Вот, в частности – после освобождения Сталинграда, весной город был наводнен полевками. И там началась эпидемия туляремии. И военным эпидемиологам удалось ее предотвратить, за что они получили Сталинскую премию, государственные награды. И как раз, впервые, во Вторую Мировую войну – не только в нашей стране, но и в других местах, военная эпидемиология стала использовать открытых в 37-м году ДДТ и другие пестициды для сан. обработки войск и предотвращения эпидемий, что имело свои последствия для сельского хозяйства в последующие годы.

Слушатель:

А, почему город был наводнен полевками?

Слушатель:

Мышиный голод. Среди развалин им хорошо.

Слушатель:

Плюс, наверное, да, много трупов – это тоже, как-то.

Слушатель:

Ну, полевки – они, все-таки, растительноядные. Но, трава росла хорошо.

Сафронов А:

Ну, то есть, от таких моментов можно очень много набрать. Там было огромное количество рац. предложений. Я просто вас призываю, чтобы это не было таким набором мозаики – все эти занимательные факты, стараться обобщать. Не просто, что смогли 2,5 тысячи предприятий перевести, а какие для этого были предприняты меры и почему эти меры, скорее всего, не сработали бы, если бы там была не обобществленная экономика, а капиталистическая.

Слушатель:

Ну, вот, на счет, кстати говоря, того, что социалистическая экономика показала свое превосходство над капиталистической – я не знаю, как бы, с одной стороны, ну, конечно, любая война показывает, да. Если по самому верхнему обобщению брать – то, любая война, конечно, показывает наибольшую дыру в структуре ее системы. Поэтому, собственно, они должны иметь место быть, или там, были. Но, если брать конкретно эту ситуацию, то, все-таки, наверное, для такого вывода – нужен какой, никакой сравнительный анализ, как происходили аналогичные процессы, я не знаю, перестраивалась промышленность, или еще что-то, в какой-то капиталистической стране. Либо, как бы она перестраивалась, например, сейчас. То есть, например, опять же, если мы говорим про кап. систему в целом, а не как систему 43-го года, да. То, не знаю, я не думаю, что какая-нибудь там Американская экономика не справилась бы с той эвакуацией. То есть, это любая..., наверное, это зависит от уровня социализации...

Слушатель:

Просто сейчас мало промышленности осталось в первом Мире.

Слушатель:

Не-не, не согласен. Андрей, не согласен. Как раз, сбрасывают устаревшие отрасли, а современные заводы продолжают строить. В том числе, металлургические, в том числе в США. То есть, это такой, двусторонний очень процесс.

Сафронов А:

Ну, вот, здесь у меня есть данные по основным материалам – эссе 40-го года и Германия 39-го. Можно увидеть, что Германия была почти по всем ресурсам... Ну, Германия уже вместе с Австрией. Можно посмотреть, что Германия по большей части ресурсов была обеспечена лучше раза в полтора-два. Но, это им не помогло.

Слушатель:

Но, насколько это – огрехи управленческих решений, а насколько – это именно, как сказать... Ну, то есть, они там до какого-то года, я не помню, чуть ли не сорок какого-то – они не выпускали танки.

Слушатель:

Кто? Американцы?

Слушатель:

Немцы.

Слушатель:

Как немцы?

Слушатель:

Не, это полная фигня.

Сафронов А:

Нет-нет, это явно.

Слушатель:

Они выпускали танки с самых первых лет, и некоторые...

Слушатель:

Ну, какое-то очень небольшое количество. То есть, потом они, по-моему...

Слушатель:

Они очень сильно усилили свою армию захваченными чешскими и французскими танками. Причем, почти весь французский танкопарк достался им, включая очень хорошие танки, аналогичные 34-м. Они потом воевали против нас.

Слушатель:

Нет, имеется в виду, наверное, то, что они какое-то время соблюдали Версальские договоренности.

Сафронов А:

Не-не, когда Гитлер пришел к власти – ни о каком...

Слушатель:

Ну, да. Ну, так, до этого не выпускали.

Слушатель:

Алексей, а, вот, у нас с Олей был длинный спор, который вылился в некотором роде вопрос к Вам. И будет очень здорово...

Слушатель:

Сейчас. Эту вот сравнительную беду, если с Германией, да, то, я не знаю, может быть с этой книжкой действительно что-нибудь поделывать такое – типа оцифровать!?

Слушатель:

Оля, я бы сказал так: если социалистическая экономика СССР явно показала свое превосходство над социалистической экономикой Германии, то показала ли она свое превосходство над экономикой Англии, где было введено и нормирование, и планирование, существовавшие до 54-го года, при том, что, ну, Англия, все-таки, страдала от войны. Хотя и не оккупирована.

Слушатель:

Ну, вот, я не знаю – показала, или не показала.

Слушатель:

А над экономикой США – она точно не показала, потому что США смогли увеличить производство военной продукции, не снизив, а повысив уровень жизни населения. Но, они на войне наживались, а не страдали.

Слушатель:

Не, ну, там, как бы, да. Там немного другая ситуация.

Сафронов А:

Вы поймите, что советская экономика – она в каждый момент времени была немного разной. И поэтому, говорить о Советском Союзе в целом – это просто не верно. И говорить о советской экономике в целом – тоже просто не верно. То есть, это не то, что просто какие-то нюансы, а просто... Как бы экономическая система там, 20-х, 30-х и 80-х – это просто разные страны.

Слушатель:

Ну, да, естественно.

Слушатель:

Но, мы говорим о войне.

Сафронов А:

И поэтому, я, когда начал говорить о том, что важно в военной экономике – я стал говорить, что по ряду показателей она приблизилась к тому идеалу, который мыслили теоретики в плановом планировании. И когда у нас в послевоенные годы экономика стала работать все хуже и хуже, то во всяких благонамеренных официальных документах писали не просто о том, что надвигается «жопа» и надо что-то делать, а там писали, что нужно принять меры для того, чтобы социалистическая система могла показать органически присущие ей преимущества.

То есть, есть потенция – возможность, есть ее использование, либо не использование.

Слушатель:

Ну, интересно, конечно... То есть, интересно, с какой точки зрения. Интересно представить идеальную там, я не знаю, плановую модель. И эффективную там, по современным хотя бы меркам, капиталистическую модель и посмотреть, вообразить, да, грубо говоря, кто кого поборет.

Слушатель:

Можно, как раз, я наш с Вами вопрос обрисую Алексею.

Алексей, собственно, мы с Олей, после первых Ваших лекций довольно долго обсуждали: чем социалистическое планирование отличается от капиталистического. Я, помимо того, что Вы рассказывали, пытался пересказывать то, что написано в (180:06) (неразборчиво). Про учет потребности людей планам, про учет рынкам. Отличия.

Слушатель:

Но, у меня одолевали сомнения.

Слушатель:

Да-да-да. Она упорно стояла на своем и настаивала на том, что главное – это финансово-кредитные операции. Я же отстаивал ту точку зрения, Медоусовскую, кстати, что главное – это материальные потоки и мы должны управлять именно ими. И было бы здорово, если бы Вы разобрались: какие способы планирования используются при капитализме, какие при социализме – плюсы и минусы тех, и других. В таком нейтральном сопоставлении.

Слушатель:

Я чуть-чуть поправлю, да. То есть...

Слушатель:

Если Вам это интересно, Леш.

Сафронов А:

Мне это интересно. На сколько я помню оригинальную версию вопроса – там стояло конкретно про долгосрочные планы иностранцев. И у меня до сих пор их нету. Если у вас есть некая... То есть, желательно, чтобы это был не сам план, потому что, я так понимаю, что это будет огромный талмуд.

Слушатель:

Ну, да-да, некое его описание.

Сафронов А:

Причем, на буржуйском языке, да. А, некая обобщающая книжка, на подобии вот этих.

Слушатель:

Сейчас, вот, одну такую я притащу. По-моему, есть.

Слушатель:

Кстати, одна из стран, активно использовавшая планирование – это Франция. Я сейчас найду, вот, что Вы говорите по планированию.

Слушатель:

Я, вот, сейчас вернусь и что-нибудь спою. Мне формулировка не понравилась, что я там ставлю во главу угла, там, финансово...

Слушатель:

Ну, Вы, вообще отвлекаетесь от материальных потоков и обращаете внимание на кредиты, эмиссию. То есть, то, что происходит в Мире индексов.

Слушатель:

А, потому что по, как сказать, сравнивать, как систему – удобнее именно по этому параметру.

Сафронов А:

Как раз – это источник наибольших ошибок.

Слушатель:

Вот, Медоус меня этому научил, кстати, без всякого Марксизма. Он очень долго в своих лекциях объяснял, почему это неправильно.

Слушатель:

Так, крупный митинг Америки и Франции.

Слушатель:

Я пойду домой, хорошо?

Сафронов А.:

Ага-ага.

Слушатель:

Вот, пойдете, я Вас провожу. Спасибо, что пришли.

Ответы на вопросы (перед следующей, четвертой лекцией отвечал на вопросы, которые остались с третьей)

Сафронов А.:

Так, ладно. Пока у нас тут техническая заминка, я, наверное, буду исполнять обязанности хорошего лектора и спрошу: кто из присутствующих был на прошлой моей лекции? Это было у Фридмана дома. И лекция была посвящена экономике Советского Союза времен Отечественной войны.

Вот. Это хорошо. Потому что я помню, что там, какие-то люди меня допытывали про Ленд-лиз – насколько он был важен, или насколько он был не важен. Сейчас эти люди тут присутствуют. По-моему, Ивин меня мучал, но он куда-то...

Слушатель:

Да, нет, он здесь.

Сафронов А.:

Да. Ну, в общем, про Ленд-лиз – в истории останется. Тут очень вовремя выложили какие-то рассекреченные две бумажки: одна из них нам рассказывает про удельный вес самолетов, танков и артиллерийских орудий в процентах к производству. То есть, допустим, по самолетам – США поставил нам самолетов 5% от общего выпуска за 41-й и 44-й. Англия, соответственно – 4,5%.

Слушатель:

А, по годам есть у Вас?

Сафронов А.:

Есть по годам тоже. По танкам – ситуация выглядит: по США – похожа, то есть – 5,25% от совокупного выпуска танков, произведенных в США – были направлены в СССР. А, вот, по Англии – значит, почти 18% всех танков, которые они выпустили, они направили нам. По артиллерийским орудиям – у меня данные только по США, и они небольшие – здесь 1,25% совокупного выпуска было направлено к нам. То есть, союзники, прямо скажем, не очень напрягались.

С другой стороны, есть у меня другой хороший документ, который говорит: какую долю в выбитой технике покрывали поставки. И здесь уже цифры такие, чуть более серьезные. Соответственно говоря, справка называется «Доля импорта самолетов, танков, артиллерийских орудий в покрытии потерь Красной армии за 3 года Отечественной войны». Ну, за 3 года, потому что: чем богаты. Здесь, по самолетам – доля импорта в покрытии потерь – 44,6; по танкам – 17,0; и по артиллерийским орудиям, без морских – 15,4. То есть, ну, в общем-то, почти половина самолетов, которые мы теряли в первые 3 года войны – покрывалось за счет поставок союзников. Мне кажется, что это весьма и весьма значительно.

По танкам и артиллерийским орудиям – мы справлялись сами. Но, здесь тоже, значит: 17 и 15 процентов. То есть, я думаю, мы бы справились и без них, но это была достаточно такая, очень сильная поддержка, на мой взгляд. Поэтому, Ленд-лиз – он, с одной стороны, действительно, не имел решающего значения.

Слушатель:

Это только по военной технике.

Сафронов А:

За исключением отдельных.

Слушатель:

А, автомобили, продовольствие, боеприпасы и так далее.

Сафронов А:

А, автомобили, продовольствие и боеприпасы – очень разное, в зависимости от поставок. Я, вот, тогда рассказывал о том, что наши их больше просили поставлять сырой продукцией, за счет того, что были потеряны базы. Были большие проблемы с цвет. мет.-ом. И соответственно говоря, за счет того, что иностранная техника – она требует иностранных запчастей и желательно механиков, которые умеют с ней обращаться, то, интересная вещь, что шли поставки готовой продукции, но, в то же время, наши напирали на то, что лучше давайте нам материалы, мы сами сделаем, что нам нужно.

У меня есть хороший пятитомник по Советской экономике, написанный дядькой, который занимался историей Советской экономики всю свою жизнь. Я уже год его читаю и надеюсь, что, когда я его дочитаю целиком, и курс лекций закончится – там я его оцифрую и всем выложу. И там, в том числе можно будет почитать всякие хорошие вещи про Ленд-лиз, в 4-м томе. Но, это было небольшое такое отступление, потому что обычно, когда меня начинают спрашивать всякие каверзные вещи – я их себе записываю, и стараюсь к следующей лекции что-нибудь накопать.

В прошлый раз, я помню, были вопросы по Ленд-лизу. Соответственно говоря, Вознесенский писал, что Ленд-лиз, в общем объеме нашей продукции – был на уровне 4%, по-моему. Соответственно, США – нам отгружали на уровне 5% того, что они делали. Англичане, судя по этой справке – там по-разному. Танков они отгружали процентов почти 18, самолетов – тоже на уровне 5%. Но, вместе с этим, в покрытии того, что мы теряли – это были такие, уже, достаточно значимые цифры.

Слушатель:

А, что там по годам?

Сафронов А:

По годам, у меня сейчас с собой есть только справки по поставкам. Я могу по поставкам сказать. То есть, по потерям...

Слушатель:

Одним словом – снижалось, или повышалось?

Сафронов А:

Скажу. Так. Допустим, по самолетам – максимум поставок из США было в 43-м году, из Англии...

Слушатель:

Статистика с 41-го, по 43-й год?

Сафронов А:

С 41-го, по 44-й. В 44-м – меньше уже было. По Англии – максимум был в 42-м.

Сейчас скажу по чему-нибудь еще. Ужас – мы пересидели уже полчаса. Где эти люди, которые ушли в магазин и не вернулись.

Слушатель:

Ты считаешь очень необходимым, чтобы они присутствовали?

Сафронов А:

Ну, мне кажется, что это просто не хорошо будет, если они пошли за ништяками для всех, и за это они получают обрезанный вариант.

Слушатель:

Я боюсь, они очень долго будут искать этот чайник. Я позвонил им, сказал, что можно ограничиться водой и соком, но они почему-то возжелали очень чайником озаботиться.

Сафронов А:

В смысле – купить чайник?

Слушатель:

Ну, да.

Сафронов А:

Они сумасшедшие!?

Слушатель:

А, это уже вопрос не мне.

Слушатель:

Мне даже на ум не приходит – где тут можно приобрести чайник.

Сафронов А.:

Что-то у меня тут справки начинают не биться. Интересно.

Слушатель:

(разговор по телефону:

Але, ну, как у вас там? Ну, вот, как бы, лектор вас ждет и считает...)

Лекция 4. «Послевоенное восстановление».

А.С.: «Я задался целью обозреть кусок истории где-то с 1945 по 64 годы. Я с некоторыми трудами с этой задачей справился, но у меня серьезные сомнения насчет того, в какое время уложится все изложение. Мы попробуем весь блок пройти сегодня, если не будем успевать, что ж – попробуем это сделать в следующий раз. Я приготовил слайды, но у нас нет проектора, поэтому я эти вещи буду говорить «на слух», но, если у вы будете говорить, что не поймете, никакой картинки у вас в мозгу не возникает, что ж – придется куда-нибудь бегать.

Послевоенная экономика важна, в том числе, из-за того, что имеет непосредственное отношение к современности, к не совсем историческим вопросам, которые там в интернет-битвах поднимаются. Дело в том, что в 7-58 прошла реформа управления промышленностью, в 65 прошла косыгинская реформа, внесшая очень серьезные изменения в советскую экономику. Сейчас очень любят говорить о том, что экономика бывает селективной, она достигла пределов экстенсивного развития, после чего ее необходимо реформировать. Экономику реформировали, а партаппарат «спустил все на тормозах», в целом, эта система должна была рухнуть, потому что она противоестественна. Есть более «суровый» вариант объяснения, связанный с тем, что экономика Союза держалась на строителях репрессий, ГУЛАГ распустили – все рухнуло. Это объяснение хорошо тем, что оно очень простое, и после можно ничего не изучать, потому что понятно, что любые реформы были бесполезны. Не надо думать, что я сильно утрирую, потому что я, готовясь к этой лекции, читал книжку по реформе управления промышленностью, написанную ректором одного нашего новоявленного ВУЗа и долго ругался, потому что ректор писал именно с таким подходом, и было непонятно, зачем он за это дело взялся, если и так все понятно. У меня в процессе подготовки сложилось впечатление, что сведения об экстенсивном характере развития экономики были сильно преувеличены. Я хотела сначала рассказать о том, как развивалась экономика 4-ой пятилетки – первая послевоенная пятилетка «восстановления хозяйства», а потом поговорить о том, что обусловило достаточно достойные темпы восстановления. (Далее упомянуты некоторые слайды – визуально-графический материалы, «сводные таблицы» по 4 пятилетке).

Что мы видим здесь хорошего? Объем производства средств производства, то есть группы А, падал. Здесь идут цифры в абсолютных показателях, это не темпы роста, а абсолютные показатели определенного года. Но, поскольку нам нужна динамика, что они считали в определенном году, нас вообще не волнует. Важно то, что с 1945 года объем производства промышленной продукции сократился. Было это связано с тем, что советские статистики закидывали туда все производство вооружений, поэтому понятно, что война кончилась, такое количество танков-самолетов было не нужно, за счет этого пошло статистическое снижение. После этого пошел монотонный рост, мы видим, что года до 47 или 48 темпы роста ширпотреба и промышленной продукции были примерно одинаковыми, а после этого стали больше и больше расходиться. 2 момент, который мы здесь видим – оба графика линейны и по промышленной продукции рост шел стабильный, можно было его экстраполировать на будущее линейным трендом, никакого замедления роста мы по 4 пятилетке пока не наблюдаем. 2 график тоже достаточно интересен – он показывает динамику роста ширпотреба и промышленного производства с 13 года, мы видим, что в первую пятилетку наступил «перелом» до 1 пятилетки, по большей части, производилась продукция, которую мы используем в быту. Страна готовилась к войне, поэтому, несмотря на попытки 2 пятилетки сократить перекосы, вызванные ускоренной индустриализацией (во 2 пятилетку была программа, что у нас ширпотреб растет быстрее, и мы возмещаем людям те лишения, которые они претерпели в 1 пятилетку, ударно строя в чистом поле заводы и фабрики. Однако, план выполнен не был, во 2 пятилетку по тяжелой промышленности план был перевыполнен, 3 пятилетка – уже активная подготовка к войне, идет еще большее расхождение. Соответственно, понятно, что во время войны надо было выпускать не ширпотреб, а всякие стреляющие вещи. В 4-ю пятилетку мы видим, что производство ширпотреба и тяжелой промышленности стало «сближаться». Держалась ситуация года 2. С 48-49 гг. мы видим, что удельный вес производства средств производства растет, а производство товаров народного потребления падает. Было это связано с тем, что года с 47, даже, 46 все более и более активно набирал силу ряд научных программ, которые отбирали большое количество ресурсов. Одна из них у вас наверняка на слуху – это программа создания ядерного оружия, связанная с тем, что наши вчерашние союзники очень быстро «перековались», угрожая тем, что если мы не станем более сговорчивыми, то они могут повторить опыт Хиросимы и Нагасаки где-нибудь в другом месте. 2 программа, которая отнимала большое количество сил и средств, о которой сейчас почему-то забывают – это программа создания радиолокаций и ракетного оружия. Обе эти программы начинались еще до войны, но во время войны были отеснены на задний план, а сейчас, поскольку возникла необходимость отбивать возможный налет противника, обладающего ядерным оружием, то огромные силы были брошены на то, чтобы, во-первых, научиться на возможно большей дальности засекать их подлет, а также с высокой долей вероятности их сбивать. В конце 4 пятилетки начала осуществляться одна из программ, которой мы, живущие в Москве, до сих пор пользуемся, поскольку в Московской области проходят две бетонки, соединяющие между собой радиальную, одна из них проходит на широте чуть ближе Солнечногорска, соответственно, на широте Истры, а

другая проходит на широте Клин – Дмитров. В общем-то, это бетонки строились вовсе не для того, чтобы людям было удобнее ездить на дачу, а чтобы построить 2 кольца противовоздушной обороны, которыми защитили Москву от возможного ядерного нападения. Причем, за счет бурного развития науки и техники получилась грустная вещь, когда в течение нескольких лет огромными усилиями были созданы технологии, позволяющие засечь на большой дальности самолет и сейчас сохранилось достаточно большое количество баз ПВО, по ним можно покататься – на гуглоснимках они обозначены «елочкой», их могут искать те, кому это очень интересно. Но суть в том, что там стояли стартовые ракетные пусковые установки, позволяющие сделать залп – по-моему, каждая могла выпустить 160 ракет – совокупный залп сбивал любую армаду самолетов, за счет того, что колец было 2, а пробиться через нее было практически невозможно. Но ирония судьбы заключалась в том, что, когда программу достроили, а это была 2 половина 50-х, у наших бывших союзников появились первые прототипы баллистических ракет, из-за чего система, по большому счету, утратила свою актуальность, ее пытались переделать в систему ПРО, но это – другой период времени, об этом будет правильнее рассказывать в другой лекции. Здесь я хочу напомнить вам о том, что вот это вот соотношение, сколько мы производим товаров для людей и сколько мы производим оборудования и боеприпасов – оно не было прихотью, мол, руководители Советского союза были злыми людьми, лишавшими народ одежды и продовольствия. Каждый раз выполнению этой задачи что-то мешало. В качестве бонуса: где-то 40 год, непосредственно перед войной, у нас где-то 60% всей продукции было производство средств производства, в 45-м – 75%, только 25% выпускалось ширпотреба, в 50-м – где-то 72%, если мы продлим года до 53, когда мы заполучили ядерную (водородную, может?) бомбу, получается, что нагрузка на промышленность СССР в данный период была почти такая же, как в конце войны. Соответственно говоря, если мы смотрим на объемы капитального строительства, мы видим, что объемы вложений в вооружения несопоставимы с объемами вложений во все остальные отрасли народного хозяйства. Возвращаясь к «битвам» вокруг первой пятилетки: товарищ Сталин в одном из своих выступлений сказал: «Вот, если бы мы были капиталистами, и у нас все развивалось так, как оно должно развиваться, мы бы сначала вкладывали в наиболее рентабельные отрасли, где можно меньше вложить и больше и быстрее отдачу получить, например, в легкую промышленность, только ее развив, развивали бы тяжелую. Но, поскольку мы таким путем идти не можем и не хотим, мы сознательно вкладываем в отрасли, которые дадут отдачу очень нескоро, отчего возникает скачок. Здесь это видно – при несопоставимо меньших вложениях в легкую промышленность она все равно росла темпами по 15% в год, что выглядит очень неплохо.

Здесь у меня разделение по промышленности – соответственно, вся промышленность, легкая и тяжелая (таблицы, графики). В продолжение предыдущей таблички. А вот это – очень интересная вещь, начало ответа на вопрос: какой же там бы, то есть, в переводе на русский, сколько мы промышленной продукции получаем на рубль основных средств. Если фондоемкость растет, то это значит, что основные средства используются хуже, если она падает, то это значит, что мы из тех же самых станков получаем больше. Мы видим, что, начиная с 48 года, фондоемкость падает,

потому что в самом конце 47 года была проведена денежная реформа с множеством целей, одной из которых было восстановление хозрасчета в промышленности и упорядочения всяких денежных отношений. Я не могу говорить, что эти вещи связаны абсолютно «железно», но я уверен, что свою роль в падении фондоемкости эта реформа сыграла. О ней, разумеется, мы тоже сегодня говорим.

Это была промышленность. Значит, все запомнили: это были ровные линии, каждый следующий год лучше предыдущего без каких-либо замедлений. Вот на этой красивой картинке мы видим продукцию сельского хозяйства (графики). Здесь все, в принципе, понятно: с 40 по 45 мы видим здоровенный провал, провал продолжается в 46, я напоминаю, что в 47 был голод, но он был инициирован результатами 46 года: то есть, в 46 мы получаем плохой урожай, мы его собираем зимой 46, а зимой с 46 по 47 мы съедаем все, что у нас есть, весной 47 начинаем голодать. Это для того, чтоб не было вопросов, почему в 47 был голод, а на графиках мы видим рост сельского хозяйства. А вот дальше мы видим, что у нас уже, к сожалению, не прямые, а кривые линии, и постепенно у нас этот рост замедляется, и где-то в 49 году мы почти выходим на довоенный уровень, чуть-чуть превышая, затем рост замедляется. В отличие от промышленности, после того, как в сельском хозяйстве были восстановлены довоенные объемы продукции, после этого начался рост. У меня есть сводная табличка, где можно обзреть все целиком, это – укрупненные итоги сталинских пятилеток, здесь, наверное, поскольку это – цифры, будет лучше, если я их зачитаю. Укрупненные итоги сталинских пятилеток: среднегодовые темпы роста продукции промышленности – 1-я пятилетка – 19,2, 2-я пятилетка – 17,1, 3 года 3-ей – 13,2, 4-я пятилетка – 13,6. В том числе, производство средств производства: 1-я пятилетка – 28,5, 2-ая – 19, 3 года 3-ей – 15,3, 4-я пятилетка – 12, 8. Напоминаю, это не за пятилетие, это - цифры годовые. Производство предметов потребления: 1-я пятилетка – 11, 2-ая пятилетка -14,8, три года 3-ей пятилетки – 10,1, 4-ая пятилетка – 15,7. Выясняется, что у нас ширпотреб рос быстрее, чем производство средств производства, просто за счет того, что «с нуля» расти удобнее. То, что называют «эффектом низкой базы». А, во-вторых, в 4 пятилетке баланс между развитием и комфортом сдвинулся в сторону лучшего обеспечения людей продукцией, используемой в быту. Дополнительный показатель, который нужно отметить – среднегодовая урожайность зерновых: 1 пятилетка – 7,5 центнеров с гектара, 2-я пятилетка – 9,1 ц/га, 3 года 3-ей пятилетки – 10ц/га, 4-я пятилетка – 10, 8 ц/га. Это – видовой урожай. Есть еще амбарный урожай. Вот из-за разницы этих двух понятий они через некоторое время станут объектом политической борьбы.

Здесь у меня есть структура доходов и расходов бюджета, поскольку справка была секретной, выделены расходы на Минобороны, которые нужно показать, чтобы лучше представлять нагрузку на экономику, в которой проходила 4-я пятилетка. (Графики). Минобр – это салатовые столбики. Мы видим, что в 45-м году нагрузка была самая большая – чуть-чуть меньше 50%. Я напоминаю, что расходы бюджета не равны совокупным расходам, потому что были еще собственные расходы предприятий. Если мы говорим про капитальные вложения, то часть средств идет от того, что есть у предприятий, часть средств приходит к ним за счет перераспределения, как

бюджет. Этот показатель все равно имеет смысл, «управления на самом верху» (имеются в виду МВД, Управление общественной безопасности, Управление лагерей). Мы видим, что до 48 года расходы на оборону сокращались, после этого снова начали расти. Из-за внешнеполитической ситуации, во многом планы развития и возмещения людям потерь, которые они несли во 2 мировую войну, были немного «ужаты», несмотря на это, мы имели рост производства ширпотреба 15% в год.

Несмотря на то, что тяжелая промышленность считалась основой, в общем, что разумно, потому что, если у вас нет станков, вы не сможете произвести ничего. В конечном счете, люди судят по тому, как они живут, то есть, что могут купить на свою зарплату в магазине. Поэтому последний слайд – это товарооборот, зарплата и цены (График). Внимание на 2 красивых линии: линия, у которой случился перелом в 47 году – уровень цен, а зеленая линия, которая плавно возрастает – это реальная заработная плата, реальная – значит, скорректированная на инфляцию. В итоге, получилось, что за годы 4-й пятилетки уровень реальной зарплаты превысил уровень 40 года где-то на 15-18%. Одновременно с этим уровень цен, если верить справке, на основании которой я готовил презентацию, то чисто денежные доходы к концу 4-й пятилетки у трудящихся были выше, чем до войны, одновременно было восстановлено производство довоенное, по большей части, существенно превышено. Рост был линейный, без признаков замедления, за исключением сельского хозяйства, где после достижения довоенного уровня рост замедляется. 50-51 годы – сельское хозяйство вышло «на плато» - мы стали каждый год производить столько же, сколько и раньше, но не больше. Связано это было с тем, что для того, чтобы восстанавливать сельское хозяйство, в него нужно было вкладывать достаточно большие средства, а на все одновременно средств не хватало.

Вопрос: «Вы сказали, что достигли довоенного уровня, а потом вышли «на плато». Связано ли это с государственной политикой?»

А.С.: «Да. Есть два вида государственной политики (укрупненной) в отношении сельского хозяйства. Один проявляется в том, чтобы меньшим количеством людей получать такую же урожайность. То есть, условно говоря, у нас в стране живет 100 человек, значит, сейчас у нас 80 работает в сельском хозяйстве и кормят всех 100. Нам нужно развивать промышленность, нам надо в сельском хозяйстве оставить 20, но с тем, чтобы они производили тот же самый объем продукции, чтобы всем хватало. Тогда мы будем развивать технологии, направленные на сбережение труда, потому что нам важно высвободить людей. Понятно, что это – та самая стратегия, которой пользовались в СССР, потому что основной целью было развивать промышленность. Вторая стратегия сейчас используется в Китае. Связано это с тем, что людские ресурсы в наличии, но не хватает пашен. Соответственно, вариант: у нас есть необходимость повышать урожайность, чтобы мы с такого же количества земли могли снимать больше. Понятно, что в идеале хорошо, чтобы выполнялось и то, и другое – и людей меньше, и урожайность больше. Но, на мой взгляд, на тот период развития в СССР более этичным было высвобождение людей, поэтому, по достижении определенного уровня урожайности, вопрос стал ставиться не столько в том, чтобы его увеличить,

а в том, чтобы сделать его более предсказуемым. Дело в том, что, поскольку у нас страна такая, что большие территории находятся в зоне, которую политкорректно называют «зоной рискованного земледелия», то производство сельхозпродукции по годам очень сильно «плясало», в общем, голод 47 года был связан с сочетанием целого ряда факторов, из которых только часть была вызвана войной.

Что происходило в войну в сельском хозяйстве? Лозунг «Все для фронта, все для победы!» - имеет оборотную сторону: все, что не фронт, снабжается по остаточному принципу. Многие образцы техники исчезли из сельского хозяйства почти сразу же. То, что попадало в зону оккупации, «растаскивалось» оккупантами, если оно не попадало в зону оккупации, то оставалось без запчастей, потому что заводы производившие запчасти, переключались на боеприпасы. В итоге многие сельскохозяйственные районы оказались с очень изношенной техникой, которую неоднократно чинили в домашних условиях, количество которой резко сократилось в сравнении с довоенным уровнем. Когда начинали коллективизацию, предполагалось, что трактор сможет не только заменить лошадь, но и значительно повысить производительность. Все они на ускоренную коллективизацию отреагировали массовым забоем скота, впоследствии почти восстановили пайки, но не до конца. Почти всех лошадей забрали на фронт. Несмотря на то, что Вторая мировая – это «битва моторов», конница там тоже использовалась достаточно активно. Мне было интересно узнать, что к нам шли поставки по ленд-лизу не только из США и Англии, но и из Монголии, Монголия нам поставляла как раз лошадей, которых жестоко не хватало. Лошадей из сельского хозяйства забрали, пришлось пахать на коровах или на себе. Проблема в том, что, если на корове пашешь, она начинает хуже доиться, потому что не любит такого обращения.

Вопрос: «А быками заменить нельзя?»

А.С.: «Можно. Но быков держали из расчета, насколько он справится. Если бык справится со всем коровьим стадом, то 2 быка не надо. Плюс к тому понятно, что довольно много скота просто поели. Что имеем? Имеем нарушенную агротехнику. Соответственно говоря, поскольку у нас нет техники нормально обрабатывать поля, у нас нет скота, с помощью которого мы выполняли эти операции до коллективизации, кроме того, у нас нет того количества людей, которое требовалось до коллективизации, чтобы это делать без техники, то мы не можем обрабатывать поля так, как это требует экономическая наука. Понятно, что у нас нет не только запчастей, но и удобрения производятся по остаточному принципу. В итоге, мы имеем множество неурожаев, несмотря на все усилия. После этого достаточно одного засушливого года – и мы имеем массовый голод. Интересно, что в той справке, которую я использовал для подготовки, несмотря на то, что она была секретной, там данных об урожайности 46 года не было – они были настолько страшными, что их решили не показывать, поскольку там были данные о неурожайности за 5 лет и урожайности за 4 года, путем простых математических вычислений выяснилось, что, если урожайность 4 пятилетки была на уровне 10,8 ц/га, в 46 году было 6, 6 ц/га, то есть хуже, чем в 1 пятилетку, хуже, чем до коллективизации.

Теперь про то разделение урожайности, о котором я упомянул. Что такое видовой урожай? Это – урожай на поле. Как самым простым способом определить видовой урожай? Выходит человек на поле. Огораживает квадрат, метр на метр. Очень аккуратно срезает оттуда все колоски и подсчитывает, сколько там. После этого умножаем объем на кол-во полей данного колхоза и получаем видовую урожайность колхоза. Что такое амбарный урожай? Это – сколько зерна довели до амбара. С 33 года в СССР учитывался только видовой урожай. Амбарный, может, и считали, но ни в каких справках не указывали. Сделано это было с простой целью: поскольку все расчеты шли по видовому урожаю, все потери относились на счет данного колхоза. От чего, с одной стороны, колхозники страдали, с другой – у них был весомый стимул потери минимизировать. В 54 году произошла реформа, после которой начали учитывать амбарный урожай. С одной стороны, эта реформа была более дружелюбной к колхозникам, с другой стороны, после этого один из мощных стимулов сокращать потери при уборке ушел. Одновременно с этим пересчитали ряды урожайности предыдущих лет, но на период до 1 пятилетки, то есть, до индустриализации там «что было, то и было». В итоге получилась странная вещь: если вы берете сборник статистический, выпущенный до 57 года, с 39 по 56-57, то вы видите рост урожайности с начала 30-х и можете убедиться, что коллективизация была не зря. Если вы берете сборник, выпущенный после 57 года, то вы видите, что коллективизация была бесполезным, бессмысленным насилием, потому что никакого роста урожаев вы так и не видите. За счет чего складывается, на мой взгляд, странная и неправильная ситуация: может, амбарный урожай и нужно учитывать, но ряды при этом ломать не нужно. Особенно, если на основании этого начинают делаться какие-то политические выводы.

Я надеюсь, что, как развивалось хозяйство 4 пятилетки, у вас представление есть, давайте теперь посмотрим на обеспечение. Мы видим большую внеэкономическую нагрузку, поскольку у нас есть крупные военные программы, которые надо развивать, мы видим проблемы с сельским хозяйством, с тем, что оно очень пострадало от войны, тем не менее, мы видим линейный рост промышленности, который в 49 году превосходит довоенные данные, и мы видим рост сельского хоз-ва, который выходит на довоенный уровень, затем останавливается. Что было сделано? Административная перестройка. В 47 году было создано новое ведомство – государственный Комитет по новой технике. Это ведомство с перерывами и изменениями названий существовало до развала СССР, и в 47 оно, в первую очередь, занялось тем, что стало адаптировать иностранные патенты. По крупнейшим заводам был разослан список из 200 с лишним тысяч иностранных патентов, которые добровольно-принудительно отобрали у проигравшей стороны и которые добровольно получили от союзников, с настойчивым предложением посмотреть, что же там есть полезного, и начать применять. На столе лежит ряд книг, которые я до этого купил у барыг и хотел вам показать: эти книги посвящены обмену техническим опытом внутри страны. Проводились технические совещания, на которых выступали передовики-стахановцы, они рассказывали, каким образом добились своих показателей, после этого их ноу-хау печатались и распространялись повсеместно. На мой взгляд, это – очень важная вещь, потому что те из вас, кто увлекается вопросами теории или политэкономии, знает, что одно из теоретически принципиальных

положений насчет социализма было выдвинуто Мизесом и заключается в том, что, «если у вас нет свободных цен, у вас нет обратной связи, и вы не можете отсеивать неудачников и не можете тиражировать достижения». Рыночная экономика предполагает, что все что-то делают примерно одинаково, если есть гениальный изобретатель, то он делает то же самое за меньшую цену, либо за ту же цену делает суперкрутой продукт, после этого его гениальная мысль распространяется по планете Земля. Возражение против социализма заключалось в том, что, если у вас есть фиксированные цены, то такие изобретатели умрут в неизвестности, технический прогресс остановится. Поэтому вот эти всесоюзные совещания передовиков с всесоюзным тиражированием опыта – это очень важный политэкономический шаг, который делает систему экономики социализма более устойчивой. Если у вас возникнет желание, и вы начнете сравнивать материалы 19, 20, 21, 22 съездов, то вы увидите странную вещь: те направления развития, которые звучали на 20 съезде, по большей части были озвучены еще на 19. Основным лейтмотивом, оглашавшимся с высоких трибун и продвигаемым в массы, была идея о внедрении науки в производство. На 19 съезде говорилось о необходимости всеобщей механизации, автоматизации, повышении роли машинного труда в сельском хозяйстве. На 20, 21, 22 съездах говорилось то же самое.

Если мы изучаем основные директивы 4 пятилетки, они были сформулированы на выступлении Сталина перед избирателями в начале 46 года, через месяц после Сталина выступил Вознесенский, тогдашний глава Госплана. Там четко звучит 2 направления. 1 направление связано с обеспечением стабильности. Развитие, главным образом, металла и транспорта. С эти в войну были проблемы. В первую послевоенную пятилетку было решено сделать упор на развитие базовых отраслей промышленности. Однако, в связи с этим в обоих выступлениях говорится о том, что необходимо серьезно развивать науку и двигать новейшие достижения науки в производство. В 4 пятилетку вложения в науку и в студентов возросли за пятилетие в полтора раза. Таким образом, в 4 пятилетку была поставлена задача использования достижений новейшей науки и техники и одним из шагов к этому было создание государственного Комитета по новой технике.

В 47 году был создан Госснаб – контора, которая должна была действовать параллельно с Госпланом с целью реализации планов материально-технического снабжения, распределения продукции между потребителями по установленной номенклатуре, обеспечения межотраслевых поставок, контроля своевременности выполнения планов. Высший регулирующий орган с масштабными полномочиями, который мог «разгрузить Госплан» от необходимости следить за тем, чтобы все предприятия выполняли договоренности друг с другом. Госснаб был ликвидирован в 1953 году и установлен в 65-м, когда убедились, что центральная контора по координации снабжения нужна. 47 год – в стране было 38 общесоюзных промышленных министерств. В 48 12 из них укрупнили до 6, но все равно 30 с хвостиком министерств занимались различными отраслями промышленности. Я чуть-чуть напомню о том, какая была общая логика развития управленческого аппарата в промышленности в довоенные пятилетки и во время войны. Логика была такова, что, пока промышленность не особо развитая, то и наркоматов было не очень много. По мере

усложнения промышленности наркоматы делились, в частности, ВСНХ был разделен на несколько наркоматов в связи с тем, что одному органу было сложно следить за отраслевой спецификой. Но у вас может возникнуть вопрос: а как же быть, если министерств очень много, каждый «пилит» свой кусочек, знает свою маленькую область, как же координироваться? Проблема решалась так называемым ЭКОСО, в который входили сами министры. У ЭКОСО было несколько секций, которые были такими агрегированными, укрупненными, надотраслевыми, координирующими, совещательными органами. То есть, был институционализирован механизм, когда министры нескольких родственных отраслей регулярно собирались и решали межотраслевые вопросы, плюс, во время войны был государственный Комитет обороны, который заправлял тем же самым, являясь единым штабом, и в котором все министры должны были регулярно отчитываться. Эти межотраслевые совещания существовали до 53 года. В 51 году из Госснаба был выделен Госпродснаб, но большого политического значения этого шага я вам, наверное, не скажу. Это, что касается административных вещей.

Что касается организационных мероприятий и структурных сдвигов. Лейтмотивом послевоенных лет было внедрение в гражданское производство организационных и технических ноу-хау, накопленных в годы войны. Отмечались: поточная линия, скоростное резание металла, автоматическая сварка, система скоростного проектирования. Война оказалась хорошим стимулом для повышения эффективности производства. Если вы будете смотреть себестоимость того же танка Т-34, в 41 году он стоил почти в полтора раза дороже, чем в 45-м. Танки последних лет по мощности были лучше. Понятно, что нехватка материалов могла отрицательно сказываться, но вместе с этим любая возможность что-то улучшить моментально реализовывалась. После войны была специальная программа, чтобы эти наработки не потерять и для того, чтобы они из военных отраслей перекочевали в гражданские. Была использована конверсия. Про использование иностранных патентов уже сказал. В середине пятилетки начались работы над очередным генеральным планом. Самым 1-вым генеральным планом был план ГОЭЛРО, он же оказался самым успешным и единственным перевыполненным. В 1-ую пятилетку пытались собрать генплан – и не собрали, потом генплан пытались сделать перед войной – не успели, послевоенная – 3-я попытка создать генплан, которая тоже провалилась, потому что Вознесенский был арестован, осужден, расстрелян. Тем не менее, основные направления, которые в генплане рассчитывали отразить, потом стали использоваться. 1 – расширение топливно-энергетической базы, создание гидроузлов на Волге и Ангаре, начало строительства БАМа, развитие черной и цветной металлургии. Работа над генпланом – начало в 47 году. Институт экономики был передан Госплану в помощь при работе над генпланом. План 2-ой индустриализации - механизация, специализация вспомогательных работ, крупные уникальные станки, комплексная механизация и автоматизация производства. Первая индустриализация была выполнена немного неравномерно: как в промышленности, так и в сельском хозяйстве были механизированы наиболее объемные части работ. Вместе с этим, сильно отставала механизация промышленности – ремонтных и вспомогательных работ, разгрузочных работ. Как следствие, к концу 50-х годов сложилась ситуация, когда почти 40 % рабочих заняты на

вспомогательных работах. Проблема начала осознаваться в 4-ую пятилетку и толком не была решена до развала Союза. Аналогичная ситуация была в сельском хозяйстве, где были тракторы-комбайны для вспашки, уборки урожая и зерновых, но, во-первых, оставались другие трудоемкие культуры, которые не были коллективизированы, плюс оставались операции, например, по жнивью, складывалась ситуация, когда какие-то работы за нас делает машина быстро, дешево и качественно, при этом другие работы мы вынуждены делать вручную долго, медленно, мучительно, со сниженным результатом. Одновременно с этим, развитие автоматизации дало надежду на то, что мы будем строить комплексные автоматические линии, что позволит избавить рабочих от необходимости что-то делать руками. Сейчас в интернетах эту идею продвигает товарищ Верхтуров, из чего вы можете сделать вывод, что эта мысль тоже не была реализована. Верхтуров – это некий человек из Сибири, который сначала засветился с идеей «сибирской самостоятельности», а потом переключился на всякие технические новинки, которые позволят в светлом будущем создать «самосоздаваемые заводы». То есть, предполагалось, что система подобия такого «посева»: если вы играете в стратегии, вы загружаете дроиды, он сначала строит завод по переработке минералов, потом – еще 50 таких дроидов, они вам делают завод по переработке всего, потом вы можете в игре начинать кампанию, а в реальности – создаются всякие полезные вещи без использования людей. Идея хорошая, но вопрос в том, когда это светлое будущее настанет. Сейчас я говорю о том, что планы по строительству автоматических линий – это далеко не то же самое, что завод, который строит сам себя в пустоте, но эти планы были заявлены в 4 пятилетку, они стояли недоделанные, и про них продолжали говорить еще лет 20.

Месячные планы – это ответственность министерств союзных республик. Мы вспоминаем, что был создан Госснаб, Госплан работал над генпланом, мы получаем комплекс мероприятий, чтобы немного разгрузить Госплан. То есть, Госплан – это стратегия. Госснаб – это смотритель за тем, как все исполнялось. Министерства и союзные республики отвечают за месячные и квартальные планы, чтобы текучкой не забивать центральный планирующий орган.

Комплекс мероприятий по восстановлению участия масс в производстве – коллективные договоры, коллегии в министерствах, совещания на предприятиях. Направленность та же самая - не потерять инициативу снизу, а желательно еще и усилить. Кроме того, сохранялась система конкуренции, хотя слово не произносилось. Например, по термояду работало 2 группы физиков – под руководством Зентовича и под руководством Тамма. По дальнему бомбардировщику работало 3 КБ – Ильюшина, Мясищева и Туполева. Некем было заменить Королева и Курчатова, но смежные работы дублировались: во-первых, когда мы делаем, надо подстраховаться, а во-вторых, чтобы главных инструкторов «сбивать лбами» и за счет конкуренции заставлять их работать более продуктивно. Одновременно с этим сохранялась система промкооперации, которая закрывала несколько десятков процентов поставок ширпотреба, которая учитывалась в планах снабжения, которая вполне успешно по части ширпотреба конкурировала с предприятиями государственной промышленности. Если мы возвращаемся в политэкономии, то там общественная собственность не

всегда государственная собственность. Если сейчас вспоминают СССР как страну, где вся собственность связана с государством, то потому, что вспоминают люди, родившиеся и выросшие в поздние годы существования государства.

Что было в промышленности? Рост производительности труда за пятилетку в 1,37 раза, рост энерговооруженности – в 1,33 раза. Есть хорошая зависимость между тем, сколько энергии тратится на работника и сколько продукции мы с этого работника имеем. Как результат – важность развития энергетической базы, проекты развития гидроузлов Волга-Ангара и Енисей. Первые работы по Красноярской ГЭС начались в начале 50-х, а экспедиции начали ездить после войны. Группа Б получала 6% инвестиций в промышленность, несмотря на это, росла на 15,7% в год. К 50-му году национальный доход составил 1,64 млрд, более чем в полтора раза вырос от довоенного, розничный товароборот – 1,17 от довоенного. Реальная зарплата – на 10% выше довоенной. То есть, объем товарооборота превышал объем зарплаты, соответственно, для того, чтоб люди могли наблюдать изобилие в магазинах, хотя бы положительную динамику. Сельское хозяйство получало 13% всех инвестиций за пятилетку. В 50-м году рост капитальных вложений в сельское хозяйство по сравнению с 40 годом увеличился в 1,9 раз, выпуск удобрений вырос в 1,7 раз, в 46 году вышло очередное постановление о мерах по ликвидации о нарушении устава сельхозартерий. В военные годы на нарушения глаза закрывали, сейчас постановление отмечало неправильный расход трудодней, расхищение колхозных земель, имущества, нарушение принципов демократического управления в колхозе. Расхищение колхозных земель – это, когда частные участки увеличивали за счет колхозных полей. 46 год – еще 1 этап в эпопее борьбы, нахождения правильного баланса между личным участком колхозника и тем, что колхозник имеет с общественного поля. В теории, человек работает и на колхозном поле, и на своем участке. Через какое-то время на колхозном поле, где хорошая техника и умные агрономы, там получают хорошие урожаи, после этого колхознику становится лень что-то делать на своем участке, он превращается в общественного работника, и у нас остаются общественные поля. По разным причинам, личные участки колхозников давали десятки процентов от общего объема пищевой продукции, существовали разлад Союза, потому что светлое будущее в том виде, в котором я его сейчас обозначил, так и не наступило. В 46 году был взят твердый курс на то, чтобы личное хозяйство колхозника оставалось подсобным и наряду с тем были приняты некоторые репрессивные меры. В 47 году состоялся Пленум ЦК по итогам засухи 46 года, было понятно, что ожидается голод и положение ненормально. О предпосылках: чем это было вызвано, я сказал раньше. Какие меры были приняты? Был изменен порядок начисления зарплаты работникам МТС – трактористам, механизаторам. Зарплата стала зависеть от урожайности. Зарплата непосредственно работников сельского хозяйства была поднята и оказалась выше зарплаты работников аппарата на 25%. Было заявлено о необходимости далее развивать МТС и развивать орошение. С 47 года производство машин для сельского хозяйства возрастало в 2 раза почти ежегодно. Создано главное управление МТС. В 47 году состоялась беспрецедентная акция. За счет того, что техника подвергалась кустарному ремонту, в сельское хозяйство направлено 25 тысяч станков для ремонта техники, из которых 20 тысяч снято с промышленных предприятий.

Редкий случай перераспределения из промышленности в сельское хозяйство для того, чтобы эту технику можно было по-человечески чинить. Кроме того, нет идеи, которую нельзя испортить, возможно, передавали устаревшие станки.

49 год – постановление Совета министров «О развитии огородничества и садоводства». В 1-ую пятилетку, когда людей в городах было кормить особо нечем, были созданы ОРСЫ – отделы рабочего снабжения. При заводах создавались огороды, свинофермы, курятники. Собственной продукцией кормили работников. Во 2 пятилетку ОРСЫ ликвидировали. Перед войной восстановили. В следующий раз, когда будете в Эрмитаже, там у них есть внутренний дворик, у окошка висит фотография – как здесь же в годы войны выращивали капусту. ОРСЫ после войны остались, жили и здоровались, 49 год – постановление о том, что это дело надо развивать, что огороды в городах – это хорошо, еды мало не бывает. Сейчас, если кто-то из вас будет на станции Арбатская (голубая) в углу ветки – там находится чуть ли не последний выживший в системе московского метрополитена ОРС, можете туда зайти и пообедать.

18 апреля 49 года – принят 3-летний план развития животноводства: включал мероприятия по заготовке кормов и механизации трудоемких работ. Если вы читаете, что стахановец перевыполнил норму в 10 раз, значит, он придумал хитрую штуку, так как за счет мускульной силы это невозможно. Если вы читаете, что: «Партия решила, что за 25 лет надо что-то увеличить в полтора раза», - надо смотреть, какие под это дело есть технические мероприятия. Если технических мероприятий нет, а партия считает, что стоит кинуть клич – и люди сбегутся, и сделают в полтора раза больше, то, скорее всего, план выполнен не будет. Любой политический план должен быть подкреплен техническим расчетом. Заготовка кормов включала мероприятия в том числе по развитию полеводства, потому что вся 5 пятилетка, в общем, вся хрущевская эпоха – «битва за мясо», но, чтобы увеличить производство мяса, нужно сначала накормить корову или свинью чем-нибудь, все время есть варианты, чем ее кормить. Ее можно кормить отходами пищевого производства, чем активно пользовались ОРСы, можно кормить травой, но для этого нужны крупные поля, надо вкладывать средства, чтоб они не заболачивались, либо ее можно кормить зерном. Но это дорого, потому что зерном можно кормить не только корову. Еще корову можно кормить кукурузой, на что были большие надежды, но это я забегаю вперед. План дал хорошие результаты. За 3 года, 51 к 48 рост производства мяса - в 1,8 раз, молока – в 1,65 раз, производства шерсти – в 1,5 раз. На мой субъективный взгляд за три года это очень много. Как результат, подтянулась пищевая промышленность. Было восстановлено производство продуктов детского питания и витаминов, что позволило повысить уровень здоровья населения. Если вы смотрите на статистику послевоенных смертей, там много нехарактерных вещей. Что нужно отметить? В 4-ю пятилетку процент заготовок был выше, чем процент роста сельхозпродукции. Мы брали из села больше, чем село могло вырастить. Более быстрыми темпами улучшалось снабжение горожан, одновременно с этим сельские жители получали чуть меньший результат.

Вопрос: «Насколько в это период увеличивалось или уменьшалось население городов?»

А.С.: «Это хороший, правильный вопрос, но «с лету» я на него не отвечу».

50-й год – укрупнение колхозов для лучшего использования более производительной техники. Хорошее мероприятие, с учетом того, что в предыдущие годы шла большая накачка АТС тракторами, трактора более мощные, пахать могут больше пространства, значит, нужны большие колхозы. Но из-за большевистской решительности укрупнение было произведено очень быстро, за год, число колхозов сократилось в 2 раза, как результат – были нарушены устойчивые севообороты, что, возможно, сыграло роль в том, что в 50-51 годы рост остановился. Тот же самый 50 год – постановление об обеспечении семенами. 50-51 год – 2 раз «о мерах улучшения кадровой работы в МТС». Поднимают уровень образования – создают всевозможные училища, в которых учили трактористов, механизаторов. 52 год, 11 января – вторая беспрецедентная акция, произошло перераспределение кадрового резерва из промышленности в МТС, часть работников были туда перенаправлены, чтобы, наконец, начать нормально использовать технику. Разумеется, конец 4 пятилетки – сталинский План преобразования природы. В 47 году после засухи было постановление о развитии орошения. В 48-м году, 5 октября – постановление «о плане полезащитных лесонасаждений», включал в себя ряд мероприятий: 1 – лесополосы должны тянуться на тысячи километров, должны огораживать линии водоразделов, должны идти вдоль крупнейших рек, они меняют микроклимат, снижают скорость ветра, задерживают влагу. При этом, если у нас между лесополосами несколько километров, эффект от них на эти несколько километров не распространяется. 2 – строительство плотин, чтобы иметь воду, параллельно с этим нужно строить сельский ГЭС, чтобы электрифицировать деревню. Несмотря на то, что после плана ГОЭЛРО, был 2 план электрификации, после него были еще планы, но деревня продолжала оставаться без электричества. План тотальной электрификации деревни – 50-е – 60-е годы. Один из первых газопроводов из Саратова в Москву был построен в послевоенное время, но это не мешало тому, что саратовские деревни были без электричества долгое время. Помимо лесополос и плотин, пруды, ГЭС, 48-53 годы – высажено деревьев больше, чем за предыдущие 250 лет. За 2 года четвертой пятилетки создан 1,3 млн га лесозащитных полос или 650 тысяч гектаров в год. За пять лет 5 пятилетки создано 1,7 млн га защитных полос, то есть 340 тысяч га в год. Выживаемость деревьев была невысокой – прижилось 15,6% из этих насаждений.

Ремарка: «Трофим Денисович Лысенко предлагал не сажать, а сеять, чтобы деревья лучше адаптировались к новой среде. Сеять не один желудь, а целую кучку, пять штук дубков, дабы из них выжил сильнейший. 80% посеянных дубов были обречены изначально методикой создания лесополосы».

А.С.: «Ну, хорошо, может быть. В таком случае, подробный разбор мы оставим биологам. А здесь мы отметим, что 15,6 % от высаженного – это не очень много, но, возможно, я просто не знаю специфики биологического производства. Какие были проблемы у этого плана? Основная проблема – предполагалось, что этим всем будут заниматься колхозы, своими силами, не говоря уже о том, что у колхозов было не то, чтоб очень много ресурсов, у колхозов банально не было знаний. То есть,

условно говоря, если вы хотите строить плотину, а на ней ГЭС, то вам, наверное, нужны люди, которые умеют строить плотину и ГЭС. Если колхозы занимаются свиноводством, то плотину вы будете строить долго и мучительно. Та же самая ситуация была с прудами, та же самая ситуация была с лесополосами, хотя пруды копать и лес сажать – это, все-таки, ближе, чем лес строить. Как результат, думаю, понятно, что после смерти Сталина план был потихоньку свернут, сейчас остается только гадать, в какой мере план мог помочь борьбе с засухой, но голода после 47 не было, поэтому свой вклад он в это дело внес. Еще в рамках этого же плана намечалось строительство большого количества каналов, конец 4 пятилетки – то самое время, когда канал копался Волго-Дон, не только для того, чтобы связать Волгу и Дон, а от него шли ответвления на поля, то есть промежутки между Волгой и Доном покрыть искусственным орошением. У меня есть красивая книжка, которая окажется в подборке материалов к лекции: можно посмотреть на карту – там предполагалось оросить все заволжские степи за счет строительства каналов. Есть марка, ее можно посмотреть на соответствующей странице в Википедии, по запросу «сталинские пятилетки», но суть в том – марка 51 года рассказывает о Северокрымском канале, который в нынешние годы стал знаменитым. Радость в том, что Северокрымский канал начали строить, по-моему, в 61 году. К сожалению, это не единственный случай, потому что сначала решили, что дорого, долго, сейчас мы тут целину распашем и получим все в два раза быстрее, через 10-15 лет выяснилось, что это было не зря. Соответственно говоря, Северокрымский канал относится к мероприятиям в рамках Плана преобразования природы, искусственное орошение сначала отменили, потом поняли через 10 лет, что все равно надо. Схожая ситуация сложилась с печально известной 507-ой магистралью – «мертвая дорога Салехард-Игарка». Это была железная дорога, которую начали строить, но бросили, когда Иосиф Виссарионович отошел в лучший мир, сейчас про нее любят рассказывать, что вот была беспощадная и бессмысленная трата госсредств. Есть проблема с качеством строительства – дорога достаточно бодро и быстро пошла «волнами» в связи с тем, что на ту пору не было опыта и технологий строительства в условиях вечной мерзлоты. Если кому дополнительно интересно про «бесчеловечность», то, когда строили на рельсах, проблему мерзлоты решили достаточно грубальным способом – заставили копать до гранитного основания: нет мерзлоты – нет проблемы. Соответственно говоря, откуда никель брать? А «Норникель» живет и здравствует.

Ремарка: «Разработки никеля начали вестись уже после войны, в связи с эвакуацией промышленности».

А.С.: «Насколько мне известно, Северный морской путь сейчас, в основном, функционирует благодаря «Норникелю». В общем-то, у нас вводятся новые ледоколы, они принадлежат «Норникелю» и используются для того, чтобы круглый год возить продукцию. Из этого я заключаю, что никеля там много, когда на рельсах начинали строить, его там было еще больше, поэтому копать до гранитного основания на ту пору было оправданно. Метров 15. С высоты современного знания, к этой 507-ой дороге есть претензии по технологиям строительства, но я читал книжку министра строительства трубопроводного транспорта, поскольку процесс ветвления министерств шел

дальше, к концу СССР и такое министерство было тоже. И министр там рассказывал, как они осваивали Саяно-Енисейскую область, Тюменскую область, как они ругались, что Сталин не прожил на полгода дольше, потому что министр описывает душераздирающие картины убитой, загубленной техники, уничтоженной на подходах к Тюменской области, не доехавшей до места строительства, говорит о том, насколько бы дешевле это обошлось, если бы там была железная дорога. Отдельные куски магистрали были восстановлены, дело идет к тому, чтобы дорогу все-таки достроить, может, не по этой насыпи, но оттуда туда же. Завершая обзор 4 пятилетки, эти два глобальных плана известны. Я подозреваю, что по другим глобальным проектам, которые были брошены, потом выяснится то же самое, потому что генеральные планы, которыми занимались Госплан и Институт экономики, должны были рассчитывать не то, что дорого сейчас, а то, что будет дорого, если не сделать через 20 лет.

Отдельно следует сказать о денежной реформе 47 года. Эта вещь, может, не имеет такого долгоиграющего значения, как План преобразования природы или какие-то долгосрочные проекты, типа атомного, но показывает уровень проработки, потому что денежная реформа 47 года начала готовиться в середине 43 года. Она, разумеется, готовилась в обстановке строгой секретности, но 4 года. Сейчас издательство «Росспен» выпустило огромный том по этой реформе, можно почитать, сколько там было проектов, сколько людей прорабатывали плюсы и минусы каждого из них. Я акцентирую на этом внимание, потому что чуть позже мы с вами будем беседовать про реформы Никиты Сергеевича, вы посмотрите, как реформы делались тогда. Предпосылка реформы очень проста – в войну расходы растут, а доходы сокращаются. Для того, чтобы решить эту проблему, надо напечатать деньги, которые не обеспечены товарами. Если у нас свободные цены, то начинается инфляция. Если у нас несвободные цены, то на руках у людей скапливается большая сумма денег, которую они до поры до времени никуда не могут потратить, но очень хотят. В войну существовало несколько систем распределения – карточное снабжение, государственные магазины отоваривали по карточкам, было дешево, но не больше определенной нормы – хватало для того, чтобы выжить. Были государственные коммерческие магазины – там можно было купить то же самое, но в несколько раз дороже, если есть деньги. Были магазины промышленной и торговой кооперации, они немного конкурировали, там тоже было можно что-то купить, если были деньги. И был колхозный рынок, на котором инфляция проявлялась в полной мере, там цены скакнули несколько раз за войну – там можно было купить любые продукты, но очень дорого. В сухих цифрах выявилось так: наличная денежная масса увеличилась с 19, 4 млрд рублей в 41 году до 73, 9 млрд в 46-м году. Одна проблема – куча необеспеченных денег, возможность скрытой инфляции. Вторая проблема – система карточного снабжения, нарушение принципа распределения по труду. Есть некий минимум, больше – можно, но сильно дороже. Параллельно с этим до войны худо-бедно действовал хозрасчет. Поскольку в войну расходы растут, доходы падают, бюджет штампует необеспеченные деньги, которые вбрасывают в промышленность, хозрасчет идет к черту. С одной стороны, это необходимо, чтобы продолжать выпускать продукцию в условиях, когда растут балансы, с другой стороны, если нет хозрасчета, то предприятие может меньше считать

себестоимость. В войну вместо хозрасчета есть фашист с автоматом, который стоит где-то за душой и намекает, что нужно делать быстрее и дешевле. После победы призрак автоматчика за спиной исчезает, а хозрасчет не устанавливается».

Ремарка: «Есть исправленная цифра: у нас основных материалов, то есть вооружений, шло впятеро меньше, чем в Европе, то есть, себестоимость вооружений была впятеро меньше».

А.С.: «После войны этот стимул повышения эффективности отпал. Без восстановления хозрасчета было сложно контролировать, что предприятия стремятся работать лучше и экономнее. Третий момент – вместе с восстановлением равновесия нужно было приводить в порядок тарифную систему. Во-первых, по тем же самым причинам, людям платили не столько, сколько заработали, а сколько можно, люди работали не на столько, на сколько у них зарплата, а на сколько хватает сил. Понятно, что это может действовать некоторое время в исключительных ситуациях, но вообще это ненормальная ситуация. Разумеется, отмена карточной системы, ликвидация коммерческих магазинов, создание единых цен для того, чтоб не было в 3 разных магазинах по 3 разным ценам. 46 год – постановление «Об упорядочении финансового хозяйства». Ликвидация просроченной задолженности, повышение уровня Госбанка – банк становится контролером за рациональным расходованием финансовых средств. То есть, до проведения денежной реформы навели минимальный порядок в финансовых предприятиях. Реформу хотели провести в 46 году, но из-за катастрофического положения в сельском хозяйстве не было подготовлено достаточных запасов товаров. Реформу отложили на полтора года, она 15 декабря 47 года. После того, как несколько лет реформа готовилась под грифом «строго секретно», населению объявляют, что выпускают в обращение новые деньги, обмен старых денег на новые будет проводиться в ограниченные сроки, после срока старые деньги никуда не принимаются, а обмен идет в следующей пропорции: наличность обменивается 1 к 10, даешь 10 рублей – получаешь рубль. Вклады до 300 рублей обмениваются 1 к 1. Вклады от 300 рублей до 1000 обмениваются 2 к 3. Вклады свыше 1000 рублей обмениваются 1 к 2. Облигации и займы тех прошлых лет, независимо от типа, конвертируются в новый единый заем по курсу 1 к 3. Хранишь деньги дома под подушкой – теряешь в 10 раз. Хранишь деньги в сберкассе, при этом ты – простой труженик, у которого мало сбережений – ничего не теряешь. Хранишь деньги в сберкассе, при этом «отъел какой-то жирок» - теряешь чуть-чуть. Реформа была направлена на борьбу с людьми, которые нажились на спекуляциях времен войны. Было рассчитано, что честный гражданин хранит деньги в сберкассе, если он боится их туда нести, значит, будет поделом, если мы у него эти деньги подрежем в 10 раз.

Ликвидация карточек, коммерческих магазинов, коммерческие цены снижаются в 2 раза, пайковые – на 10 процентов. Зарплата выплачивается в новых деньгах в прежнем размере, то есть вы теряете только сбережения, но с вашей первой полочки вы можете купить все дешевле, чем раньше. Кроме того, начиная с 47 года, ежегодно снижались цены на все продукты питания и ширпотреб. Это снижение цен помнят и используют в политических битвах до сих пор. После 54 года снижение цен прекратилось. Официально Никита Сергеевич на 20 съезде сказал, что те

средства, которые ранее тратились на снижение цен, теперь идут на выплату пенсий и социальных пособий, на подготовку к переходу к 7-часовому рабочему дню. С 7-часовым рабочим днем получилась «смешная» история: он был внедрен в конце первой или в начале второй пятилетки и держался до 39 года, после которого вернули сначала 8-часовой, потом 9-часовой рабочий день, потом уже «сколько можешь – столько паши». При этом надо помнить, что была шестидневка. Траектория выглядела так: шестидневка – 8 часов, шестидневка – 7 часов, шестидневка – 8 часов, шестидневка – от 12 до победы, шестидневка – 8 часов, шестидневка – 7 часов, пятидневка – 8 часов, затем изменения кончились. Одновременно с этим могу сказать, что, когда до войны сделали семичасовой рабочий день, то всякие служащие, чиновники, прочий аппарат работал 6 часов.

Как делалось понижение цен? Простым и понятным способом: во всех планах был план по снижению себестоимости, то есть, условно говоря, тебе в следующем году отгружают сырья на определенный процент меньше. Если ты из меньшего количества сырья не сделаешь нужного количества продукции – твои проблемы, потому что план по снижению себестоимости должен быть дополнен планом технических мероприятий о том, как с этим справиться. Сборники по распространению лучшего опыта у вас на столах. В 49 году пришлось пойти на уступки – для восстановления хозрасчета повысили оптовые цены промышленности для того, чтобы все отрасли промышленности стали рентабельными. Повышение было достаточно крупное. В 6 раз были повышены оптовые цены промышленности, однако, в 52 году, когда промышленность научилась работать лучше, цены вернули обратно, в 55-м прошло еще одно понижение цен промышленности в связи с улучшением ее работы. В конечном счете, напоминаю: по данным секретной справки, в 55-м году реальная зарплата была на 20% выше, чем в 40-м году, с учетом роста товарооборота и того, что не зарплатой единой жив человек, потому что мы переходим к последнему разделу, подготовленному по 4 пятилетке – бюджет, его распределение по видам, здесь вы можете наблюдать, что на культуру, образование, здравоохранение бюджет 4-ой пятилетки был больше, чем на все остальные виды деятельности, на культуру, образование и здравоохранение было потрачено больше, чем на промышленность, больше, чем на оборону, больше, чем на сельское хозяйство и остальные отрасли. В цифрах - пускаю по кругу: я думаю, что телеграммка, если вы на нее посмотрите, будет более толковой, если я вам ее просто зачитаю. 28%.

Отвечаю на вопрос, была ли экономика дохрущевских времен экстенсивной, в какой мере у нее закончились внутренние возможности для развития, что, в некотором роде, дает ответ на вопрос, зачем были нужны последующие реформы. Засим я умолкаю, потому что беседуем мы с вами уже почти два часа и здесь надо сделать такой принципиальный момент: за счет того, что мы на 40 минут позже начали, и рассказ оказался чуть более обстоятельным, чем я думал, то нужно определяться: мы можем устроить перерыв, у меня останется в «зачатке» вся хрущевская эпоха, потому что люди сидят и смотрят на меня, как будто либо им все понятно, либо вообще ничего не понятно, надо, видимо, в конце лекции вводить какие-то контрольные вопросы. Сейчас я спрошу у аудитории, есть

ли какие-то вопросы, достану блокнот и запишу, чтобы к следующей лекции я мог подготовиться и на них ответить.

Вопрос: «Насчет жилищного строительства: поскольку довольно часто говорят, что недостаток жилья при Сталине ввиду «антинародной политики руководства». Насколько то строительство, которое развернулось при Хрущеве, стало следствием политических решений, а насколько на это повлияли факторы экономики. И второй вопрос – по поводу Вознесенского: были ли «ленинградское дело» и его последствия связаны с недоверием к нему Сталина?»

А.С.: «Про жилстроительство я не знаю. Про Вознесенского – я в свое время купил книжку про него - «Банковское дело» - в Музее политической истории в Питере. Я не вижу там никакой глобальной вины, если честно. Мне кажется, что это было политическое действие, но по какой-то причине Сталин на него пошел. Поскольку часть материалов не рассекречена, что там было на самом деле, мы не знаем и даже не знаем, как узнать. Я не могу это для себя объяснить, во всяком случае: мне кажется, что это было ошибкой. Но, опять-таки, не знаю в деталях».

Лекция 5. «Пятая пятилетка»

А.С.: «Мы сегодня будем говорить о соотношении централизации и децентрализации. В прошлый раз мы закончили говорить о четвертой пятилетке, говорили о неверности определения развития как экстенсивного, о создании новых отраслей промышленности, смотрели на динамику, в числе прочего видели, что очень неплохо развивалась промышленность – линейный рост, а сельское хозяйство вышло на уровень довоенный и стало «пробуксовывать» - в связи с чем в 47 году был массовый голод. По результатам 4 пятилетки советская экономика чувствовала себя весьма и весьма неплохо. Прежде, чем мы начнем непосредственно говорить об изменениях после 5 марта 1953 года, я хотел бы вас немножко «помучить» политэкономией, наверно. Я взял книжку под названием «Ценообразование в СССР» 53 года и почитал ее, а потом взял книжку «Ценообразование в СССР» другого автора 64 года и тоже прочитал ее. Я всех призываю делать то же самое, потому что, если хотите понять, что поменялось там, в хрущевское время, это делается просто «на отлично». Почему это важно? Я сейчас буду пытаться понизить процент новой информации в своих рассказах, потому что мы на прошлых лекциях уже говорили о вещах, связанных с социалистическим соревнованием, внедрением новинок, я показывал книжки послевоенных лет. На уровне теории одной из наиболее известных критик социализма была позиция Мизеса, который говорил, что социализм невозможен теоретически: так как нет «свободной игры цен», производители не получают обратной связи. Соответственно говоря, в какой-то момент система саморазрушается: мы не можем вычислить через механизмы стоимости механизмы общественного труда, не знаем, что и как производить, нет развития технического прогресса. Ответ на эту критику значительно менее известен, в чистом виде он мне встречался один раз – в книжке 24 года выпуска, я ее, правда, оцифровал и выложил в интернет, но, боюсь, в массы идеи пока не проникли. Ответ заключается в том, что, если у нас нет механизма обратной связи, нам нужно сделать ему замену. Соответственно говоря, зачем нужна обратная связь? Чтобы знать, что люди покупают, что не покупают? А нам

нужно знать, кто может делать эти вещи лучше среднего уровня для того, чтобы вовремя отслеживать эти новинки и двигать их в массы. Соответственно говоря, одну вещь можно решать с переменным успехом через механизм исследования спроса, а вторую вещь можно делать через организацию соцсоревнования, отслеживания новинок и тиражирования этих результатов труда. Но встает вопрос о том, какова выгода конкретного не-ударного предприятия, чтобы у себя что-то переделать? Ну, допустим, нашелся стахановец, который придумал, как переделать станок, чтобы он давал две нормы, при этом не ломался через неделю работы. Его отследили, дали ему премию, он после этого выступил на всесоюзном совещании, мы сделали книжку о том, как переделать такой станок, издали сотысячным тиражом, и предприятия эту информацию ввели. Вопрос: а зачем им после этого «шевелиться»? С одной стороны, есть всякие контрольные органы, но проблема в том, что могут прийти, а могут не прийти. Здесь мы подходим к вопросу о законе стоимости в том виде, в котором он сформировался в 50-е годы.

В течение всего периода существования СССР шли дискуссии о том, существует ли закон стоимости в государстве, как ее рассчитывать и прочем. Радость понимания мира товарища Сталина в том, что она была очень прагматической. Что делалось? Существует некий размер сложившейся в данный момент себестоимости продукции. На этот объем себестоимости продукции накидывается некий процент плановой рентабельности, после чего мы получаем т.н. «цену предприятия». К этой цене предприятия добавляется налог с оборота, после чего мы получаем цену промышленности. К цене промышленности мы добавляем накидку торговой сети, после чего мы получаем розничную цену. В том случае, если товар не поступает в розницу, то розничной цены нет, накидки торговой сети нет, он возвращается по кругу. Что здесь важно? Во-первых, прибыль при такой постановке вопроса – это не прибыль. Налог с оборота – не налог. Прибыль и налог с оборота – это кривые, неправильные названия для того, чтобы обозначить 2 части прибавочной стоимости или 2 куска вновь созданного чистого продукта на предприятии. Посредством труда работников данного предприятия создается набор новой продукции, после чего им за это должно пойти вознаграждение. Та часть вознаграждения, которая им оставляется непосредственно, называется прибылью. Та часть вознаграждения, которая сначала изымается в госбюджет, а потом через госбюджет косвенно возвращается им же через строительство социальной инфраструктуры, а позже вкладывается в дальнейшее развитие, называется «налогом с оборота». Что здесь важно? Здесь важно все, но в то время объем прибыли, который оставлялся на предприятии, мог быть небольшим. Эта прибыль поступала в фонд директора, из которого хватало на выдачу премий передовикам и небольшое жилищное строительство. Можно сделать детский садик, например, если центральный орган никак не сподобится. Почему объем прибыли, который оставлялся предприятию, должен быть небольшим? Это делалось потому, что в то время механизм хозрасчета понимался как дополнительный «пресс» или контроль. То есть предприятие должно было всегда работать «на грани», без убыточности, при этом у него всегда был стимул работать лучше. Как это делалось? Были, разумеется, определенные нормативы себестоимости, точнее, не себестоимости, а расхода сырья. Именно централизованно устанавливалась цена промышленности и розничная цена.

Соответственно говоря, у предприятий была единственная возможность увеличить свою прибыль – снизить себестоимость. Тебе ставят «потолок», насколько твои расходы до этого «потолка» не дойдут, настолько ты получишь прибыль. Мы говорили о том, что в 4 пятилетку стабильно снижали цены, 7 лет подряд было стабильное снижение розничных цен, но не только розничных: было некоторое снижение цен оптовых – цен промышленности. Механизм был простой, в каком-то смысле, жестокий, но эффективный. Есть цена промышленности. Есть материалы стахановцев, которые рассказывают, как сделать лучше. Если ты делаешь лучше, какое-то время получаешь прибыль больше, чем положено. После этого приходят добрые плановики из центра, смотрят, что у тебя прибыль какая-то большая и ставят тебе новую цену промышленности, «придавливая» тебя к низу. Как только предприятия массово внедряли технические новинки, цену промышленности снова «подкручивали» так, чтобы они снова оставались низкорентабельными. Предприятиям это очень не нравилось. Как только ты внедряешь что-то новое, начинаешь что-то делать лучше, быстрее, дешевле, приходят дяди из Госплана и говорят: «Что-то у тебя большая прибыль: давай-ка мы тебя прижмем еще!» Единственный способ повысить прибыль освоенной продукции – снизить себестоимость. Единственный способ повысить прибыль на новой продукции – «химичить» с ценами новой продукции. То есть, мы собираемся делать космический корабль «Восток», который никто до нас не делал. Мы не знаем, какие там нормативы расхода сырья, поэтому мы их можем поставить, какие угодно, по сути. Этим нагло пользовались. Этим пользовались все, об этом все знали. Поэтому, во-первых, были нормативы, сколько надо на внедрение новой техники, условно говоря, первые полгода может быть большая цена, а потом мы вас начнем зажимать. Во-вторых, вместо того, чтобы назначать цену на новую технику такую, которая получилась по первому образцу, потому что понятно – первый образец, все затраты на него, все затраты на неудачные попытки – он будет просто «золотой», поэтому, когда предприятия предлагали, чтобы вся серия стоила, как первый образец, то им говорили: «Нет, давайте у вас первый образец будет стоить, как вся серия, а пока вы занимаетесь внедрением, пока процессы не отлажены, будем давать вам дотацию из бюджета». Дотации в том время были «нулевые», потому что дотация подрывает хозрасчет. Если предприятие знает, что оно «нахимичит», не нахимичит, а наоборот, плохо поработает, не будет вообще никакой прибыли – то это одно. Когда предприятие знает, что оно плохо поработает, потом попросит из бюджета, и ему дадут – это другое. Поэтому смыслом снижения оптовых цен в конце 4 пятилетки было, в том числе, полное восстановление хозрасчета, потому что после войны многие отрасли оказались планово убыточными, но плановая убыточность никогда не воспринималась, как нормальность, то есть, другое дело, что некоторые советские пропагандисты вместо того, чтобы честно сказать: «Да, это – косяк», начинают говорить: «У нас просто такие особенности экономики». Плановая убыточность никогда не была нормальной вещью. Поэтому говорили, в случае с новой техникой: «Мы будем давать вам дотацию на период внедрения, но мы устанавливаем такой период внедрения и, поскольку дотацию даем мы, мы будем у вас каждый раз спрашивать, как вы снижаете себестоимость». Таким образом, у предприятия экономическим, не административным – когда может прийти проверяющий, а может не прийти –

путем устанавливали жесткий «коридор», если предприятие хотело иметь больше прибыли, то единственным способом этого добиться было снижение себестоимости продукции. Причем, каждый раз, когда у предприятия «накапливался жирок», приходили добрые плановики и снижали оптовую цену, чтобы «жизнь медом не казалась».

Что делалось с налогом с оборота? Устанавливалась цена промышленности. Устанавливалась розничная цена. Точнее, цена предприятия и цена промышленности. Все, что между ними – это налог с оборота. Цена промышленности + торговая наценка = розничная цена. Допустим, какой-то товар начинал продаваться хуже. Предприятие этого никак не чувствовало. Налог с оборота изымался в торговой сети и по размеру поступления налога с оборота центральные органы видели, что что-то продается хуже, обычно на это первой реакцией было снижение налога с оборота. То есть, предприятие никак не чувствовало, хорошо продается его товар или плохо. У них был план, который спускался, в том числе, по номенклатуре, задача поддержания адекватности этого плана не была задачей предприятия. Это было задачей планирующих органов. Налог с оборота был «подушкой-демпфером», которая блокировала все рыночные стимулы, идущие из торговой сети, для того, чтобы они никак не влияли на работу предприятия. Самое замечательное, что эта «подушка» была еще и с 2 сторон: понятно, что сырье для многих отраслей промышленности поступает из сельского хозяйства. В сельском хозяйстве бывают урожайные и неурожайные годы. На ту пору система заготовок была выстроена таким «многоэтажным» способом, которая позволяла организовать поставки, которые колхозы обязаны были сдать задешево. Это была «торжественная повинность». Колхозы особо не спрашивали. Если после этих поставок у них что-то оставалось, колхозы могли выбирать: либо торговать этим на рынке, либо продавать госзаготовительным конторам, но уже по более высоким ценам. Соответственно, некий минимум еды закупался у колхозов задешево, все, кроме этого, закупалось по более высоким ценам, что стимулировало колхозы производить не некий минимум, а чуть больше. Плюс там были прогрессивные вещи, типа того, что «первые 100 центнеров закупаем по такой-то цене, а если вы получили с гектара больше, чем в прошлом году, то эту надбавку мы вам даем, закупая больше». Там шло премирования за объемы продукции, то есть, чем больше ты выращиваешь, тем за последний килограмм проданного сырья ты получишь больше денег. Понятно, что система стимулировала колхозы, но была жесткой. Если наступало нечто, вроде засухи 46 года, если крестьяне проваливались ниже некоего уровня, то все равно сырье забирали по фиксированным ценам. Другое дело, с засухой можно бороться. С ней пытались бороться. Тем не менее, урожайные и неурожайные годы – мы тратим разное количество денег на закупку сырья. Если год неурожайный – мы закупаем меньше сырья, килограмм стоит дешевле – мы его закупаем через обязательные поставки. Если год урожайный, мы закупаем больше сырья, но килограмм стоит дороже, потому что какую-то долю мы закупаем через обязательные поставки по низким ценам, а какую-то часть – у крестьян по более высоким ценам. Чтобы эти колебания не влияли на работу легкой и пищевой промышленности, всем этим отдельно занималась заготовительная организация, все расчеты вела она. После этого предприятиям это сырье передавалось по фиксированным ценам. То есть, если мы представляем, что предприятие «висит»

где-то посередине, здесь у него заготовка сельхозсырья, а здесь сбыт продукции, то вот здесь у нас «демпфирующая подушка» из центральной заготовительной организации, которая отсекает все рыночные стимулы снизу, а вот здесь у нас «демпфирующая подушка» налога с оборота, которую мы «подкручиваем», чтобы отсекать рыночные стимулы сверху. На момент смерти Иосифа Виссарионовича система была выстроена таким образом, чтобы до предприятия рыночные стимулы не доходили вообще. У него есть план и у него есть всякие сборники технических нововведений о том, как можно то же самое сделать дешевле. «Узкий коридор» и ты можешь ломиться в этот коридор. Ты можешь ломиться в другие стороны тоже, но тебе за это ничего хорошего не будет.

После этого я взялся за книжку 64 года. Еще важная вещь книжки 53 года: несмотря на то, что сейчас считается, что межотраслевой баланс был придуман в СССР в 20-е годы, потом Леонтьев, сбежавший на Запад, его допилит до нормального, получив за это Нобелевскую премию, потом наши его изучили, первый межотраслевой баланс стал составляться в 60-е годы, но первые здоровенные куски этой межотраслевой методологии никуда не делись, в том числе, по части цен. Мне кажется, что это очень здорово, но я понимаю, что это была просто адская работа. Межотраслевой баланс в 53 году был. И был он, в том числе, для того, чтобы отслеживать взаимные ценовые подвижки, если мы меняем цены на одну группу продукции. Есть, допустим, у нас черная металлургия. Черная металлургия научилась производить металл с меньшими затратами. Для того, чтоб она не слишком жировала, у нее были стимулы дальше расти, мы должны снизить оптовую цену предприятия. После этого понятно, что этот металл будет расходиться по всей остальной промышленности, там будут изменяться затраты, соответственно говоря, если кто-то делает балки/рельсы, то понятно, что рельсы станут дешевле, не потому, что то предприятие стало работать лучше, а потому, что металл теперь дешевле, и нужно учесть эти ценовые подвижки для того, чтобы этот ценовой стимул грамотно распределить по всей промышленности, чтобы, с одной стороны, никого не обидеть, а с другой – никто бы не начал жировать за чужой счет. Это делалось через механизм межотраслевого баланса, когда выбиралась некая отрасль, добившаяся успехов, которой надо точно снижать оптовую цену, чтоб у них там «жир» не накапливался, после этого смотрели, как ценовые подвижки распределяются по всей экономике. Снижение цен было комплексным мероприятием как раз для того, чтобы кто-то не получал преимущества и не выглядел лучше на фоне «соседей». Надо понимать, что это – очень серьезная вычислительная работа. К сожалению, эта книга – единственная книга, в которой я видел, что динамический межотраслевой баланс был, потому что в более поздних изданиях мне он, к сожалению, не встречался. Подозреваю, что без компьютеров это дело было не очень точным, наверное, это старались делать не очень часто, понятно, что в теории это делать необходимо, потому что начинаются косяки, когда производитель начинает получать большую прибыль не потому, что они сами начали лучше работать, а потому, что им снизили цену на сырье, из которого они что-то делают. Мы это отмечаем как одну из слабостей этой централизованной ценовой системы. Для того, чтобы грамотно ей пользоваться, нужен динамический межотраслевой баланс, который позволял бы грамотно распределять эти ценовые подвижки для того, чтобы никто не оставался обделенным – и наоборот.

Из книжки 64 года упоминания о межотраслевом балансе исчезли. Благополучно была забыта идея о том, что внутри предприятия общенародной собственности продукты не являются товарами, в связи с чем пошли рассуждения: по стоимости предприятия обмениваются друг с другом продукцией, основными средствами или не по стоимости? Можно ли стоимость исчислить непосредственно, если ее нельзя непосредственно исчислить, какие соотношения, если средства труда передаем ниже стоимости, это значит, что продукты ширпотреба у нас идут выше стоимости? Началась ядреная теоретическая дискуссия, которая, на мой взгляд, ситуацию запутала. В книжке 53 года все было просто. Цены на продукцию группы А, которая внутри предприятий передается друг другу, должны быть такими, чтобы каждое предприятие имело маленькую рентабельность, для того, чтобы можно было их давить и технические новинки вводить, а два – как они друг с другом соотносятся – вообще никого не волнует, потому что есть план развития, в котором одно предприятие другому должно поставить продукцию. И, если оно поставляет по одной цене, то второму предприятию это неважно, потому что всякие капвложения все равно финансируются централизованно из бюджета. Я напоминаю, что прибыль предоставлялась такая, чтоб хватало на детские садики и на премии. Остальное изымалось в виде налога с оборота и через бюджет распределялось, может быть, тому же самому предприятию. Получался круговорот денег: мы сначала у тебя взяли 100 рублей, а потом тебе же из этих 100 80 вернули, потому что тебе нужно расширяться. Вместе с этим, сами предприятия эти вопросы вообще не заботили. То есть: если мне нужно расширяться, станок стоит сто рублей, я прошу в бюджете сто рублей. Если мне нужно расширяться, станок стоит 150 рублей, я не иду разводить дискуссии о стоимости, я прошу 150 рублей. Если там сто рублей обеспечивают небольшую рентабельность, то окей, 100 рублей – хорошо. Если там 150 рублей обеспечивают небольшую рентабельность – то окей: 150 рублей – хорошо. Прагматичный подход: в какой мере это отражает движение стоимости, никто не задумывался, если это не товары, то категория стоимости вообще неприменима. Через 10 лет об этом почему-то забыли. 2 момент, очень важный ...

Вопрос: «А откуда вообще взялись рассуждения о стоимости советской экономики, если нет рынка, оценивающего эту самую стоимость? Главное, нет рынка кредитования, оценивающего разное качество предприятий? Биржи, курсы там, акции...»

А.С.: «Эти разговоры о стоимости взялись из-за дурного подхода к децентрализации. Может быть, было и раньше, но вот в 57 году Н. С. Хрущев выдвинул идею о том, что нужно постепенно увеличить объем прибыли предприятий, чтоб им хватало на собственные хозяйственные нужды вообще все, что, в переводе на русский, значит: если раньше мы оставляли предприятиям столько прибыли, чтоб они могли «поддерживать штаны», их развитие планировалось централизованно и, соответственно, деньги на развитие они получали из бюджета, то теперь мы говорим: «А что это мы будем деньги гонять по кругу – сначала брать, потом возвращать?» Прибыль и налог с оборота – неправильные названия. Сталин об этом в 52 году писал, но ...»

Ремарка: «Не, это понятно: ведь это решение Хрущева превращало эти советские денежки с учетных квитанций в некое подобие настоящих денег».

А.С. : «Это была попытка сделать так, чтобы предприятия сами участвовали, разгрузить центральный планирующий аппарат. Только эта попытка привела к куче побочных эффектов, которые в то время никто особо не просчитывал. Когда у предприятий стала больше оставаться доля прибыли, они сами стали смотреть, что им выгоднее производить, что невыгоднее, одновременно плановые органы стали на них «засматриваться» поменьше. Последнее снижение оптовых цен прошло в 55 году. После этого в 56 году Никита Сергеевич на 20 съезде объяснил народу, что «раньше мы постоянно снижали цены, а теперь мы эти средства пустим на обеспечение 7-часового рабочего дня, улучшение быта, массированное жилищное строительство и прочее. Для того, чтобы снижать цены, нужно, поскольку розничные цены снижались, в основном, за счет налога с оборота, то это – уменьшение объемов средств, которые остаются в распоряжении государства: то есть да, в какой-то степени можно выбирать, на что тратить средства – можно на то, чтобы снизить уровень розничных цен, можно на то, чтобы позволить советским людям работать на час меньше. Проблема в том, что экономический смысл этого снижения то ли был забыт, то ли им решили пренебречь. Как только прекратилось ежегодное снижение цен, у предприятий исчез жесткий стимул постоянно снижать себестоимость. Остались, разумеется, вещи связанные с партийной сознательностью, но экономический стимул исчез. Далее – что случилось с иной новой продукцией. Напоминаю, что 50-е – время бурного развития СССР, если мы говорим о косяках и недоделках, то надо понимать, что мы о них говорим только потому, что я надеюсь, что о всяких плюсах все и так помнят, кроме того, мы же хотим понять, что пошло не так? В общем-то, то, что я останавливаюсь на каких-то болевых точках, ни в коей мере не означает, что в 50-е «все было плохо». Но: изменился порядок цен на новую продукцию. Те из вас, кто читает мой Живой Журнал, могли познакомиться с фантастической методичкой 62 года, в которой цену новой техники предполагалось определять следующим образом: берем все новой техники, умножаем на стоимость килограмма новой техники в данной отрасли. После этого накидываем среднюю прибыль, получаем цену новой техники. Все осмыслили, или нужно растолковывать? Вот, мы решили производить микрокалькуляторы. Как нам определить цену микрокалькулятора? Мы берем стоимость килограмма электроники. После этого мы берем вес нашего микрокалькулятора. Если микрокалькулятор у нас килограмм, то мы умножаем на 1. Если микрокалькулятор у нас 5 килограмм, умножаем на 5. Получаем, допустим, 500 рублей. Потом мы на это накидываем среднюю прибыль. В методичке было написано, что если в отрасли он не определен, то берем 10 процентов. Соответственно, мы получаем цену в 550 рублей, по такой цене наш микрокалькулятор весом в 5 кг идет в серию. Я не знаю, сколько действовал такой порядок, надеюсь, что его отменили в разумные сроки, но понятно, что если мы кровно заинтересованы в том, чтоб наша техника была тяжелой ...»

Вопрос: «А кто авторы данной методички? Может быть, это – вредители?»

А.С.: «Это был 62 год. Про вредителей уже сказали, что «это все товарищ Сталин, у него паранойя.»».

Вопрос: «А была конкурирующая группа составителей методичек, которая бы указывала на косяки конкурентов?»»

А.С.: «Я не знаю, может быть, она и была, но я до нее не добрался, но есть академик Тигран Сергеевич Хачатуров, который человек вообще хороший, он изначально был транспортником, у него были всякие вещи, связанные с капвложениями в транспорт. Но вот как он начал в 50-е годы писать методички по капвложениям, так он и писал их до самой своей смерти. Если раньше предприятию на внедрение новой техники давалось полгода, в том смысле, что через полгода приходят и пересматривают цену, то методичкой 62 года уже дается полтора года. Соответственно говоря, можно поставить цену в зависимость от килограмма, полтора года считать, что ты ее внедряешь, до момента, когда придут люди из Госплана, скажут, что ты оборзел, снесут тебе тот жирок, которым ты заплыл. В методичке 53 года говорилось, что ценовое давление на предприятие – очень важная составляющая ценовой политики: если предприятие будет жировать, то оно внедрять ничего не будет. Там расписывалось, что на самые важные вещи цены устанавливались Совмином, на менее важные вещи – отраслевыми министерствами, на еще менее важные – союзными и республиканскими и министерствами, на отдельные виды промыслов – на местах. К тому времени производили уже миллионы всевозможных видов продукции. Физически невозможно устанавливать цены на все из одного центра».

Вопрос: «То есть проблема была в вычислительных мощностях?»»

А.С.: «Вычислительные мощности и ...»

Вопрос: «Политическое решение это было или техническое?»»

А.С.: « В книжке 53 года просто было сказано, что это так: на более важные устанавливаем централизованно, на менее важные или на то, что за пределы союзной республики не вывозится, на месте. Но там 20 раз говорилось: не важно, кто устанавливает цены: он должен в голове иметь государственную политику снижения цен. Приводились примеры о том, что у нас есть министерства и ведомства, которые позволяют предприятиям устанавливать такие цены, что предприятия имеют большую рентабельность, это является грубым нарушением советской ценовой политики. Есть некая республика Тыва, за Саянскими хребтами, вошла в состав СССР в 44 году. Там до сих пор клановая система. Там есть руководитель какого-нибудь горнодобывающего предприятия, есть моногород, в котором здоровенный асбестовый завод, который производит асбест на весь союз, в нем есть местный исполком. Понятно, что если директор начинает выпускать асбест новой марки, он как-то договорится с местным исполкомом, чтоб исполком утвердил правильные цены на асбест новой марки, потому что никому лишний раз шевелиться не хочется, а система, про которую я рассказываю, установленная к 53 году, была достаточно жесткой. А если цены на асбест

устанавливаются в Москве или хотя бы в Красноярском крае, непонятно, договорится директор о правильных ценах или не договорится. Проблема в том, что, начиная со смерти Иосифа Виссарионовича, начался процесс передачи функций «с центра на места». Он шел постепенно, с разной скоростью, и в 57 году, после реформы управления промышленностью, он скачкообразно дошел до своего апогея. И, когда противники реформы управления промышленностью ругались на эту идею, говоря, что будет невозможно проводить: если мы разобьем страну на экономические районы, будет невозможно заставить эти обособленные районы централизованно внедрять технические новинки. Наверное, чуть ли не более важным косяком это мысли было то, что, если мы разобьем страну на изолированные экономические районы, то мы не сможем проводить единую политику цен, и у местных утверждающих органов будет гораздо больше стимулов устанавливать цены не те, которые нужны, чтобы постоянно повышать эффективность работы системы, а те, чтобы директор ближайшего предприятия, который живет в соседнем подъезде, чувствовал себя хорошо. Здесь, наверное, заканчиваем первый кусок нашей лекции, сейчас я буду переходить непосредственно к временной шкале – как она менялась. Есть ли у вас какие-то вопросы или непонимания насчет того, как была выстроена ценовая советская политика и какие вещи в ней поменялись за 10 лет между выпусками этих книжек.

В первой книжке описывалось, как советские цены позволяют проводить политику партии. Во-первых, есть цена предприятия. Цена предприятия установлена. Предприятие обязано передавать продукцию по этой цене. А логистику мы засовываем в себестоимость данного предприятия. У него есть желающие получить его продукцию в Московской области, соответственно, мы берем стоимость продукции + стоимость перевозки по Московской области – получаем полную себестоимость. Если между полной себестоимостью и отпускной ценой что-то осталось – это прибыль предприятия. Чем дальше мы отъезжаем от Москвы, тем дороже перевозки. В какой-то момент полная себестоимость приравнивается к отпускной цене. Везти продукцию дальше этой границы предприятию становится невыгодно. Это пример того, как с помощью цены ограничивали дальность перевозок. Еще 1 момент. В книжке 53 года написано, что нельзя устанавливать цены на новую технику, исходя из затрат на 1-ый образец новой техники. Более того, нельзя устанавливать цены на новую технику, не посмотрев на старую технику. Например, есть сталь новой марки, которая стоит дороже, но, если ее постоянно использовать, машины делаются лучше. Значит, усилием воли цена тонны стали крутой марки становится ниже, чем стоимость тонны стали менее крутой марки: ее начинают покупать и шире использовать. То есть, ценовая политика книжки 53 года ориентирована на потребителей, на то, чтобы ценой стимулировать потребителей использовать более производительную технику и лучшие материалы, а что с этого будет иметь производитель – это десятое дело, потому что мы производителя от рыночных стимулов постараемся изолировать, как только можно.

Вопрос: «А он-то как заинтересован в выпуске новой продукции?»

А.С.: «Он заинтересован, во-первых, из-за того, что полгода ему дается – он будет «жировать», а, во-вторых, у него просто есть план. У него нет интереса выпускать новую сталь, у него есть задание по освоению. Он может на этих заданиях «навариться» в период освоения».

Вопрос: «А правильно я понимаю, что для руководства передовых заводов главным были не обычные экономические стимулы заработать денег, а карьерный рост и т.д.?»

А.С.: «Заработать денег» тоже присутствовало. В начале стахановского движения все было по-честному. То есть, если ты придумал какую-то вещь, позволяющую выполнить 10 норм, то мы даем тебе 10 зарплат. Вы наверняка видели кадры из фильмов времен войны, когда знатный колхозник на свои деньги купил танковую колонну и передал Красной армии. Я утрирую. Или коллектив передовиков оснастил эскадрилью и тоже передал Красной армии. По первости, все было по-честному. Ты научил, как работать в 8 раз производительнее – мы тебе даем в 8 раз больше денег. То есть, в СССР были легальные миллионеры. А потом чья-то светлая голова решила: «А давай мы тебе грамоту дадим, а зарплата у тебя будет такая же. Или разовую премию дадим, а потом мы на твои 8 норм скажем, что это - новая одна норма, зарплату оставим такую же». Оптимизация расходов.

Вопрос: «Не, ну а до каких пор бы они платили ему за 8 норм 8 окладов?»

А.С.: «Ну до тех пор, пока эти 8 норм бы не распространились, не стали повсеместным внедрением, после чего ему бы распределили зарплату наравне со всеми. Пока ты делаешь лучше – ты получаешь пропорционально. Мы сейчас будем говорить предметно о хрущевской эпохе, поскольку из последних записей не только запись про феерическую методичку, где новая техника стоит по весу, но еще запись с лекции другого товарища, который читает лекции про советскую историю, который вначале лекции сказал, что он «поднимется над схваткой и будет беспристрастен» - и наврал. Поэтому, думаю, честным будет сказать, что я Никиту Сергеевича недолюбиваю, наверное, поэтому буду критично рассказывать про его эпоху. Мне кажется, что два основных лейтмотива эпохи Хрущева – в определенном смысле, вера в чудо: мы пытаемся сделать то же самое, но проще и дешевле, потом это то же самое, но проще и дешевле, периодически приводит к долгоиграющим последствиям. У нас есть стахановское движение. Мы людям платим больше за то, что они лучше делают. Но давайте сделаем проще и дешевле: мы ему, стахановцу, грамоту дадим, повесим на Доску почета, на этом все закончится.

Вопрос: «Я хотел спросить такую вещь по социальной истории, одновременно с экономической: этот процесс передачи функций на места и разгрузки центра от этих задач, который в 50-е годы шел, не сопровождался ли увеличением числа работников центра? Не было ли здесь проявления их коллективного интереса?»

А.С.: «Было. Сейчас будем об этом говорить. Мы переходим к пятой пятилетке. Пятая пятилетка немного началась не так, как они должны начинаться. Есть всякие мировоззренческие

споры на тему того, что наука не может сама себя планировать, в смысле: ей должны ставить всякие внешние цели, а наука должна думать, как ее достичь. По части экономической науки это оправданно. Всегда в пятилетках до этого были директивы партий, в которых ставилась цель, чего мы хотим через пять лет. После этого эти директивы разворачивались в 5-летний план, как конкретно мы хотим этого достичь. Надо понимать, что директива – это книжечка страниц 60-70, а 5-летний план – 5 томов страниц по 400. Пятилетнего плана 5-ой пятилетки не было, директивы были, а плана не было. В 52 году прошел 19-ый съезд партии, на котором директивы были обсуждены и одобрены. Понятно, что сильно затянули, так как пятая пятилетка началась в 50-м году, то есть полтора года прошло, а мы только что выдвинули директивы. На основании директив мы должны разработать пятилетний план, но пятилетний план так и не появился. Все цели развития ограничились тем, что написали в этой узкой маленькой книжечке. 5 марта 53 года товарищ Иосиф Виссарионович отправляется в лучший мир. 7 марта 53 года проходит решение о сокращении числа промышленных министерств с 25 до 11, половину министров мы из игры выводим, потому что они больше не министры, а министерства ликвидируем или сливаем, а другую половину министров мы задабриваем, потому что здесь написано о «расширении прав оставшихся министров». Понятно, что 11 промышленных министерств – маловато. Если мы смотрим на генезис административного аппарата, то это – всегда ветвление. Сначала был один ВСНХ, потом отпочковываются наркоматы, потом начинаются экономические совещания, чтобы за этим уследить, , делают «мостики» между этими министерствами с помощью этих совещаний – 3, 5 министров. Особенно в годы войны было нужно, чтобы 3 министра быстро сели и быстро договорились, потому что фашисты наступают. 7 марта 25 промышленных министерств превращаем в 11. Август 53 года – увеличиваем число с 11 до 14. 54 год – с 14 до 25. Вернулись на прошлогодние позиции. 56 год – с 25 до 28. С 52 по 54 годы число служащих уменьшилось на 20%, потом вернулось на прошлые позиции. Надо понимать, что каждая такая «передвижка» все ведомство «ставит на уши» на полгода минимум. Если мы сначала уменьшаем число министерств в 2 раза, потом увеличиваем в 2 раза, то весь этот период времени они не работают, не понимая, чем же заниматься. В то же самое время проходит мощное решение о том, как облегчить жизнь всем и сразу – постановление «О необходимости сократить отчетность в три раза и о запрете выступать с мест с предложением об увеличении числа отчетных показателей». То есть, мы знать не хотим, если вы считаете, что вам для работы не хватает сокращенной в три раза отчетности, то это – ваши проблемы. 53 год – роспуск отраслевых бюро Совмина, ликвидация Госснаба и Госпродснаба. Я напоминаю, что Госснаб отпочковался от Госплана как контора, которая должна заниматься централизованным распределением основных средств именно для того, чтоб, во-первых, частично разгрузить Госплан, во-вторых, смотреть, кому что передавать. Отраслевые бюро Совмина – это когда несколько министров собирались и обсуждали какие-то вещи, выходящие за грани полномочий одного министра для того, чтобы постоянно ветвящаяся система административного аппарата не теряла связности. 55 год – ликвидация ГКНТ – Госкомитета по науке и технологиям, он был создан после войны для того, чтобы помочь нашим внедрять буржуйские патенты, которые мы заполучили, после этого продолжал существовать для организации

стимулирования технико-технической политики. В Госплане за 10 лет сменилось 10 руководителей. 50 год – снимают Вознесенского. До марта 53 – Сабуров, март-июнь 53 – Косяченко, после этого 53-55 – снова Сабуров, в 55 – Байбаков, в 57 Байбаков сказал, что он против реорганизации управления промышленностью по территориальному принципу, Байбакова снимают, 57-59 – Кузьмин, 59-60 – Косыгин, 60-62 – Новиков, 62 – Дымшиц, 62-65 – Ломак. Как будет работать организация, в которой каждый год меняются руководители? Как будет работать организация, ставящая цели на пятилетку, на основании книги в 60 страниц, из которых половина – рассказ о том, какие мы хорошие, как у нас все будет еще лучше. 55 год – Госплан разделен на Госэкономкомиссию и Госкомитет по перспективному планированию. Идея благая для того, чтобы одни занимались генеральными планами, а другие пинали министерства и предприятия, чтобы не срывались текущие планы. В 57 году Госэкономкомиссия и Госкомитет слиты в единый Госплан. Перевод предприятий с общесоюзного на союзный и республиканский уровень. За 54 по 56 переведено 15 тысяч предприятий, то есть, надо понимать, что союзно-республиканский уровень – более приближенные к «местам» руководители, с другой стороны, если мы помним важность беспощадности ценовой политики, то должны понимать, что на союзно-республиканском уровне договариваться уже легче, чем на общесоюзном. Изменяется статус министерств. Я сейчас зачитаю: я называю год, первая цифра – количество общесоюзных министерств, вторая – республиканских и союзных. 52- 30 и 21. 54-й – 30 и 22. 55-ый – 25 и 26. 56-й – 22 и 28. 57-й – 23 и 29. Меньше министерств, имеющих возможность рулить всей страной, больше – имеющих возможность действовать по договоренности с местными органами, у которых территориально ограничена сфера ответственности. Союзно-республиканские - не значит «местные». У них просто изменяется сфера ответственности, и они должны больше учитывать, что на местах делается. Я думаю, что мне нужно побольше покопаться с этим, насколько учитывали союзные министерства там какие-то голоса с мест, насколько – союзно-республиканские, просто отмечаю, что шел «дрейф» в сторону республик: им передавались предприятия и изменялся статус союзных министерств. 20 съезд сказал о повышении роли союзных республик в управлении хозяйством. Начало 56 года – момент, когда первый раз было заявлено о том, что мы хотим как-то усилить территориальную компоненту планирования экономики. В 56 году в апреле журнал «Коммунист» разразился статьей «Больше внимания экономике производства!» - говорилось о том, что нужно как-то усилить экономические стимулы в работе предприятий – они слишком отвлечены от того, как хорошо продукция продается. 56 год – «звоночек», с которого началось «забывание» того, что передача продукции внутри госпредприятий не является движением товаров. 30 мая 56 года – постановление ЦК КПСС и Совмина СССР «О реорганизации министерств в связи с передачей ряда отраслей народного хозяйства в ведение союзных республик». Декабрь 56 года – Пленум ЦК КПСС, была произнесена фраза: «У нас нет никакого стимула лучше работать, кроме партийной совести», - в переводе на русский, «дайте нам больше денег, потому что просто так мы лучше работать не согласны».

Мы проговорили час и пять минут, поэтому давайте сделаем небольшой перерыв, после которого продолжим».

А.С.: «Мы пересмотрели, что творилось в четвертую пятилетку с системой административных органов. Мы видим, что их сильно «колбасило», и дрейф был в сторону большего учета голосов республик. Какие в это время были основные направления промышленной политики? 53-54 годы – попытка Маленкова перераспределить средства в группу Б. То есть в 53 году, когда Маленков стал главой государства, после Сталина, он произнес программную речь: раньше мы должны были сильно «ужиматься», за счет этого мы могли бы жить лучше и богаче, а сейчас американцы не являются «монополистами» ядерного оружия – в 53-м году наши запустили термоядерную бомбу. В связи с этим, мы верим, что можно произвести перераспределение средств в группу Б – то есть производство товаров для широких слоев населения. Больше тряпок, бытовой техники, готовой еды и прочего. Одновременно с этим было заявлено о том, что мы перенапрягли сельское хозяйство, сейчас из сельского хозяйства изымается весь продукт, и у них не остается стимулов для дальнейшего развития. За счет этого мы готовы резко повысить закупочные цены для того, чтобы люди на селе резко стали жить лучше. Закупочные цены повышены были, но производство ширпотреба расширить не удалось. В 54-м году, когда Хрущев «валил» Маленкова, то Маленкову, в числе прочих прегрешений, было сказано, что он добивался дешевой популярности, пытаясь подорвать базовые возможности для расширенного развития советской экономики. Как результат, если мы берем капитальные вложения и их распределение по направлениям, ситуация такая: всего в довоенные пятилетки с 18 по 45 промышленность – 45% всех капитальных вложений, их них в группу А – 39,1%, в группу Б – 6,1%. 46-50 годы – восстановление страны: всего в промышленность – 49%, то есть больше, в группу А – 43, в группу Б – 6%. 51-55, в промышленность всего – 51%, то есть доля промышленности в капвложениях растет, из них 46% группы А, 5% группы Б. Вместо того, чтобы производить ширпотреба больше, мы сдаем в промышленность больше средств, соответственно, разрыв у нас начинает увеличиваться, а не уменьшаться. 56-58 годы – 46% промышленности, 41% - группа А, 5% - группа Б, 60-е годы – 40, 8% - группа А. Группа Б выглядит так: довоенные пятилетки -6,1%, , 4, 5-ая пятилетки -6%, начало 6-ой пятилетки – 5,8%, 46-59 годы (суммарно) – 5,6%. Идея Маленкова о том, что надо производить больше ширпотреба для народа, пала жертвой внутривластной борьбы».

Что же производить, если не больше ширпотреба? В начале пятой пятилетки средства направлены на изменение структуры топливного баланса. Хрущевское десятилетие – это десятилетие, когда началось резкое развитие нефтегазового сектора, если до середины 50-х экономика СССР была частично угольной и немного – гидро-, то 50-е годы – это очень серьезный структурный сдвиг. Вместо угольной энергетика начинает становиться нефтегазовой. В какой-то момент, по-моему, 57 год, принимается решение о том, что мы должны строить больше ТЭЦ и меньше ГЭС, потому что в постройке ТЭЦ дешевле. А в эксплуатации дешевле ГЭС. Мы можем сейчас строить очень дорого ГЭС, потом она десятилетия будет давать нам дешевую энергию. Либо мы сейчас можем построить дешево ТЭЦ, потом она десятилетия будет давать нам более дорогую энергию. Сначала кажется, что дорого и ненужно, а через 20 лет читаем мемуары министра трубопроводной промышленности, который хватается за голову: сколько техники гробится, не

доехав до места. План преобразования природы свернули за тем, что «неоправданно дорого», а потом поняли, сколько необработанной целины. Решение – движение в сторону ТЭЦ, потому что быстрее и дешевле, но я так понял, приведенные затраты, с учетом эксплуатации до периода конца эксплуатации, никто особо не считал. 5-ая пятилетка – начало проектных работ, например, строится Красноярская ГЭС, Братская ГЭС. Изменяется режим работы домен, идет общее повышение энерговооруженности, начинается электрификация железных дорог, это – еще один очень серьезный структурный сдвиг. Например, 58 год – начало строительства дороги Абакан-Тайшет, одна из первых трасс, которая сразу строится электрифицированной. Опережающими темпами идет рост приборостроения и с высоких трибун объявляется курс на полную автоматизацию. Пятая пятилетка, при всех организационных неполадках, при том, что итоговый план 5 пятилетки так и не был выпущен, ограничились директивами – время жесткой нацеленности на интенсификацию, автоматизацию, некоторые называли это «планом второй индустриализации». Хрущев в 53 году, говоря о том, что мы там сильно обидели село и нам нужно резко повысить закупочные цены, в том числе, приводил данные о том, что в животноводстве получается 4 рубля на трудодень или даже 3 рубля, а в производстве зерна – 15-20 рублей на трудодень. Разрыв получился такой, потому что когда в 30-е устанавливали цену на сельхозпродукцию, посмотрели производительность труда на тот период времени и установили цены такие, чтобы там на трудодень затрат в любой области сельского хозяйства крестьянин получал одинаковое количество денег. С изменением технологий производительность труда в области производства зерна резко скакнула, а в области животноводства – осталась той же самой. 53 год – эта ликвидация последствий технологического разрыва за предыдущие 20 лет. 53 год – это «косяк предыдущего периода» - 30-х – 40-х, когда механизировалось предприятие по производству зерна, от него отстало там, например, предприятие по доению коровы. Соответственно, 56 год – программный доклад Хрущева на 6 пятилетку. Основные направления – ускорение технического прогресса, специализация и кооперирование, замена пищевого сырья синтетическим, консолидация транспортных средств, развитие Сибири и зон нового освоения, индустриализация строительства, рассредоточение населения крупных городов, школы-интернаты – усилить связь школы с практикой, готовить специалистов в связи с перспективными планами развития народного хозяйства. Мы видим, что здесь сохраняется нацеленность на большую специализацию, автоматизация, то есть на уровне директив – попытки продолжить курс на постоянное повышение технологического уровня. Вместе с тем остается недостаточная специализация производств: в условиях, когда предприятия не уверены, что смежники их не подведут, предприятия начинают делать какие-то «подсобные» вещи у себя. Если я боюсь, что завтра мне не дадут гаек, а гайки делать несложно, то я у себя еще дополнительно, допустим, открою гаечный цех. С 56 года – прекращение практики ежегодного снижения цен. Средства, которые ранее шли на снижение цен, должна теперь идти на соцобеспечение, пенсии колхозникам, повышение пенсий рабочим, внедрение 7-часового рабочего дня. Я напоминаю, что тогда была 6-дневка. Сначала ввели 6-дневку и 7-часовой рабочий день, потом – 5-дневку, но снова 8-часовой рабочий день.

Что в это время творилось в промышленности? 51-57 годы – 70% прироста промышленной продукции получено за счет роста производительности труда. Если кто-то будет вам говорить, что в то время СССР занимался экстенсивным ростом, то не верьте этому человеку. Вместе с этим, по результатам 5 пятилетки 1 из важнейших соотношений финансирования экономики оказывается нарушенным: рост производительности труда за 5 лет на 30%, а рост зарплаты – на 37%. Разрыв небольшой, но он есть, после этого никуда не девается. Интересно, что рост энерговооруженности – 30% - совпадает с ростом производительности труда: то есть, мы электрифицируем производство, за счет этого можем повысить производительность труда. Что неприятно? К зарплате начинают подгоняться нормы выработки. В советских традициях, говорится, что «у нас все хорошо, но есть отдельные недоделки в отдельных областях, и они сводятся к тому, что, в условиях технического прогресса, тарифная сетка начинает «не поспевать» за ростом новых специальностей. И, вместо того, чтобы сесть и обновить тарифную сетку, на местах народ начинает «химичить»: появилась новая специальность – ее записывают, как 3 старых. Или, допустим, не хватает работников вспомогательного производства – их заменяют работниками основного производства. Или, допустим, есть некая старая специальность, но по ней устарели расценки или появились новые орудия труда. Вместо того, чтобы как-то идею донести до центра, и он ее пересмотрел, половина зарплаты – это старая зарплата, а вторая половина – это премия, но ты эту премию будешь получать стабильно. Это – очень важная вещь. Во-первых, она есть везде в экономике, во-вторых, есть везде в жизни. Если возникает некая проблема и не решается глобально, то локальное решение этой проблемы порождает проблемы второго порядка, а локальное решение проблем 2 порядка – проблемы 3 порядка. Этот «принцип домино» - он везде.

И есть «кривая» тарифная сетка – 55 год. Если мы ее не пересматриваем, то для того, чтобы начать производить то, что нужно, директора пересматривают названия специальностей и работников, премия перестает становиться премией. Из разовой стимуляции за какие-то заслуги, она превращается в часть зарплаты и воспринимается, как прибавка к зарплате. В результате, это решение тянет за собой проблему 2 порядка – зарплата начинает выходить из-под контроля. Рост производительности труда – 33%, рост зарплаты -38%. За 50-55 годы среднегодовой рост производительности труда -7-8%, но 55 год – рост простоя и неиспользованного оборудования.

В революцию и после нее боролись не с любой собственностью, которая является негосударственной, а только с частной. Насчет коллективной собственности там были подвижки – во-первых, колхозы считались коллективной собственностью, во-вторых, существовали артели. Напрямую деятельность артелей не планировалась, ее могли регулировать, давая им материалы или не давая. В принципе, они были увязаны в общую систему, но могли сами решать, что и как делают, в какой-то мере, «косяки» централизованного планирования они закрывали. Я приведу пример: я читал журнал, «Плановик Грузии», в общем, какой-то плановой журнал кавказских плановых органов, там хорошо описывалось взаимодействие госорганов и промкоопераций. Там это было по части заготовки леса. А госпромышленность – у нее есть крупные фонды, например, «Пилорама»,

поэтому, если местность такая, что по ней удобно лесовозы гонять, а лес такой, что его удобно пилить, то мы это отдаем не отдаем артелям. Если лес «корявый», а местность пересеченная, то мы это отдаем промкооперациям. В итоге, промкооперации могут делать из леса доски, готовую мебель, но, самое главное – идет увязка интересов одних и других. Граница проводилась таким образом: вещи, требующие большой трудоемкости, отдаются госпромышленности, а вещи, требующие меньшей трудоемкости, должны относиться на кооперативную промышленность. Много труда, мало машин – промкооперации, много машин, мало труда – государство.

Постановление ЦК КПСС от 14.04.1956 «О реорганизации промкоопераций». Укрепление материальной базы соответствующих отраслей за счет вложения средств и кадров более крупных коммерческих предприятий в промкооперации, а к 55 году их насчитывалось 114 тысяч, работало в них 1, 8 млн человек. Большой кусок госсектора, про который обычно забывают. Ими производилось 5,9% валовой продукции промышленности, что, на первый взгляд, кажется не очень много, но ими производилось до 40% всей еды, до 70% всей металлической посуды, более 13 процентов трикотажа, почти все детские игрушки. В систему промкоопераций входило 100 конструкторских бюро, 22 экспериментальных лаборатории, два научно-исследовательских института. Росчерком пера все это хозяйство становится частью госпромышленности. После этого, во-первых, если там были какие-то сильно трудоемкие вещи, то теперь они укладываются в план, во-вторых, промкооперация служила «подушкой безопасности»: если раньше откровенные «косяки» централизованного планирования могли скрывать колхозы по части еды и промкооперации по части ширпотреба, то теперь мы повышаем ставки, то есть теперь у нас есть госпромышленность, если мы забыли что-то произвести, что «кто не спрятался – я не виноват». Вместе с этим легкая промышленность продолжает чувствовать себя весьма неплохо: 57 год – 46% станков, 37% станков являются станками-автоматами. Я говорю вперемешку хорошие и плохие вещи, чтобы вы увидели, что это была достаточно противоречивая эпоха. 57 год – «первый звоночек» - 1 год повышения трудоемкости. Если раньше мы, чтобы произвести сто рублей продукции должны были 105 рублей дать капитальных вложений, то теперь, чтобы произвести те же 100 рублей продукции, мы должны дать капитальных вложений 110 рублей или 120. Здесь очень много нюансов. Рост трудоемкости может объясняться разными причинами: раньше мы строили там крыши на столбах, а теперь решили построить стены, чтобы рабочих не продувало, поэтому у нас больше расходы, станки те же самые, поэтому производительность такая же. Если такая штука длится долго, то означает, что наши капитальные вложения начинают работать менее и менее эффективно. Тот же самый 57 год – Хрущев высказывается за повышение общественной прибыли, которая не перераспределяется через госбюджет в форме налога с оборота, а выдается по распоряжению предприятий. Повышение прибыли позволит предприятиям самим покрывать свои хозяйственные нужды. До логического завершения доведено не было, но нужно понимать, что если предприятие с прибылью покрывает все свои хозяйственные нужды, то Госплан ему не нужен. И плановая экономика ему тоже не нужна.

Здесь было соотношение: в 40 году соотношение прибыли и налога с оборота было 1 к 3, 55 год – 1 к 2, 60-й – 1 к 1,25, то есть все это десятилетие доля налога с оборота сокращалась, а доля прибыли, то есть части чистых доходов общества, которая остается именно у данной части этого общества – росла. Мы помним, что если у предприятия есть большая прибыль, то это не только значит, что оно может построить новый цех без средств от государства, это еще значит, что оно может менее активно внедрять всякие технические новинки, потому что ему невыгодно.

57 год – рост незавершенного строительства в два раза – составляло 16 млрд рублей или 90% плана капитальных вложений. В 51 году «незавершенка» составляла 54% плана. Кто не понимает, что это такое: комбинат, который должен был по плану строиться 3 года, строится 10 лет, потому что мы начинаем строить 5 комбинатов, потом понимаем, что у нас нет денег, чтобы построить все 5. А еще, если комбинат строится 3 года, то мы строителям платим 3 года, а если 10 – то 10 лет. В 57 году объем незавершенки был такой, что, чтобы его доделать, нужно было прекратить строить вообще все и в течение года вкладывать только в достройку старого. Как выходить из этой ситуации? Казалось бы, самое логичное – это как-то оптимизировать работу планирующих органов, чтобы не начинать новые стройки, если они не обеспечены материальными ресурсами, но нет: вместо этого было принято решение, что в 60-м году решили сосредоточиться на самых необходимых объектах: по результатам 51 года в черной металлургии приоритетные стройки составляли 21% всего объема строек. Но за их счет было получено 95% руды, 99 – проката. 80% недостроя бросили, оставшееся достроили, если 21% дает 99% прироста, то оставшиеся 79% нам не дают ничего. Сначала мы наращиваем незавершенку, потом мы бросаем то, что не можем доделать, потом об этом пишут в книжке как о крупном достижении политики партии.

Вопрос: «Как, продолжая критику Мизеса, нам без биржевого курса акций определить, сколько в какое предприятие нужно вкладывать, и какое из них строить, чтоб не закладывать по-максимуму?»»

А.С.:»Во-первых, чтобы не закладывать по-максимуму, нужно просто лучше балансировать, потому что 57 и 58 годы – годы после реформы и реорганизации промышленности, тогда уже от плановой системы мало что осталось. В Вашем вопросе 3 вопроса, отвечаю с конца: для того, чтобы предприятия могли достроиться, нужно лучше балансировать то, что мы хотим, те материальные ресурсы, которые у нас есть, для того, чтобы узнавать, где нам что строить, этим занималась экономгеография – там, во-первых, была идея промышленных комбинатов – идеи комбинирования, смысл в чем: мы смотрим, где у нас есть географические предпосылки для создания некоего предприятия, добывающего необходимый ресурс, после этого навешиваем на него всю цепочку, вплоть до готовой продукции, то есть мы смотрим на Енисей, там есть створы, где можно сделать ГЭС, если мы делаем ГЭС, рядом делаем КРАС, потому что алюминий – это, фактически в чистом виде, электроэнергия, если здесь много алюминия, мы можем делать ракеты, спутники, самолеты, чем, собственно, в Красноярске и занимаются. Мы отталкиваемся от географического размещения и те предприятия, в которых образующим является это сырье, мы используем сырье, а те

предприятия, на которых производят ширпотреб, например, кур – мы предприятия, которые из живых кур делают тушки, размещаем поближе к городам, для того, чтоб нам тушки возить поменьше. Насколько я правильно понял эту систему по первым пятилеткам, закладывались такими крупными мазками основы распределения промышленности: та промышленность, в которой масса сырья не сильно отличается от массы готового продукта и которая непосредственно обслуживает население была в небольших городах, та промышленность, в которой масса сырья отличается от массы готового продукта, она «нанизывается» на цепочку и размещается поближе к самому первому звену этой цепочки.

Тот же самый 58 год – количество произведенных плугов начинает отставать от производства тракторов. Это – частный случай, который показывает, что «косяки» в планировании начинают становиться просто вопиющими. Мы обеспечиваем село тракторами, но не посылаем за ними плуги: трактор есть, а бороны нет. Трактор есть, а сеять нечем. 57-58 год – это определенный перелом, когда накопление каких-то не очень продуманных решений начало «аукаться» сбоями в ходе промышленного производства. 58 год – резкое снижение «торговых накидок». Я напоминаю, формирование цены – себестоимость, прибыль – получаем цену предприятия, налог с оборота – цена промышленности, «торговая накидка» - розничная цена. «Торговая накидка» - в каком-то смысле прибыль торговых предприятий – идет, в том числе, на то, чтобы был большой красивый зал, хорошая реклама, красивая упаковка, в которой будет все делаться и прочее. Может быть, к тому времени торговля очень сильно «жировала», ее нужно было «подрезать», а, может быть, это было желание сделать то же самое, но дешевле, которое привело к тому, что советская торговля стала представлять из себя грустное зрелище, которое любят «недобрым словом» поминать антисоветчики, везде есть мера. Плохо, когда реклама безумная, лезет из всех щелей, одновременно плохо, когда ты берешь товар в картонной коробке, на которой вообще ничего нет, или маленькая инструкция на туалетной бумаге, плохо напечатанная и прочее. Я отмечаю, что это было сделано, то есть в 58 году немного подрезали долю, которую получала торговля. Пока непонятно, здесь она стала пробуксовывать или не здесь, но, в общем, так. Это что касается промышленности в 6 пятилетке. Конец 5 – начало 6 пятилетки, потому что шестая пятилетка провалилась и ее заменили семилеткой, поэтому у меня лекция немножко схематичная: административная перестройка – 5-6 пятилетка, промышленность – 5-6 пятилетка, сельское хозяйство – 5-6 пятилетка.

52 год – рост капвложений в сельское хозяйство за пятилетку в 2,1 раза. Предполагалось, что если мы увеличим капвложения в сельское хозяйство в 2,1 раза, это дает нам через 5 лет рост по зерну 40-50%, по хлопку – 55-65%, мяса – 80-90%, молоко – 45-50%, , самое главное – мы верим, что такой рост капвложений позволит нам повысить рост механизации до 90%. Я напоминаю, что в сельском хозяйстве сложилась ситуация, когда какие-то вещи были механизированы почти полностью, а какие-то оставались почти полностью ручными. Соответственно, в 53 году - рост цен на молоко и мясо (заготовительных) – в 2 раза, на картофель – в 2,5 раза, на овощи – в 24-40%, уменьшение разрыва между заготовительными и закупочными ценами. Еще раз напоминаю, как

заготавливалось сельхозсырье: обязательные поставки – 25% общего объема, заготовительные цены низкие, хочешь ты по ним продавать, не хочешь – таков план, почетная обязанность, натуроплата за работы МТС: мы тебе даем трактор, ты на этом тракторе вспахиваешь поле, будь добр, натурой рассчитаться за то, что мы даем тебе трактор, натуроплата – это 58% сельхозсырья государство получало, даже не покупая его у крестьян, а фактически по бартеру, мы вам – орудия труда, а вы нам – результаты труда. Государственные закупки -5,2%, прочие поступления – 11,8%. Госзакупки – если у вас что-то останется, можете продавать на колхозном рынке или закупочным организациям. Во 2 половине 50-х ликвидировали эту систему: решили, что будет у нас только одна цена, потому что мы добрые, мы больше не заставляем крестьян продавать по низким ценам, чтобы они нам ни продали, все это будет продаваться по закупочной цене, соответственно говоря, МТС к тому времени ликвидировали, то есть натуроплата тоже не нужна, но, с одной стороны, крестьянам так проще, с другой – в множественной системе цен был заложен стимул производить больше и больше: если вы произведете столько, сколько надо, чтобы рассчитаться по обязательным поставкам – мы у вас купим задешево. Если вы нам что-то еще сверху произведете и продадите – мы у вас купим задорого. С ликвидацией множественной системы, с одной стороны, стало проще считать, а с другой – в каком-то смысле исчез стимул для наращивания сельхозпроизводства.

3 год – механизаторы и трактористы зачислены в штат МТС. Раньше это были колхозники. То есть МТС до 53 года – лизинговая контора: в ней содержатся трактора, колхоз приходит, говорит: «Дайте нам трактор», – своими силами сажает на него колхозника, колхозник как-то пашет. Решили, что механизаторы и трактористы будут работать лучше, если их зачислят в штат. Одновременно зачисление в штат означает, что у них есть зарплата, что они не совсем колхозники.

56 год – доклад Хрущева. Маленков предлагал произвести много ширпотреба, Хрущев, чтобы его перебить, сказал, что мы тут резко наладим сельское хозяйство. Интенсивное развитие, укрепление кадров. В том числе, было сказано о поддержке личного приусадебного хозяйства. На 53 год из 350 тысяч представителей сельского хозяйства непосредственно в колхозах работало 5%. В МТС – 14%. Остальные, очевидно, там писали отчеты друг другу. В 4 пятилетку несколько раз перебрасывали народ из промышленности в сельское хозяйство, был период, когда даже станки из промышленности передавали в МТС. 53 год – агитировали квалифицированных специалистов переходить в сельское хозяйство: предполагалось, что будет интенсивное развитие с комплексной механизацией. 4 год – начинается «целинная эпопея». Хороший пример того, как сделать то же самое, но быстрее и дешевле. Зачем нам комплексная механизация, зачем нам мучиться, давайте мы распашем целину! В чем была идея? В том, что, если мы хотим поднять сельское хозяйство, главная житница – Украина, там мы и сеем зерно, которое идет на хлеб. Украину мы засеиваем кукурузой: она дает много силоса, которым можно откормить скотину. А что делаем с зерном? Для кормления людей распашиваем целину, и там у нас будет зерно. Соответственно говоря, кукуруза на Украине и Северном Кавказе, зерно – на целине, в результате – подъем животноводства, все довольны. Идея по внедрению кукурузы на Украину высказывалась еще в 1919 году. Христиан Раковский, бывший

фактическим руководителем советской Украины, писал об этом Ленину, а Ленин общался на эту тему с Кржижановским. Идея сама по себе неплохая, но нет такой идеи, которую нельзя изгадить безумным исполнением. Во-первых, кукуруза действительно более засухоустойчивая. Если учитывать, что сельское хозяйство страдало от засух, и План преобразования природы был нацелен на то, чтобы сделать его более стабильным, то заменить там зерно кукурузой – 1 из вариантов решения проблемы. К сожалению, кукуруза еще и более теплолюбивая. Ее можно сажать на югах, можно и на северах, но там высокие урожаи не гарантированы. Кукуруза позволяет нам поднять животноводство, а площади, занятые кукурузой, компенсируем тем, что делаем целину. Почему потребовалось поднимать животноводство именно с позиции того, что кормов не хватало. Там получилась смешная ситуация: в 48 году был принят 3-летний план развития животноводства, который, самое смешное, был выполнен. В том числе, предусматривал развитие для заготовления кормов. В 53 году, когда Хрущев выступал с докладом, где про целину не сказал ни слова, а говорил про интенсификацию, помощь механизаторам и о том, что луговое хозяйство очень важно. В 54 году он обмолвился о том, что огульное травосеяние – это плохо. Видимо, безумный административный аппарат это воспринял, как отмашку, потому что «ломать не строить», и в 56 году тому же Хрущеву пришлось говорить: «Очень жаль, что некоторые товарищи восприняли мою речь 54 года с позиций, что нужно извести луга и засеять их хвощами или зерном». Я называю вам всякие призывы и лозунги, которые выглядят разумными, но исполнение начинает отходить от адекватности. Мы берем технику из развитых сельхозрайонов и отбираем ее на целину. В старых районах РСФСР за время освоения целины посевные площади сократились на 3,5 млн га. Целину распахали 11 млн га. Общий объем пашни был 33 млн га. $33 - 11 = 24$, из них 3,5 забросили, потому что отобрали технику. Одновременно с этим – прекращение обновления техники в старых районах. Мы отбираем старое, а то, что не отобрали – новое не даем. 32% всех средств на сельское хозяйство за 54-58 годы уходит на целину. Некоторые люди говорят, что, если бы эти средства пустить в старые сельхозрайоны, можно было бы добиться такой же прибавки урожайности, только она была бы более стабильной. Целина поначалу дала отличный урожай, потом выяснилось, что там нужны все те же самые мероприятия, которые нужны в старых районах.

54 год – начинают считать амбарный урожай. Об этом тоже говорили на прошлой лекции. До 54 года урожай считался «на корню»: когда считали урожай колхоза, иногда вымеряли «метр на метр», высчитывали там все колоски и зернышки, умножали на площадь этого колхоза, получали урожай «на корню». Делалось это с целью стимуляции колхозников собирать урожай аккуратно. Расчет с МТС шли, исходя из этого урожая «на корню». С 1 стороны, это искажало статистику, разумеется, зерна по факту поступало в распоряжение колхозов и гос-ва меньше, чем его выросло. С другой – это был сильный экономический стимул, чтобы урожай по максимуму сохранять. С позиции, что, вроде бы, МТС не заинтересовано в хорошей вспашке и уборке, решили считать амбарный урожай. Если кто-то что-то плохо убрал – то это – проблема колхозов, но не проблема МТС. По какой-то причине МТС из лизинговой компании решили сделать полноправным партнером: сначала трактористы-механизаторы отправляются в штаб МТС, потом к ним

добавляются всякие агротехники-зоотехники, за выполнение работы они получают свою долю от собранного урожая для того, чтобы они участвовали и в уборке тоже. На 50 год видовой урожай – 11,9 центнеров с гектара, а амбарный – 9, 6. То есть, росчерком пера мы сокращаем урожай процентов на 30. Одновременно с этим, мы пересчитываем «задним числом» предыдущие годы: поэтому, если вы будете брать довоенные статсборники и смотреть урожайность и брать послевоенные, после 57 года – то урожайность будет совершенно разная. В довоенных сборниках будете видеть динамику: до коллективизации было 7 ц/га, 35 год -9 ц/га, перед войной -10ц/га-11-12. Здесь вот 50 год – видовой – почти 12 ц/га, амбарный – 9,6. Поскольку пересчитывали именно период коллективизации, если вы будете послевоенные сборники смотреть, то коллективизация будет вам представляться такой бессмысленной жестокостью, потому что было 7 ц/га, и осталось 7ц/га. Амбарная урожайность на целине – 7, 3 ц/га. До целины амбарный урожай – 9, 6. Целина – 7, 3. Почему? Это амбарный урожай – то, что смогли вывезти. Потому что трактора мы кое-как «наскребли», а дороги тоже нужно строить. И элеваторы, и грузовики. А Казахстан и Алтай далеко.

54 год – осуждено «огульное введение травопольной системы». Уничтожение лугов и недостаток кормов. Продолжение некомплексной механизации. Технические культуры остаются объектом ручного труда. 9 марта 55 года – постановление «Об изменении порядка планирования сельского хозяйства». Осуждена чрезмерная централизация и большое количество показателей, которые сковывают инициативу. От планирования гектаров, поголовья, агротехники, механизации и урожайности мы переходим к планированию товарной продукции. Соответственно, государство самоустраивается от планирования механизации и агротехники, но говорит, что вот, мы планируем, что вы должны дать столько-то товарной продукции. Потом, когда нужно количество товарной продукции не выдается, то все разводят руками и говорят: «Мы не знаем, почему так получилось». Любое облегчение себе жизни, чтобы там «меньше планировать, считать, показателей отслеживать», оно очень быстро начинает аукаться.

55 год –ликвидация районных управлений по сельскому хозяйству, передача в МТС функций планирования и агротехнического и ветеринарного обслуживания, передача в штат МТС ветеринаров и зоотехников. Если раньше колхозники брали трактор и использовали его, как могли, потому что знали, что от того, как они его используют, будет зависеть, сколько они получают еды, то теперь мы им начинаем помогать. Соответственно говоря, у нас в МТС теперь агротехники, ветеринары, зоотехники, МТС теперь тоже заинтересован в том, как колхозники что убирают, комбайнеры теперь такие же рабочие, как и все остальные, которые получают зарплату. На момент 55 года мы считаем, что МТС нужно всячески усилить, вплоть до того, что мы не понимаем уже, кто эту продукцию выращивает – ведь выращивают ее колхозники, при этом, МТС тоже, но при этом мы осуждаем чрезмерную централизацию, чрезмерное количество показателей, в довершении ко всему, мы говорим, что МТС какие-то нерентабельные. Мы даем им трактора, трактора стоят дорого, а они своих расходов не отбивают. И 56 год – начало перевода МТС на хозрасчет. Я, к сожалению, поскольку это все выдиралось из книжек того периода, не знаю, как это планировалось

сделать. Видимо, предполагалось, что, если раньше МТС – часть единого процесса создания сельхозсырья, то теперь считается, что колхозники должны делать так, чтобы они полностью компенсировали стоимость техники этим МТС-ам. Начинается оптимизация по низовому уровню. Если кто читал известную речь Сталина, он говорил, что мы должны смотреть высшую рентабельность, смотреть, чтобы рентабельность предприятий/отраслей не подменяла рентабельность в целом по народному хозяйству. Решили, что МТС – это дорого. Аналогичным образом на колхозы ругались, что они дороже, чем совхозы. А потом мы вспоминаем, что в совхоз мы даем технику, мы там фактически все строим, и расходов собственных у совхоза практически нету. И когда мы считаем с учетом капвложений, мы понимаем, что это в совхозе дорогое зерно. Вот эти сопряженные эффекты почему-то считать перестали. Поэтому сначала мы МТС делаем, что они фактически все планируют, а потом начинаем перевод МТС на хозрасчет, чтобы они полностью свои затраты сами отбивали. Я не знаю, как это мыслилось, но по идее, чтобы они у тракторных заводов покупали эти трактора.

Вопрос: «А что в это время происходило с политотделом? МТС, помнится, внесли вклад в превращение частных собственников в колхозников – испытательные работы, а также ...»

А.С.: «Я могу ошибаться, но, кажется, что политотделы там всего два года существовали. Ввели их в 32 году, когда шла коллективизация, по-моему, в 34 их уже ликвидировали. 56 год - очередной доклад Хрущева, что ж нам дальше делать с сельским хозяйством. 1 – развернуть насаждение лесополос. 2 – механизация животноводства. Вспоминаем 52 год, когда было сказано, что надо механизировать животноводство. 3 – развивать посев многолетних трав. Вспоминаем 54 год, когда было осуждено огульное травосеяние. 4 – ввести хозрасчет в МТС, вводить гибридные семена, но при этом в 55-м мы отказались от планирования агротехники в колхозах».

Ремарка: «Насчет гибридных семян – речь идет о скрещивании двух линий кукурузы, в результате которого получается сразу большой урожай. Эту методику пытались еще в конце 30-х годов к нам продвинуть сотрудники Вавилова, и главным препятствием был как раз народный академик Трофим Денисович Лысенко, и американцы на этом получили примерно столько же денег, сколько этот самый проект строил. Ввиду любви Никиты Сергеевича к кукурузе, проект удалось протолкнуть».

А.С.: «Одновременно с этим было сказано, что народный академик Лысенко сказал, что, если удобрения правильно смешивать и правильно вносить, их нужно в 5-10 раз меньше, чем мы раньше считали. То есть, любовь к Лысенко – это частный случай любви к простым решениям. У нас не хватает удобрений? Это не значит, что нам нужно больше химических заводов. У нас есть народный академик, который говорит, что есть волшебная техника, позволяющая меньше класть, а результат будет такой же. Поскольку нам хочется в это верить, то мы будем это верить. Я надеюсь, вы не очень сильно недовольны тем, что я так едко об этом говорю, потому, что когда все это

выписываешь, на это грустно смотреть. Поэтому закончить -6 пятилетку я хочу еще 1 фактом: в 55-56 учебном году логика была исключена из курса средней школы.

Вопрос: «А введена она была когда?»

А.С.: «В сталинский период».

Ремарка: «Честно говоря, это к лучшему, потому что курсы логики алогичны».

А.С.: «У меня очередной практический вопрос: я вижу, что ваши лица значительно менее оживленные, чем когда все ели печенки. Мы стабильно укладываемся, прошел еще 1 час, мы дошли до такой «границы», понимаю, что переход на час раньше был бы совершенно не лишним, потому что, с 1 стороны, у меня остался еще 1 кусок. Мы дошли до перестройки промышленности, совнархозов, по ощущениям, я рассказал 2/3 того, что хотел рассказать, у меня еще на час материала, но на часах 21:55, а я, честно говоря, не знаю, что делать. С 1 стороны, наверное, перестройка промышленности – это не полноценная лекция. С другой стороны, я все-таки хочу, чтобы вы как-то запоминали то, что я рассказываю. Я могу побольше подготовить или, наоборот, решить, что на следующую лекцию уйдет полтора часа или час с вопросами, тогда эту семилетку – перестройку промышленности, снятие Хрущева – мы это оставляем на следующий раз. Или я могу «замахнуться» на то, что начинаю читать следующую тему – тогда будет немного структурно не связано: я завершаю про конец Хрущева и начинаю про косыгинскую реформу. Либо 3 вариант, если вы скажете, что бодр и весел, мы еще раз проветриваем, и я могу читать дальше, но только, чтобы результат был».

Ремарка: «В следующий раз прочитать кусок про перестройку промышленности и дополнить какими-нибудь своими соображениями и различными вещами, которые обычно не хватает времени рассказать».

А.С.: «Ну, у меня поскольку лимита на время нет, я обычно говорю все, что хочу, другое дело, что это долго получается. Поэтому говорите, как поступить. Я не хочу, чтобы вы меня возненавидели, и хочу, чтобы вы что-то запомнили».

Ремарка: «Давайте пять минут передохнём и начнем заново».

А.С.: «Давайте, а потом вы скажете, что мы делаем дальше».

(было принято решение завершить лекцию в следующий раз)

Лекция 6. «Хрущевские экономические реформы»

А.С.: «Мы сегодня говорим о семилетке, то есть, периоде от 58 до 65 годов, вместе с этим, в этот небольшой кусок вместились много организационных подвижек, на мой взгляд, достаточно важных. Я напоминаю, что прошлый раз, кто был, имел счастье послушать кусок политэкономического рассказа о системе ПСР, выстроенной к момпенту смерти Иосифа Виссарионовича, о некоторых моментах встроенных экономических сдержек и противовесов, направленных на то, чтобы, во-первых, стимулировать предприятие экономическими способами – выпускать все то же самое, по возможности, дешевле, во-вторых, сделать так, чтобы предприятия не испытывали на себе колебания рыночной конъюнктуры. Условно говоря: у вас есть план по номенклатуре, вы должны его выполнить, желательно, затратив при этом поменьше ресурсов. Рассказанная на прошлой лекции система говорит о том, как стимулировать выпускать уже освоенную продукцию, но она ничего не говорит о том, с чего будет появляться абсолютно новая продукция. Второй момент связан с тем, кто вообще назначает цены, потому что система работает, если предприятие имеет маленькую рентабельность и все время балансирует на грани безубыточности, потому что тогда у них есть стимул пытаться снизить себестоимость. Если у них рентабельность и так большая, то у них уменьшаются стимулы, потому что они и так хорошо живут, а во-вторых – там начинаются такие ситуации, что у директора предприятия, например, появляется больше возможностей для подкупа сотрудников Госплана – это, конечно, частный пример, анекдотический, но все равно, просто если мы помним, что там года с 57 с подачи Никиты Сергеевича высказывалась мысль, что у предприятия должны оставаться для его собственного развития, чтобы не гонять по кругу через бюджет – сначала берем, а потом им же возвращаем – то в пределе это дает возможность предприятиям вообще «забить» на Госплан, если у них есть средства, то они становятся полноценными и самостоятельными товаропроизводителями. У меня здесь два файла: один – мои подсказки, а другой – выборки постановлений Советов министров, только не СССР, а России, РСФСР. Я их буду периодически зачитывать, но смысл в том, что на момент, по-моему, 51 года, которое руководство техническим прогрессом возлагало на профильные министерства, на Совет министров и на Госплан. Соответственно говоря, вопрос решался тем, что ... Да, и на поддержку инициативы снизу (если здесь присутствуют люди, которые были на лекции первой из блока трех лекций) – я тогда приносил книжки о том, как «отфильтровывался» опыт передовиков, как он тиражировался, передавался по всевозможным всесоюзным совещаниям и проч. Соответственно говоря, заботой министерств было то, чтобы отследить новации снизу, плюс задать задачки всяким институтам и отраслевым министерствам, чтобы как-то это дело поступало еще и сверху, а потом в виде директив донести до предприятия, что «хотите – не хотите, а внедряйте новую технику», а после того, как предприятие уже поставлено перед фактом, что это надо производить, то их личный «шкурный» интерес заключается в том, чтобы это произвести, по возможности, дешевле, эта разница будет идти ему в карман. Семилетка начиналась достаточно бодро. Надо понимать, что, с одной стороны, это был слом планов развития, по-моему, на том же самом съезде 56 года обговорились вопросы о школах – школа и обычная, и высшая должны

готовить специалистов с учетом перспективных планов развития хозяйства, что теоретически правильно. При этом, когда мы делаем пятилетний план, его отменяем, делаем семилетний план, то возникает вопрос о том, как вообще школа может подстроиться под такие изменения. Пятилетний план существовал, по моим сведениям, и директив, то есть, это не многие тома, это только книжечка с базовыми сведениями, которые необходимы, но недостаточны. Шестилетний план, по-моему, тоже существовал на уровне директив. За счет чехарды после смерти Сталина, когда за 10 лет сменилось десять руководителей Госплана, а на третий день пошли организационные перестройки с сокращением количества хозяйственных министерств и одновременным расширением прав оставшихся министров, то, видимо, было не до детальной проработки планов. Сам Госплан постоянно реформировали – то есть, он разделялся на Госплан и Госэкономкомиссию, идеи, в принципе, были здравые – один орган разруливал текущие вопросы, другой орган думал о перспективных планах, но, поскольку вся реорганизация шла скачкообразно, по моим сведениям, пятилетний и шестилетний планы в виде опубликованных томов, по аналогии с тем, как это было в плане 1 и 2 пятилеток, в таком целостном виде они созданы так и не были в итоге. Семилетка была связана с несколькими моментами. Момент первый заключался в провале плана по сельскому хозяйству, с которым надо было что-то делать, а момент второй заключался в том, что в 57 году произошла кардинальная реорганизация систем управления страной, в результате чего старые планы стали просто неприменимы, поэтому план семилетки разрабатывался, что называется, «с колес», я не нашел данных, когда он начал разрабатываться, но с учетом того, что идея о реорганизации управления промышленностью по территориальному принципу была внесена Хрущевым в виде записки в Президиум в январе 57 года, а летом 57 все уже было сделано, то явно, что на разработку плана семилетки было не больше одного года. Начиналось все очень оптимистично. По плану семилетки мы должны были достигнуть роста потребления 62-65%, здесь у меня выписаны некоторые цифры, я цитирую доклад Президента Академии наук СССР, 28 марта 1959 года – первый год семилетки уже прошел, осталось шесть. В очередной раз было заявлено, что, в первую очередь, усилия должны быть направлены на решение задач по повышению производительности труда. 1) Развитие теории и практики автоматизации производственных процессов. 2) Прогресс во владении управлением термоядерными реакциями. 3) Широкое внедрение полупроводниковой техники в области радиотехники. 4) Научное обеспечение резкого подъема химической промышленности в целом и создания новых синтетических материалов, в особенности. 5) Задачи в области геолого-географических, экономических, биологических наук. Генеральное направление – дальнейшее развитие технико-технологического применения результатов фундаментальных исследований. Важно говорить о этом, в том числе, потому, что в ту пору в Академии наук существовало не только отделение естественных наук, отделение экономических наук, гуманитарных наук, но и отделение технических наук. Отделение технических наук было создано, по-моему, в 25 году, во время первой советской реорганизации АН, и существовало как раз до 63 года. Вопрос заключался в том, что система организации научной деятельности была трехзвенной: была наука ВУЗовская, наука отраслевая и наука фундаментальная. Фундаментальную

науку критиковали за то, что они делают какие-то вещи, которые, вообще непонятно, какое практическое значение имеют. Так что, «наезды на науку», которые мы сейчас можем наблюдать, имеют, как минимум, полувековую историю. Академия наук отбивалась от этих наездов тем, что у них было отделение технических наук, в котором были, допустим, Институт ЭНИН (энергетический институт, возглавляемый Кржижановским), Институт металлургии, институты, связанные с автоматикой, Губкинский институт – исследования в области новых методов нефтедобычи. Это все были институты в структуре технического отделения Академии наук. Задания им давали: во-первых, Совмин, по проектам пятилетних планов то, что нужно сделать, во-вторых, сами отраслевые министерства, если отраслевая наука не справлялась с такими заданиями. Из книжки, которую я рекомендую скачать-полистать, у меня сложилось впечатление, что система действовала более-менее успешно. В частности, когда Госплан собирал свой план очередной пятилетки, в том числе, Академия наук давала свои планы: то есть, была связка между неким технологическим и экономическим развитием, что я считаю вещь совершенно необходимой и совершенно незаслуженно забытой в настоящее время. За счет этого, семилетка виделась «новым скачком», планом «новой индустриализации» - если раньше это была механизация, то теперь мы должны были подойти к комплексной автоматизации, роботизированному управлению, что должно было дать новый скачок по производительности труда: резкий скачок, за счет которого предполагалось некоторые другие социальные вещи, например, «догнать и перегнать Америку», выполнить. Забегая вперед, должен сказать, что удалось намеченные вещи сделать только по химии. Семилетка – это время резкого развития химической промышленности, начало широкого внедрения пластмасс, широкого внедрения синтетических материалов, начиная от рубашек, заканчивая технологическими процессами, где до этого использовалось сырье, поступающее из сельского хозяйства, которого упорно не хватало. Предполагалось, что за счет комплексной механизации и автоматизации удастся поднять производительность труда на 30%, то есть $\frac{3}{4}$ всего роста производительности труда по плану за семилетку. Шли работы над энергетикой, что требовало применения новых технологий – здесь турбобуры для глубинного бурения, роторные экскаваторы для добычи открытым способом, котлы с критическими параметрами пара для строительства более крупных, более экономичных в расчете на киловатт получаемой мощности электростанций, прочие вещи. Вместе с этим, есть несколько вещей, которые меня, когда я об этом читал, насторожили: это, во-первых, включение стоимости НИР в отчет о выполнении плана: если раньше предприятие должно было отдельно отчитываться о том, сколько они фактически продукции произвели, и отдельно о том, какие у них наработки, то теперь появилась возможность сделать какое-то дорогое исследование, вне зависимости от того, когда это исследование будет или не будет, результаты повлияют или нет, загнать его в общеплановый показатель и сказать, что на сумму этого исследования тоже выполнили план по производству продукции. Произошла некоторая замена, когда вместо нынешних фактических гаек, которые мы должны выпускать, мы можем отчитаться новыми супернаногайками, про которые мы хорошо подумали, и которые мы может быть, сможем произвести в следующем периоде. Второй неприятный момент – это время, когда пробивают себе

дорогу новые подходы к идее капитальных вложений, в частности, идеи платы за фонд, которая как-то странно смотрится, поскольку до этого, согласно господствующей политэкономической теории, предприятия являлись общенародной собственностью, поэтому, если они платят за фонды, то, в каком –то смысле, получается, что они должны платить самим себе. Как я говорил на прошлой лекции, когда пытался сравнивать книжку о ценообразовании 53 года и книжку о ценообразовании 64 года, это – одновременно, в общем-то, период возрождения интереса к категории стоимости, к попыткам посчитать, по стоимости или не по стоимости у нас устанавливаются цены, который, на мой взгляд, повлиял на то, что предприятия начинают восприниматься как собственные товаропроизводители. Вместе с этим, есть вещи, которые я оцениваю немножко противоречиво: с одной стороны, с позиции эффективности капвложений, это был период, когда стал делаться упор на строительство ТЭЦ вместо ГЭС – смысл в том, что ГЭС строить долго и дорого, но потом она дает дешевую энергию, ТЭЦ можно построить быстро и дешево, но она потом дает дорогую энергию. Соответственно говоря, на ту пору, поскольку у нас было соревнование с Америкой, хотелось сделать все побыстрее, чтоб нынешнее поколение жило при коммунизме, начинают делаться какие-то такие вещи, которые пренебрегали краткосрочной выгодой в угоду долгосрочной. Есть еще одна вещь: стал декларироваться приоритет реконструкции над новым строительством. С одной стороны, дело хорошее, потому что, если у нас идет новое строительство, то есть опасения, что на тех предприятиях, которые старые, останутся устаревшие технологии. Когда мы с вами будем говорить о проблемах 80-х годов, я скажу, что там тоже выдвигался этот тезис о том, чтобы сместить акцент от реконструкции на новое строительство. Но проблема в том, что тогда, в 80-е, мне это казалось хорошим и правильным, потому что тогда была проблема с тем, что куча устаревшей техники на существующих предприятиях, эта устаревшая техника «жрет ресурсы» в неприличных количествах, если мы реконструируем, то мы можем снизить ресурсный голод, но в 50-е годы большая часть техники была относительно новой, большая часть техники отражала среднемировой технологический уровень. На ту пору упор на реконструкцию вместо нового строительства кажется мне немножко преждевременным, потому что упор на реконструкцию вместо нового строительства закреплял территориальное разделение труда. Интересно то, что Хрущев опять-таки, на съезде 56 года говорил о том, что нам хватает своих кадров в Москве, надо нам, наконец, прекратить практику «выкачивания кадров» из деревни в город. Абстрактно – это очень правильная вещь, она полностью соответствует «светлым идеям коммунизма» о том, что у нас ликвидируются извечные противоречия между деревней и городом, не говоря о том, что в перспективе это дает нормальное распределение людей по территории. Проблема в том, что это всегда понимали, но всегда делали наоборот. То есть, в книжке 20 годов про генеральный план, так и не сделанный, есть фраза о том, что «мы работаем против своих идей», потому что мы говорим, что мы против разделения «деревня-город», но ради «супериндустриализации» быстрой мы делаем большой рост крупных городов – они у нас становятся еще больше, мы получаем адские проблемы с жилплощадью. В 30-е годы делалось то же самое. В 50-е Хрущев сказал, что нам, наконец, хватает собственных людей, надо прекратить эту практику «выкачивания», но на ту пору социальные условия жилья в деревне и

городе стали настолько разные, что прекратить практику не удалось. Вроде как, никто специально не агитировал переселяться, но народ делал это самостоятельно. Если у нас есть новое строительство, то есть возможность изменить территориальный дисбаланс: города строились вокруг каких-то крупных предприятий. Если у нас приоритет – реконструкция, то значит, что сложившаяся на данный момент структура населения консервируется. Вместе с тем, за каждый год семилетки предполагалось модернизировать столько же станков, сколько за 45-55 годы. Это – период, когда произошли резкие сдвиги в технологии строительства – всем известные «хрущевки», несмотря на то, что планировались эти сдвиги в послевоенное время, руки и технологии мощности дошли именно тогда. Соответственно говоря, производство сборных железобетонных изделий возросло на 1,2 млн метров квадратных в 50-м году до 109 млн квадратных метров к 74 году, то есть за 25 лет в 100 с лишним раз. Возникают на базе комбинирования строительные предприятия нового типа – домостроительные комбинаты. Дома начинают собираться на стройплощадке из готовых крупных блоков и центр тяжести в создании дома переносится со стройплощадки на комбинат, где формируются детали этого дома. Условной датой начала индустриализации можно считать 59 год, когда на домостроительном комбинате в Ленинграде был освоен новый метод строительства крупнопанельных зданий. Если говорить о структурных сдвигах в семилетку – это скачок в химии, резкое изменение в технологии строительства.

Вопрос: «А как это относительно мирового опыта? Другие страны когда перешли? Потому что, если в США, в основном, коттеджная застройка, а центр города умирает, то, например, во Франции и Германии, где все разбомбили, панельные дома строили очень похожие на советские. Мы отставали, опережали?»

А.С.: «Мы это делали примерно в одно и то же время и примерно на том же уровне. У меня была беседа с одним дядечкой-краеведом, которого хорошо бы пригласить к нам, чтобы он все это рассказал, потому что он одно время даже школьников выгуливал по району Черемушек, где стоят первые пятиэтажки, и вещал нам. Он сказал, что, вроде, первые пятиэтажки как раз «слизаны» с французских, не очень хорошо зарекомендовали себя в наших условиях за счет разницы в погоде, после этого технология была «допилена напильником», после этого уже иностранцы приезжали к нам учиться – это был такой обоюдный процесс. Еще, думаю, вы все знаете, что как раз при Хрущеве резко изменился стиль строительства – мы перешли к «слизыванию» модернизма чужого: если вы сравниваете дом на Краснопресненской и дома на Новом Арбате – их строил один и тот же архитектор, просто он «быстро перестроился». Сейчас на «стрелке» Красного Октября есть магазинчик со всякими модными книжками по дизайне и архитектуре, в альбоме про советский модернизм было интервью с какими-то советскими архитекторами, которые сказали, что это было достаточно спонтанно: на одном собрании архитекторов, когда они рассказывали, какие они хорошие, как у них все хорошо, как они сейчас строят хорошо, а будут – еще лучше, Хрущев их разнес, как умел делать, сказал, что все плохо, неправильно, давайте делать новый стиль. Архитекторы на какое-то время «зависли», потому что до этого их хвалили, а потом стали каяться

и говорить, что все было дорого, нефункционально, когда стали думать, как же сделать Хрущеву новый стиль, то поехали за границу, посмотрели на современные конструкции без всяких завитушек, лепнины, статуй, вернулись – бодро их скопировали, потом «допилили напильником», получили советскую версию, которая оказалась вполне жизнеспособной, имела свое «отдельное лицо», но надо понимать, что все это делалось очень быстро, резко, в том числе, разумеется, там была мощная экономическая составляющая, потому что, чисто по-человечески, «сталинки» снаружи выглядят гораздо лучше, чем внутри, потому что там огромные холлы, лифтовые помещения, весьма скромного размера квартир. Я был в квартире, чьи окна выходят на Кремль, близ кинотеатра «Иллюзион» - там квартира - она всего лишь двухкомнатная, высокие потолки, но ничего «сверх-» я там не увидел: обычная «двушка», да, с большими потолками, да, там отдельный санузел.»

Ремарка: «Там стены очень толстые».

А.С.: «Это да. Но там реально такой лифтовой холл, что из него можно было две квартиры сделать».

Ремарка: «Были дома для номенклатуры, в квартире одного из которых я как раз бываю, поэтому знаю: там по коридору можно ездить на велосипеде».

А.С.: «Ругались, в том числе, за иррационализм планировки: наверняка, когда эти дома строили, никто не считал соотношение... хотя нет, наверное, считали, но ругали за то, что, мол, «у вас соотношение жилой и нежилой площади неправильное».

Ремарка: «Но, что забавно: дом стоит рядом с Садовым кольцом и, несмотря на толщину стен, от шума автомобилей не защищает».

Вопрос: «По технологиям строительства: почему была сделана ставка на сборные конструкции, а не на монолитные?»

А.С.: «Мне кажется, тогда просто технология монолитных еще не разработана была. Я о монолитных конструкциях в 50-е годы вообще не слышал.»

Ремарка: «По крайней мере, элеваторы начали строить».

А.С.: «Надо призывать архитекторов».

Вопрос: «Монолитные не дольше строить?»

А.С.: «Монолитные, по-моему, достаточно расточительны на железо – там же весь каркас нужно сначала сделать, прежде, чем бетоном заливать. Соотношение я постараюсь найти, есть интересный дядька, у него ник «Пределы роста», который высчитывает различные технологические ограничения индустриальной цивилизации. Призываю читать его в ЖЖ тоже. Итак, с комплексными структурными преобразованиями разобрались, термояд не сделали, комплексную

автоматизацию не сделали. Почему? Об этом речь дальше. Что делалось в сельском хозяйстве? План на семилетку подразумевал 8% роста сельского хозяйства в год. Факт составил 1,7%. В год. В 63 году наблюдался спад. План по снижению себестоимости в совхозах – предполагалось на 21% снизить себестоимость. Факт – рост на 24%. Что происходило у простого крестьянина? В среднем, на один колхозный двор было выдано в счет оплаты зерна (оплата на трудодень), килограммы на трудодень – 40 год – 8, 2, 53 год - 7,2, 59 – 7,1, 61 – 5,8, 63 – 3,7. Какие были причины? Во-первых, что делалось в сельском хозяйстве? Напоминаю основные вещи. 53 год, выступает Маленков: у нас сильно зажали сельское хозяйство, надо резко повысить закупочные цены. Одновременно с этим говорится много хороших слов, таких, как автоматизация, механизация, призывают механизаторов «идти на село». В то же самое время трактористы, агротехники, зоотехники зачисляются в штат МТС. Короче говоря, к 57 году складывается некий симбиоз: МТС из лизинговой компании, по какой-то причине, по мысли законодателей, должна подменить самих колхозников, потому что она участвует полностью в процессе производства сельхозпродукции: она и ответственна за это дело, и колхозникам дает советы по агротехнике. В 55 году проходит постановление «Об изменении порядка планирования сельхозпродукции», говорит о том, что у колхозников много показателей, они, наверное, под гнетом изнемогают, поэтому, давайте мы у них будем планировать только товарную продукцию. Внедрение научно-технических изменений в сельское хозяйство «идет лесом». Вместе с этим, изменяется порядок учета зерна - если раньше учитывался урожай «на корню», теперь учитывается амбарный урожай. Позиция учета действительно лучше. С другой стороны, это стимулирует МТС, теперь МТС экономически заинтересованы в уборке. С третьей стороны, исчезает бывший до этого у колхозов экономический стимул выращивать зерно лучше: раньше у них смотрели, сколько выросло, брали у них долю с выращенного, а теперь берут долю с того, сколько собрали: если выращено сто, а собрали 50, то берут долю с 50. Видимо, когда это делалось, считалось, что ликвидирована вопиющая бесхозяйственность, народ будет заботиться о том, чтобы не загнивало на корню. Более того, был сделан следующий шаг, достаточно важный – я быстро говорю об этих вещах, потому что первая половина подробно рассказывалась на нашей встрече в прошлый раз. Я, когда говорил, что было несколько каналов сбора сельхозпродукции и был канал – натуроплата за услуги МТС, то есть «мы тебе – комбайн, а ты нам – половину урожая», была оплата за обязательные поставки, были условно-свободные закупки – колхозники, если со всеми рассчитались, но что-то осталось, могли на рынке торговать или продать государству оптом по более высоким ценам, чем те, которые были. Высказывается идея о том, что, раз мы верим, что сельское хозяйство пробуксовывает, потому что мы сильно всех запрессовали, давайте мы эту множественность уберем. И, по-моему, как раз с 58 года убирается множественная система, формируются закупочные цены. Не важно – 1 или 200-й килограмм зерна ты продаешь – государство у тебя его покупает по единым ценам, раз, второе – отменяются обязательные поставки. Теперь государство (мы возвращаемся к ситуации 28-го года или 27-го, когда у нас есть контрактация – то есть, в начале сезона мы договариваемся с колхозом, что он заранее продает нам еще не выращенный урожай по фиксированным ценам, а мы заранее даем ему какие-то «плюшки»).

С одной стороны, это гуманно и хорошо, с другой – на рубеже 55-58 годов государство добровольно ликвидировало все механизмы принуждения, которые у него были выработаны во время первой пятилетки, для того, чтобы обеспечивать снабжение города сельскхозсырьем. Но ликвидация механизма принуждения, ликвидация экономического стимула хорошо убирать урожай, выращивать больше урожая – ею дело не ограничивалось. В 57 году началась проработка идей по ликвидации МТС с передачей их техники колхозам, точнее, не с передачей, а с добровольно-принудительной продажей. Надо вернуться к истории вопроса: кто читал работу Сталина «История социализма в СССР» , помнит, что там ставился вопрос: «А не загнать ли нам всю технику в колхозы?» - на что был жесткий ответ: «Не стоит, потому что у колхозов нет таких денег, чтобы они могли самостоятельно обновлять эту технику, поэтому, во-первых, мы колхозы разорим, во-вторых, технического прогресса не будет». Но в 56-м году народу рассказали, что Сталин часто ошибался – и загнали технику в колхозы. Зачем это делалось? Во-первых, эти годы, с 53 по 57, произошло некое сращивание функций МТС и колхозов: МТС дали больше ответственности, чтобы они тоже участвовали во всем цикле. Возможно, подозревалось, что колхозники глупые, не понимают, нужно, чтобы им представители государства объясняли, каким им что лучше делать. Потом были идеи о том, что колхозникам надо давать только план по товарной продукции, а дальше они сами разберутся. Потом, наверное, решили, что надо колхозникам дать технику, тогда они точно сами разберутся, вообще, два хозяина – это плохо.

Официальные причины следующие, которые назывались: 1) основные средства отделены от рабочей силы, 2) два хозяина – два аппарата управления, два аппарата управления – дорого, будет 1 – сэкономим, 3) снабжение МТС техникой идет независимо от потребностей колхоза, натуроплата МТС не покрывала расходов. В целом, у меня ощущение от хрущевского периода – это попытка сделать, как все было раньше, но только подешевле и побыстрее. Здесь, мне кажется, хороший пример, потому что МТС никогда не были на хозрасчете. На хозрасчет переводилась промышленная организация, чтобы рублем контролировать, действительно ли все они делают для снижения себестоимости, вообще, как они хозяйствуют. МТС, поскольку были лизинговой конторой, которая должна содержать в порядке технику, потом предоставлять ее колхозникам, понятно, что сами особо никак не зарабатывали. Понятно, что с ними рассчитывались колхозы, отдавая часть своей продукции, вместе с тем логично, что МТС никогда не были хозрасчетной организацией, поскольку, если им нужно формировать свой отдельный баланс, то придется «сводить концы с концами» , смотреть стоимость новой техники, стоимость эту переносить на колхозников. Если они пытаются с колхозниками работать по ценам новой техники, то, скорее всего, колхозники не будут закупать новую технику. Возникла идея сначала перевести МТС на хозрасчет...»

Вопрос: «Если Вы говорите, что Сталин сказал, что Сталин не хотел отдавать трактора колхозникам, потому что у тех не хватит денег, чтобы их содержать. И МТСники содержатся только за счет того, что им колхозники дают...»

А.С.: «В том-то и дело, что они не содержались за счет того, что дают колхозники. Обновления парка МТС не было связано с тем, что колхозники им платят».

Вопрос: «Откуда они деньги брали?»

А.С.: «Они не имели отдельного бюджета – они не должны были иметь достаточно денег для того, чтобы иметь новый трактор: это делалось в централизованном порядке из бюджета Союзного государства».

Вопрос: «Так почему бюджет Союзного государства не мог сразу дать деньги колхозам на то, чтобы эти трактора там ремонтировали?»

А.С.: «Потому что изначально, когда это все начиналось: МТС появились в процессе коллективизации, там было несколько моментов. Там был момент, во-первых, что тогда колхозов еще не было – отдельному крестьянину трактор не нужен, во-вторых, отдельный крестьянин не знает, как с ним управляться, в-третьих, у отдельного крестьянина малых размеров поле, он его своим трактором чуть-чуть вспашет, после этого дорогая машина будет простаивать. Идея МТС заключалась, в том числе, в том, что мы по очереди даем эту технику разным крестьянским хозяйствам, а потом – разным колхозам, за счет этого мы ее используем более эффективно, раз, два – мы централизованно меняем эту технику на новую, таким образом, колхозники, хотя они или не хотят, они работают на наиболее производительной технике. На ту пору, видимо, решили, что эти факторы перестали действовать, потому что у нас уже крупные колхозы, крутые колхозники, которые сами все знают, что им и как планировать, кроме того, был фактор – пытаться сэкономить как-то».

Ремарка: «Тут профильность организации: пока все заострено на сельское хозяйство, а там крыша течет, надо покупать стройматериалы. Какое-то время это – вопросы одного плана, и даже текущая крыша. А другое дело, когда есть люди, думающие «механически» .

А.С.: «Для чего нужна эта реорганизация? Приводились примеры, что у МТС есть свой план по объемам работ. Колхозы на ту пору не могут отказаться от услуг МТС. Соответственно, МТС, чтобы выполнить свой план, навязывает колхозам ненужные работы. Надо понимать, что, вместо того, чтобы дать колхозам право выбирать, решили МТС вообще ликвидировать».

Вопрос: «Получается, один и тот же трактор из МТС мог работать в разных колхозах?»

А.С.: «Да, конечно».

Вопрос: «А после этого, получается, один и тот же трактор мог работать только в одном колхозе. Надо было больше тракторов?»

А.С.: «Укрупнение колхозов шло раньше укрупнения МТС. Оно, по-моему, с 49 года началось, в том числе, для того, чтобы использовать более производительную технику. Но я ничего

не могу сказать: достигли ли к 58 году колхозы таких размеров, чтобы любой парк тракторов не обладал избыточной для данного колхоза производительностью, потому что для этого нужно очень сильно залезать в конкретику. Что произошло? 1 – разрушение инфраструктуры. Понятно, что трактора мы перегнать можем, а сарай, в котором они хранились, никуда не перенесем. 2 – поскольку сарай новый надо еще построить, техника какое-то время хранится под открытым небом, у колхозников куча других проблем, соответственно, разрушение части основных фондов, обострение проблем с ремонтом и хранением. Технику колхозам продали, но никто не спрашивал, хотят ли они покупать. Разумеется, замедление обновления техники. Если у МТС, которая не была хозрасчетной организацией, трактора менялись не по принципу, что есть деньги на новые, по принципу – придумали новый, то у колхозников теперь каждый раз проблемы: то ли им эти деньги заплатить на трудодень, с тем, чтобы колхозники купили телевизор, то ли им эти деньги оставить в общем фонде, чтоб купили новый трактор. 57 год – заявлено о возможности отмены обязательных поставок со дворов колхозников, вроде, теперь, хозяйство выращиваете, остается полностью вашим, вы ничего с него платить не должны. 58 год – постановление «О запрещении содержания скота в личной собственности граждан, проживающих в городах и рабочих поселках». Не надо обманываться: у меня, например, мама официально родилась в рабочем поселке, но этот рабочий поселок – это было самое обычное село, просто там был какой-то комбинат по переработке сыров, из местной продукции, соответственно говоря, довольно большой пласт сельских жителей лишился возможности держать скотину на личном участке. Если кто-то читал антисоветские рассказы о том, как люди сами вырубали сады на участке – то это как раз из тех времен. То есть, 53 год, мы говорим, что личное приусадебное хозяйство поддерживаем, 57 год – мы говорим, что мы с личного хозяйства даже налоги брать не будем, 58 год – мы вдруг начинаем с ним резко и упорно бороться. 58 год – отмена обязательных поставок с колхозов. Отмена натуроплаты за услуги МТС в связи с их ликвидацией. Отмена премий, надбавок к ценам за дополнительные объемы продаж. Теперь все чисто добровольно – как договорились, так договорились. С другой стороны, мы добровольно-принудительно продаем колхозам технику: теперь они становятся полностью самостоятельными товаропроизводителями. Для людей, которые были на моей 2 лекции, когда мы разбирали индустриализацию, в конце НЭПа – НЭП прикрыли по результатам двух кризисов 25 и 27 года – проблема была в том, что крестьяне просто не горели желанием продавать сельхозпродукцию по тем ценам, по которым государство на ту пору было готово у них закупать. Сначала с ними долго и упорно пытались по-хорошему, потом решили «об колено». С одной стороны, это имело ряд очевидных социальных последствий, а с другой – проблема снабжения городов едой на период ускоренной индустриализации была решена. Как только государство «добровольно разоружилось», ситуация повторилась 1 в 1. В результате повышения в 56-59 закупочных цен и отмены заготовительных цен на сырье и продукцию сельского хозяйства значительно повысилась себестоимость продукции перерабатывающих отраслей промышленности. Оптовые цены на продукцию этих отраслей промышленности остались без изменений. С одной стороны, у нас была политика снижения цен, потому что мы хорошие и прогрессивные, с другой – политика повышения

закупочных цен, потому что мы любим наших колхозников. В результате производство промышленных товаров и товаров из сельхозсырья стало убыточным. К 59 году операции по закупке скота, птицы, кроликов, молока, в связи с повышением закупочных цен, дотиrowались из госбюджета. Здоровенный сектор государственной промышленности начинал работать в убыток. Для исправления ситуации было решено повысить оптовые цены и отменить налог с оборота на предприятия мясной и молочной промышленности. Предложения по ценам на продукцию мясной и молочной промышленности были рассмотрены, приняты, с тем, чтобы ввести новую цену на эту продукцию с 1 января 61 года. Пока маленькая пауза, но 1 января 61 года – попытка исправить несколько дисбалансов, накопившихся за это время. Дата проведения новой денежной реформы, о которой пойдет речь дальше.

Что происходило на рынке? Отменили колхозникам обязательные вещи. Отменили ситуацию, когда 200 килограмм можно было загнать дороже, чем 1 килограмм. Разумеется, колхозники решили, что пойдут на рынок. Если рабочий приходит в магазин, там нет еды, то рабочий идет на рынок, там можно ему диктовать цены. В декабре 60 года килограмм картофеля стоил в госторговле рубль, на рынке – от 75 копеек до 1 рубля 30 копеек. В январе картофель после реформы, которая изменила масштаб цен в 10 раз, в госторговле стоил, как положено, 10 копеек за килограмм, а на рынке – 33 копейки, снизилась цена не в 10 раз, а в 2-3 раза. То же самое происходило с другими продуктами, особенно с мясом. Соответственно говоря, динамика цен на рынке выглядела так: 62 год – цены на рынке на картофель в крупных городах – 123% от уровня 61 года. 63 год – 122% к уровню 62 года. 1 полугодие 64 года – 114% к 1 полугодию 63 года. В 62 году для того, чтобы как-то компенсировать отток продуктов колхоза на рынок, правительство решило еще раз повысить закупочные цены для колхозников и розничные цены в госторговле, но повышение закупочных цен неизбежно приводило к повышению розничных цен в магазинах. Соответственно, решение о повышении цен на мясную и молочную продукцию было оформлено постановлением от 31 мая 1962 года. Но, разумеется, как только выросли закупочные цены, тут же выросли цены на базарах. С каждой новой итерацией колхозники требовали больше денег за свою продукцию».

Вопрос: «А были идеи вернуться к прежнему порядку с большей надбавкой за 200-й килограмм?»

А.С.: «Нет. Не было таких идей.»

Вопрос: «А вот странно: почему не работает простейшая идея: мы внесли новацию – работает плохо – «рулим» назад. Почему? Из-за осуждения сталинизма?»

А.С.: «Возможно, что да, но не сталинизма, а того, что каждая кампания подавалась очень пафосно, поэтому было после этого неловко говорить, что ошиблись. Я не знаю, в какой мере, но играло роль в том числе и это. Когда китайцы что-то делали, они всегда это пробовали очень аккуратно, если что, они всегда говорили: «Извините, ошиблись». Была ситуация, когда в 80-е годы

объявили о повышении цен, после этого началась паника в магазинах, после этого правительство выпустило формуляр: «Извините, ошиблись». Но вот мы решили – нет таких крепостей, которые не могут взять большевики!

Не было мыслей вернуться к старой системе, но была мысль массово перевести колхозы в совхозы, потому что в совхозах оставались планы по продукции, если мы не можем договориться с колхозниками, мы можем перевести колхоз в совхоз, после этого он становится полностью госорганизацией, пытаемся сами рулить, что и как мы производим, по каким ценам мы это продаем, точнее, какое соотношение затрат и издержек. Там была еще смешная тема, когда колхозы ругались: «У совхозов килограмм зерна там стоит два часа, а в колхозах -4, 5, 6 часов». За счет этого одни люди говорили, что в колхозах плохая производительность труда, колхозы невыгодны, а другие люди предлагали посчитать, сколько мы даем совхозам, сколько мы даем колхозам, вы поймете, что нам совхозы невыгодны, потому что мы в совхозы даем на все готовое, даем технику, мы им все строим, а колхозники должны не только урожай выращивать, но еще о куче других вещей думать, поэтому эти вещи несравнимы. Частный случай разных подходов. И, если вспомнить подход вторых, когда в результате ценовой войны решили, что надо огосударствить колхозы, потому что тогда им можно будет спускать планы и проблема, что они не хотят продавать в госторговлю, хотят пойти на рынок и поднять цены, потому что прибегут голодные рабочие, все равно купят, то для государства, до этих новаций, совхоз был подороже. Совхоз изначально задумывался как образцово-показательное предприятие, куда крестьяне будут приходить, смотреть, как надо, потом пытаться у себя сделать так же. То есть, совхоз поначалу проходил по разряду пиара. Поначалу это было предприятие – «первый золотой экземпляр». Система была, по-своему, стройная. Агрономы, агротехники, зоотехники были в колхозах. Колхоз мог прийти в совхоз посмотреть, что тут новое, потом решить, что мы тоже так хотим. Что для этого надо делать? Потом мог прийти в МТС, сказать: «Дайте нам вот это и это. Мы хотим сделать, как мы там подсмотрели в совхозе». После этого начались такие замены, когда МТС подменяет колхоз, колхоз начинает артачиться, мы превращаем плавно колхозы в совхозы. Но, главное, когда мы, с одной стороны, отменили экономические стимулы, чтоб колхоз лучше хозяйствовал, а с другой стороны – принуждения, тут же повторилась ситуация 27 года, когда колхозники ничего не хотят сдавать государству, хотят дожидаться, пока оголодают рабочие. Динамика на картошку за 4 года дает каждый год рост на 25%. Если сравнивать не 64 и 63, а 64 и 61, мы получаем сильную инфляцию в обществе, которое декларировало, что у них таких проблем нету.

Вопрос: «А это не может быть связано с эмиссией?»

А.С.: «Нет, не думаю. Эмиссия – это была проблема денежной реформы 47 года. А здесь денежную эмиссию старались почти не включать. За эмиссией очень серьезно следили. Здесь, думаю, вопрос в том, что раньше колхозник продавал основную массу задешево, а излишек мог продать задорого. Соответственно, у государства была гарантия: они получают основную массу

задешево, рабочие не будут голодать, а у колхозника был экономический стимул лучше хозяйствовать, чтоб у него был излишек.

Ремарка: «Не особо задорого и продашь: рынок заполнен дешевой продукцией».

А.С.: «Да, конечно. Как только мы это отменили, в городах начались проблемы с едой.

Административная перестройка. Отдельные «звоночки» начались еще в 56 году. Проводилось это «под соусом» того, что наши суперведомства плохо думают о «проблемах на местах». В конце 56 года был очередной пленум, на котором дали много слов представителям автономных республик, которые дружно рассказывали, например, представитель Якутии: «У нас есть наметки по алмазам, но мы просим соответствующее министерство – они на нас плюют. Были бы у нас самих средства – мы бы уже завалили всю страну алмазами. И другие похожие выступления. Видимо, вынашивалось с 56 года, но поначалу шла идеологическая проработка. Давали больше слов на съездах представителям с мест, которые рассказывали, что московское министерство их не замечает, не любит, не ценит. На заседании Президиума ЦК КПСС рассматривается записка Хрущева, «Некоторые соображения об улучшении руководства промышленностью и строительством». Смысл этих некоторых соображений заключался в том, что нам необходимо полностью изменить руководство промышленностью, то есть, перейти от отраслевого признака к территориальному. Вся страна была должна делиться на экономические районы. Центром экономического района становился так называемый совнархоз. Было это сделано для того, чтобы пробудить светлые воспоминания о временах дедушки Ленина, чтобы народ эту новацию хорошо воспринял. Этот совнархоз становился мини-Совмином. У него были отделы отраслевые, которые, в каком-то смысле, становились мини-отраслевыми министерствами, только на территории. И вот на своей территории Совнархоз должен был рулить. Вот, у нас структура управления промышленностью так изменилась, министерства так «оборзели», министерства не учитывают местных условий, возможностей, как что-то сделать лучше. И, если у нас в каждой области будет свой мини-Совмин, то он в этой области может все хорошо оптимизировать. А если у нас на каждой территории все хорошо оптимизируется, то у нас и в стране в целом все станет хорошо. 13-14 февраля эти тезисы были направлены на всенародное обсуждение, но всенародное обсуждение, к сожалению, было таким, как сейчас всенародная поддержка президента, потому что 22 марта проект был одобрен Президиумом ЦК без изменений. Через неделю после начала всенародного обсуждения. 7-11 мая Верховный Совет СССР принял решение о дальнейшей реорганизации управления промышленностью и строительством. Соответственно говоря, суть реформы: было ликвидировано 140 министерств, вместо них – создано 105 административных экономических районов. В каждом районе создавался совнархоз, который должен был взаимодействовать с местными партийными органами, но на своей территории становился «удельным князьком». Вместе с тем 10 всесоюзных министерств было сохранено – Минобороны, авиационное, радиотехническое, судоремонтной промышленности, министерство электростанций и так далее. Военные министерства «отбились». Можно считать, что 58 год – год усиления влияния

ВПК. Когда мы будем говорить о проблемах 80-х годов, военные министерства стали «государством в государстве». Начиная с какого-то момента, «не они для экономики, а экономика для них». К моменту начала перестройки была ситуация, когда даже Госплан не мог точно сказать, какие объемы ресурсов выделяются военным министерствам, какой общий объем мы имеем, чем из этого можем распоряжаться. Там начались проблемы, когда у них были отдельные сметы на все, я ставлю момент начала «окукливания» ВПК, когда он начал иметь такое влияние, которое потом позволило ему «забывать» на общеэкономические проблемы, требовать себе все больше ресурсов. Я ставлю этот момент как раз 58 год, потому что остальные министерства снесли, а они остались. Официальное обоснование – «более конкретное, оперативное, демократическое руководство, использование местных ресурсов, снижение нерациональных дальних перевозок, упорядочивание материально-техническое снабжение. Совнархозы должны были согласовывать свои планы с Минфином, Госпланом и Госбанком. Предполагалось, что Госплан станет центром, который остановит тенденции совнархозов к автаркии. Забегая вперед, Госплан не справился, на него свалилось такое количество переписки со 105 новыми совнархозами, что он физически не мог это отслеживать. Что стало с бывшими министерствами? Бывшие министерства становятся государственными комитетами Совмина СССР, отвечают за проведение единой для страны технической политики, но у них нет административной власти. Там сохраняется какой-то штат, там, возможно, даже сохраняются отраслевые научные институты, они могут продолжать научные исследования, например, как лучше плавить сталь, быстрее передавать электроэнергию на большие расстояния с меньшими потерями, но после этого они могут только советовать. Если в 51 году было постановление о том, что они это планируют и после рассылают, что «вы должны», то теперь они просто советуют. Если мы вспоминаем базовые экономические вещи, то мы помним, что в сложившейся на ту пору системе экономического стимулирования предприятий у них были стимулы выпускать дешевле существующую продукцию, но вопрос о том, что их заставляет переходить на принципиально новую продукцию, повисал в воздухе. Если не спускать план по внедрению новой продукции, то вопрос: зачем они вообще ее будут внедрять. Это раз. Два – на уровень совнархозов передавались вещи, связанные с установлением цен на новую продукцию. Если раньше это все делалось в центре, то теперь, под предлогом того, что «надо центр разгрузить», это дело было отдано на откуп союзным республикам, автономным округам, всяким краям и прочее. Предполагалось, что, помимо Госплана СССР, есть еще Госплан РСФСР и других союзных республик, совнархоз начал вырабатывать новую продукцию, после это шлет обоснование цены этой новой продукции в Госплан республики, тот утверждает. Проблема в том, что, по факту, эти обоснования ценовые: почему мы хотим, чтоб новое стоило сто рублей, а не 90, они были совершенно недостаточными. За счет этого, Госплан могу визировать, но у него были ограничены функции по проверке – а действительно ли эта цена нужная такая.

Рушилась система, когда мы постоянно снижаем оптовые цены предприятий, за счет чего заставляем их старую продукцию выпускать дешевле. Пересмотр оптовых цен прошел в 55 году. В книжке 64 года говорилось о том, что это надо сделать. Когда пересматривали в следующий раз, я

не знаю, но явно, что это было после снятия Хрущева. Отраслевые НИИ бывших министерств оказались разбросаны по 170 ведомствам. Если раньше все НИИ металлургической промышленности контролировались министерством металлургии, то сейчас, кто на какой территории оказался, тот к такому совнархозу и прибил. С одной стороны, делалось, чтобы усилить кадры совнархоза, с другой, понятно, что там кооперация между ними оказалась прервана. Практически сразу начались смешные процессы, связанные с тем, что схема изначально работать не хотела. Что делалось с госкомитетами, которые бывшие министерства? В 62 году их было 12, 63 – 20, в 65 – 29. То есть, первое, что мы видим, начинается ветвление госкомитетов, они начинают выделять те отрасли, которые им нужно делать. То есть, если мы хотели уменьшить число министерств, то мы видим, что этот процесс ветвления восстанавливается на уровне госкомитетов, которые должны вести политику отрасли. Самое смешное, что то же самое происходило и с совнархозами. Мы сейчас закончим рубеж 58 года, а после этого я буду рассказывать о последствиях. Кто был против реформы? Против реформы были все министерства. Против реформы был Госплан, потому что опасался «поручить» государственную научно-техническую политику. Мы заявляем, что у нас должен быть курс на повышение производительности. Что делает настоящий большевик, если видит, что против его новаций выступает много людей? Он начинает переть дальше. Значит, подбирает союзников. Противники реформы – Молотов, Косыгин, Ворошилов, Байбаков, Первухин, министры, директора предприятий. Вариант «подумать, договориться» - это не вариант для настоящего большевика. Я немножко утрирую: эта большевистская решимость ... Мы смотрим на денежную реформу 47 года – она начала разрабатываться в 43 году. Во времена «сурового культа личности» мы какую-то денежную реформу продумывали, прости Господи, четыре года. Здесь у нас в конце 56 года выступают руководители с мест, говорят, что их не любят, в январе Хрущев вносит предложение, в феврале – всенародное обсуждение, которое длится неделю, в мае мы вносим закон, что мы должны это сделать, причем, должны сделать с 1 июля. Хотите – не хотите, но с 1 июля мы должны изменить всю систему организации промышленности. Почему с 1 июля? Чтобы противники реформы не успели «очухаться». Всякие товарищи, типа Молотова, Ворошилова, когда в 56 ругались на Сталина, они не вышли, ничего не сказали, но когда в 57 решили вот так сказать: «Давайте мы изменим систему организации промышленности, а обдумывать долго это не будем, потому что тогда набегут противники и расскажут, почему это делать не нужно», - вот тогда – да. 11 мая Верховный Совет принял закон, а в июне был известный пленум с попыткой снять реформатора, который окончился провалом, после чего, с 1 июля, Хрущев начал проводить свою реформу еще более оголтело. Почему мы не откатываемся назад? Потому, что сначала мы делаем из экономического вопроса политический. Потом мы ставим на политический вопрос свою политическую карьеру. А потом откатиться назад мы не можем: сначала мы объявили противников реформы «антипартийной группой», потом мы их сослали, а потом отменить мы ее не можем, даже если хотим.

Вопрос: «Это, случайно, не у китайских друзей заимствовалось?»

Ремарка: «У меня есть возражения против подобного объяснения. Я сейчас их озвучивать не буду, но они есть».

А.С.: «Одни из. По совнархозам, по продаже МТС возражали все те же самые. Когда их «громили», им припомнили одно и другое. Если вы помните рассказ про Маленкова и про попытку повысить долю группы Б, когда Маленков вышел и сказал, что «мы будем производить больше товаров для людей», то , когда Маленкова задвинули, ему это припомнили как «дешевый популизм». В результате, идея о том, что нам нужно производить больше товаров группы Б – Хрущев вернулся к ней через 10 лет, но осуществить не успел: его самого сняли. Реформа проводилась быстро, в ситуации политического противодействия, поэтому, когда 1 июля 58 года реорганизация началась, был подход «Ни шагу назад!» О последствиях мы будем говорить после перерыва, а сейчас выйдем и проветрим.

Ремарка: «Народ, еще раз хотел призвать, поскольку и Алексей просил: если есть какие-то вопросы, возражения, писать ему по электронной почте. Будет подробный ответ. Мне кажется, это – оптимальный способ обсуждения. За два часа тут все обсудить мы вряд ли сможем. Целью обсуждения является поиск слабых мест твоей собственной концепции. И демонстрация слабых мест оппоненту. Он свою концепцию усовершенствует».

Ремарка 2 : «Поскольку целью нашего обсуждения не является принятие решения, нашей целью является само обсуждение».

А.С.: «Я хочу начать после перерыва с цитирования одного скучного документа. Я обычно сам читаю всякие книжки, но иногда залезаю там в «честные исходники», вот я хочу зачитать вам «честный исходник». Реформа управления промышленностью – это 57 год. Первая половина 57 года – это такое немного сумбурное обсуждение. Мая 57 – это принятие. Июнь 57 – выступление тех, кого потом заклеивают «антипартийной группой», что «не надо так делать». С 1 июля все по-новому. Проходит полгода. «О фактах неправильного планирования производства товаров широкого потребления, местной промышленности, промысловой кооперации и предприятий общественных организаций», «О фактах неправильного планирования производства товаров широкого потребления отдельными совнархозами на 58 год», постановление Совета министров СССР от 19 ноября 57 года. «Запретить совнархозам сокращать и снимать с производства товары широкого потребления, предусмотренные народно-хозяйственным планом без согласования с Минторгом СССР и без замены продукции другими товарами широкого потребления, пользующимися спросом населения. Обязать совнархозы сообщать Госплану СССР о всех планах производства товаров широкого потребления, производимых по согласованию с Минторгом РСФСР». Первое, чем стали заниматься совнархозы после своего создания – оптимизировать на подведомственной территории структуры промышленности. «Нам тонну стали изготовить просто, а телевизор – сложно – долой телевизор». Я, опять-таки, утрирую, за что меня в перерыве немного потербели, но суть в том, что практически моментально начинают выявляться факты, что совнархозы для облегчения себе жизни

начинают как-то придумывать всякие вещи, которые жизнь им делают легче, а простым потребителям или государству портят».

Вопрос: «Совнархозы совпадали с границами областей?»

А.С.: «Поначалу да. Эти экономические районы более-менее совпадали со старым административным делением. После этого стали укрупняться, о чем сейчас пойдет речь».

Вопрос: «А кто назначал совнаркомы?»

А.С.: «Хороший вопрос. Не знаю, сейчас отвечу.»

Вопрос: «Как они вообще формировались?»

А.С.: «Поначалу руководство назначали сверху. Возможно, там был какой-то процесс, когда руководитель какого-то органа в Совете республики достигал определенного уровня, его утверждали Советом министров. Если честно, не знаю, не смотрел. Я понимаю умом, что в том виде, в котором я это рассказываю, воспринимать не очень легко, поскольку это «из крупниц собирается».

Ремарка: «Нет, все четко и понятно».

А.С.: «Пока своими словами скажу. Суть в чем? С самого начала у совнархозов была тенденция к укрупнению. Если мы делаем свой «мини-Совмин», чтобы он управлял некой областью, то любые крупные вопросы ему нужно согласовывать с кучей других совнархозов, некоторые предприятия будут задействовать территорию больше одной области. Поскольку отраслевой принцип управления мы уже отменили. Способ решения проблемы – укрупняют совнархозы. Если совнархоз размером с область, у него одни возможности. С укрупнением совнархозов, поскольку у каждого совнархоза были отделы отраслевые, то, соответственно, в пределе мы получили бы восстановление прежней системы, у нас был бы один совнархоз, аналогичный Совету министров, у него было бы там 100 с лишним отделов. Это ветвление пошло практически сразу. Я говорил, что, во-первых, стали размножаться комитеты при Совмине, которые бывшие министерства, которые отвечают за научный процесс, а, во-вторых, стали почти сразу укрупняться совнархозы. Первое - легче перекидывать мощности с одного предприятия на другое. Вот у нас тут есть металлургический комбинат, а рядом – пищебаза. Раньше они к разным ведомствам относились, а теперь к одному. Поэтому у металлургического комбината, условно, есть грузовики, а у пищебазы нет. Вот мы их можем перекинуть. Второе – можно сделать районные базы снабжения. Что-то наподобие лизинговых контор, только уже для предприятий. В принципе, ничего не мешало это делать раньше, но руки не доходили. Выравнивание экономического развития территорий. Главный козырь в том, что территориальные власти еще видят местные проблемы, могут дотянуться до тех вещей, до которых раньше министерства не дотягивались. На этом плюсы кончаются. Начинаются минусы. Минус 1 – банальная нехватка кадров. Далеко не все из министерств захотели ехать на территорию, выяснилось, что на территории сложно найти

специалистов, например, по металлургии или по нефтехимии. Следующий минус – совнархозы, естественно, моментально встали на путь самообеспечения: то, от чего их должен был упреждать Госплан, который должен был держать их в «ежовых рукавицах». То есть, совнархозы отлично руководили внутри себя и регулярно срывали план по межрайонным поставкам. «Внутри своей области я – местный царек, у меня все будет хорошо, а вот соседям отгрузить – это уже «по остаточному принципу». Срыв поставок в другие республики и экономические районы. Далее – несанкционированные подвижки капвложений. К примеру, здесь у меня есть цифры по южноуральскому совнархозу: 62 год – план капитальных вложений выполнен на 89,4%. В чем смысл? Мы начинаем в течение года менять, кому что на строительство дадим. В итоге мы, даже если все поменяли, не успеваем освоить эти средства и построить нужные вещи. Очередное игнорирование Госплана РСФСР. У меня, к сожалению, тут год не написан, план по внедрению новой техники, наверное, тоже 62, потому что все это выписывалось из книжки из одного места: выполнен на 65,3%, сокращение количества внедренных образцов новой техники. Привет, комплексная автоматизация. Рост потерь рабочего времени. Перерасход зарплаты, сдача в бюджет – на 1% роста производительности новой техники – 14-15% роста ее цены. Вся ценовая политика идет лесом. Если руководство предприятия может создать новую технику и договориться с совнархозом, что техника будет стоить на 15% дороже, то зачем предприятию после как-то что-то оптимизировать. Две основных составляющих, о которых я два собрания веду речь: давление сверху ради технического прогресса, ценовой пресс для удешевления действующих изделий.

Невыполнение плана в номенклатуре. Н-ное количество совнархозов начинает заниматься тем, что производит то, что им производить проще, а не то, что нужно стране, то, чего дефицит. Первые несколько лет были героические попытки заставить эту систему работать. По первости, сбыт произведенного шел через главсбыты СССР. 21 января 1957 года – ликвидация 20 главсбытов при Госплане СССР, создание 18 при Госплане РСФСР, а в Госплане СССР 14 главных управлений по межреспубликанским поставкам. Это – к вопросу о размножении бюрократов. Соответственно говоря, теперь, с 1 стороны, у нас есть сбыты в каждой республике, с другой – в общесоюзном ведомстве есть 14 управлений, которые занимаются их координацией. 58 год – создание госкомитета цен при Совмине СССР. 30 мая 58 года – постановление «О порядке установления цен на промышленную и сельскохозяйственную продукцию, тарифов на перевозки и услуги». Расширялась номенклатура продукции, на которую оптовые цены утверждались самими совнархозами, министерствами, ведомствами, советами министров республик, облкрайисполкомами. Соответственно говоря, передаем функции на низовой уровень, там «добрые руководители» предприятий договариваются с живущими в соседнем дворе местными чиновниками, которые ставят им правильные цены на новую продукцию.

«Экономическая работа по ценам в части анализа данных по новым и ранее освоенным изделиям совнархозами почти не ведется, в связи с чем имеются случаи утверждения завышенных цен, при которых новые изделия еще в период их освоения становятся чрезмерно прибыльными», -

цитата из постановления примерно тех же времен, когда эти вещи достаточно быстро отслеживались: плюсом системы было то, что косяки быстро замечались, то есть совнархозы начинают «играть» с номенклатурой – постановление о том, что так делать не нужно. Совнархозы назначают цены, которые дают предприятиям сверхприбыль – рассказ о том, что там не нужно делать, но, к сожалению, реформа-то идет, ее ж не отменишь – «антипартийная группа» была против. Вопрос в том, почему действия, ведущие к плохому результату, нельзя «откатить назад».

Ремарка: «Вопрос в том, плохому для кого? Для одних это – плохо, для других – хорошо».

А.С.: «Может быть. Территориальные на местах были рады».

Ремарка: «Даже не на местах. Штука в том, что Маркс прописывал падение прибыли данной категории товаров, потому что существует дефицитная маржа, которая, скажем, снижается. И дело в том, что, чем дефицитнее продукт, тем выше маржа тех, кто его распределяет. Этот самый распределяющий аппарат, не только гос, он прямо был заинтересован в создании дефицита. В создании диспропорций, чего угодно, потому что от этого росла их маржа».

А.С.: «Ладно, я понял».

Ремарка: «И то, что вы говорите – единая, логически связанная линия вредительства».

Вопрос: «А есть письма Хрущева, где он козни строил против России?»

А.С.: «Нет, конечно?»

Ремарка: «А причем здесь козни и Хрущев? Есть гигантский аппарат. А коррупция в теорию заговора не попадает?»

А.С.: «У меня есть другие документы. Я вам хочу зачитать. Мнение заместителя председателя Госплана СССР Чадаева, высказанное им в 61 году в докладной записке в Совмин в части усиления работы в области цен и укрепления аппарата, занимающегося ценами. «Квалификация аппарата, занимающегося ценами, особенно в совнархозах, находится на низком уровне. Точнее, как в центральном аппарате, так и на местах ценами занимаются, преимущественно, инженеры, экономисты и финансисты, экономисты любого другого профиля, специалистов в области цен в аппарате крайне мало, так как подготовкой ценовиков высшие и средние учебные заведения СССР не занимаются, за исключением Государственного экономического института, имеющего одну группу специалистов по ценам, 22-25 человек, поэтому необходимо поручить министерству высшего и среднего образования СССР представить согласованные с советами министров союзных республик предложения о подготовке специалистов в области цен высшей и средней квалификации. Опять таки, издержки проведения реформы в сжатые сроки, аппарат внизу, во-первых, был теоретически не готов просчитывать правильную себестоимость, во-вторых, у него было много стимулов пойти на встречу каких-то директоров предприятий. 59 год – упразднены

Сельхозбанк, местные коммунальные банки, функции переданы Госбанку и Стройбанку. Госбанк заведует краткосрочными кредитами, Стройбанк – долгосрочными, на капитальные вложения. Стройбанку переданы некоторые функции Минфина. С одной стороны, продолжается борьба с министерствами, с другой стороны – получаем новые суперведомства. Между тем, тенденция к автаркии усиливается. Совнархозы хорошо работают внутри себя и не готовы договариваться друг с другом. Поэтому с 60 года, 60 год – видимо, некая «точка перелома», когда по результатам 2,5 лет поняли, что надо что-то делать. Апрель 60 года – создание советов по координации, общереспубликанских СНХ и в Госплане остается текущее и перспективное планирование. Советы по координации не имели административной власти, но должны были советовать. Общереспубликанские СНХ должны были руководить работой СНХ в своих республиках. В переводе на русский: есть совнархозы Московской и Тверской области, есть совнархоз Российской республики, которые помогает им договариваться, а над ними есть еще советы по координации, по всей видимости, в Совмине, которые помогают договариваться между республиками. 60 год – упразднение промышленной кооперации. Предприятия промкооперации были переданы, вначале, в ведение советских органов, а самые крупные – в ведение совнархозов. Результатом явилась ликвидация большинства из них, слияние их с госпредприятиями. Я говорил, что ликвидация промкооперации началась, по-моему, в 56 году, у меня постановление с собой есть, закончилась в 60-м. Соответственно говоря, промкооперация, помимо того, что там были всякие народные промыслы, которых госпромышленность не имела, в числе прочего, закрывала «дырки» в государственном планировании. Если вдруг Госплан забывал произвести что-то нужное, полезное, что можно сделать, не применяя «навороченную» технику, то теперь закрывать «дырки» осталось некому. Здесь перечисляется, что, в основном, делала эта промкооперация – сани, телеги, повозки, сбрую для лошадей, сельхозинвентарь, домашнюю валяную обувь, шубы, полушубки и прочее. В очередной раз наносится удар по ширпотребу. Одна из причин, которую я читал, зачем это было сделано, это – то, что на ту пору начинался кадровый голод. Промкооперация специализировалась, в том числе, на трудоемкой продукции. Я говорил, что, согласно журналу 30-х годов, который мне на глаза попался, в лесозаготовительной области было разделение – то, что с сучка, что там нужно много выпиливать, таскать тяжело, потому что на горах растет – то мы отдаем промкооперации, а там, где лес ровный, растет в месте, где удобно дороги делать – мы отдаем государственным предприятиям. С одной стороны, имеем больше леса, с другой – есть правильное соотношение, где больше машин работает, а где больше ручного труда. Здесь, видимо, решили, что много ручного труда в промкооперации – непозволительная роскошь, надо сотрудников перевести на машинное производство. Мера вынужденная, но, вместе с тем, ставки в плане повышаются, так как «дыры» закрывать некому. 60 год – учреждается бюро цен при Совмине РСФСР, скорее всего, аналогичные – при советах министров других республик. В 60-м году принимаются меры по унификации ценообразования. Усилия совнархозов по назначению цен на новую продукцию самостоятельно привели к тому, что в разных областях одни и те же товары могли стоить разные деньги. С одной стороны, появлялась возможность для «как бы рынка» и «как бы конкуренции», потому что, если

вдруг я такой мобильный, я могу объехать несколько областей, начать свой бизнес делать, пока меня государство не поймает. С другой стороны, теоретически, если б это продолжалось долго, «конкуренция» «приструнила» бы совнархозы, проблема в том, что к плановой экономике это имеет опосредованное отношение. До этого решили не доводить. Встал вопрос об унификации цен: она должна была маскироваться денежной реформой 61 год: я говорил, что мы о ней поговорим, когда рассматривали вопросы сельского хозяйства.

Денежная реформа 61 года складывалась из 2 предпосылок. 1 заключалась в том, что надо было что-то делать с ценами на сельскохозяйственную продукцию, потому что попытки договориться с колхозниками приводили к тому, что у нас становились неприбыльными целые отрасли пищевой промышленности, потому что мы поднимали закупочные цены, оставляли неизменными цены на готовую продукцию, в итоге, получалось, что у нас хлеб стоит дешевле, чем зерно. Известное извращение, когда хлебом кормили скотину – из тех времен: с позиции отдельного владельца коровы, дешевле было купить не зерно, чтобы откормить животных, а готовую буханку. Все это сильно било по госбюджету, это раз. Два – вставал вопрос с унификацией цен в разных частях необъятной Родины. Здесь получалась неприятная вещь, потому что были сознательные совнархозы, которые понимали, что цены нужно назначать напряженные, и вот у них, допустим, есть хорошее предприятие, которое неплохо работает, ему назначают цены с маленькой маржой. И получается, себестоимость продукции на хорошем предприятии – условно, сто рублей и цена – 105 рублей, для того, чтобы чуть-чуть ему давать, одновременно стимулируя. А тут выясняется, что на соседнем совнархозе есть плохое предприятие, где ленивые сотрудники, старое оборудование, они то же самое делают за 150 рублей. А еще у них там добрые руководители совнархоза, которые назначили цену с накруткой, в итоге у них цена – 200 рублей, но, если им поставить цену 1 предприятия, они гарантированно разорятся: нужно перестроить технологию, все дела. Как тогда быть? Надо поставить усредненную цену. Тогда у них цена снизится, а на первом, образцовом, предприятии мы приходим и скажем: «Вы такие крутые, вы работаете гораздо лучше, чем все другие предприятия в соседних областях, мы вам разрешаем поднять цену для того, чтоб мы начинали эту цену опять снижать, но уже там централизованно, для того, чтобы все подтягивались к вам». Единственный минус – народ не пойдет. Хорошо. Я, допустим, живу в области, где работает крутое предприятие. Мне совершенно не интересно, что в других областях предприятия работают хуже. Я привык к тому, что у меня цены на некие ништяки – 105 рублей. Если мне начнут объяснять, что я ради унификации цен должен цены на своем предприятии поднять с тем, чтобы я эти самые ништяки получал за 150 рублей, потому что в других предприятиях 150 рублей – это стоимость-низ, ниже которого не опуститься – я не пойму. Поэтому денежная реформа 61 года была достаточно смешной. Официально говорилось о том, что величины очень большие, надо провести деноминацию. Кто помнит 97 год – деноминация была в 1000 раз. Здесь решили провести в 10 раз. Странно: какой смысл, допустим, было 10 миллионов, стал миллион – неужели ради этого надо реформу затевать? Радость-то в чем: стоило что-то рубль – а стало стоить 10 копеек. Стоило что-то 17 копеек – стало

стоить 2 копейки. Стоило 37 копеек – стало 4 копейки. Все округляем в большую сторону. Соответственно говоря, я им по копейке недодал – у меня миллион и соберется.

В 1950 году за счет того, что всякие другие правительства «мухлевали» содержанием золота в своих валютах, СССР принял решение «отвязать» рубль от других валют и привязать к золотому содержанию. Золотое содержание рубля было установлено на уровне 0,222 с копейками грамма золота за рубль. Вопрос: если мы проводим реформу, которая «чистая деноминация», сколько должно быть золота в новом рубле?»

Ответ: «В 10 раз больше».

Ремарка: «На самом деле, цена золота же тоже колеблется на рынке».

А.С.: «На самом деле, это не так «смертельно», как все остальное, иначе бы «золотым стандартом» не пользовались. Соответственно говоря, раньше в старом рубле было золота 0,222 грамма, в новом, очевидно, его должно было стать 2,22 грамма, а стало 0,9 грамм. Можно сказать, что рубль укрепился, но он так смешно укрепился ... По-русски это называется «девальвация» - сокращение содержания золота в национальной валюте. Что это значит? Наши товары для иностранцев становятся дешевле, а иностранные товары для нас – дороже. Раньше баррель нефти, допустим, стоил сто баксов или 3000 рублей. Если у нас деноминация, бакс стоит уже 50 рублей, то мы за тот же самый баррель получаем 5 тысяч рублей. Для нас, вроде, хорошо. Мы можем иностранцам продавать, что они покупают по тем же самым ценам, а нам, вроде как, прибыльно. Понятно, что это работает в обе стороны. С одной стороны, 50-е годы – время начала резкого роста нефтедобычи. Еще 5-6 пятилетки – структурный сдвиг, когда мы от угля переходим на нефть и газ. Начало 60-х – период, когда мы начинаем все более активно «гнать нефть» за рубеж и небольшая игра с золотым содержанием рубля позволяет получать нам за нефть больше. За счет этого мы можем нефтяными доходами закрывать большую «дырку» в бюджете, но при этом все иностранные машины, которые мы собирались закупать для проведения 2 индустриализации для нас становятся дороже. Поэтому реформа 61 года была очень смешной: с 1 стороны, она позволила нам немного «помухлевать» с нефтяными ценами, с другой, спровоцировало повышение цен, которое было инициировано экспериментами в сельском хозяйстве и «вольницей» совнархозников, которые в каждой области сами назначали свою продукцию».

Вопрос: «Во-первых: какую часть нехватки сельхозпродукции мы могли восполнить за счет Венгрии, Болгарии, Монголии, которые продавали не за доллары и не за золото? И какую часть машин, необходимых для 2 индустриализации, мы могли восполнить за счет ГДР/ЧССР?»

А.С.: «Я могу ваш вопрос только записать: для того, чтоб на него ответить, мне нужно адски копать сборники внешней торговли.»

Вопрос: «Поскольку ГДР/ЧССР, я видел данные, они развивались быстрее нашего...»

А.С.: «Надо посмотреть: когда мы изменили золотое содержание, изменились ли у нас курсы валют по отношению к другим национальным валютам. Это – хороший, правильный вопрос, но только записать могу».

Вопрос: «Не приводила ли «свистопляска» в совнархозах к усилению роли партаппарата?»

А.С.: «А какие данные нужны, чтобы можно было об этом обоснованно говорить?»

Вопрос: «Я не знаю, может быть, увеличение количества значимых решений... Потому что, если приводило, то понятно, почему «антипартийная группа» - ее мнение не давало расти влиянию партаппарата».

Ремарка: «Поскольку руководство совнархозов автоматически составляло тот самый партаппарат, они все входили в местное партбюро по должности...»

Ремарка 2: «Одно дело – секретарь обкома, другое – те, кто там «куда-то входит».

А.С.: «Записал вопрос. Поскольку монополию государства во внешней торговле никто не отменял, граждане просто видели, что товары иностранные в магазинах становились дороже. Поскольку мы иностранные не только станки закупали, но и ширпотреб, в какой-то момент он стал дороже по с виду непонятной причине.

Вопрос: «А какая-то иностранная фирма, накопив н-ное количество советских рублей, могла сказать советскому правительству: «А вот теперь обменяйте их на н-ное количество золота».

А.С.: «Свободно рубль на золото не обменивался. В отношении иностранцев – я не знаю. Похожая ситуация была, когда американцы в 73 отказались от золотого стандарта, этому предшествовала смешная история, когда де Голль пригнал баржу долларов и сказал: «Дайте мне на эту сумму золота!» После этого он увез баржу золота, и американцы поняли, что долго они так не протянут. Гражданам свободно не обменивался, это точно. А иностранцам – не знаю.

61 год – ГКНТ преобразован в Госкомитет по координации научно-исследовательских работ. Вспоминаем, что НИИ были разбросаны по 140 территориям, нужен орган для координации. 62 год – разделение обкомов и райкомов на промышленные и сельскохозяйственные. Это – то, что Хрущеву особо припомнили, потому что партаппарат разделяться не хотел, особенно та часть, которая сельским хозяйством должна была заниматься, потому что тогда было уже понятно, что эта должность – расстрельная. По крайней мере, внизу.

62 год, ноябрь – укрупнение совнархозов, вместо 105 экономических районов создано 47 районов и столько же совнархозов. Экономический район объединяет несколько районов и вызывает недовольство глав райкомов – власть отобрали. Сначала дали, поддержали, потом отобрали. При этом интересная арифметика: допустим, на некой территории было 4 СНХ, в них было в совокупности 44 отраслевых управления – в целом, 11 на СНХ + 47 функциональных служб

– то есть, 12 на СНХ. Эти 4 СНХ объединили и стал 1 СНХ, но в этом одном стало уже 29 управлений и 19 служб. Первая тенденция – размножаются комитеты и бывшие министерства, 2 – укрупняются СНХ, 3 - внутри СНХ продолжается ветвление, они отрачивают к себе каждый мини-Совмин. Итог: за 5 лет после реформы общая численность аппарата управления в стране возросла на 500 тысяч человек.

Вопрос: «Любой интерес любого руководства – увеличить число управляющих органов. Чем больше бардака – тем выше доходы».

А.С.: «Вот здесь какая-то вещь, я ее честно записал, но я не знаю, как это прокомментировать и что это было: у меня записано, что 24 ноября 62 года бывший Госплан становится Советом народного хозяйства всего СССР. «Отрастить» СНХ до размеров всей территории – это произошло. Одновременно с этим научно-экономический совет становится Госпланом. Если этого не знать, догадаться невозможно. Это – частично отвечает на вопрос, куда делись все те люди, которые в 4 пятилетку достаточно бодро восстанавливали страну. Сначала Госплан долго и упорно реорганизовывали, потом сменили за 10 лет 10 руководителей, а потом сказали, что Госплан – больше не Госплан, а какое-то другое ведомство – теперь Госплан».

Вопрос: «А сами эти люди оказались на пенсии или перешли в новое ведомство?»

А.С.: «Я думаю, каждый по отдельности. Каждая такая реорганизация «вытрясает» кого-то. Надо понимать, что в Госплане времени Хрущева от прежнего Госплана осталось только название. Если там какие-то люди остались, которые эти 10 лет пережили – явно было исключение, а не правило. Полностью новая команда.

Март 63 года – создается ВСНХ (Высший совет народного хозяйства) СССР. То, что существовало до войны, потом превратилось в н-ное количество наркоматов, потом из этого вырос Совет министров. Он объединял функции Госплана, Госстроя, государственных отраслевых комитетов и СНХ СССР. Предполагалось, что история с территориальным управлением продлилась пять лет. Сначала СНХ хозяйничали, как хотели, потом мы их стали объединять, координировать, еще за 3 года объединение и координация дошли до того, что под другим названием восстановили то, что было, в том же 63 году происходит ликвидация отделения технических наук в Академии наук СССР. Официальная причина: Академию наук покритиковали в очередной раз, что она «оторвалась от практики», Хрущев поставил вопрос о мерах о коренной реорганизации Академии наук, вплоть до разделения ее на несколько академий. Единство большой Академии удалось отстоять не без труда. Обсуждение окончательного варианта было отложено до осени. Началось в мае 59 года – это то время, когда «откат» от совнархозов еще не начался. То есть, я примерно водораздел провожу по 60-му году, потому что до 60-го их лихорадочно пытались заставить нормально работать, а с 60 начали отрачивать над ними координационные структуры. Хрущев предлагал разделить Академию наук на несколько более компетентных академий по направлениям науки. Создать Академию гуманитарных наук и так далее. Другая организационная идея Хрущева

заклучалась в укреплении научной базы промышленности недавно созданных региональных СХХ за счет филиалов Академии наук. Есть совнархозы. Они не очень хорошо работают. Давайте им поможем: возьмем структуру, которая нормально работает, ее фонды передадим этим совнархозам, может быть, они все-таки заработают».

Ремарка: «Обычно делают наоборот – фонды плохо работающей структуры передают хорошо работающим структурам».

А.С. : «На первое января 59 года в состав Академии входило 136 институтов, 25 лабораторий, секций и научных советов, 13 отделений и 51 тысяча человек, из которых 19 тысяч – научные работники. За предыдущие три года рост численности сотрудников Академии наук составил 31%. 63 год – ликвидация в АН СССР отделения технических наук с передачей всего, что к отделению относилось, в отраслевые комитеты Совета министров. Отраслевые комитеты, напоминая, власти не имели, поэтому, в конечном счете, все это ушло на поддержку совнархозов. Соответственно говоря, Комитет по координации научно-технических работ переименован обратно в ГКНТ, административной власти его лишили. Эпопея завершилась тем, что мы вернулись к той же системе управления, что и была, только наплодив параллелей. С одной стороны, есть территориальные органы, только мы их укрупнили до того, что они соответствуют большим кускам страны, с другой стороны, над этими органами есть куча координационных структур, которые заставляют их договариваться друг с другом, потому что сами они никак не хотят, параллельно с этим мы сносим отделение технических наук, параллельно с этим заимствовал технические новинки, которые оно собиралось внедрять для того, чтоб выполнить наши замечательные планы развития. На этой жизнерадостной ноте рассказ о совнархозной реформе я завершаю, и мы переходим к следующим темам».

Вопрос: «Вот вы сказали, 50 тысяч ученых работали – а научных сотрудников – 20 тысяч...»

А.С.: «50 тысяч сотрудников работали, из них 19 – «остепененных».

Вопрос: «А смысл в них?»

А.С.: «Смысл в том, что до реорганизации Академия наук неплохо себя чувствовала, во вторых, ей давали открывать новые филиалы, институты, под это делались все задания: поэтому мы говорим, что вот некоторая структура хороша и полезна, при этом мы внезапно решаем, что она не нужна. Попробую сказать, сколько было в технических науках, но могу «закопаться»: после того, как Хрущев Академию наук «выпорол» в 59 году, они в 60-м хотели сократиться на 30%, 7200 человек. Если это – 30%, то, видимо, имеются в виду научные сотрудники, а по проекту ЦК КПСС сокращение составило 3 тысячи человек. Было 19, стало 16. В отделение технических наук входили: институт горного дела, институт горючих ископаемых, институт металлургии, энергетический институт, институт автоматики и автомеханики, институт электродов и управляющих машин, институт электромеханики... Всего из системы Академии наук СССР в 61-63 годах было выведено

92 крупных эффективно работающих научных учреждения, половина общего числа академических научных учреждений, в том числе, 51 НИИ, 7 филиалов, в которых работало 29 500 сотрудников, одна треть личного состава Академии. «Половину» снесли.

Итоги изменений: я называю период, среднегодовые темпы роста национального продукта, далее – среднегодовые темпы роста национального дохода. 50-53 годы – 10,6, 11,0. 53-56 – 11,1, 12,0. 56-59 годы – 8,9, 8,9. 59-62 – 6,9, 6,9. 62 – 6,0, 6,0. 53 – 5,0, 4,0. По программе КПСС для того, что за 20 лет построить материально-техническую базу коммунизма – 9. Таким образом, программа КПСС могла быть выполнена, если бы на 20 лет удалось сохранить темпы роста, которые были с 50 по 56 годы.

Вопрос: «Поскольку другая экономическая формация, речь не шла о принципиально других источниках энергии для общества?»

А.С.: «Я говорил, что когда Несмеянов выступал в начале семилетки, рассказывал о том, чем собирается заниматься Академия наук, как можно этому поспособствовать, одним из пунктов были исследования по термояду, которые отправились туда же, куда исследования по комплексной автоматизации и внедрение полупроводниковой техники. Темп рост производительности труда в 63 году составил 5,2%. Результат работы ценовой политики совнархозов. 60 год – разрыв рентабельности в разных отраслях промышленности – от полутора до тридцати двух процентов.

Вопрос: «Маржа-то какая?»

А.С.: «От полутора до 32%».

Ремарка: «Но с этого какую маржу-то можно поиметь! Этот разрыв прямо в чьих-то интересах!»

А.С.: «62 год, ноябрь – поставлена задача решительного повышения научного уровня планирования. 63 год – рекордный разрыв: темпы роста группы А – 10%, группы Б – 5%. Разница в производстве ширпотреба и производстве средств производства достигает 2 раз. Все более остро встает вопрос: зачем мы что-то делаем, если это не улучшает нашу жизнь? Ухудшение использования основных фондов за 4 года семилетки: в промышленности – на 9%, в сельском хозяйстве – на 21%. Рост реальных доходов за 5 лет на 20%, при этом по плану – на 40%, рост цен на колхозном рынке – на 17%. 63 год – объем незавершенного строительства достигает 26 млрд рублей. По сравнению с 50 годом рост объема незавершенного строительства – 3,25 раза.

Вопрос: «А проценты?»

А.С.: «Не понял».

Вопрос: «Какой процент «незавершенки» был от всего строительства?»

А.С.: «С ходу не скажу. На прошлой лекции я говорил цифры. А, вот. В 57 году было 16 млрд, это – 90% плана капитальных вложений этого года, в 51 году – 64% плана капвложений. Для того, чтобы достроить «незавершенку», надо было год не строить вообще. Если 63 год – 26 млрд, значит, надо было несколько лет ничего не строить вообще, а только достраивать старое.

Ремарка: «9 лет надо было ничего не строить, получается, если «незавершенка» 90% , то еще 9 лет чтоб по 10% строить?»

А.С.: «Нет. 90% всего плана. То есть, 90% мы пускаем, достраиваем. У нас есть некий объем недостроя, который накапливается из года в год. Каждый год надо все больше денег, чтоб его достроить; у меня есть данные что в 57 году нужно было 90% всего плана капитальных вложений, чтоб только достроить недострой, и на 10% мы могли начинать делать что-то новое. Соответственно говоря, очевидно, что к 63 году это явно было больше 100%, то есть нужно было несколько лет достраивать то, что мы начали, никак не можем закончить. В качестве дополнения, я выскажу свою мысль: я раньше никогда не встречал ее, как взаимосвязь, а мне кажется, что она есть. Именно в семилетку идеи о использовании матметодов в планировании стали набирать популярность, по моему, именно Леонтьева «Межотраслевой баланс» перевели в 57-м, а 58 – первый год издания будущего многотомника академика Немчинова с говорящим названием «Применение математики в экономике». Популярность матметодов была связана, подозреваю, с проблемами в работе совнархозов и с надеждой на то, что можно найти какую-то клевую формулу, чтоб после этого можно было всю систему привести в какое-то более адекватное состояние».

Вопрос: «То есть, якобы кто-то что-то просто не понимает.»

А.С.: «Да. Я нигде не видел связи, почему матметодам «дали добро» в конце 50-х – начале 60-х, но от себя я добавляю, как гипотезу: это было связано с тем, что традиционная система управления была порушена, новая не заработала, после этого, как говорил там академик Лысенко: «Сейчас я тут вам выращу суперкукурузу или суперпшеницу», - ну тут вышли некоторые математики и сказали: «Мы сейчас вам придумаем суперметоды, и все заработает».

Вопрос: «А речь идет о В.С. Немчинове, ректоре Тимирязевской академии?»

А.С.: «Речь идет о В.С. Немчинове, ректором чего он был, я не знаю».

Вопрос: «Если о В.С. Немчинове, то конец 50-х годов очень понятен – он на сессии ВАСХНИЛ был одним из немногих, кто шел «поперек зала», как обычно в этой «ситуации смелости» ему ничего так и не сделали, но от работы отстранили от практической. И до конца 50-х годов он занимался наукой, а влиять на практические решения просто не мог. Он – специалист как раз по хозяйственной статистике».

А.С.: «Значит, у него было время подумать над какими-то вопросами, в 58-м под его редакцией начинает издаваться сборник, насколько понимаю, вообще первый сборник того, как

матметоды применяются в экономике, потому что сборник Канторовича издали в 60-м, а экономические дискуссии были в 60-е. Книжка «Экономисты и математики за круглым столом» - по-моему, 64. Когда ЦЭМИ организовано, я не помню, но, по-моему, это – конец 60-х. Это – просто как гипотеза. В целом, по хрущевской эпохе я вижу некие «надежды на чудо»: сейчас мы сделаем какую-то «фишечку», у нас все заработает. Целину распашем – это будет гораздо быстрее, чем поднимать общий уровень сельхозпродукции.

Ремарка: «А как же рассредоточение населения при возможном ядерном ударе? Это очень здорово прикрывало операцию рассредоточения.»

А.С.: «Опять у нас начинается конспирология. Мы ее отметим, как версию.»

Вопрос: «А в чем заключается конспирология?»

А.С.: «Начиная с того, что ядерный удар «висел» и до 54 года. Наверное, был более актуален ранее, но почему-то до этого данная гениальная мысль не приходила.»

Вопрос: «А средств не было.»

Ремарка: «Если мы возьмем статистику по урбанизации, то урбанистический переход был пройден в 59 году по РСФСР, по всему Союзу – в 63, то есть, чем дальше, тем больше народ был сконцентрирован. То есть, влияние «целинной эпопеи» с 58 по 64 на эти процессы, в общем, не просматривается.»

А.С.: «Я не рассказал про смешной эпизод «рязанского чуда», но он хорошо укладывается в систему «давайте, а почему нет?» Там было выступление Хрущева, дословно, о том, что «нам сколько-то лет не хватает, чтобы догнать Америку по производству мяса, но я думаю, что это не очень страшно, потому что мы тут посоветовались, и наши добрые колхозы могут на следующий год увеличить производство мяса в 3 или даже лучше в 3,5 раза». И тут некоторые товарищи решили отрапортовать: в 1 год купили весь молодняк, скупили у кого-то на личных участках, забили его, отчитались, что в 3 раза увеличили производство мяса, им, разумеется, дали возможность на следующий год повторить это «чудо». Там, по-моему, один товарищ даже застрелился. Но в этой истории примечателен даже не подхалимаж человека, который не знает, что через год будет делать, а в ней примечателен сам подход: человек выходит и говорит не о промышленности, где надо резко что-то делать, хотя, чисто технически, комбинат тоже надо несколько лет строить, но там хотя бы в теории можно сильно напрячься и увеличить выпуск в три раза, а он говорит о сельском хозяйстве, тем более, о животноводстве, где есть некие биологические циклы: ты не можешь коров размножать копиястом, ты должен подождать, пока они сами размножатся, это занимает определенное время. Но он выходит и говорит: «Давайте в 3 раза увеличим, а лучше – в 3,5». После этого это становится вещью, которую люди изо всех сил пытаются выполнить, даже понимая, что выполнить это невозможно.»

Ремарка: «Причем я должен добавить, что самое интересное из этого, как раз в 50-е годы, почему стали переходить от ГЭС к ТЭЦ – стало понятно, что ГЭС крупные затопливают ценнейшие пойменные земли, нужные для животноводства. А ведь, грубо говоря, в традиционном сельском хозяйстве, всю часть земли надо делить на две части: на одной ты кормишь скот, на другой – выращиваешь зерно. Соответственно, в условиях, когда как раз зерновая продукция поднялась до уровня развитых стран, надо было думать, что делать с продуктивностью луга, поскольку советское сельское хозяйство в 50-е годы радикально отставало по качеству кормов. А особенностью нашей страны является максимальная колеблемость урожаев и в самых зернопродуктивных районах. Но, поскольку решили вспахивать целину, а не мелиорировать, удобрять, улучшать луга, разогнали институт луговедения».

А.С.: «Я в прошлый раз говорил, опять-таки, зигзаг, 53 год – Хрущев говорит: «Надо больше внимания кормам». 54 - он говорит, что-то про «огульное травосеяние», в 56 говорит, что «некоторые товарищи свели все луга, неправильно поняв мою фразу про «огульное травосеяние».

Ремарка: «Продолжаю. В результате, Советский Союз, после того, как Хруща выкинули, стал реально наращивать производство мяса – делалось это за счет увеличения производства зерна. Каждую засуху СССР не хватало фуражного зерна, его закупали за рубежом, в результате, в СССР доля зерна в корме для скота была порядка 70%, а в разных капстранах – порядка 35-50%. Они там, помимо совершенствования лугов, вот, например, в ФРГ луг – такая же плантация, как поле: один из моих бывших одноклассников в ФРГ занимается охраной биоразнообразия, охраняя те виды, которые у нас – сорняки, потому что у нас луга настолько изменены, мелиорированы и так далее, что там растет в 3-4 раза более продуктивно. Надо создавать сорта устойчивого типа».

Вопрос: «Так в ФРГ эта проблема решена?»

Ответ автора ремарки: «Да. Но дело даже не в этом: надо было по-другому это делать – и в 50-е годы делали, а тут враз забыли, решили, что кукуруза все проблемы покроет с силосом, но тут Никита Сергеич еще одну глупость сделал: он неправильно применил метод почвенно-климатических аналогий и решил, что кукуруза будет столько же давать на силос, сколько в Огайо. А должна столько, сколько в Монтане – там разница в разы».

А.С.: «Еще 1 момент, который нужно отметить: я, честно говоря, нигде не встречал, что ситуация рубежа 60-х, когда был рост цен на колхозных рынках, попытка как-то его компенсировать ростом заготовительных цен, опять рост цен на колхозных рынках, пока у нас пищепром не становится убыточным, мы не вынуждены поднимать цены, ситуация 1 в 1, как в конце НЭПа, когда ее решили разрешать жесткими методами – этого исторического параллелизма я нигде в литературе не встречал, наверное, я могу его себе записать в некие собственные открытия. Суть в чем? В 20-е годы говорилось, что у нас есть 2 класса – рабочий и крестьянский – и между ними нужно крепить сцепку, смычку. У нее было четкое экономическое определение: это значит, что у нас должны быть такие цены, чтобы товарообмен между городом и деревней был адекватный. А в 50-е годы мы

объявили о создании общенародного государства. Были вещи связанные с отменой диктатуры пролетариата и прочие.

Ремарка: «Но это в 36-м году было. 22 съезд – отмена диктатуры пролетариата».

А.С.: «Общенародное государство – явно хрущевский период. И после этого сказать, что у нас два класса и между ними идут «терки», сейчас у нас колхозное крестьянство, используя экономические рычаги, которые мы добровольно дали им в руки, может диктовать цены, заставляя рабочих идти на колхозный рынок и покупать втридорога – все равно, что сказать: «Извините, мы очень сильно облажались».

Ремарка: «В 27-28 годах, когда были «ножницы цен», было и наступление аграрной буржуазии против диктатуры пролетариата. Но тогда ее задавили».

Ремарка 2: «Общенародное государство было объявлено в 36-м и конец диктатуры пролетариата – одновременно с этим, все получили избирательные права, включая бывших «лишенцев».

А.С.: «А у Хрущева там что? Программа партии, что «все у народа?»»

Ремарка: «Это на 19 съезде. Когда ВКП(б) стала КПСС на 19 съезде в 52-м году, по-моему, тогда она назвала себя не партией...»

Ремарка 2: «Видимо, следует разделять понятия «пролетариата», которое после 36 стало не применяться к советскому народу, и разделение на классы рабочих и крестьян, которые... Вы не слышите слова «пролетариат» во фразе «диктатура пролетариата?»

Ответ: «Слышу. В Советском Союзе не было диктатуры советского народа, который называли «пролетариатом». В Советском Союзе была диктатура пролетариата, далеко не большинства общества. После Октябрьской революции пролетариата было от 3 до 10 млн. Именно этот класс осуществлял диктатуру над ста миллионами крестьян и остальных».

А.С.: «Короче, все поняли, что при Хрущеве была некая новация в плане идеологии: интересы какой части общества представляет правящая партия. Домашнее задание – уточнить, как это было оформлено».

Ремарка: «22 съезд – выкинули из программы партии «диктатуру пролетариата» и ввели общенародное государство».

А.С.: «Значит, найти эту фразу, что это было именно тогда».

Ремарка: «На мой взгляд, это – 36 год, ну ладно».

Ответ: «Одно дело, отказались от Советов, другое – программа партии. Отказались от формирования Советов по производственному принципу, изменив его на территориальный».

Ремарка: «Это в 33. А в 36 товарищ Сталин, выступая на первом Всесоюзном съезде Советов, в 37 избранном уже в советской Конституции, специально сказал, что, «пока у нас была «диктатура пролетариата», некоторые категории были лишены гражданских прав. И ряда других прав: избирательного права, были сложности с поступлением в ВУЗы, дети дворян...А теперь у нас всенародное государство, у нас все равны, все имеют равные права».

Ремарка 2 : «Сталин не мог ввести всенародное государство и дать равные права».

Ответ: «Почитайте его речи».

А.С.: «Домашнее задание всем – узнать, из какого документа. Давайте вернемся чуть-чуть к экономике. Лекция закончена, я, наконец, рассказал вам все про хрущевский период, что хотел, если у кого-то есть вопросы, можете их задать».

Вопрос: «Про выгоды и деньги: при Хрущеве, с одной стороны, соцстраны поднялись уже настолько, что могли покрывать часть наших расходов, с другой стороны, начали интенсивно помогать развивающимся странам – Гвинее там, арабским странам, строить всякие объекты для них. Соотношение прихода-расхода в этой области. И насколько это вообще обременяло бюджет?»

А.С.: «В сборниках внешней торговли же нет: Мы получили от другой страны столько-то», - то есть, там есть баланс по деньгам.

Вопрос: «А по замещению технологиями, то, что я спрашивал?»

А.С.: «Я просто не представляю, как это сделать. Это нужно выбрать модель, чтобы она там была ультрановой и дефицитной, а потом по ней смотреть отдельные товары, потому что «в среднем по больнице» я не знаю, как на этот вопрос ответить».

Ремарка: «Думаю, компенсация – через экономию оборонного бюджета».

А.С.: «А Вы когда считаете, чтобы оборонный бюджет сокращался?»

Ответ: «Он не увеличивался в той мере, в которой должен увеличиваться. Имеется в виду, что, если мы помогаем Вьетнаму бороться против США, то помогли мы на рубль, а сопротивление это вызвало в нас, то САШ могли бы эти деньги просто пустить в гонку опасных для нас вооружений, например».

Ремарка: «Помогая Вьетнаму побеждать американских агрессоров, мы тем самым стимулируем НИОКР в фирме «Юнион Карбайт» и других фирмах, увеличиваем их бюджет и способствуем техническому прогрессу в этой области».

Ответ: «Но это – отсроченный эффект».

Вопрос: «Почему? Это – прямой эффект?»

А.С.: «А мирный пример какой-нибудь? Мы помогаем египтянам строить Асуанскую плотину, и?»

Ответ: «Соответственно, доходы из Египта не уходят в бюджет империалистических стран. Многие проекты такие были выгодны тем, что опробывались нестандартные решения в других странах, потом легче было строить в нашей стране. Как раз Асуанская плотина – уникаму».

Вопрос: «Вы смотрели логику экономического вредительства при Сталине в двух аспектах: насколько это объявлялось и насколько это можно реконструировать на самом деле? Грубо говоря: спер человек баллон кислоты зачем-то: валенки валять – серная кислота нужна. А ему, например, шьют то, что он собирался кислоту влить в подшипники?»

А.С.: «Я смотрел только в том аспекте, что там было много раздолбайства в первую пятилетку, потому что народ не знал, как делать правильно. И многих таких искренних «раздолбаев», очевидно, записали во вредители, просто потому, что таких было много, потому что было неизбежно. А частные вещи – как из вычислить? По отдельным делам? Как злоумышленник у Чехова: человек скрутил гайку, потому что хотел невод утяжелить, а ему «шьют», что он хотел поезд под откос пустить?»

Ремарка: «Да, я говорю, что именно по этим причинам приходится реконструировать логику вредительства».

А.С.: «Допустим, опять-таки, я давал вам ссылку на книжку американца, который Магнитку строил, «Американский рабочий в русском городе стали», он там описывает несколько случаев явного вредительства – что-то там стекло в подшипники сыпали, действительно были озлобленные раскулаченные мужики, которым все равно, как, а в Вашем случае нужно смотреть: то есть, Вы имеете в виду, человек что-то хотел спереть, его надо было по хозяйственной части судить, а его судят по политической, правильно?»

Вопрос: «Меня интересует вредительство в планировании, «Как закалялась сталь» - один из центральных эпизодов. То есть, логику вредительства и логику борьбы с ним?»

А.С.: «Логика вредительства, как ее представляли те, кто с ним боролись: вот сейчас у советской власти и так много проблем, мы подбавим проблем, все возмутятся, советскую власть скинут».

Ремарка: «Не просто «подбавим проблем» - их надо «подбавлять» структурно».

Ответ: «Как боролись с вредительством, я могу рассказать на примере племянника моего дела. В конце 20-х годов, если вы почитаете материалы Шахтинского дела, там есть моменты того, о чем говорил Алексей, когда «оперативными действиями показано, что по стовору с бывшими владельцами портили шахты и так далее», а вот его и других хозяйственных руководителей в 37 просто взяли и били, пока он не подписал, что вредил там, но на его счастье, Ежова сменил Берия, его выпустили в 39-м. Он пошел на фронт и там погиб. Но общее отношение к вредительству, по крайней мере, после того, как появилась телеграмма «О физическом воздействии», после того, как чекисты старого образца жаловались, что это мешает им «как следует раскрывать контрреволюционные преступления» было вот таковым».

Лекция 7. «Экономические дискуссии, предшествовавшие Косыгинской реформе»

А.С.: «Добрый вечер всем. Мы с вами дошли до 7 по счету лекции. Последняя лекция была давно, но, я надеюсь, что вы либо еще что-то помните, либо не поленились послушать аудиозапись. Сегодняшняя наша лекция будет посвящена экономическим дискуссиям конца 50-начала 60-х годов, которые предшествовали известной косыгинской экономической реформе. Сказать по правде, это была для подготовки самая сложная лекция, потому что, если раньше надо было просто рассказывать, что делали, здесь приходилось влезать в аргументацию множества разных людей, было непонятно, как все это дело структурировать. Поскольку все экономисты кивали на Маркса, буду рад, если у нас сегодня будет лекция-семинар, потому что был ряд вопросов, который мне самому непонятен. Я буду их обозначать, если вы будете вступать в дискуссию, наверное, это будет хорошо. Забавным образом, начиная с 50-х годов, в экономике СССР шло 2 процесса – с 1 стороны, шло внедрение матметодов, которые должны были все улучшать и оптимизировать, с другой, экономика начала терять темпы роста, стала снижаться отдача от капитальных вложений, нарастать ряд других негативных явлений. Любой факт можно объяснять, минимум, двояко: одно объяснение заключается в том, что советская экономика была настолько ужасной, что никакие матметоды не могли ее спасти. Второе объяснение, полушуточное, говорит о том, что советские математики не умели считать. Третье объяснение говорит о том, что считать умели, и в рамках тех моделей, которые они строили, статистически все было верно, просто сами модели вели немного не туда. По результатам изучения я склоняюсь к 3 варианту, но, опять-таки, приглашаю к дискуссии. Пара слов о том, с каких условиях экономические дискуссии выросли. Начало дискуссий – 56 год, там не только развенчали товарища Сталина, но еще в течение года проходил ряд мероприятий, где давали больше голоса всяким регионалам, которые жаловались, что отраслевые министры им не дают самостоятельности, и в начале 57 года Хрущев выступил с предложениями о реформе управления промышленностью, которые после политического кризиса и «забадывания» антипартийной группы были практически «огнем и мечом» внедрены в жизнь. Практически сразу появилась необходимость издавать всевозможные постановления, чтобы объяснять совнархозам, что совнархозная система равна феодальной раздробленности, потому что почти сразу начались проблемы с межотраслевым

поставками, а также с тем, что внутри совнархоза все было, в принципе, неплохо, но проводить согласованную научно-техническую политику внутри отрасли, разумеется, «размазанной» по всей стране, оказывалось достаточно сложно. Встал вопрос: что делать? Если мы уже сказали, что не хотим управлять из одного центра, а управлять из множества центров у нас получается не очень хорошо, у нас есть варианты либо «откатить» все назад, но этот вариант неприемлем по политическим соображениям, либо «придумать фишку». Я позволю себе личный взгляд: у меня эпоха Хрущева ассоциируется с неким аналогом веры в чудо, многие мероприятия, которые проводились, в них основной пафос был в том, что «мы знаем, как достичь чего-то задолго и задорого, но у нас есть клевая идея, как сделать быстрее и дешевле все то же самое», поэтому, если мы попробуем, то все будет хорошо». Хороший пример с целиной, потому что ее можно быстро распахать, получить быстрый результат, потом через несколько лет мы получаем проблемы с урожаем. Технократизм здесь был кстати. Когда в массовое сознание были вброшены методы математизации, поначалу идея казалась очень привлекательной, потому что у нас есть такой неопровержимо доказуемый математический способ, например, раскроя куска фанеры. Или у нас есть отличный способ, каким мы можем снизить встречные перевозки. Логичным образом, хорошо было, если мы развернем эти частные модельки на уровень всей экономики, если сегодня они помогают нам получать меньше обрезков с куска фанеры, то завтра они помогут нам догнать и перегнать Америку и наконец-то построить коммунизм. Пара цитат о том, как это воспринималось. Большинство цитат идет из книжки «Экономисты и математики за круглым столом», это 64 год, практически конец дискуссии, но, думаю, раньше оптимизм был не меньше. «Если при прежних методах в плановых расчетах темпы роста социалистического производства были гораздо выше темпов роста капиталистических стран, то применение кибернетики в планировании значительно увеличит этот разрыв в темпах». Версия от Антонова, авиаконструктора: «Многие хозяйственники, и я в том числе, убеждены, что если бы мы могли снизить потери в народном хозяйстве, происходящие из несовершенств наших методов в управлении промышленностью». Развитие народного хозяйства СССР ускорилось бы в 3 раза. Таким образом, на кон была поставлена возможность получить скачок, который, фактически, переплюнул темпы первой пятилетки, когда, в общем-то, сказывался «эффект низкой базы». Вопрос: кто из вас имеет представления о типовой задаче линейного программирования? Кто-то учил в институте и помнит?

Доски у нас нет, раз, читать курс математики – мы не закончим сегодня. Если говорить грубо, то исторически эта задача была поставлена Л. Канторовичу в 30-е годы, по-моему, каким-то древообрабатывающим трестом, у которого было несколько станков, которые по-разному кроят фанеру, с разной производительностью, разным количеством обрезков. Нужно было математически неопровержимо объяснить, в каком формате их загружать, чтобы обрезков было меньше. Как это работает? Первое – мы знаем производительность этих станков. Второе – у нас есть понятный критерий: чего мы хотим добиться? Один вариант – мы можем кроить быстрее, второй – с меньшим количеством обрезков, третий – кроить, чтобы станки не простаивали, служили, как можно дольше.

Я буду возвращаться к этим условиям в течение всей лекции, потому что радужные надежды, что мы развернем это на всю экономику, и она ускорится в 2-3 раза, почему они не оправдались.

Что нам нужно, чтобы применять подобного рода математические методы оптимизации? Нам надо иметь исходные данные и понимать, что мы хотим оптимизировать, что ставит нам 2 взаимосвязанных вопроса о критерии достижения цели. Была принята на уровне какого-то съезда директива, что советская экономика нацелена на достижение наилучшего результата с наименьшими затратами, что, абстрактно, вроде, верно. Что есть наименьшие затраты? Посчитали, что наименьшие затраты – наибольшая экономия труда. Мы должны каждый год получать все то же самое с меньшими трудовыми затратами, встал вопрос: а как мы можем измерить трудовые затраты? Что нам засовывать в математические методы? Мы можем посчитать трудовые затраты одного отдельного завода. Но в рамках завода методы и так работают неплохо. Если мы хотим считать трудовые затраты в рамках всей экономики, в марксистской теории это «обзывается» необходимыми затратами труда». Не совсем понятно по 2 причинам: во-первых, есть фактор редукции труда – «от сложного к простому», во-вторых, потому, что в капиталистической экономике уровень необходимых затрат выясняется в процессе рыночной конкуренции и проявляет себя в качестве общественного отношения стоимости. Поэтому достаточно быстро прокрутив в голове логическую цепочку, экономисты поняли, что, если в настоящее время не возникает никаких хороших мыслей, как нам считать общественно необходимые затраты труда в часах труда, приведенных к простому, давайте мы пойдем так же, как исторически шло хозяйство. В рыночной экономике есть взаимосвязь: у нас есть товарообмен, в результате товарообмена мы получаем некий уровень стоимости, некий уровень цен, который колеблется около уровня стоимости, примерно позволяющий оценить общественные затраты труда. Мы выкидываем половину условий из этой задачи: у нас нет рынка, у нас нет рыночных цен, потому что цены назначаются Госкомценом. Нам нужно каким-то образом сначала посчитать общественно необходимые затраты труда, потом, на основании общественно необходимых затрат труда, назначить цены, которые их идеально отражают, после этого идеально отражающие цены засунуть в математическую модель – и она нам все сооптимизирует».

Вопрос: «В математической модели учитывается рост производительности труда?»

А.С.: «Нет. И это - следующее. Мы до этого дойдем, но дальше. Когда я пытался это структурировать, с тем, чтобы не вываливать на вас кучу цитат – у меня есть отдельный блок: «Проблемы с масштабированием». Я надеюсь, мы до него дойдем, но чуть позже».

Ремарка: «Забавный момент, что цены в этом рассуждении оказываются лишней сущностью. При капитализме, понятно, они играют роль регулятора. А при социализме они должны быть регулятором чисто хозяйственным? А тут их ставят во главу угла.»

А.С.: «Там мы сначала получаем на рынке цены, через них высчитываем затраты труда, а здесь, не зная, как посчитать затраты труда, должны на основании этой несчитаваемой величины посчитать идеальные цены, которые потом засунуть в математическую модель. Пара цитат, некий Н. И. Ведута.

Насколько понимаю, его дочь сейчас работает в МГУ и всячески продвигает наследие отца. 1960 год. «В наших условиях величина прибыли является производной от принятых принципов ценообразования, мы ее можем уменьшить путем снижения цен или увеличить, повысив цены, и от этого в производстве материальных благ ровным счетом ничего не произойдет. Поэтому мы должны твердо установить, не что такое прибыль, а что мы хотим иметь от прибыли, в соответствии с этим установить принципы ее формирования». Это – подход к формированию прибыли и цен, который господствовал в позднесталинской экономике, в общем-то, там неплохо себя оправдывал. Здесь у нас прибыль – некая учетная категория, которая просто делит вновь созданный общественный продукт на 2 части – часть, которая идет непосредственно предприятию и часть, которая идет обществу. Цена по такой концепции отражает только ту прибыль, которую государство считает нужным оставить в распоряжении предприятия. Все это – вопрос фактически государственной политики. Петраков, 64 год. «Если мы хотим иметь научный критерий планирования, а лишь при наличии такого критерия планирование приобретает экономическую реальность, необходимо точно учитывать меру общественного труда, затрачиваемую как на производство всего продукта в целом, так и прибавочного продукта. Встает вопрос, как определить меру общественного труда. Если бы наши цены точнее отражали общественные затраты труда, если бы мы приняли рентабельность в качестве обобщающего показателя, то динамика уровня этого показателя постоянно характеризовала бы движение производительности труда». То есть, если бы у нас было идеальное отражение общественно необходимых затрат в ценах, то у нас не было бы никаких проблем, что логично».

Вопрос: «А я вот в цитате какой-то прибавочный продукт еще нашел»...

А.С.: «Если бы наши цены отражали общественные затраты труда, мы приняли рентабельность в качестве обобщающего показателя, то динамика уровня этого показателя постоянно характеризовала бы движение производительности труда. Вот тогда бы мы имели критерий и для применения математики, и для применения кибернетических машин». Здесь есть минимум 2 неприятных момента. Один связан с тем, что объемы идеально отражающих общественные затраты цен мы пока не знаем, как считать. А второй момент связан с тем, что, если мы делаем цены, чтобы они идеально отражали затраты труда, то тогда мы добровольно просто отказываемся от любой ценовой политики. Если вы помните прошлую лекцию, я рассказывал про ценовую политику 4-5 пятилеток, и она была достаточно активной. Допустим, если был какой-нибудь прогрессивный сплав, который повышает эффективность машин, которые из этого сплава делают, то цены на него сознательно назначались ниже себестоимости для того, чтобы его быстрее внедрять. Точно таким же образом были занижены цены на учебники, детскую одежду. Цены сознательно отклонялись от стоимостей – это был один из способов, которым государство направляло деятельность хозяйственных агентов туда, куда ему нужно. Если мы хотим, чтобы цены идеально отражали общественно необходимые затраты, то мы добровольно отказываемся от ценовой политики, потому что любая ценовая политика будет отклонением, а если это будет

отклонением, мы не можем отклоненные цены закладывать в матмодель. Мы оптимизируем не то, что нам нужно. «При наличии правильно построенных цен факт повышения рентабельности служит важнейшим доказательством роста производительности труда, но и во всем производстве. Есть маленькая проблема. Цены на средства производства в настоящее время в значительной мере отклоняются от фактических затрат общественного труда. Это приводит к тому, что денежное выражение затрат не совпадает со стоимостным, причем, в неодинаковой мере по разным отраслям народного хозяйства. Прежде, чем редуцировать фактические затраты труда по их сложности и интенсивности, необходимо также скорректировать величину заработной платы, с тем, чтобы она действительно отражала как качество, так и количество затрачиваемого труда. Перед тем, как мы сумеем получить гипотетический рост средств производства в 2-3 раза, нам нужно, во-первых, создать идеальные цены, во-вторых, создать идеальную зарплатную сетку, для того, чтобы уровень зарплаты каждого работника идеально отражал пропорции его тарифа к самому нижнему, эту редукцию от сложного труда к простому. Иначе общество будет дезинформировано в отношении реальной доходности отдельных звеньев хозяйственного механизма. Дополнительным моментом является смешение понятия «стоимости» и «трудозатрат». Везде по дискуссиям стоимость и трудозатраты считаются одним и тем же. Еще один вопрос, который может приблизить нас к светлому будущему, если бы у нас были «правильные цены». В 59 году был построен отчетный межотраслевой баланс, первый созданный в СССР именно по методологии, которую разработали в 26 году, потом доделал Леонтьев, потом Леонтьева, наконец-то, в 58-м году перевели на русский снова, то есть идея сделала круг вокруг земного шара и вернулась к нам. И межотраслевой баланс, который позволяет нам не только планировать рациональное развитие отраслей: здесь, наверное, надо спросить, с линейным программированием будет ясно – кто имеет представление о том, что такое межотраслевой баланс? (Молчание). Сурово. Понятно. Следующая лекция будет «ответвлением» в сторону, дополнительной линией».

Вопрос: «А Вы же рассказывали про это в лекции про позднесталинский период?»

А.С.: «Я думаю, здесь людей, посетивших все лекции, просто нет. Межотраслевой баланс: основным его ядром является шахматная таблица, в которой учитывается, условно, если мы всю продукцию некой отрасли берем за единицу, мы можем эту продукцию раскидать по другим отраслям, по ее собственной, посчитать промежуточное потребление. Условно говоря: продукция машиностроения – единица, из них 0,3 – в самом машиностроении, дальше 0,2 – сельское хозяйство, 0,5 – строительство... Чем хорошо межотраслевой баланс? Он позволяет планировать развитие отраслей согласованно. Если мы знаем, что для того, чтобы построить пятиэтажку, нам нужно столько-то материалов отрасли строительства, столько-то – машиностроения, столько-то – еды для рабочих, то тогда, если мы планируем огромное жилищное строительство, мы можем сделать так, чтобы оно у нас не захлебнулось из-за того, что другие отрасли были к этому не готовы. Вторая половина пятидесятых была периодом бурного развития химии и нефтехимии. Это - период, когда только стали открываться и разрабатываться сибирские месторождения нефти, и химия стала

еще 1 ключиком, по аналогии с магметодами, который давал надежду «въехать в коммунизм». Кто помнит прошлую лекцию, я иронично рассказывал о перечне работ, которую на седьмую пятилетку запланировала сама себе Академия наук: там стоял холодный термояд, полная автоматизация, развитие химии, робототехники, кибернетики, развитие технических наук, но из огромной программы работ, реально двинутых в массы, была только химия. И, допустим, при применении тонны пластмассы в отрасли тяжелой промышленности снижение эксплуатационных затрат составляет 800 рублей, легкой – 650, в строительстве – 450. Если пластмасса у нас в дефиците, мы не знаем, куда их закинуть, то эти цифры намекают, что надо закинуть в тяжелую промышленность, заменить, например, железо или другие металлы. Проблема возникает та же самая: мы можем это делать, если считаем, что указанные выше цены действительно отражают нам экономию труда. Либо живого, либо овеществленного. Если же они с трудозатратами не имеют ничего общего, то понятно, что нам эту тонну пластмасс надо закидывать не в тяжелую промышленность, а, допустим, в строительство. Это – реальная проблема. Здесь можно поставить галочку и, когда у нас наберется несколько проблемных вопросов, может, перейти к дискуссии. Итак, у нас появляется несколько технологий, которые можно применять в разных отраслях. Технология дефицитная, пока мы не развернулись – куда нам ее закидывать? Один вариант – делать это по стоимостному межотраслевому балансу. Но, если межотраслевой баланс построят в «кривых ценах», мы получим экономию в деньгах, но не получим экономии в труде. В идеале, нужно хотя бы на уровне теории прикинуть, где это и в каком объеме дает экономию. Например, в одном случае пластмасса дает экономию 50 мешков цемента, а в другом – экономию вагона руды, то, как сравнивать 50 мешков цемента и вагон руды, опять-таки, не совсем ясно. В пределах вопрос структурных сдвигов – вопрос целеполагания. До конца 050-х с целеполаганием вопросов не было. С 1-вой пятилетки целеполагание было: мы должны пробежать индустриализацию в 10 лет, или нас сомнут. Мы строим тяжелую промышленность, танковые заводы, по возможности, делаем это так, чтобы наши рабочие не взбунтовались, и у них уровень жизни вырос, потому что мы готовимся к большой войне. Послевоенное восстановление – тоже с целеполаганием проблем нет – страна в руинах. 5-ая пятилетка составлялась по методу «быстрее, выше, сильнее», плюс движение в сторону все большей электрификации - Братская ГЭС, всевозможные каскады на Волге. А вот 6 пятилетка, отмененная, и 7 пятилетка – встает вопрос: а чего мы хотим? Один из ответов на этот вопрос – мы хотим экономию труда. Мы хотим делать все то же самое, но экономнее. Если у нас нет внеэкономической цели развития, если мы не можем сами себе придумать, что мы хотим в штуках, например, каждому – отдельную квартиру. Или «чтобы все ели больше мяса, чем в Америке». То мы можем сказать, что хотим «все то же самое, только с меньшими затратами труда». Тогда мы попадаем в ту самую проблемную ситуацию, которую я вам с начала лекции раскрываю. Итак, все упирается в то, откуда взять «правильные цены». И здесь очень вовремя, в 50-м году, выходит работа Канторовича: «Экономический расчет лучшего использования ресурсов». Основные идеи, которые были изложены еще в 30-е годы, но тогда их посчитали какими –то «слишком нетривиальными», поэтому публикация была задержана на 15 лет. В отношении методов линейного программирования у

экономистов особых проблем не возникло, а возникли проблемы с тем, что из себя представляют «объективно обусловленные оценки». Видимо, надо будет делать отдельную матлекцию, с рассказом о простейшем примере из линейного программирования и о том, как построить простейший межотраслевой баланс из 3 отраслей, из 2 отраслей, но, пока это не сделано, на пальцах: «объективно обусловленные оценки» - это некие «разрешающие множители», которые нужно добавлять набором уравнений пограничных условий задачи, для того, чтобы эти уравнения решились. То есть, это – некоторые дополнительные множители, которые, в общем-то, возникают из процесса решения. Но встал вопрос: какой у этих дополнительных множителей экономический смысл? Поскольку все задачи упираются в то, что у нас есть некий лимит станков, или пропускной способности дороги, или километража дороги, чего-то такого, нам нужно нашу задачу решить с наименьшими затратами, эти оценки, в каком-то смысле, являются мерой дефицитности наших ресурсов. Если мы даем объективно обусловленные оценки земли, то, насколько я понял, они сходятся с понятием «дифференциальной ренты». А если мы даем ООО техники, то они показывают меру прогрессивности и меру дефицитности этой техники, в зависимости от того, какие начальные условия мы в них заложили. И мы понимаем, что, возможно, эти оценки – ключ к тому, как же нам без рынка найти идеальные цены. «Смысл и значение этих оценок в том, что, если с их учетом установить цены на продукцию, то стремление каждого предприятия выпустить такие изделия, от которых оно получит максимальный доход, автоматически заставит его работать в режиме, наиболее выгодном для выполнения его целевой функции, той целевой функции, которая максимально соответствует удовлетворению потребностей общества. Это дает принципиальную возможность использовать цены на продукцию для автоматического поддержания народного хозяйства в оптимальном режиме». Это позволяет, по сути, снять с себя бремя управления народным хозяйством, потому что мы сможем построить некие кибернетические машины, которые будут давать нам эти объективно обусловленные оценки, опять-таки, повторюсь: возможно, я тоже не допер до их экономического смысла, но они мне показались некой мерой дефицитности ресурсов. Если устанавливать цены с поправкой на эту дефицитность, то личный интерес предприятия будет гармонизирован с интересами общества. Здесь, в общем-то возникает вопрос: если вы назначаете цены так искусно, что погоня предприятия за прибылью приносит удовлетворение потребностей общества, то зачем вам вообще цены? Необходимость и возможность уточнения данных о затратах и эффекте требует, в свою очередь, учитывать при их исчислении, использование природных ресурсов, основных фондов, размеров потребностей в продукции и эффект от ее использования и так далее. Из всего этого нельзя не прийти к выводу о необходимости учета данных факторов в ценообразовании. В частности, речь идет об учете данных факторов в товарной емкости продукции, рентная компонента, соотношение производственных возможностей и объема потребностей в продукции. Здесь я вижу минимум 2 проблемных момента: один – не совсем понятно, что такое – объективно обусловленные оценки, второй связан с тем, что, в общем-то, ранее предполагалось, что, если некое предприятие работает лучше других, допустим, по геологическим причинам, то дифференциальную ренту бюджет забирает себе, потому что: а с чего это вдруг? Идея была в том,

что в советской экономике рантье быть не должно, в том числе, рантье от предприятий, у которых, допустим, Магнитная гора под боком. А здесь получается: если мы назначаем цены, которые отражают потребности в продукции, то на основании этого у предприятия получается «шкурный» интерес, в свою очередь, использовать самые прогрессивные станки, которых еще нет, или самые лучшие месторождения, но, в качестве бонуса за свою работу, диффрента остается этому предприятию. То есть: фактически получается, что, тебе повезло – ты работаешь с большей прибылью, и мы не пытаемся ее у тебя отнять, потому что это – твой стимул работать по-прежнему прибыльно. С позиции политэкономии эта идея говорит нам о том, что, если у вас цены формируются не по стоимости, не по затратам труда, а по затратам труда + дефицитности ресурсов + еще чего-то там, то вы получаете теорию факторов производства, которая буржуазная, мы такого не любим. Что здесь вижу я? Я здесь вижу: та же самая проблема масштабирования. Линейное программирование делалось для решения исторической задачи в данный момент. В данный момент у нас есть дефицитный станок, есть станки новые и старые, нам их нужно загрузить оптимальным образом. Если мы забываем о том, что это – единовременное решение, у нас получается, что дефицитность все время длится дальше. Встает вопрос: как это будет меняться с течением времени? Возникает специальный вид объективно обусловленной оценки, так называемая «прокатная оценка». Понимаю, что сложно, но никуда не денешься».

Ремарка: «Сравнивая то, что Вы сейчас рассказывали, с тем, что Вы рассказывали про сталинский период, есть такой забавный момент: как изменилось в политическом плане принятие решений. Тогда предполагалось, что берем людей. Либо в распоряжение руководителя, либо тех, кто встречный план выставлял. Экономикой управляли люди, которые в эту сферу шли. А сейчас предполагается, что экономикой будет управлять некоторое объективное знание, которое само будет управлять. А ведь за ним стоят люди, с их страстями, интересами... Дело даже не в рынке а в «акции нерассуждения» у процессов управления».

А.С.: «Возвращаясь к тому, что, если мы устанавливаем такие цены, то лишаемся объективной ценовой политики, потому что, если они базируются на неких объективных проблемах/обстоятельствах, то нам нельзя от них отклоняться. Так вот, что же такое «прокатная оценка»? Первоначально она представляется в качестве обычной оценки дефицитности того или иного материала. Под показателем эффективности капитальных вложений Канторович понимает «отношение прокатной оценки оборудования или производственного объекта, на создание которого предполагается направить выделенные средства, к общей величине этих средств». Из двух видов оборудования, требующего для своего создания одинаковых капвложений, преимуществом будет обладать вид оборудования, имеющий более высокую прокатную оценку. Нормальная эффективность, если рассматривать ее в масштабах всего общества, определяется нормальной или средней для всего народного хозяйства дефицитностью производственных фондов. Если прокатная оценка определенного вида оборудования выше прокатной оценки, заложенной в показатели нормативной эффективности, то капвложения необходимы. Если имеет место обратная картина, то

капвложения делать нецелесообразно. Таким образом, нормальная эффективность – это тот рубеж, который определяет допустимую эффективность для новых капвложений. Идея в первом приближении выглядит правильной. Если у нас есть дефицит всего, у нас есть ограниченный объем капитальных вложений, то как его раскидать по направлениям? До реформы совнархозов, с этой задачей худо-бедно пытался справляться Госплан. То есть, были директивы партии о том, куда нам идти, которые потом оформлялись в планы развития отраслей. Тем отраслям, которые предполагалось развивать больше, давали больше, тем отраслям, которые предполагалось развивать меньше, давали меньше. Здесь возникает здравая мысль: если у нас есть большой дефицит некоего оборудования, то давайте мы сначала построим завод, который нам закроет большой дефицит, а потом мы построим завод, который нам будет закрывать мелкий дефицит. Проблема эта возникла потому, что, пока была отраслевая система, в Госплан приходили отраслевые министры и говорили, что им нужно «это-то-это и еще вот это – и тогда все будет хорошо». Сумма заявок стабильно превышала возможности экономики. Теперь в Госплан приходят совнархозы, которых гораздо больше, причем, на уровне совнархоза есть свой местный Госплан, который, разумеется, говорит, что нужно столько капитальных вложений, а центральный Госплан должен оценивать, кому действительно нужно, а кто просто хочет, чтоб ему жизнь была полегче. Здесь возникает идея, что давайте установим средний по экономике уровень отдачи на капвложения, все, что выше этого уровня, мы будем давать средства, а все, что ниже этого уровня, мы будем говорить, что «этой продукции и так – завались, поэтому строить что-то новое нецелесообразно». Опять-таки, здесь есть пара моментов, которые меня смущают: если мы долго применяем этот подход, то в какой-то момент у нас будет экономика, в которой все ресурсы будут равнодефицитными, то есть, у нас будет одинаковое развитие всех отраслей с одинаковым темпом, то есть, мы опять-таки отказываемся от структурной политики. То есть, вопрос, в какую сторону мы хотим идти, при таком подходе исчезает. Второй момент связан с тем, что одну и ту же задачу можно решать разными способами. То есть, как решается вопрос: каким образом закрыть нехватку оборудования, материала? Потому что, если только что мы говорили, что, допустим, пластмассу заменяют металлы, то, допустим, хороший металл заменяет воду, потому что, если из хорошего металла сделать кран, то он не течет. Таких замен можно придумать много. Встает вопрос, как посчитать «прокатную оценку» и сделать так, чтобы этот расчет имел какую-то связь с реальностью. Еще 1 момент, связанный с тем – закладывать ли в цены только трудовые затраты или закладывать ли в цены еще, к примеру, размеры дефицитности земли, оборудования, природной руды? Еще один момент для дискуссии: не хотим ли мы закладывать в цену то, что называют «альтернативные издержки»? Объемы затрат в социалистическом обществе выражаются суммой затрат труда и затрат обратной связи. Затраты обратной связи – это, грубо говоря, мы учитываем не только стоимость постройки дворца, издержки на постройку дворца, но и издержки на то, что, допустим, строя дворец, мы не построим квартал хрущевки. К сожалению, никакой конкретики в умной книжке не было, поэтому, как предполагалось считать «альтернативные издержки», тем более, что там может быть бесконечное множество вариантов, на что же нам потратить деньги. Как минимум, внутри дискуссий о ценах

было два подвида. Первый подход – нам нужно придумать такие цены, чтобы они отражали общественно необходимые затраты труда. Другой подход отражает общественно необходимые затраты труда и текущую дефицитность других факторов производства. Как решить что одну, что другую задачу, было не совсем ясно. Разумеется, идеи Канторовича критиковались. Был какой-то смешной сюжет: в книжке есть выступление Струмилина, который, разумеется, был против, но там есть замечание, что Струмилин просто прислал свой текст в редакцию, потому что по неведомой причине на совещаниях его не было. Струмилин отмечал, что в наименее удачным в этом методе является подмена реальных показателей трудоемкости изделий в различных условиях производства абстрактными соотношениями этих показателей на разных типах предприятий. Если я правильно это помню, то проблема заключалась в том, что у нас, грубо говоря, есть несколько заводов. В них есть оборудования разных видов. Если мы решаем задачу линейного программирования не в масштабе одного завода, а в масштабе другого завода, то мы используем сравнительную эффективность 2 видов оборудования. На примере это выглядит так: есть два завода, на каждом из двух заводов есть по два станка. На первом заводе станки умеют делать тысячу гаек в час, три тысячи гаек в час – второй станок, а болты – наоборот: один – три тысячи болтов в час, а второй – тысячу. Другой завод там очень сильно устаревший, один станок – дореволюционный, вообще там не станок, а сидит дядечка с плашкой, он умеет нарезать десять гаек в час, а рядом стоит какая-то механизация, она умеет делать сто гаек в час. То есть, в абсолютных показателях нам нужно закрыть второй завод и все гайки делать на первом заводе, а в относительных показателях у нас получается, что соотношение станков на 1 заводе 1 к 3-м, там тысяча и три тысячи гаек, а в другом – 1 к 10, то есть 10 гаек и 100 гаек, получается, что нужно второй завод по-максимуму загружать: это же круто – там есть станок, который в 10 раз лучше, чем соседний. Из чего Струмилин делает вывод, что метод, допускающий столь серьезные ошибки, не может быть оправдан советскими экономистами. С этими оценками надо разбираться, но, в общем и целом, по факту применять их никто не стал. Разрешающие множители остались как способ решения частных задач линейного программирования, но использовать разрешающие множители в ценообразовании никто не стал. Следующий вопрос: что брать за критерий оптимальности? Куда мы хотим идти? Если мы хотим идти в рамках одного завода, там понятно: загрузить все станки, получить больший выпуск в штуках. А если в рамках всей экономики? Разумеется, экономисты разделились на несколько неравных групп. Одна, которая больше тяготела к математикам, говорила, что эта задача подразумевает, что критерий оптимальности один. «Вы не можете решить задачу максимизации, если вы пытаетесь максимизировать сразу несколько взаимоисключающих параметров. Либо вы можете считать по вариантам, но по вариантам тогда усилием воли выбирать, какой же вариант мы хотим. Математика со всей вычислительной техникой не изобретет универсального критерия оптимальности. Критерий оптимальности задается представителями экономической науки, а математики лишь решают задачу о том, что нужно делать для достижения максимального значения заданного критерия. Мы часто слышим резкие критические высказывания против «волевых решений» в экономике. Я, как инженер, разумеется, не могу идти против волевых решений. В

технике уже последние лет двести, а в математике несколько последних десятилетий используются «экстремальные» решения. Однако, окончательный выбор параметров объекта всегда производится волевым образом». Какие были варианты? Максимум продукции, минимум себестоимости и высшее качество. Соответственно, выбираем что-то одно, 2 других становятся ограничениями. Принцип быстроедействия - как нам за минимальное время добиться цели. На что возразили: все зависит от того, на каком горизонте мы это считаем, потому что, если у нас «горизонт» планирования – полгода, то нам нужно, чтобы станок «убился», и за полгода мы от него взяли все, что можно. А если у нас «горизонт» планирования – 10 лет, то нужно сделать так, чтобы станок все-таки работал 10 лет, а не полгода. Те экономисты, которые сохраняли разум, говорили, что идти надо по линии разработки проектов плана по отдельным критериям, например, на минимум издержек производства, на максимум производительности труда, на минимум капиталовложений, на максимум выпуска продукции и потом эти варианты «подсовывать» лицам, принимающим решения, для того, чтобы у тех было более наглядное понимание – из чего выбирать. Второй вариант был «по хардкору»: если у нас наилучшая оптимизация по одному критерию, давайте мы сделаем критерий по всей экономике. Какой же критерий брать по всей экономике? Если мы хотим соизмерять затраты с результатами, то результат выражается в прибавочном продукте, который вытекает в прибыль, мы не забываем, что у нас налог с оборота, намекаем, что неплохо бы его отменить с тем, чтобы весь прибавочный продукт данного предприятия оставался у предприятия, а с затратами получилось совсем интересно. В 59-м году, как я говорил, был построен отчетный межотраслевой баланс по всей экономике. Разумеется, математики стали с ним «играться», считать всякие корреляции, регрессии и прочие зависимости. Когда они стали строить структурную модель, то попытались выяснить, от чего зависит уровень прибыльности: уровень прибыльности предприятия зависит от объема его основных фондов. Это – вопрос о том, почему, когда ты что-то считаешь в экономике, неплохо было бы еще понимать, что ты считаешь. Как я вижу связь? 50-е годы были временем достаточно бурного роста, когда шло бурное обновление техники. Новая техника, как правило, была производительнее старой, давая нехилую прибавку к производительности труда. Поскольку цены последний раз пересматривались в 55-м году, то за 4 года те заводы, которым давали новую технику, у них производительность труда, разумеется, выросла, излишки у них никто не отбирал, поэтому у них, разумеется, выросла прибыльность, рентабельность. Вместо этого был сделан вывод о том, что прибыль связана со стоимостью основных фондов. То есть, чем дороже, тем лучше. Осечка такая – если что-то слишком дорого, ты это не сможешь купить. То есть, да, кроме шуток, давайте поставим станки на золотые чушки. То есть, окей: мы сделали хороший межотраслевой баланс. Честно посчитали всякие зависимости, но из этих зависимостей сделали очень странные выводы. И мы получаем критерий оптимальности: если, с одной стороны, мы верим, что весь прибавочный продукт почти равен прибыли, потому что мы хотим эту прибыль оставлять всю у каждого предприятия, ничего не распределять через бюджет. А, с другой стороны, если мы посчитали, что в наибольшей степени динамика прибыльности зависит от динамики основных фондов, давайте мы пренебрежем трудовыми затратами живого

труда, затратами по себестоимости продукции, просто будем искать отношение прибыли к основным фондам. В каком-то смысле, в основные фонды действительно вкладываются затраты живого труда, материалы на их создание, которые все равно когда-то выливаются в затраты живого труда, но, вот, довольно много светлых голов стало говорить, что тот самый единый для экономики критерий, на основании которого надо засовывать данные в модель экономики – то, что сейчас называют «рентабельность активов» (РОА). Соответственно говоря, в числителе – прибыль, в знаменателе – стоимость основных фондов. Не основных, а основных и оборотных, всех фондов. Слава богу, на эту мысль высказывались возражения следующего характера, наверное, я зачитаю их целиком, мне они кажутся достаточно здравыми, если своими словами говорить, то я их, наверное, перевру. «Продукты несравнимы. Можно взять денежную оценку, но у всех разная доля материальных затрат, разная доля живого труда. Можно сравнивать по степени фондовооруженности, но, опять-таки, это будет только качественная оценка: у гидроэлектростанции фонды больше, там производительность труда больше, чем на ферме. Продукт любого предприятия не есть результат труда работников только данного предприятия. Он представляет собой результат работы всего производственного организма, всех его звеньев и подразделений. Только суммарный, нарастающий учет труда, сопровождающий продукт на всех стадиях производства, дает возможность установить, что на производство, допустим, зерна или металла, производимого по одной технологической схеме, расходуется всего общественного труда больше или меньше, чем по другой схеме». Здравая, хорошая мысль, что нам надо учитывать сопряженные затраты. Единственная проблема, связанная с тем, что мы начинали с того, что у нас цена на основные фонды не отражает затрат труда на эти основные фонды. То есть, она не отражает их в разной степени по экономике. Допустим, если мы в сельском хозяйстве хотим посчитать затраты труда работников колхоза и затраты труда работников тракторного завода, скорее всего, они будут выражены в несопоставимых ценах. А по часам считать – мы можем посчитать затраты труда на данном предприятии. Встает вопрос: а с чего мы взяли, что данный труд общественно необходим, что там не работают ленивые люди, которые все делают долго и медленно. Второй вопрос – а как мы будем сводить труд токаря и труд хлебороба? Были мысли, что надо сводить по зарплате: кто больше получает, тот и лучше работает. Зато очень просто. Цель сокращения рабочих часов ставилась до 5 года, когда работал «ценовой пресс». Я рассказывал об этом на прошлой лекции, но, если в 2-х словах, то там все сложные вопросы решались очень просто: насколько я понимаю, ни в Политбюро, ни в Госплане никто особо не заморачивался вопросом, какой же у нас уровень общественно необходимых затрат труда на производство трактора? Спускали разрядку: у трактора есть некая себестоимость, есть некоторая надбавка, которая идет вам в карман. В следующем году надбавку мы снесем. У вас есть 2 варианта – остаться без прибыли или снизить себестоимость. Ищите способ оптимизации производства. В одном случае, мы пытаемся вычислить некоторые общественно необходимые затраты, с тем, чтобы потом их «засунуть» в модель оптимизации. В другом случае, мы честно говорим, что понятия не имеем, сколько у нас занимает весь процесс выработки прибавочного продукта общества в часах, помноженных на затраты труда.

Но мы точно знаем, что этом году занимает меньше, чем в прошлом, а в следующем году будет занимать еще меньше. А если не будет меньше, то кто-то лишится директорского кресла».

Ремарка: «А качество будет при этом лучше».

А.С.: «Да. Потому что мы не смотрим на то, что один показатель какой-то должен быть постоянно выше. Мы смотрим на себестоимость, номенклатуру, чтоб не химичили с выгодной-невыгодной продукцией, закладываем всякие структурные сдвиги на повышение качества, не по методу относительной дефицитности, который довольно сложно посчитать, а на уровне понимания, чего мы хотим. Поэтому, просто уменьшать трудозатраты – это слишком просто. Можно после совнархозной реформы сообщить, что дали больше власти представителям с мест и воспользоваться их инициативой. Мы из центра спускаем даже не оптимальные цены, а методику расчета оптимальных цен, после этого центр может вообще не заморачиваться, потому что совнархозы, используя эту методику расчета, сделают себе оптимальные цены, тогда «шкурный» интерес каждого предприятия, которое хочет получить больше прибыли, автоматически даст нам идеальное ускоренное развитие всего советского общества. В каком-то смысле, рассказ о том, «как сделать, чтоб было проще всем»: центру не надо будет всех контролировать, всех ловить, у нас не будет проблем, что совнархоз делает то, что выгодно ему, а не соседям, предприятия будут работать за коммунистическую сознательность, а не за страх, что закроют или директора уволят за то, что не выполнен план по снижению себестоимости, а за то, что у тебя будет больше денег, которые ты можешь потратить по своему усмотрению, потому что мы увеличиваем долю прибыли, которая остается у конкретного предприятия».

Вопрос: «Существует ли фундаментальная зависимость, что результаты труда зависят от вознаграждения?»

А.С.: «Я видел данные, что существует, но она не совсем линейна. Момент, когда сотрудникам повышают зарплату, у них идет скачок производительности – а потом идет некий откат: новый уровень зарплаты через некоторое время начинает восприниматься, как нормальный».

Вопрос: «Дело в том, что я общаюсь с людьми, у которых характер их труда никак не зависит от характера вознаграждения».

А.С.: «Ну, я - вот такой человек. Я могу на работе готовить лекцию по советской экономике – и получить зарплату. Могу писать ответ министру – и получить такую же зарплату».

Вопрос: «Исходя из этого, следующий вопрос: а она вообще может дать объективные критерии чего-либо? И может ли человек, как субъект, понять объективные критерии, если они будут?»

А.С.: «Связь между предпосылкой и вопросом не понял».

Ремарка: «Я развиваю то, что сказал предыдущий оратор: что нам не нужны цены. Цены вообще возникают исключительно при рыночной конкуренции. Иначе, если у нас ее нет, и так далее, и тому подобное. Помимо того, что мы говорим о ряде обозначенных вещей, мы говорим о реставрации капитализма, о ползучей контрреволюции, о «шкурных» интересах интеллигентского сообщества, о чем угодно, но не об оптимизации нашего пути к коммунизму».

А.С.: «Не поняли. У нас есть новый путь к коммунизму – если мы зафигачим новую модель экономики, то она нам объяснит, как нам все передвинуть с тем, чтобы мы производили то же самое, но с меньшими затратами. Чтобы это внедрить, надо иметь идеальные цены, которые не отклоняются от стоимости. Либо нам нужно оптимизировать напролом в трудозатратах, но не конкретного завода, потому что, как только мы начнем это делать, там люди начнут их повышать».

Ремарка: «Но у нас нет ни цен, ни стоимости.»

А.С.: «Правильно. Но побеседовать-то хочется. Вы не понимаете: нам пообещали на ровном месте ускорение темпов роста в три раза. Что нас не будет долбить центральная власть.

«Как применение математических методов влияет на соотношение централизации и децентрализации в управлении советской экономикой? Этот вопрос можно и нужно решать в зависимости от того, как скоро мы можем дать ближайший народнохозяйственный план. Если мы можем дать его в ближайшее пятилетие, то вопрос должен решаться в пользу централизации, потому что, по математическим основаниям, оптимизация целевых функций будет выполнена лучше, если план строить централизованно. Если мы не сможем построить план народного хозяйства в течение ближайших лет, то тогда вопрос должен решаться в пользу большей роли децентрализации. Так как полный и оптимальный народнохозяйственный план может быть выдан, по моему мнению, лишь через несколько пятилетий, то в течение ближайшего времени должен быть провозглашен и реализован принцип максимальной децентрализации - предоставления максимальной возможности решениям на местах». 64 год. Красивая мысль – мы понятия не имеем, как сделать модель всей советской экономики, поэтому пусть на местах делают, что хотят».

Вопрос: «Почему участники дискуссии не следовали простому принципу: от добра добра не ищут? Они не боялись, что внедрение новой детали сделает так, что система не будет работать? Они не боялись все сломать?»

А.С.: «Они рассказывали о том, что, вот, у нас есть вещи, которые нас не устраивают. Во-первых, то что мы 4 года не пересматривали цены и у нас разная рентабельность по разным предприятиям. Во-вторых: я рассказывал, что совнархозам были переданы некоторые права по ценообразованию. Положим, две фабрики – в Московской и Тверской области – выпускают одинаковые стулья. В Московской области стоит дороже, а в Тверской – дешевле. Стул абсолютно такой же. Народ начинает недоумевать. Это было одной из скрытых причин реформы 60-го года, когда округлили все цены в 10 раз, округлили в большую сторону. Одна из причин была в том, что

копейки, которые мы потеряли, позволили нам повысить цены в некоторых совнархозах так, чтобы люди не поняли, что цены повышаются. Потому что инфляции не должно быть в советской экономике. На местах начался беспредел. Откатывать назад – мы не справляемся с размером экономики, раз, не хотим признавать ошибки, два, у нас есть проблемы с информационным сопровождением, три. Под этим понимается, что в центральный аппарат управления руководство совнархоза дает ограниченную информацию по предприятиям и сам совнархоз не всегда может объективно понять, по каким причинам что-то идет не так. Некое предприятие работает не очень хорошо, есть круг параметров, которые собирают и передают на анализ в центр. Вот этих параметров немножко не хватает. С этой системой получалось, что разные цены существовали и раньше, например, поясные на фрукты, то есть фрукты в местах, где их выращивают, они дешевле, чем за Полярным кругом. Логично. Здесь получилась другая вещь – на вещи, которые не связаны с погодой и природой, тоже стали делать разные цены».

Вопрос: «Еще существовала политика ежегодного снижения цен?»

А.С.: «Нет. В том-то и дело».

Вопрос: «Если до 55 года все худо-бедно работало, цены на потребительские товары снижались 1 раз в год, насколько я помню. По всей видимости, это обеспечивалось за счет снижения цен на средства производства? Вообще не понимаю: в чем претензия к этому механизму была? Экономика неспособная справляться? Рост прекратился?»

А.С.: «У меня нет готового ответа, у меня есть вариант готового ответа. Там приводится смешная, трагикомическая история: есть совнархоз. У него есть фабрика обуви. Совнархоз фабрике обуви каждый год дает задание по снижению себестоимости. Как можно понижать себестоимость? Допустим, мы перестаем второй раз прокрашивать эту обувь. Или раньше она была с бахромой, теперь мы бахромы убираем. Мы можем приклеивать подошву, нарушая технологию. Был фельетон: на фабрике есть музей, там стоит образцово – показательная пара ботинок, приносят ботинки такого же артикула, которые только что сошли с конвейера – и эти две пары – между собой не узнать! В чем смысл? Такая система управления, которая была, требует серьезного, вдумчивого подхода, в том числе, для управителей. Она тяжела для управляемых – их все время давят, но если мы начинаем давить бездумно, мы очень быстро попадаем в такие ситуации. Есть пара обуви. Если мы проверяем один показатель – снижение себестоимости, у нас начинают выпускать «кривые» ботинки. Если мы проверяем несколько показателей – снижение себестоимости, соблюдение технологий, то соблюдение технологий проверить – трудоемко. Если у нас есть несколько показателей плана, то у нас все время есть соблазн сосредоточиться на чем-то одном – динамике валовой, динамике себестоимости, динамике производительности труда. Как только мы сосредотачиваемся на 1-ном, начинаются проблемы. В голове у человека, который это все организует, должна быть некая «сеть» из показателей и понимание взаимного влияния. Совнархозная реформа, я рассказывал, как она делалась. Перевод хозяйственных проблем в

политические к хорошему не приводит. Он закрывает возможность нормального обсуждения. Я не знаю, когда началось давление регионалов, я вижу, что в 56-м оно было, им давали слово на всяких пленумах. То есть, кто-то составляет повестку. Кто-то говорит выпустить руководителя республики. Кто принимает эти решения – я не знаю. В 56-м году шла «артподготовка». И мне кажется, она имела мало общего с экономическими причинами.

Вопрос: «Перешли от отраслевого управления к территориальному. Кто на территориальной единице – царь и бог? Первый секретарь. Соответственно, Хрущев стал Первым секретарем промышленности».

А.С.: «Этот процесс как-то подготавливался, потом Хрущева да, не дали снять за это. Почему отказались от ценового пресса? Мне кажется, что он политический. Я не нашел внутри самой экономики каких-то противоречий, за исключением того, что работать так, как работали, то есть давать план по снижению себестоимости не бездумно, а с поправкой на внедрение новой продукции, было много ругани, что спускают одновременно 2 показателя. Переналадка линии- куча затрат. Соответственно, если ты выпускаешь новую продукцию, себестоимость сначала растёт.

Вопрос: «Зачем ценовой пресс дополнять?»

А.С.: «Если мы даем план по себестоимости, но не даем по номенклатуре, у нас начинают выкидывать маловажные операции. Продукт становится хуже. Проверяющим надо держать в голове комплекс нескольких показателей, понимать, как они взаимодействуют друг с другом, а одновременно с этим нужно постоянно иметь некую «руку» на предприятии, с тем, чтобы давать план напряженный, но реальный. Как же в 64-м году думали? Уже есть проблема – совнархозы делают, что хорошо им, но не очень – остальным. Как же все улучшить? «В моем представлении, понятие единой системы определяется единством цели, ради которой работают все элементы системы. Это – основная черта социалистического планирования, чего не может быть в системе свободного предпринимательства. Чтобы вызвать заинтересованность в системе каждого предприятия в реализации народнохозяйственного оптимума, необходим механизм, поощряющий производителя действовать в соответствии с народнохозяйственным оптимумом. Таким механизмом должна стать система цен, которая строится на базе общественно необходимых затрат с отклонениями, стимулирующими и ограничивающими через рентабельность производство и потребление различных мат. благ. Возможно, при формировании системы цен следует учитывать отраслевые коэффициенты активности на численно-стоимостной основе и тем самым контролировать экономические накопления в стране, что необходимо для достижения оптимума. Система цен, привязывающая отрасли предприятий к народнохозяйственному оптимуму должна быть построена с учетом пропорций планового межотраслевого баланса и возможных изменений в экономике. Возможность лучшего согласования локальных показателей и затрат в согласовании с механизмом народного хозяйствования доказана: она реально опирается на единство общественных и личных интересов, которые присущи социалистическому строю».

Мы объявили, что у нас социализм. Значит, у нас уже есть единство интересов отдельных коллективов и обществ. Поэтому, как бы мы не издевались над экономикой, это единство интересов никуда не исчезнет, потому что социализм уже построен. Это действительно так тут написано. Как в социалистическом обществе могут возникнуть «шкурные» интересы?

Математика доказывает возможность измерения таких результатов и таких плановых цен, при которых хозрасчетная рентабельность была бы согласована с оптимальным планом. В этой системе все задания в плане были бы одинаково рентабельны, не вошедшие в план – убыточны. Открытия и изобретения, не учтенные при составлении плана, но улучшающие его, были бы тем более прибыльны, чем больше их народнохозяйственный эффект. Вряд ли нужно доказывать преимущество такой системы расчетов перед существующей практикой».

Вопрос: «А что на эту тему говорили трудящиеся?»

А.С.: «Одобряли».

Вопрос: «Насколько я помню дискуссии 30-40-х годов – там было разное».

А.С.: «Ну, дискуссия про совнархозы же тоже пошла в массы, там была куча предложений с мест, просто свернули через 2 недели».

Вопрос: «А результаты какие?»

А.С.: «Поискать можно, но сейчас с собой нет».

Ремарка: «Буржуазные экономисты делят между собой соцэкономику – то, наверно, да».

А.С.: «Еще 1 цитата о том же другими словами и от другого человека. «Мы читаем о том, что наши товарно-денежные отношения, если их не ограничивать, могут превратиться в товарно-капиталистические отношения. Как же это может быть? Ведь распределение по труду – постулат социализма. Советские деньги, советская торговля выражают социалистические производственные отношения? Ведь социализм в нашей стране победил – окончательно и бесповоротно».

Мы сказали, что у нас социализм – мы можем делать, что угодно.

Ремарка: «Возвращаясь к классике, здесь присутствует то, что называется «возвратным влиянием настройки на базис». Грубо говоря, как капитализм – неестественный строй, если нет постоянного идеологического «кормления», то он начинает перерождаться или разрушаться. То же самое и для нашего строя. Если в 30-е годы говорили о буржуазной реставрации – ее боялись, она была предлогом для репрессий, но большинство людей в глаза буржуа видели. Тут, в общем, как-то про это забыли – но не все».

А.С.: «Закончу я нашу первую часть лекции еще 1 цитатой – как через идеальные цены сделать так, чтобы было хорошо всем и сразу. «Эти противоречия надуманные. Они отнюдь не присущи советской экономике и сложились искусственно. Состоят они в том, что у предприятий есть выгодная и невыгодная продукция. У местных совнархозов есть интересы экономического района, они охотней идут на удовлетворение собственных нужд, чем на вывоз продукции за его пределы. К сожалению, это не отдельные явления. Неслучайно правительство вынесло ряд постановлений, пресекающих местничество. Но корни нужно искать не в юридических недоработках, а в экономике, точнее, в ценообразовании. Если бы цены выражали правильно понимаемые затраты общественного труда, то разница между результатами и затратами, то есть прибыль, могла бы стать критерием экономической целесообразности на различных ступенях народного хозяйства. Было бы обеспечено тождество, единство интересов предприятий, совнархозов, общества в целом». На этой оптимистической и многообещающей ноте я объявляю перерыв».

Вопрос: «А что по этому поводу думала правящая партия?»

А.С.: «Эта книжка была результатом большущего совещания, книжку перевели на английский, издали большим тиражом, чтобы показать, что наши нововведения не противоречат марксизму, а являются таким его развитием. В 59-м году был создан вычислительный центр Госплана. В 63-м он был преобразован в Главный вычислительный центр. В том же 63-м году был образован новый институт, ЦЭМИ, а в 64-м прошла эта дискуссия, к моменту, когда дискуссия была, высокое начальство целым рядом «толстых намеков» отношение свое показало. Нам нравится идея. Чтоб вы нам придумали что-то, чтобы все были счастливы. Очередная история о том, как «чтобы, как легче, найти, как правильно».

А.С.: «Итак, мы продолжаем лекцию. Задумываясь о том, как все это разбивать, я расскажу о комплексе теоретических идей, которые были вброшены в дискуссию, а всякую практику, типа «создания Вычислительного центра Госплана», создания сети вычислительных центров, реформы ценообразования практические – наверное, это все пойдет в отдельную тему, иначе все будет тяжело, долго, забудется все. Поэтому мы продолжаем рассказывать всякие теоретические аспекты наших новых идей о том, как нам это все оптимизировать. Самостоятельным подвидом этой дискуссии был вопрос о том, какую долю общественного продукта оставлять в распоряжении конкретного предприятия. Напоминаю, что, примерно до 55 года было так, что если директор предприятия хочет получить прибыль побольше, он должен применить какую-то прогрессивную технологию. Чтобы предприятие «не жировало», постепенно цены снижались. Год, два, в зависимости от того, как начнет лучше работать. По-моему, то ли в 57, то ли в 58 году, я на прошлой лекции рассказывал, была вброшена идея, что мы должны оставлять предприятию больше прибыли, потому что сейчас получается: решили мы новый цех построить, сначала мы все деньги забираем, потом бюджет ему назад даем на строительство нового цеха. Зачем нам гонять деньги туда-обратно? Давайте мы сделаем сразу, чтобы у него оставался итог, хватало работникам, а еще, чтобы

предприятие само могло строить то, что оно считает нужным. Но, то, что в пределе получается, что «Госплан просто не нужен», потому что у всех есть деньги на самостоятельное строительство – это остается за скобками. Как же решить этот вопрос? За прибылью должна стоять соответствующая ей часть общественного прибавочного продукта. В принципе, логично, но вопрос в том: какая часть? В принципе, она должна быть пропорциональной, но – какую долю? Поскольку в плановой экономике производительность труда зависит, главным образом, от его фондовооруженности, вспоминаем работы по межотраслевому балансу, из которых получилась стоимость основных фондов. Была высказана идея, что доля совокупного прибавочного продукта общества, приходящаяся на данное предприятие, равна доле фондов этого предприятия в общем объеме основных фондов общества. При капитализме это проверяется рынком: верно-неверно, а здесь это ничем не проверяется. Здесь считается, что, если у тебя стоимость основных фондов большая, то ты должен получать большую долю прибыли».

Вопрос: «Получается, что стоимость фондов предприятия рассматривается как некий капитал этого предприятия?»

А.С.: «Да. Я говорил, откуда у этого «растут ноги». Если мы хотим, чтобы у нас был один критерий оптимальности, то встает вопрос: какой критерий. Мы придумали, что это должно быть отношение прибыли к стоимости основных фондов. Аналогичным образом, когда мы говорим, что у предприятия должно быть больше прибыли, встает вопрос о том: насколько больше? Всю оставлять или не всю? Сколько у него забирать? Если изначально была мысль, что, давайте ему оставлять столько, чтоб ему хватало на развитие, чтобы оно капиталовложения делало за собственный счет, не прося средства из бюджета. То есть, понятно, что, если оставить все, оно все потратит, если оставить чуть-чуть, оно чуть-чуть потратит. Сколько оставишь – столько потратит. Вот решили: чем у него фондов больше, тем больше можно оставить. Некая «простая отсечка».

Вопрос: «То есть, помимо прочего, возникает стимул потратить все, чтобы потом тебе дали еще больше?»

А.С.: «Ну да. Вот это было, в каком-то смысле, «отсечкой сверху», чтобы предприятия не просили все. Потому что до мыслей отказаться вообще от бюджета еще не дошли. Что при этом будут делать предприятия? Они будут всеми правдами и неправдами выбивать себе больше основных фондов. Больше фондов – можно получить больше прибыли. Соответственно говоря, мы изящным движением руки от экономики, направленной на снижение затрат, переходим к экономике, направленной на увеличение затрат. И здесь у нас маленькое ответвление, которое рассказывает про информационные системы. Чуть позже я надеюсь сделать отдельную лекцию по ОГАС, если руки дойдут. Так вот, информационные системы. Первая задача состоит в организации сбора полной информации и ее всесторонней обработки. При тех потоках экономической информации, которые имеют место в нашем народном хозяйстве, было бы утопией пытаться обычными человеческими силами решать эту задачу. Основной целью развития применения

экономико-математических методов должно быть построение единой государственной системы оптимального планирования и управления народным хозяйством – ЕГСПУ – на базе автоматизированной системы сбора, обработки, передачи информации. Многие фанаты ОГАСа не знают, что ОГАС был не первым проектом. Просто разработкой ЕГСПУ занималась куча институтов, а разработка ОГАСа стала потом целью Глушкова. Разработкой ЕГСПУ в настоящее время – а это 1964 год – занимается Вычислительный центр Госплана, НИИ центрального аппарата управления, ЦЭМИ и куча народу на местах, которые пытаются понять, как собирать статистику и ее обрабатывать. Разрабатываются различные модели функционирования ЕГСПУ. В эти модели были заложены следующие принципы: первый – максимальное удовлетворение общественных потребностей, второй – оптимальное проведение перспективного текущего планирования в масштабе всего хозяйства, но вовсе не «до бублика» и не «до гайки», причем планирование должно быть непрерывным – и текущее, и перспективное. Планирование перспективное увязано с текущим. Перспективное – это по отдельным отраслям до 20 лет. А текущее – по номенклатуре порядка миллиона видов изделий на ближайшие годы. Третье: чтобы осуществить оптимальное планирование, должна быть построена единая система экономической информации, позволяющая максимально автоматизировать сбор, передачу и обработку информации. Четвертое – решение о конкретном виде и критериях развития экономики принимается компетентными органами на основе вариантов перспективных планов и проигрывания их в системе. Очень привлекательно. Автоматизированная система, которая «знает все», просчитывает кучу вариантов, учитывает все, что нам нужно, потом дает несколько вариантов, на выбор, чтобы лица, принимающие решения, могли «ткнуть пальцем», выбрав, что им нужно. Централизованное планирование должно давать общую цель. В принципе, об этом уже говорил».

Вопрос-ремарка: «В первом пункте – удовлетворение общественных потребностей»...

А.С.: «В скобочках – личных, оборонных, помощь другим странам, внеэкономические нужды и т.д.»

Вопрос: «То есть, надо это удовлетворять в любом случае?»

А.С.: «Ну, да, это выходит за рамки системы. Я пытался составлять списочек всяких таких «проблем масштабирования» - такие вещи, когда мы пытаемся принципы, работающие на отдельном заводе, распространять на всю экономику. Видимо, оценка адекватности потребностей туда же идет. Отмечаем подвид дискуссий – варианты планы или один, сразу идеальный, вариант? Что получит народное хозяйство от такой системы? Опять-таки: все будут довольны. «Автоматизированное управление народным хозяйством приведет к тому, что предприятия получат новые права, так как, лучше зная потребности общества, они будут более быстро и квалифицированно осуществлять свою деятельность. Новая техника позволит быстро доводить до центральных органов сведения о потребностях предприятий и строек. Они будут немедленно обработаны, увязаны с областями всего народного хозяйства, это позволит осуществить более

быструю координацию и централизацию планирования. В свою очередь, предложения предприятий, деятельность которых улучшает общее экономическое положение страны, при автоматизированной системе сбора, обработки и передачи информации будут своевременно учтены в народнохозяйственном плане». Эти слова, кстати, принадлежат Федоренко, и здесь видно, что на 64 год, через год после основания ЦЭМИ, он был, скорее, технократом. То есть, он здесь меньше рассказывает про то, что свободные цены нас всех спасут: он говорит о том, что мы построим систему правильного сбора и учета информации, которая будет в автоматическом режиме работать, и она нас спасет. Но это не отменяет вопроса: если у нас есть некая информация, то что мы будем оптимизировать? А это возвращает нас к вопросу: что будет, если мы хотим оптимизировать затраты труда, но у нас нет идеальных цен, которые их отражают? То есть, мы возвращаемся к началу «порочного круга».

Вопрос: «Чем эта система собирается оперировать?»

А.С.: «Конкретно – собирают информацию о том, как работают предприятия. Здесь достаточно практическая задача: нам нужно создать государственную сеть передачи данных. Предприятиям будет хорошо – они будут быстрее знать, чего от них хотят. Центру будет хорошо – он сможет быстрее «хотелки» предприятий увязывать друг с другом. Все то же самое – критерий оптимальности и адекватность данных. Про адекватность данных есть отдельный сюжет. «Свободное от коммерческой тайны социалистическое общество осуществляет координацию деятельности своих производственных подразделений, имея полную информацию об их положении». Сейчас я промотаю и скажу, насколько полную информацию имело свободное социалистическое общество. Вот. Один пример из сталинских времен – с 1 января 49 года была введена новая система оптовых цен для того, чтобы ликвидировать дотации в промышленности, восстановить окончательно принципы хозрасчета. Для этого пришлось повысить некоторые цены на продукцию, чтобы предприятия были рентабельны, но когда у предприятия закончилась отмашка «дайте нам денег не потому, что мы плохо работаем, а потому, что у нас цены неправильные», через 2 года удалось «откатить все назад», потому что ценовой пресс заставил предприятия работать лучше. 49 год – цены повысили. По-моему, 52 – вернули, как было. Потом 55-54 – еще снижали. Но эта реформа имела свои «подводные камни»: сразу же после введения в действие новых цен и тарифов было организовано наблюдение или, как сейчас принято говорить, «мониторинг». В конце апреля 49 года Госплан СССР представил Совмину СССР доклад о предварительных итогах изменения цен. Доклад был весьма самокритичным. В нем признавалось, что были допущены ошибки в определении уровня затрат. Это привело к завышению цен по многим видам продукции. То есть, в переводе на русский, когда готовили реформу, министерства обманули Госплан, получили необоснованно завышенные цены, но Госплан через 3 месяца спохватился и больше так не делали. Следующий пример уже из «новой эпохи»: «столкнулись с трудностями из-за нехватки новых данных и нормативов». Причем некоторые товарищи из числа экономистов знают эту «ахиллесову пятую»: когда результаты расчетов их не удовлетворяют, они говорят: «Исходные данные не те». Мы

имели возможность убедиться в этом, сделав расчеты размещения цементной промышленности. Полученный результат оказался невыгодным для НИИ цемента, и тогда работники его заявили: «Мы вам выдали неправильные данные». Поэтому для успешного внедрения вычислительной техники необходима организация научно-технического нормирования, а это, прежде всего, вопрос экономический. Почему я заостряю на этом внимание? Потому что, чем больше я в это закапываюсь, тем больше у меня скепсис в отношении технократического решения социальных проблем. В систему можно действительно заложить «кривые данные». В 49 году спохватились через 2 года. А более поздние пересмотры ... Последний пересмотр оптовых цен был в 55 году, а следующий – в 67-м, а следующий – в 73-м.

Какие частные задачи можно хорошо решать с помощью экономико-математических методов? Разработки прогрессивных мотивов. Составление региональных балансов. Разработка топливно-энергетических балансов. Распределение капложений между предприятиями одной отрасли или разных отраслей, но удовлетворяющих одну и ту же потребность. Задача размещения производств. Транспортное размещение. Изучение динамики потребностей (там, видимо, немножко другие модели). Планирование строительства школ, больниц, театров, других объектов культурно-бытового значения. Здесь, видимо, речь идет о географическом планировании, куда «раскидывать».

Какие проблемы, если мы это пытаемся перенести на «общенародный уровень»? Ну, для начала, неизменность производительности. Мы можем получить некие данные, но не факт, что они через какое-то время не изменятся. Если станки стоят одни и те же – то окей, хорошо. Если станки пришли новые через какое-то время – надо делать пересчет. «Шкурный интерес» очевидный: если мы используем объективные оценки, включая их в ценообразование, то включается следующая зависимость: если мы даем завышенные данные производительности наших станков, они оказываются относительно более дефицитными. Если они относительно более дефицитные, то у них выше эти объективно обусловленные оценки. Если у нас выше объективно обусловленные оценки, то мы можем обосновать более высокую цену на конечную продукцию. Никто не проверит – рынка нету. Профит. Потом выясняется, что данные производительности не соответствуют действительности, но план «идет лесом». Редукция труда. Много раз говорил: никто не знает, как приводить одно к другому. Я видел свежие мысли, как «редуцировать по зарплате». Зачитаю, наверное, наиболее теоретически обоснованное, на мой взгляд, из этой книжки возражение: «Но решают ли методы линейного программирования задачу определения экономического оптимума в рамках всего народного хозяйства? Нет. Они дают возможность определить частные оптимумы, но народно-хозяйственного оптимума они не определяют». Получается любопытная вещь. С одной стороны, математики как будто определили критерий оптимальности, решая двойственные задачи. Принцип двойственности – это и есть, согласно теории линейного программирования, принцип оптимальности. Но, когда двойственную задачу начинают применять в конкретной экономической задаче, то ничего путного не получается. Согласно принципу двойственности, значение целевой функции в исходной и двойственной задаче равно по своей величине минимум F , максимум – другая

F, соответственно, там, минимум затрат – максимум результата. Начинаем осмыслять, что есть что и как представить это в конкретной экономической задаче. Два разных показателя – затраты и результаты – количественно не могут быть одинаковы. Все затраты на производство продуктов, в любом обществе, как известно, сводятся к затратам общественного труда, при наличии товарных отношений, выражаются стоимостью товаров, а результаты всегда выражаются совокупностью потребительных стоимостей. Стоимость и потребительная стоимость – несоизмеримые категории, уже по определению этого никак не могут быть равны. Применительно ко всему народному хозяйству экономический оптимум также означает минимум затрат труда и максимум продукции. Несоизмеримость потребительной стоимости и стоимости, то есть, результатов труда и продукции, а говоря математическим языком, функции и аргумента, еще не исключает определения оптимума, но встает вопрос: как измерить все, производимые в обществе материальные блага в натуре? Измерить их нельзя. Точнее, измерить можно, а сложить между собой нельзя. Если вы материальные блага выразите через стоимость и приравняете к затратам труда в соответствии с теоремой двойственности, то весь расчет сведется к простому тождеству: затраты на продукт, выраженные в величине стоимости, будут равны затратам той же величины стоимости. Теперь те из математиков, которые столкнулись с экономической практикой, обращаются к экономистам – помогите нам, дайте нам определение критерия оптимальности. На этот вопрос экономисты могут дать очень простой ответ: дело в том, что потребительные стоимости несоизмеримы, что нет общей величины, которой можно было бы измерить все потребительные стоимости. В математике тоже есть несоизмеримые данные – есть рациональные числа, а есть иррациональные, которые выражают несоизмеримости отрезков. Если в математике не все соизмеримо, то почему же нужно думать, что в экономике все можно измерить. Это, на мой скромный взгляд – объяснение чуть более понятное. Есть менее понятное объяснение, но зато товарища Карла Маркса. Он не знал про экономическую дискуссию 64-го года, но каким-то чудесным образом предвосхитил. У меня немного сбилось форматирование, здесь другой вопрос. Кстати, этот вопрос дискуссионный, надо задать. Говорился тезис: «Каждое предприятие должно отдавать столько общественного труда, сколько оно получило. Угледобывающая станция, получившая от электростанции, вернее, от общества необходимое количество электроэнергии, обязана передать электростанции, а, точнее, обществу, строго определенное количество угля, содержащее в себе столько же общественного труда, сколько его было в полученной электроэнергии». Значит, шахта в подобном случае обязана передать угля на денежную сумму, равную цене полученной электроэнергии. Еще одно подкрепление тезиса о том, что нам нужны «правильные цены», потому что, если у нас «неправильные цены», то у нас одни предприятия «паразитируют» на других».

Ремарка: «Самое странное, что соизмеримость угля и электроэнергии определяется через цены, а не через устойчивую работу обменивающихся субъектов. Если вы посмотрите, например, модель Мидоуза, то это увидите. Тем более, никто из участников дискуссии не вспомнил Владимира Ильича, который социализм понимал как единую фабрику, работавшую под общим управлением, а всем хотелось «фабрику» разгромить».

А.С.: «Да, то есть идея заключается в том: как это у нас одни предприятия могут отдавать меньше, чем другие? У нас же есть принцип «каждому по труду». Встает вопрос: а на какой уровень его можно масштабировать?»

Ремарка: «Масштабировали даже до республик».

А.С.: «Да. То есть, с одной стороны, у нас есть хороший принцип, который мы декларируем почти сорок лет. С другой стороны, его можно так хорошо вывернуть, что у нас обязательно должна быть эквивалентность между шахтой и электроэнергией».

Ремарка: «Обратите внимание: в хрущевские времена параллельно с экономическими дискуссиями шел разговор о том, как будет выглядеть будущий мир, и пытались делать в этом направлении какие-то практические шаги. Все эти шаги были нацелены на уменьшение платности. Появлялся бесплатный хлеб, в МГУ квашеная капуста появлялась бесплатная и дрожжевой напиток, что некоторым позволяло от стипендии до стипендии не помирать с голоду. Были снижены цены на жилье. В плане цен и зарплаты может быть применен другой подход: людям дается достаточно для того, чтобы жить, квартиры, еда, отдых в профсоюзных санаториях и так далее, а они работают, как следует, за идею. Некоторых предлагается деньгами стимулировать».

А.С.: «Эти дискуссии тоже шли под прикрытием идеи, что нам нужно вернуться к принципу «демократического централизма», дать больше инициативы «низовым звеньям», потому что они там «сами с усами», если мы развернем творческую инициативу людей, поскольку у нас социализм уже построен, противоречий между интересами быть не может, то они нам все офигенно сделают, гораздо лучше, чем люди из Госплана, которые не знают, что там в стране происходит».

Вопрос: «Ставился ли вопрос о возможности реставрации? Я как понимаю, эти деятели уже такой вопрос не ставили?»

А.С.: «Я нашел цитату. Я решил, что, раз у нас марксистские семинары, надо не отходить от этого. У меня есть куча цитат никому не ведомых людей. Но есть из Маркса, есть из Энгельса, из Энгельса посвящена тому, до какой степени возможно равенство. «Через несколько поколений общественного развития при коммунистическом режиме и при увеличении количества вспомогательных средств люди должны будут дойти до того, что это настаивание на равенстве и праве будет казаться настолько же смешным, как теперь настаивание на разного рода дворянских привилегиях, в противоположность, как старому неравенству и старому положительному праву, так и новому, «переходному», праву, исчезнет из практики. Тому, кто будет педантично настаивать на причитающейся ему по справедливости равной доле продуктов, в насмешку выдадут двойную порцию» (из подготовительных работ к «Антидюрингу»). Очевидно, есть некая граница «абсолютного равенства», и Энгельс исходит из его определения как противоположности неравенству, равенство – это не самостоятельная категория, а категория, возникшая в ответ на то, что «кто-то кого-то обижал», когда перестанут обижать, то этот подход тоже исчезнет. Видимо,

мысли о том, что электростанция обижает угольную шахту или угольная шахта обижает электростанцию были в конце 50-х весьма живы, к сожалению».

Ремарка: «Здесь, по-моему, он ошибается. Если брать данные антропологов, то как раз равенство – оно логично, а отклонения от него воспринимаются как нарушение справедливости».

Ремарка 2: «Можно странную аналогию провести: дайте мне света, чтоб на меня ровно столько фотонов упало, сколько на всех остальных».

А.С.: «С одной стороны, пока у нас нет изобилия, у нас есть принцип «каждому по труду». Я просто показываю всякие логические вещи: раз у нас в газетах написано, что у нас социализм, можно делать, что угодно, ничего плохого не получится. Здесь тоже: раз у нас социализм – распределение по труду, давайте, каждая шахта будет с каждой электростанцией считаться. Соответственно говоря, невдомек им было, что за полтора столетия до них это же предлагал Прудон, получив за это «выволочку» от Карла Маркса. «Начинать соизмерение конечной стоимости продукта количеством заключенного в него труда, - отмечал Маркс, - и тогда спрос и предложение неизбежно придут в равновесие, производство будет соответствовать потреблению, продукты всегда будут обмениваться беспрепятственно, а их рыночные цены будут выражать их истинную стоимость. Вместо того, чтоб говорить, как все люди, что в хорошую погоду можно встретить много гуляющих, господин Прудон отправляет своих людей гулять, чтобы обеспечить им хорошую погоду». Кроме того, Карл Маркс прямо указывал: «Труд, затраченный на отдельный товар, совершенно невозможно исчислить». Каким-то образом, начав с вполне разумных предпосылок, что у нас есть математические методы, которые неплохо работают в рамках отдельных предприятий и даже отраслей, там, где производится нечто однотипное, мы очень быстро уткнулись в неразрешимое противоречие: все наши «хотелки» упираются в то, что нам нужны идеальные цены, а их нам взять неоткуда, более того, даже те цены, которые мы корректировали по факту, мы корректировать перестали, потому что тяжело и долго. Забавно то, что цены являлись центральным элементом дискуссии, но, как я уже говорил, один пересмотр цен был в 55-м году, а следующий – в 67. Все это время говорили, что цены должны постоянно, непрерывно корректироваться, с тем, чтобы они отражали текущий уровень затрат труда».

Ремарка: «Все это время воровали на их стабильности, а потом решили украсть на их изменении. Неужели не понятно?»

А.С.: «Здесь завершаю первую половину нашей лекции, потому что основные теоретические моменты, которые тогда обсуждались, кажется, я осветил. Я хочу поставить перед вами один вопрос, который добавляет мне поводов для пессимизма, потому что не является собственно экономическим. Как я уже говорил, на том уровне, до которого я докопался, на рубеже 55-6 годов я не увидел того, что нужно срочно изменять систему управления экономикой, потому что «все летит в тартарары». Вместо этого я увидел целый ряд групповых интересов, которые занимались лоббированием, проталкивая решения, направленные на то, чтобы сделать «им проще». Неприятная

вещь заключается в том, что с другой стороны я не увидел ничего. Есть там работа Ленина, одна из последних, относительно дачи законодательных функций Госплану, есть там идея, что Госплан стоит надо всем, есть официальная версия репрессий в отношении Вознесенского, что он был не «кристально беспристрастен». После этого у нас есть за 10 лет 7 реформ Госплана, за 15 лет – смена 10 руководителей Госплана, у нас есть формирование госпланов республик, которые завязаны на местные интересы, а с другой стороны нет ничего, и мне очень не нравится естественность этого процесса, потому что, если мы тут все пытаемся исповедовать активную жизненную позицию, и курс был задуман для того, чтобы понять, в какой момент в экономике что-то стало ломаться, по какой причине оно поломалось, является ли это проблемой теории или же проблемой исполнения, то по части экономики я пока особых проблем не увидел, за исключением определенных издержек, потому что тот же самый «ценовой пресс» требует от всех определенного напряжения. Наверное, если тебя постоянно так прессуют, это неприятно. А людям, которые принимают экономические решения, надо держать в голове целый набор данных, чтоб не прессовать бездумно, как в том примере с обувной фабрикой. Вопрос заключается в том, что групповые интересы растут очень естественно. И у меня сейчас нет готового ответа на вопрос о том, что этому противопоставить».

Ремарка: «Я готов ответить. Дело в том, что в данном случае действительно такая тенденция текущая неприятная, как бы «на этом Советский Союз закончен», и раньше этого не было. Но пессимизм Ваш, как я понял, заключается в том, что Вы не знаете, что этому противопоставить?»

А.С.: «Да».

Ремарка: «В принципе, я вижу в этом, скорее, оптимизм, потому что мы, наконец, нашли ту самую «дыру», которую советские экономисты «найти не могут и не хотят». Тут мы видим, что не экономическая теория виновата в развале советского проекта, а все произошло из-за общественно-политических процессов, потому что не очень понималось, «как правильно».

Зная эту проблему, можно подумать над механизмами компенсации этих процессов, очень много негативных процессов, и они бывают вполне естественны – здания разрушаются с момента их постройки и так далее. И если по этому поводу ничего не делать, оно так само и развалится, значит, надо что-то делать. Создавать механизмы общественного контроля, не зависящие от административно-хозяйствующих субъектов».

Ремарка 2: «У нас за рамками темы остался еще один «узел» дискуссии. 60-х годов – централизация или хозрасчет?»

А.С.: «Как-то я не увидел противоречия там. Я знаю 1 момент: там ставят противоречие – была битва Глушкова с ОГАСом против Либермана с экономическим стимулированием, по интернету ходят тексты о том, что Либерман победил, потому что ОГАС был дорогой, но проблема в том, что ОГАСа еще не было, а было Е-чего-то там, это была инициатива не только Глушкова, но коллективная. А второй момент – внедрение систем передачи информации никак не противоречило

попыткам построить оптимальный план на уровне всей страны. То есть, они дополняли друг друга: мы сначала строим систему, чтобы она нам передавала данные, а потом эти данные пытаемся как-то рассчитать. А централизация и хозрасчет – они противопоставлялись, но это – искусственное противопоставление. Хозрасчет – это очень «скользкое» слово, которое все время немного меняло значение. До этих реформ централизация с хозрасчетом неплохо уживалась: это требовало напряжения от всех, но был хороший полезный выход: предприятию спускают планы по натуре – сколько ему нужно произвести, ему спускают планы по себестоимости, самое радостное - что ему могут еще там фондов отгрузить с поправкой на прогрессивную технологию. Говоря иными словами, если вам нужно сто досок, чтоб построить дом, мы вам даем, например, 90 досок. Либо вы не построите дом. Либо вы придумаете, как использовать меньше досок. Но понятно, что такие вещи нельзя применять бездумно: тут очень легко «дров наломать» - такое регулярно случалось. Но здесь получается, что хозрасчет – это шкурный интерес предприятия выполнить план. Если предприятие снижает себестоимость, у него получается разница между себестоимостью и ценой больше. Соответственно говоря, разница остается у него, из нее можно премию работникам выплатить. Как только мы прекращаем постоянно пересматривать цены в сторону снижения, предприятие выясняет, что гораздо проще получить большую прибыль, не снижая себестоимость, а повышая цену. А чтобы повысить цену, мы можем перекрасить обувь в другой цвет и сказать, что это – иная модель».

Ремарка: «Если хозрасчет истинный, то он предполагает понимание каждым работником экономических механизмов?»

А.С.: «Нет. Не обязательно. Зачем? Хозрасчет на макроуровне: по сути, предприятию ориентир даем. В одном случае, оно получает больше прибыли, если снижает себестоимость, в другом случае – если начинает «играться с ценами». Как-то хозрасчет неплохо уживался с централизованным планированием, вопрос в том, за что ты стимулируешь человека? Если за то, что получает больше прибыли – он будет стремиться увеличить прибыль. Если за выпуск в натуре – будет стараться увеличить выпуск в натуре».

Ремарка «Но при этом мы так и не договорились, это дает реальный результат? Большая часть присутствующих не работала при СССР. Несколько человек прожило большую часть жизни при СССР. Только я не помню момента и рабочего места, где какая-то дополнительная денежка заставляла бы работать больше, чем другие факторы. Я разбиралась с системами премирования, я даже писала о них в какой-то самиздат».

А.С.: «Хороший вопрос – что стимулирует людей? Это как-то плохо уживается со светлым будущим, но, в том числе, стимулировал страх».

Ремарка: «Во-первых, деньги действительно стимулируют, вплоть до того, что в США в 30-е годы была программа стимуляции к чтению, в частности, за распространение денежной премии. Проблема вот в чем: если ты нечто содержательное делаешь за деньги, то ты перестаешь понимать,

зачем ты это делаешь? Грубо говоря: после того, как выплаты кончались, любовь к чтению исчезала. То же касается успеваемости, то же касается производительности. Поэтому уже в 50-е годы в крупных компаниях стало понятно, что деньги работают в первый момент, потом надо мотивировать персонал иными средствами – через работу в команде, через соревнования команд».

А.С.: «На то же самое работают всякие статусные вещи. Ты стимулируешься не просто деньгами, а потому, что себе там хочешь 6-ой айфон купить. В позднем СССР был целый ряд проблем, одна из них была связана с тем, что многие вещи нельзя было купить даже за деньги. Тот же самый дефицит, раз. Два – примерно в те же 50-е годы пошла линия на снижение разрывов в тарифных ставках. То есть, не знаю, хорошо это или плохо, но сталинский СССР был весьма структурированным обществом, где разрыв между простым рабочим и начальником цеха был большой. Разрыв между начальником цеха и академиком – огромный. Это называется «социальная стратификация». Там была куча стимулов, куда тебе стремиться. Потом начались всякие «извращения», когда рабочий начал получать больше инженера, потому что непонятно, зачем тогда инженеру учиться. Инженер просто может, предполагается, сделать вещь, которая заменит тысячи рабочих».

Ремарка: «Шансы, что это сделает рабочий, гораздо выше, чем шансы на то, что это придумает инженер».

А.С.: «Я сейчас это в социальном аспекте вспоминаю, говоря о том, что в какой-то момент эти «неденежные» стимулы, куда стремиться, чего хотеть, они «притухли» - частично из-за того, что общество стало более однородным. А с другой стороны, если вы долго не соблюдаете пропорцию денег и товаров, у вас быстро начинается дефицит. И вы не можете ничего купить за деньги. И вас это сильно демотивирует».

Вопрос: «Когда конкретно произошла переориентация предприятий с выпуска продукции на прибыль? В каком конкретном законе?»

А.С.: «Косыгинская реформа – это 1965 год. Перед этим были «пробы». Несколько лет «по мозгам давали» за снижение себестоимости. Нельзя сказать, что это с потолка свалилось, это был какой-то поиск, что вот, у нас есть одно решение, оно маячит прямо перед носом, но мы упорно его не видим, стараемся найти любое другое. Из того, что успел раскопать: 59 год – переориентация предприятий на себестоимость. Поскольку выделили 1 показатель, а на остальные «забили», началась проблема с улучшением качества продукции. 62-63 год – постановление о том, что нельзя планировать от достигнутого, надо планировать с учетом культурных сдвигов, потому что, видимо, к 63 году планы уже составлялись по методу «берем факт – прибавляем проценты». 65 год – «вершина», мысли о том, что давайте поставим во главу угла даже не прибыль, а рентабельность, тогда предприятия у нас сами начнут хорошо работать».

Вопрос: «А зачем это понадобилось все? Перед какой проблемой встала страна? Насколько это было остро?»

А.С.: «Проблема, перед которой встала страна. Первое – есть клевые матметоды, которые обещают догнать и перегнать. Это не проблема, а, скорее, соблазн. Вторая проблема – совнархозы делают то, что хотят сами. Мы начали децентрализацию управления, но мы не можем увязать интересы мест с интересами центра».

Ремарка: «Это не проблема, а, скорее, ее следствие».

Вопрос: «А что на тему перехода от отраслевого управления к территориальному?»

А.С.: «Эта точка – в свою очередь, тоже следствие, потому что у кого-то и ранее возникали мысли, что нужно так сделать. Если вы хотите мое мнение, когда началась эта проблема – то эта проблема началась 5 марта 1953 года».

Вопрос: «А что у нас с динамикой ВВП СССР после окончания восстановительного послевоенного периода?»

А.С.: «Если вы хотите найти ответ на эту проблему – может, ответ там есть, а может, его и нет. Мое мнение – присмотреться там ко всяким социальным психологам, к теориям игр, к людям, которые занимаются увязкой эгоистических интересов групп. А второй момент – постараться, я, правда, понятия не имею, как это сделать, понять, как китайцы внедрили принцип сменяемости руководства через каждые 10 лет, потому что, если мы говорим, что проблема от 5 марта 1953 года, то она заключается в том, что «Сталин не бессмертный». Проблема, с одной стороны, заключается в том, что есть интересы «давайте сделаем, как проще», а с другой, могут быть идейные люди у власти, которые всех «прижимают», а могут и не быть. Мы уходим из экономической плоскости. Нашел проценты, вот».

Ремарка: «Невозможно рассматривать проблему в отрыве от контекста – это «сферический конь в вакууме».

Ремарка: «Мы обсуждали это с Вами 2 недели назад, что есть две идеи о том, что можно противопоставлять частным интересам: первое – в СССР была структура, способная эту проблему решить. Если в сталинский период было «единоначалие» предприятий, то всех «строила» партия. Если трудящиеся считали, что что-то на предприятии не так, то они шли в вышестоящий партийный комитет, и происходила регуляция. Реально же, начиная с 55 года, решение принимало партбюро, не директор единоначально, директор был лишь членом партбюро, большую часть его составляли работники, а для работника поставить начальника на место, превзойти его в понимании – это сильный внутренний мотив. Это один механизм. Второй – соревнование то самое, на которое Ленин рассчитывал. У меня забавная аналогия: то, что Вы описываете для СССР с тем кризисом капитализма, который описан в книге Болтански и Кьяпелло «Новый дух капитализма». Там

описано, что было на предприятиях с 68 по 72 год, то есть, все как бы слышали про студенческие волнения и т.д., а на предприятиях происходил отказ от труда. Люди не были готовы работать на капиталистов в прежнем режиме. Во всех развитых капстранах резко падала производительность труда. Требовали уважения достоинства, иначе – саботаж, захваты контор, прямое насилие в адрес администрации. Внезапно оказалось, что деньги, иерархия – это рабочих не мотивирует».

Ремарка 2: «Не внезапно. Возникла мировая система социализма».

Ремарка: «К концу 60 – х годов значительная часть управленцев там стали составлять не дети буржуа, а дети учителей и прочих разночинцев, которые душой были, скорее, с рабочими. И вот как надо по-новому мотивировать работников – и тех, что в офисе, и тех, что за станком. Смещение в сторону сетей. То есть, грубо говоря, была дана свобода в обмен на неустойчивость заработка, положения, снижения защищенности и т.д. А вот в нашем социализме надо было мотивировать управленцев. То, что описывает Алексей – это был до некоторой степени похожий кризис у управляющего слоя. Советский Союз не дошел до уровня мотивации управленцев, потому что ее надо было искать не в базисе, а в надстройке».

Ответ: «Надо было настолько прекрасно устроиться, что процесс затянулся с 60-х годов до 80-х – аж на 20 лет. Все сопротивления любым реформам сохранились, потому что управленцы должны были, как страта, давно исчезнуть. Вот эта система ОГАС, и изменения роли рядового работника, и самоуправляемые единицы – единицей должны были стать не заводы, не министерства, а аналог монополии».

А.С.: «Там шли потом укрупнения предприятий».

Ремарка: «Не зря же был закон «Об объединении предприятий» от 1988 года. Объединения, связанные в цепочку, причем, нащупывающие свои контуры рыночно-стихийно, самостоятельно – кого включить – кого не надо, с кем кооперироваться – с кем не надо».

А.С.: «Рост производственных объединений все 70-е годы шел».

Ремарка: «Экономический смысл был тот же самый, что и монополизация и оптимизация производства в капиталистическом мире».

Ремарка 2: «Есть другие системы, которые увеличивают возможности человека определять хотя бы свою судьбу, а есть те, которые уменьшают. Развиваться они могут одинаково. Я вот Маркса немного переформулирую: основное противоречие в капиталистическом характере производства и частнокапиталистическом характере присвоения – это взаимосвязанные вещи – в «частнокапиталистический характер управления» Когда общество движется к общественному характеру управления – будь то капитализм против феодализма, будь то феодализм против рабовладения, оно (общество) – молодое, светлое, радостное, и труд никак не связан с размером вознаграждения. Когда этот параметр уменьшается, что не дай – все будет мало, будет

всеразрушающая зависть. Может, сущность труда – попробовать по каким-то критериям определить, может, даже, ненаучно, потому что наука есть буржуазное изобретение, так же как церковь – изобретение феодальное. Не, я согласен, что церковь не от Бога, но наука от истины. Увы».

Вопрос: «Когда вернулись опять к отраслевой организации, к министерствам, какие при этом лозунги выдвигались?»

Вопрос 2: «Это же не было абсолютным противопоставлением, министерства сохранялись?»

А.С.: «У них аппарата продвижения своих решений не было. Министерства были преобразованы в госкомитеты, которые должны были заниматься единой государственной политикой, но у них не было рычагов воплощения своих идей в жизнь. Грубо говоря, заниматься они могли, чем угодно, но до совнархозов они не могли дотянуться, потому что там – хозяйственная самостоятельность. Так, ладно. Национальный доход: 5-я пятилетка -11,3% среднегодовой темп роста, бая пятилетка, 56-60 – среднегодовой темп роста – 13,3, семилетка – национальный доход – рост 6,5%, проседает в 2 раза. Следующая пятилетка – 5,7, следующая пятилетка – 4,3. Кстати, это еще момент, который надо отметить: можно прочесть про «косыгинскую пятилетку» - «реформа доказала свою эффективность тем, что повысились темпы ... чего-нибудь». Они повысились по сравнению с совнархозным периодом, но не достигли периода, например 51 года».

Ремарка: «Ситуация могла быть даже хуже. Предреформенная пятилетка – 61-65: среднегодовой прирост – 5,7%. Эти темпы были недостаточны для выполнения экономических задач. Недовольство результатами реформы, первые шаги, 8-ая пятилетка – рост 7,2%, затем реформа продолжалась, итоги, похоже, наступили: 9-ая пятилетка – 5,1, 10-ая – 3,8, 11-ая – 3,1%, с учетом роста численности населения, для возросшего населения – это вообще две десятых процента. А с учетом роста затрат на добычу сырья, опережающий рост запасов – фактический прирост – немногим более 1%. Фактически, как сейчас, когда мы спорим, у нас – 0, +1 или -1».

А.С.: «Мне не нравится фраза: «реформу начали свертывать». Свертывать – это что, постановление? Планирование никто не отменял, то, что цены начали переделывать раз в 8 лет – их и до этого не особо часто переделывали. Продолжение реформы – это «восстановление рынка», чтобы у вас была возможность как-то «считать» цены. У меня данные несколько другие. Промышленность, среднегодовые темпы роста: 51-53 – 38%, 56-60 – 10,4%, 61-65 – 8, 6%, 66-70 – 8, 5%, далее – 7,4% и 4,4%, в том числе, группа Б – 51-55 – 10, 0%, 56-60 – 10,9%, 61-65 – 6,3%, 66-70 – 7,4%, потом 6,5%, потом 3,8%. Ну и производительность труда – 7,6%, 6,6%, 4,6%, 5,8%, 6,0%, 3,2%. Дискутировать можно долго и упорно, у вас есть теперь некоторое понимание, откуда у всего этого «выросли ноги», надеюсь, что оно у вас теперь есть, потому что, то ли все в шоке, то ли все внимательно слушают. Сочетание веры в чудо, технократизма и групповых интересов».

Ремарка: «В одном старом фильме есть замечательная фраза: «Когда присутствует много глупостей, надо искать очень умных людей».

Ремарка 2: «Хотел подкинуть информацию социальную: Алексей говорил об управленцах и о том, что предприятия должны быть субъектами и сами решать – как видели свои общественные обязанности молодые рабочие 67-68 года? Это как раз то самое исследование Здравомыслова и Ядова, человека исследований в период СССР и после. Исследовали разные жизненные вещи у советских и американских рабочих. Советские отличались от американских: американцы работали за деньги, а свободное время тратили на частную жизнь, а советские в свободное время учились, чтобы стать инженерами. Практически никто из них в конце 60-х годов не чувствовал личной вовлеченности в дела предприятия. Свои обязанности они видели в общественной работе, выполнении плана, но они считали, что план должен составляться где-то в Москве и распределяться на всю страну. А вот личная ответственность за выполнение плана появляется у рабочих в конце 70-х годов, она нарастает к моменту рынка, вот как раз при рынке у тех предприятий, которые живут, рабочие, видимо из страха перед безработицей, максимально за дела предприятия переживают».

Вопрос: «А на основании чего сделаны такие выводы?»

Ответ: «На основании опросов. Это – социологические данные. Грубо говоря, рабочие были не готовы, не важно, из каких мотивов, видеть свое предприятие субъектом, они мыслили «масштабами страны». Они были готовы повышать квалификацию, работать производительней, но они не мыслили масштабами предприятия».

Ремарка: «Насчет 60-х готова согласиться, тем более, серьезное исследование, качественное. Но про 70-е? Ей-богу – это лажа. При максимальном охвате и полном уходе в личную жизнь ... Если только фактор конформизма? Ребята читали газеты и отвечали то, что от них ждут».

Ответ: «Получается, ответственность за предприятие связана с какими-то страхами – в рыночное время это – страх безработицы, а что в позднесоветское – я не знаю».

Ремарка: «Если отношение к работе – достаточно комфортное, не унижающее, не разрушающее здоровье, то, в общем-то, не требующая личной вовлеченности «обязаловка» - если это проявилось в 60-е, то нарастало в 70-е и достигло пика к какому-нибудь 85 году. Собственно, страхи у советских людей – они и в 89-м еще ничего не боялись».

А.С.: «Можно просто второе исследование найти – оно же не уникальное. Посмотреть, что другие социологи писали».

Ремарка: «Это отмечает Константиновский в Новосибирске. Это надежные данные».

А.С.: «То есть, вы хотите сказать, что мотив страха есть а мотив ответственности, когда еще все хорошо – его нет».

Ремарка: «Одновременно снижается общественная активность, то есть, готовность заниматься общественной работой, тут вполне предсказуемо».

Ремарка 2: «Опросы показывают, что у них есть обеспокоенность собственным будущим как работников и при этом – полная социальная апатия в отношении реализации плана».

Вопрос: «В экономике отражаются все процессы, которые происходят в обществе же? Не упомянули освоение целины, которое сначала давало урожайность, потом урожайность упала, что, естественно, отразилось на тех цифрах, которые Вы говорили, по годам должно совпадать с подъемом и с падением. Любой вопрос лучше видно, когда его рассматриваешь в комплексе. Второй момент – это передача МТС-ов колхозам. Что тоже отразилось, вполне понятно, на экономике, таких нюансов еще много. Понимание надо обретать, глядя не на 1 экономический срез, а комплексно рассматривать то, что тогда происходило».

А.С.: «Вы все правильно сказали. Просто это было в прошлый раз. Я не знаю, если в рассылке Вас нет, надо Вас добавить – в прошлой лекции я рассматривал вопросы, с МТС-ом связанные, с новым порядком планирования колхозов, потому что здесь периоды накладываются друг на друга. Просто идейно дискуссии относятся к 50-му году, к реформе, в прошлый раз поэтому мы рассказывали про конец 50-х, даже немножко «влезая» в начало 60-х, а сегодня пошли так обособленно, чтобы понять, какие аргументы были у тех людей, кто это двигал. Поэтому давайте я Вам просто лекцию предыдущую пришлю, потому что вещи, связанные с МТС, там разбирались. Разбиралось, какие предпосылки к реформе в конце 50-х были. Я увидел, что к 55-му году я не увидел, что что-то ужасно работало, начинало рушиться – я имею в виду экономические вещи».

Ремарка: «Понятное дело, что вопрос политической воли и классовой борьбы: если мы посчитаем, что смерть Сталина не просто шутка, а рациональное зерно в ее влиянии есть, то почему все многообразие форм, институтов, которые создает пролетариат для ведения классовой борьбы – профсоюзы, партия, потребкооперация, когда у пролетариата есть власть – госаппарат, у пролетариата в конце был один институт, который остался у него в руках – и тот умер? Откуда возник дефицит воли рабочего класса?»

Ответ: «В частности, от того, что, когда пролетариат берет в руки власть, он перестает быть пролетариатом».

Ответ 2: «Можно сказать, что к тому моменту возникла мировая система социализма. Если мы берем то, что «кипело» в советском обществе, оно, во многом, было крестьянским. Вот эта мелкобуржуазная психология многое подтачивала. Пролетарское «классовое ядро» было распылено по тем или иным причинам».

Ремарка: «Катастрофическое влияние оказала школа буржуазного воспитания. А макаренковскую систему задавили сразу».

А.С.: «Извиняюсь, я наверное, буду заканчивать. Резюме, как ни странно: гора родила мышь. То есть долгие штудии про советскую экономику подводят к мысли, что дело не в экономике, как таковой. Мне немного смешно, что «сухой остаток» - нужно понимание, как противостоять бюрократизации, как противостоять групповым интересам, как противостоять контрреволюции – в принципе, это замечательно писали до нас и много раз, наезды на советскую буржуазию идут чуть ли не с 20-х годов, получается, что до сих пор там мой курс никакого нового знания не принес».

Ремарка: «Именно с этим новым знанием боролись, насколько я помню».

Ремарка 2: «В манифесте коммунистической партии было указано, что коммунисты отличаются от других рабочих партий одним – в отличие от других рабочих партий они отстаивают интересы не той или иной части рабочего класса, а рабочие интересы «общие».

А.С.: «Значит, коммунисты кончились».

Ремарка: «Кстати говоря, сильно критиковали концепцию, что социализм был построен. Тогда вызывает вопрос – должен быть следующий строй – коммунистический? А переход – реакционный».

Ремарка 2: «В 1853 году Ф. Энгельс написал: «Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия вследствие беспомощности и вялости всех остальных партий будет вынуждена встать у власти, чтоб, в конце концов, проводить такие вещи, которые отвечают не нашим интересам, а интересам общереволюционным. В таком случае, под давлением пролетарских масс, связанных своими собственными и, в большинстве случаев, ложно истолкованными в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, насколько они несвоевременны. При этом, мы потеряем головы, насколько это – реакция, и, прежде чем мир сможет дать историческую оценку, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что гораздо хуже». Короче говоря, а что если, это – вульгаризация и укрупнение, но весь советский эксперимент – это частный случай вот такого вот прогноза? На явно незрелой информационной и технологической базе пришлось делать то, что на самом деле может состояться только с интернетом? И это прокладывало путь? И «откат» был неизбежен?»

А.С.: «Неудачный эксперимент. В следующий раз получится».

Ремарка: «Я вижу новые лица, пожалуйста, напишите на листочке свои электронные почты. И мы попросим Алексея выслать материалы в наше сообщество».

Лекция 8. «Косыгинская реформа. Предпосылки».

А.С.: «Сегодня восьмая из цикла лекция, которые были начаты примерно 2 года назад, я продвигаюсь хронологически от 20 годов все ближе к нашему времени. Сначала я хочу сделать пару вводных замечаний. Во-первых, большинство людей, которые здесь присутствуют, на предыдущих лекциях не были, поэтому: аудиозаписи есть всех лекций, видеозаписи есть по-моему предыдущей лекции, которая была. Они все доступны онлайн на моей странице Вконтакте, которая указывалась в анонсе, а также в профильных группах – «Социальный компас» и «Неформальные марксистские семинары». Еще один ресурс, где вы сможете посмотреть предысторию, если вас заинтересует происходящее. А второй момент связан с тем, что, поскольку я не являюсь профессиональным историком, я в какой-то мере читаю эти лекции «с колес». Это, безусловно, плохо, потому что между ними получаются большие перерывы, слушатели успевают «обновиться» на 90 процентов, сам я успеваю частично подзабыть предыдущие темы. К сожалению, получается так, что, сколько бы времени ни занимала подготовка к лекции, всегда не хватает пары последних дней или одного последнего дня. У меня много материала, который я постараюсь донести, но придется либо разбивать на две части, либо делать перерывы. Сейчас, когда я понимаю, что «опорный конспект» занимает уже тридцать страниц 11 шрифтом, я понимаю, что, наверное, немного перестарался для одной встречи. Лекцию я буду строить, в основном, на выдержках либо из книг историков тех лет, которые тот период освещали, либо людей, которые на тот момент принимали активное участие в осуществлении экономической реформы. Здесь еще 1 методологическое замечание: я выяснил, что те историки, которые «прямо историки», этот пласт материалов не очень любят. Вот, например, историк пошел в архив, нашел там документ, который до него никто не находил и не исследовал, прочитал и сделал определенные выводы (или не сделал), то «я – молодец, так нужно делать». А если я взял ряд старых книжек, прочел и что-то понял там или мне показалось, что понял, что это не совсем хорошо, потому что по умолчанию предполагается, что там «советские книжки все врут», либо что их все знают, либо одновременно «их все знают и знают, что там все врут». Я читаю, что, наверное, надо придерживаться взвешенного подхода: если у нас есть архивные документы – то это хорошо, если у нас есть архивные книжки тех времен или современные книжки с воспоминаниями людей тех времен – это тоже хорошо, просто нужно помнить что людям свойственно приукрашивать действительность, в которой они находятся.

Что интересного для нас в косыгинской реформе, и почему про нее нужно делать отдельную лекцию? Надеюсь, что здесь присутствующие хотя бы что-то про нее слышали. Можно там выйти и в течение 2-х минут сказать, что реформа была начата в 1965 году и имела целью дополнить плановый механизм хозяйствования рыночными элементами. Постепенно она стала сворачиваться. Говорят, что после 68-го года и событий в Чехословакии, но некоторые считают, что события в Чехословакии не очень влияли. В общем, это был некоторый шаг в том направлении, в котором там в 80-е годы стали проводить перестройку, пока она не вышла из-под контроля. Насколько я понимаю, это про реформу знают все люди, которые хоть немного интересуются темой. Если я заявляю, что вас буду мучить несколько часов, значить, есть какие-то вещи, которые нужно знать

«сверх», вопрос заключается в том, что, если мы берем вот это «узкое» понимание реформы на 2 минуты объяснения, то у нас остаются «за кадром» причины, которые ее вызвали. Можно сразу сказать, что «правлящая верхушка переродилась», они с 65-го года готовили коварный план, как они в 90-м все развоят и «поймут с этого гешефт». Это был такой долгосрочный коварный план на 40 лет, и он, наконец, сработал. Мне нравится «вдруг»: часто читаешь какую-то книжку, и там «все шло хорошо и вдруг сломалось». Или еще хороший вариант : плановая экономика работала хорошо, но в начале 60-х в ней что-то случилось, выяснилось, что дальше работать по-старому уже нельзя. Я сейчас, конечно, утрирую, но не очень сильно: если вы будете читать всякую популярную современную литературу, особенно какие-нибудь книжки, например «Экономическая история России со времен Рюрика до наших дней», то там обычно это все «спрессовано» в 2 абзаца и написано примерно то, что я сейчас воспроизвел. Цель состоит в том, чтобы, может быть, частично реконструировать логику тех людей, которые принимали в этом непосредственное участие, потому что я предполагаю, что все, здесь присутствующие, не верят, что действительно формировалось некое «законспирированное ядро», которое всех обмануло и продолжало обманывать долго и упорно.

Придется начать с предыстории. Она частично освещалась в предыдущих лекциях, но, поскольку я понимаю, что перерыв по 8 месяцев – это нехорошо, а состав участников почти полностью новый, то придется о ней сказать и сейчас. К моменту смерти Иосифа Сталина сформировалась достаточно стройная и логичная плановая система, ключевые параметры которой кратко можно обозначить как «ценовой пресс + соцсоревнование и система нормативов». Что это обозначало? У нас есть некие нормативы на производство огромного количества видов продукции, есть понимание, сколько стоит ее произвести, есть некая оптовая цена, по которой предприятия отпускают ее другим предприятиям, если это группа А, либо предприятиям торговли, если это – группа Б. Оптовую цену периодически снижают. Многие знают про снижение розничных цен, в послевоенное время. Но для понимания работы экономики снижение оптовых цен наиболее важно. Потому что у предприятия есть разница между себестоимостью и итоговой ценой – прибыль – она небольшая, ее хватает на выплату премий отличившимся сотрудникам и на какие-то другие стимулирующие мероприятия. Ее хватает для того, чтобы производить модернизацию, делать капитальные вложения, закупать новые станки, для того, чтобы работники чувствовали, что они неплохо поработали. Но премия формируется как процент от прибыли, а прибыль с каждым директивным снижением оптовых цен становится меньше. У предприятия есть 2 выхода. Либо остаться без премии, либо изобретать способы снижения себестоимости. Тут к делу подключается соцсоревнование, цель которого – даже не столько «наградить самых лучших», а уловить идущие «снизу» импульсы, как произвести то же самое, но дешевле. Через систему соцсоревнований все это дело распространяется на всю экономику, после того, как эта новинка, придуманная на одном предприятии, преследующем свой «шкурный интерес», распространилась по всей экономике, у нас появляется новый, меньший, по сравнению с предыдущим, уровень издержек. Понятно, что в пределе цены снижаются до нуля и «наступает коммунизм». Я немного утрирую.

В чем проблема такого хозяйствования? Одна проблема связана с тем, что нужны нормативы на все, причем нормативы в натуральном выражении. Если мы хотим снижать цены более-менее обосновано, то мы должны понимать, что в результате снижения цен произойдет: это предприятие начнет изыскивать внутренние резервы или просто уйдет в убыток? То есть, все время нужно держать определенный баланс. Нельзя просто взять и снизить цены на 20% за год, потому что просто такого не бывает. По мере усложнения структуры производства появляется больше видов всевозможных продуктов и вместе с ними – больше нормативов. 1947 год – создание Госснаба, отдельной конторы, которая должна была утверждать эти нормативы, контролировать их адекватность, отпускать нормы снабжения материалами всей советской экономики. Второй момент связан с тем, что система хорошо работает, пока все участники напрягаются. С одной стороны, есть Госплан, у предприятий есть внутренние резервы, чтоб не перейти эту грань, за которой, вне зависимости от соцсоревнования, предприятие уходит в убыток. С другой стороны, есть предприятия, которым постоянно нужно что-то изобретать, потому что они понимают, что, если остановятся в развитии, им будет нечем платить премии собственным сотрудникам, сотрудники начнут быть сильно недовольны. Вот это постоянное напряжение, как я понимаю, всем к моменту смерти Иосифа Виссарионовича порядком поднадоело. Если говорить грубо и обобщенно, потому что мне не хочется пересказывать все предыдущие лекции, то, в моем понимании, эпоха Хрущева – это попытка сделать все, как при товарище Сталине, только попроще, побыстрее и дешевле. Я, может быть, немного утрирую, но, в какой-то мере, эпоха Хрущева – это вера в чудо: вот, у нас есть тяжелый способ развиваться, мы верим, что мы сейчас придумаем какую-то замечательную вещь, которая нам позволит этот тяжелый способ сделать более легким.

Что происходит? Как мы знаем, когда шла политическая борьба между Хрущевым и Маленковым – я надеюсь, все помнят, что между Сталиным и Хрущевым был еще один лидер советской страны – Маленков выступил с программой перераспределения средств в пользу товаров ширпотреба, в пользу сельского хозяйства. Поначалу, программа зашла «на ура», очевидцы говорят, что по деревням доклад Маленкова «зачитывали «до дыр», «вот, наконец, и нас вспомнили». Но, буквально через год Маленков был смещен, ему предъявили обвинения в дешевом популизме, в забвении постулатов марксизма, которые требуют опережающего развития производства средств производства и, в общем, я так понимаю, что за всем этим скрывалось, что на ту пору тяжелая индустрия имела достаточно серьезные позиции в распределении физических сил, это накладывалось на внешнеполитические обострения, и Хрущев предложил, на первый взгляд, парадоксальную мысль: он сказал, что у него есть гениальная мысль о том, как улучшить положение в промышленности и сельском хозяйстве без затрат огромных сил и средств: нужно усилить материальные стимулы: тогда колхозники без массовой помощи станут работать лучше и все станет так же, как и было, но лучше. Под это дело была начата кампания целины, согласно которой нам не нужно вкладываться в подъем черноземной полосы, рыть каналы. Потихоньку был свернут сталинский план преобразования природы. Идея была, что у нас есть целинные залежные земли, мы их быстро распашем, они нам быстро дадут результат. Под это дело со старых земель были сняты,

в том числе, те мощности, которые там уже были, то есть, тракторы, которые участвовали в распашке, тех колхозов и совхозов, которые уже были на освоенной территории. После чего опять-таки парадоксальным образом процесс стал самоподдерживающимся, поскольку не хватало средств ни на старые, ни на новые территории, поскольку мы либо пытаемся активизировать процесс в сельском хозяйстве материальными стимулами, либо никак. Этот кульбит сделал упор на материальные стимулы в сельском хозяйстве фактически безвозвратным. История с целиной, думаю, в двух словах тоже всем ясна: положительные результаты были в первые несколько лет, были проблемы с вывозом всего этого дела в европейскую часть страны, потому что понятно, что дороги и элеваторы «из ниоткуда» не появляются. После чего без соответствующих мероприятий продуктивность там тоже упала, и страна вернулась фактически в исходную точку. Одновременно с упором на материальные стимулы возникла следующая идея о том, что колхозников мы как-то простимулировали, а стимулирование колхозников – это мы сократили нормы обязательных поставок. Я напоминаю для тех, кто не знал или забыл, что у нас в начале 50-х годов на одну и ту же продукцию, произведенную крестьянами, было 4 цены – была цена заготовительная – некий продуктовый налог, некий фонд сельскохозяйственной продукции, который забирался у колхозников по ней фиксированной цене, которая была достаточно низкой. Объем этого фонда был такой, чтоб не допустить голода в городах. Это был такой неприкосновенный запас, если с остальными каналами случится что-то плохое, с тем, чтобы дожить до следующего года. После того, как колхозники выполняют свои обязательства, они могли государственным заготовительным предприятиям сдать что-то свыше, если у них оставалось, уже по более высоким ценам. Следующий вариант был – пойти на колхозный рынок, там цены еще более высокие. Но колхозный рынок хорош был, если тебе нужно продать несколько десятков килограмм. Если тебе нужно продать несколько вагонов продукции, то колхозный рынок тебя не спасет. Наконец, были цены по продкооперации по контрактации – когда до начала урожая с колхозниками договаривались: мы вам даем некий аванс, а вы нам опять-таки по твердым ценам все это сдаете. Но в основе лежала первая категория, когда мы некий минимум, необходимый для выживания городов, забираем по ценам низким, колхозники были, разумеется, не очень счастливы, но это дает нам уверенность в том, что города не будут голодать. Это дело отменили в несколько этапов, но, в общем, в 60-м году система твердых поставок фактически была ликвидирована. Что предполагалось этому делу противопоставить? Окей, теперь у нас нет такого жесткого «вышибания» из колхозов. Предполагалось противопоставить усиление партийного контроля и восстановление роли партии в хозяйственной жизни. Это – еще одна вещь, по которой Хрущев переиграл Маленкова, многие историки сходятся на том мнении, что после смерти Сталина партия многие свои позиции потеряла, потому что решения проводились или различными узкими группами, или через институт Совмина, но позиции партии в хозяйственном управлении страны были не очень сильными. До тех пор, пока Хрущев давал ей больше самостоятельности, партия его поддерживала. Когда Хрущев начал требовать с нее больше ответственности за результаты, партия от него отвернулась. И, опять-таки, есть ряд свидетельств о том, что, после того, как Хрущев был

смещен, была попытка разделения партии на промышленные и сельскохозяйственные обкомы, для того, чтобы заставить партийцев отвечать за результаты на подведомственной территории.

Про подведомственную территорию. В 57-м году проходит реформа управления промышленностью. Вся страна делится на экономические районы. Во главе экономического района есть совет народного хозяйства. Если читать записки Хрущева 56 или 57 года, то, на мой взгляд, у него все это мыслится немного «анархически», в том смысле, что там предполагается, что штат совнархоза совсем небольшой, приходят директора предприятий, местные партийцы, садятся за «круглый стол», обсуждают, что им нужно, сами вырабатывают некоторые решения, понимая необходимость этих решений, идут претворять их в жизнь. По факту, как обычно, получилось не совсем так, как задумывалось. Достаточно быстро страна стала терять экономическую целостность. Внутри совнархозов планы снабжения перевыполнялись, планы снабжения соседних экономических районов недовыполнялись. Для того, чтобы у территориальных органов было больше самостоятельности, был ослаблен контроль из центра, было постановление Совмина СССР конца 57-го года о том, что «требуем запретить самовольно сокращать план производства товаров широкого потребления» и вообще, «если вы меняете что-то в планах, то вы должны местный госплан об этом хотя бы уведомить. Складывалась ситуация, когда совнархозы начинают оптимизироваться внутри себя, не особо глядя на остальную страну. Есть интересная статья Марка Харрисона «Спотыкающийся медведь, парящий дракон: мог ли Советский Союз пойти по китайскому пути», в котором он разбирает, в общем-то, этот кейс с позиций того, что это была некая попытка создать соревновательность между главами этих совнархозов и этих экономических районов, потому что, насколько я понимаю, в Китае эта система работает: в стране есть провинции, провинции оцениваются по тому, насколько у них ВВП вырос больше, чем у соседей, если местный мэр хорошо старается, то его берут сначала в руководство провинции, а потом – в Пекин. Опять-таки, надо читать оригинальную статью. Если в двух словах, то в СССР не сработало по 2-м причинам: 1) совершенно другой масштаб экономики. В Китае каждая провинция – как хорошая европейская страна. И с тем количеством рабочей силы и ресурсов, которое там есть, можно производить все, что нужно для жизни провинции, внутри самой провинции. Делим Китай на несколько «стран», которые вполне сами могут себя обеспечивать, 2) когда эта идея воплощалась, то изначально все ориентировалось на экспорт. Провинции, до реформ, направленных на стимулирование внутреннего спроса, были больше ориентированы на рынки Европы и Америки, чем на рынок соседней провинции. Если там начинаются какие-то проблемы между соседними провинциями, то это не очень страшно. Можно задавать вопрос, почему это не было сделано в СССР в рамках СЭВ? Почему Чехословакия не оценивалась по тому, насколько она растет быстрее Польши? Но я думаю, что это – политические вопросы, раз, плюс СЭВ был не настолько общим объединением: сейчас они все ругаются, что Советский Союз пытался рулить Восточной Европой, но явно там степень контроля была не настолько большой. Побочным продуктом деятельности совнархозов, помимо того, что страна утратила экономическую целостность и стали падать темпы роста, а еще потому, что госпланы лишились возможности хоть как-то контролировать вот те

объемы капитальных вложений, которые реально на местах требуют. Это им реально позарез необходимо, или они себя перестраховывают? Потому что, как я пытался в начале лекции донести, система «ценового прессы» была эффективна в условиях ограничений, постоянной борьбы Госплана с действиями на местах. Для этого, понятно, у Госплана должны были быть «глаза и уши». Конец 50-х – это время, когда все более настойчиво начинает звучать тема «неиспользованных резервов». Но неиспользованные резервы – в каком-то смысле, эвфемизм слова «потери», а также часть той хрущевской «веры в чудо», о которой я уже упоминал. Мы видим, что у нас есть крупные резервы интенсификации производства. Вот у нас стоят 2 цементных фундамента. Начали строить два завода, оба недостроенные. Если мы оба их достроим, то появятся два новых завода, которые нам выйдут дешевле, чем «в чистом поле» построить третий, потому что здесь, вроде, уже что-то есть. Или, допустим, мы говорим, что у нас предприятия накопили на складах на три года вперед производства. Вот, если мы как-то заставим их это пустить в ход, мы можем в ближайшие три года новых запчастей не производить, а они будут все равно продукцию выдавать. В каком-то смысле, мысль правильная и хорошая, но, «если раньше эти неиспользованные резервы копились», то с чего они сейчас начнут использоваться?» Здесь у меня есть всякие красивые данные по этим резервам, то здесь отмечается, что за семилетие 55-62 годов парк оборудования промышленности в строительстве и в сельском хозяйстве удвоился, но эффективность его использования, в итоге, понизилась. Выпуск валового продукта в расчете на рубль стоимости в 65-м году сократился по сравнению с 58-м на 21,5%. Переходящие объемы неустановленного оборудования увеличились за последние годы плана, в среднем, на 30% год. Тут в 61-62 годах проводилось обследование: остатки неустановленного оборудования, которые числились на балансах капитальных вложений, превысили два миллиарда рублей. Это 61 год, а на 62 год они выросли до 2,6 млрд рублей. С одной стороны, у нас наблюдается некое снижение эффективности от того, что реформа совнархозная «не взлетела». С другой стороны, мы наблюдаем рост неиспользованных резервов. И верим в то, что, если мы сейчас начнем как-то использовать, то наконец-то все заработает. Но тут надо понимать, что здесь включаются уже такие политические механизмы, когда мы сначала обещаем, что в следующем году станет чуть лучше – не становится, тогда мы обещаем, что еще через год станет «сильно лучше». Сильно лучше не становится, мы обещаем, что в третьем году станет вообще шикарно, потому что нам надо компенсировать провалы предыдущих лет. За счет этого наблюдается такой драматический разрыв расширяющийся между нашими планами и нашей действительностью.

Резюмирую. Что мы имеем к началу 60-х. Материальное стимулирование уже опробовано в сельском хозяйстве, опять-таки, не от хорошей жизни. Мы имеем проблему неиспользованных резервов, которые увеличиваются. Мы имеем то, что Госплан даже толком не знает, что за семилетку накопили предприятия – это слишком много или достаточно, потому что за предыдущие 7 лет вообще совнархозы перед ним не особо отчитывались, даже если не принимать во внимание то, что за хрущевское десятилетие Госплан несколько раз реформировался, делился, сливался, там менялись главы – то есть, нормальная работа органа фактически была парализована. И, в

довершение, у нас возникает проблема структурных сдвигов. Что это такое? У нас есть большая, всем понятная, но очень общая цель – построение коммунизма или, на данном этапе – «догнать и перегнать Америку». Она понятна на уровне принципов, но не очень понятна, что мы хотим для этого делать. Например, начинается производство пластмасс. Что для коммунизма лучше – расширять производство пластмасс или продолжать делать детали из дерева или металла? Как на этот вопрос ответить «в лоб»? Или, допустим, у нас начал использоваться полиэтилен, и мы знаем, что полиэтиленом можно заменять бумажную упаковку товаров, а еще из полиэтилена можно делать трубы и заменять ими железные трубы. Вот полиэтилен надо туда и туда двигать? Или вместо бумажной упаковки полиэтилен – хорошо, а трубы лучше оставить железные? Есть разрыв между очень общей целью и какими-то очень конкретными вопросами, вызванными тем, что у нас постоянно изменяется структура промышленности. Как этот вопрос можно решать? Самое простое – «посмотреть, что у буржуев». Если у них там полиэтилен внедряют, значит, и нам тоже нужно. Как этот вопрос можно решать более интересно? И здесь «на сцену» выходят более «оптимизационные» методы, о чем была предыдущая лекция, когда мы даем «зеленый свет» всяким матметодам, и говорится о том, что мы можем посчитать затраты общественно необходимого труда в данном конкретном производстве, посмотреть затраты труда в соседнем производстве, их сравнить и, если затраты меньше, начинаем продвигать. «На пальцах» идея кажется логичной. Но возникает пара проблем. Они, правду говоря, возникли чуть попозже, но о них можно сказать. Одна проблема связана с тем, что общественные затраты труда на производство чего-то конкретного посчитать сложно. Более того, есть подозрение, что «общественно необходимые затраты труда» – категория общеэкономическая. Если мы берем затраты какого-то отдельного завода – это и есть затраты этого завода. Мы можем посчитать затраты всех заводов, которые у нас делают одинаковую продукцию, но мы все равно не сложим затраты на производство полиэтиленовой трубы и затраты на производство железной трубы, потому что у нас там разные люди работают, но проблему редукции сложного труда к простому на практике там и не решили. Мы можем поговорить об общественно необходимых затратах труда, поговорить о том, что, если бы у нас были цены, которые идеально отражают затраты общественного труда, то мы бы эти цены «засунули» в модели, типа линейного программирования Канторовича, либо в межотраслевой баланс бы «засунули» эти цены. И получили бы на выходе идеальные пропорции. Проблема в том, что у нас нету цен, которые отражали мы общественно необходимые затраты труда, более того, задача выглядит фактически нерешаемой. Мне кажется, это – одна из причин, почему с течением времени самые большие «адепты» вот такого планирования «дрейфовали» в сторону рынка, потому что на рынке эти цены определяются стихийным образом, там тоже не бывает идеального соответствия, но там бывают колебания возле какой-то равноденствующей. Я думаю, они не с рождения были убежденными рыночниками, просто, раз за разом сталкиваясь с невозможностью решить эту задачу, они приходили к идее, что, раз у нас нет идеальных цен, мы должны создать рыночный механизм, обеспечивающий идеальные цены, после этого мы их «засунем» в оптимизационные модели, после этого они нам дадут идеальные народнохозяйственные пропорции. Другое дело, чтобы создать

рыночные механизмы, надо порушить существующие механизмы, чтоб воплотить эти «идеальные пропорции» в жизнь. Но я очень сильно забегаю вперед. Конец 50-х – всплеск интереса к математическим методам, которые должны были, в том числе, ответить на вопрос относительно структурных сдвигов. И, если мы говорим о политической подоплеке этого дела, то мы говорим о том, что к началу 60-х партия потеряла эту организующую и направляющую роль. Раньше партия говорила: «Нам нужно вот это, а теперь посчитайте, как этого добиться, чтоб, где нужно, развить». Поначалу было восстановление после Гражданской войны, потом – подготовка ко 2 мировой, которую все ждали, потом – восстановление народного хозяйства после войны, а потом – непонятно. Есть, как говорил, вариант - посмотреть, что у американцев, сказать, что нам нужно все то же самое. Это не решение проблемы как таковой. Наука сама по себе не отвечает на вопрос: «Зачем?» Ей можно вбросить идею, что нам нужно полететь в космос, такие-то отрасли промышленности для этого нужно развить, но для этого цель все равно должна быть. И здесь, если кто-то пытался изучать идеи Канторовича по книжкам 60-х годов, там объективно обусловленные оценки, дискуссия о том, что это такое в политэкономическом плане, зачем они нужны. Одно из применений – они показывают некую меру дефицитности товара, если их в таком контексте понимать и использовать, то мы можем посчитать относительную дефицитность наших товаров, после этого вносить капвложения в наиболее дефицитные товары, чтобы через некоторое время выйти во всей экономике, грубо говоря, на «равнодефицитность» всех видов продукции. Но, опять-таки, это означает, что мы начинаем развиваться, во-первых, генетически, от того, что у нас есть. Во-вторых, используя то состояние экономики, которое существует в настоящий момент. В-третьих, наша цель – равнодефицитное развитие, когда у нас есть «каждой твари по паре». То есть, еще раз я пытаюсь обосновать свой тезис о том, что начало 60-х – тот момент, когда в какой-то мере потеряно целеполагание. Начинаются попытки найти какие-то подпорки, которые на мой взгляд, не работают, потому что не работают принципиально. У меня здесь была хорошая цитата. Я, вообще говоря, не люблю тех людей, которые во всех спорах используют цитаты в качестве основных аргументов в спорах, но, раз уж мы говорим о возможности или невозможности посчитать идеальные цены, отражающие общественно необходимые затраты труда на конкретном предприятии и дальше их использовать с целью оптимизации, то вот вам цитата из одного всем известного бородача: «Труд, затраченный на отдельный товар, уже вследствие оценки средним числом, то есть оценки той части капитала, которая просто входит, как затрата, в стоимость совокупного продукта, как и вообще – сообщая, к любым условиям производства, равно как, наконец, в результате непосредственно общественного труда, который выравнивается и оценивается, как средний труд многих работающих сообщая индивидов, совершенно невозможно исчислить». Труд, затраченный на отдельный товар, совершенно невозможно исчислить. Этот труд считается как кратная часть совокупного труда, приходящегося на него и оцененного идеально. Он выступает как простая идеальная часть совокупного продукта, в котором воспроизводится капитал. Ну, понятное дело, что, когда шли эти дискуссии, то эту цитату из первого тома «Капитала» никто не вспоминал.

Следующий вопрос. Мы верим, что можем как-то посчитать идеальные затраты труда. Назначить цены, которые будут их как-то отражать. Но как мы можем заинтересовать предприятия двигаться в нужном нам направлении? Предположим, что мы посчитали некие идеальные народнохозяйственные пропорции. Понятно, что заинтересовать предприятие – сказать, что «вам лично с этого что-то будет». Тут мы переходим к тому, что главным показателем работы предприятий должна быть рентабельность, потому что, если у нас есть идеально отражающие общественно необходимые затраты труда цены, то тогда, если с этих цен какая-то копейка будет «падать» предприятию, то предприятия будут, преследуя личный интерес, двигаться в направлении тех самых народнохозяйственных пропорций, которые мы на предыдущем этапе определили. После чего все станут счастливы. Предприятия, преследуя «шкурный» интерес, будут развивать экономику «без перекосов». Госплан будет тихо спать, не нужно будет ни за кем приглядывать, ничего контролировать. Если кто-то думает, что я утрирую, то можно ознакомиться с книгой экономистов и математиков 1964 года (укажите, каких конкретно), там адепты реформы напирают на то, что у нас получилась возможность использовать оптимальное функционирование плановой экономики в автоматическом режиме. Я, наверное, сделаю паузу на тему конкурирующих проектов экономистов и кибернетиков – потому что в интернете часто встречается фраза, что были как раз конкурирующие проекты, одни говорили: «Давайте разовьем вычислительную технику, и она нам будет давать отличный план», - а другие говорили: «Давайте сделаем упор на прибыль, и нам никакой особо вычислительной техники не понадобится». Из того, что я понял, готовя эти лекции, это противоречие мнимое, либо оно было создано «задним числом», когда надо было «махать кулаками после драки и говорить»: «Вот, мы совсем другое предлагали, а нас не послушали, а вот они сделали по-другому – и стало плохо». Вот эти системы связи и системы сбора данных никак не противоречили идее о том, что мы получим идеальный план, основанный на идеальном учете общественно необходимых затрат труда на каждом конкретном предприятии, его сооптимизируем, все сделаем хорошо. Более того, эти два пункта друг друга дополняли. Эти идеи и вот эти проблемы – то, что подготовило почву экономической реформе.

Еще раз. Обращение к материальному стимулированию произошло не от хорошей жизни – сначала в рамках политической борьбы, потом от отсутствия средств. Второе – потеря Госпланом понимания: те мощности, которые есть на территориях, достаточны или избыточны? Третье – рост неиспользованных резервов. Четвертое – проблема структурных сдвигов, непонимания, в каком направлении далее развивать хозяйство: не на уровне «вперед к коммунизму», а на конкретном – из чего делать трубы и из чего – упаковку? Как сравнивать такие вещи? Здесь уместно напомнить, что руководитель ЦЭМИ Федоренко, про которого можно читать противоречивые сведения в плане политической позиции, но мы это оставим в стороне, он вообще был биохимиком. Изначально он занимался вопросами химической промышленности. А семилетка – период активного развития химии. Мы разрабатываем пластмассу: что она нам даст, что мы выиграем, что мы проиграем? Он через дискуссии перешел к матметодам, оптимальному планированию, так потом и остался в ЦЭМИ, сейчас его как химика даже и не вспоминают. Мы с вами проговорили почти час, а теперь

добрались до самой реформы. Можем устроить пятиминутный перерыв, после этого продолжить. Я чувствую, что вступление немного затянулось, но надеюсь, что оно было небесполезным для понимания того, откуда все «выросло».

Вопрос: «Считается, что 50-е годы – триумф плановой экономики. Производительность труда растет. Выше, чем в разных капстранах. Почему же это воспринимается как проблемный период?»

А.С.: «Потому что если мы смотрим на какие-то обобщенные показатели, то они начинают очень сильно падать после совнархозной реформы. 4-я пятилетка прекрасна. 5-я пятилетка прекрасна, но там начинаются проблемы с тем, что у нас зарплата обгоняет производительность труда. Если мы смотрим по пятилетиям, то да: у нас пятилетие 65-й – 70-й лучше, чем пятилетие 60-й – 65-й. Можно там говорить, что «вот, мол, лучше стало». А если мы смотрим по 10-летиям, то есть 65-й – 75-й и 55-й – 65-й, то есть «расширяем горизонт», то никакого улучшения мы не видим. Но это я забежал вперед, ответив на вопрос, а сейчас всем дышать воздухом. Жду вас ровно в семь».

А.С.: «Возник вопрос на тему показателей рентабельности и прибыльности: они считались и при Сталине тоже. И, как я говорю, они использовались в модели ценового пресса для того, чтобы мотивировать работников предприятия рационализаторскую жилку проявлять. Потому что, если они придумают какое-то рацпредложение, как снизить себестоимость, то у них какое-то время премиальный фонд будет больше. Но эти показатели не использовались, как целевые. То есть, направление производства не определялось с опорой на показатели рентабельности. Мы не вкладываем больше средств в более рентабельные производства, мы вкладываем больше средств в те вещи, которые нам нужны, то есть с этих позиций прибыль и рентабельность были учетными показателями, но не определяли направление развития. Это – важная разница по сравнению с тем, что стало происходить в более поздние эпохи.

Итак, реформа. На уровне идеи: что хотели сделать. Первое, как ни странно – это повышение роли планирования. Соответственно говоря, это «лети-лети лепесток через запад на восток». У нас есть планирующие органы, «закопанные всякой текущей работой, и это не позволяет им «с горы текущих дел» оглядеться и посмотреть, в какую сторону глобально двигаться. Если мы освободим плановые органы от текущего планирования, то у них появится больше сил и средств для того, чтобы заняться планированием перспективным. Более широкое использование методов экономического регулирования. Превращение рентабельности в один из важнейших критериев оценки качества работы предприятия. Преодоление концепции «бесплатности» основных общественных фондов – должно было решить ту проблему, о которой я говорил в предыдущей части, когда у нас предприятия требуют как можно больше ресурсов. И, в силу усложнения структуры экономики, не можем определить: они это так, на всякий случай, требуют, или реально позарез нужно. Если мы вводим плату за фонды, то получается автоматически ситуация, не позволяющая предприятиям получать слишком много, Госплану нужно за каждым ходить и

смотреть просто так или действительно есть необходимость? И широкое внедрение в экономику всяких кибернетических методов.

Какие показатели планировалось оставить? Валовая продукция, показатель «чистых фондов», показатель численности работников и фонда заработной платы, показатель производительности труда, себестоимости и главный среди всех показатель рентабельности. Рентабельности какой? Ранее считалась рентабельность как надбавка на полную себестоимость, то, что на современном экономическом языке называется «РОМ». Предполагалось перейти к рентабельности основных средств и оборотных средств, чтобы как раз понять: если мы делаем много продукции, то, наверное, хорошо, но если мы для этого используем очень много дорогих станков, то это, наверное, уже не очень хорошо. То есть: от показателя рентабельности себестоимости продукции переход к показателю рентабельности, который демонстрирует степень использования основных средств. Если мы не просто стремимся к рекордным результатам, а честно считаем рентабельность, то нам нужно считать аккуратно, учитывать меру общественного труда, затрачиваемую на производство как всех видов продукции, так и прибавочного продукта. Возвращаемся к прежней проблеме: как посчитать меру общественного труда? С этого момента мы начинаем делиться. Предполагалось, что наше народное хозяйство – некая «единая» фабрика, единый народнохозяйственный комплекс, товарно-денежных отношений между заводами нету. По крайней мере, предполагалось. И, когда работник на заводе работает, то его вклад – во всю экономику, если ему что-то потом возвращается – то это – его доля от совокупного общественного продукта. А теперь мы говорим, что нам нужно знать: конкретно на этой фабрике сколько труда было затрачено? А ей в виде прибыли вернули столько же? Или меньше? Или больше? Если больше, надо отобрать. Если меньше, надо добавить. И мы пытаемся поделить наше народное хозяйство с тем, чтобы хотя бы знать. Вот на этой фабрике работники поработали – им все отдали или что-то зажали? Первоначально делиться предполагалось не совсем так, как это было сделано по факту. Есть на эту тему статьи Либермана, которые я почему-то не могу найти в общем доступе. Или все удовлетворяются пересказом друг друга, или, даже не знаю, что думать: если на этот документ все время ссылаются, надо как-то найти и оцифровать. Я нашел только пересказ его статей в книжке Мао, что требует с осторожностью к ним обращаться. Насколько Мао понял статьи Либермана, там идея была в том, что мы создаем некий премиальный фонд заранее, потом распределяем среди предприятий пропорционально их рентабельности. Это – важное отличие от того, что было сделано по факту. Если мы заранее распределяем премиальный фонд и рентабельность влияет только на долю вот этого заранее определенного общего куска, то мы можем фонд выделить такой, чтобы он нам не порушил глобальной хозяйственной пропорции. Мы можем это использовать для стимулирования, но без побочных эффектов. Если мы просто заявляем, что предприятию нужно давать столько, сколько у него рентабельность, то тогда в пределе мы имеем полноценный рынок, «кто хорошо работает – тот богатый, а кто плохо – закрывается, банкротится», с той только разницей, что у нас нет рыночного механизма, чтоб считать «истинные цены».

Как, по факту, была решена проблема? Достаточно быстро поняли, что идеально посчитать не представляется возможным: не только потому, что у нас не «построен» советский вариант интернета, который нам передает потоки информации с Дальнего Востока в Москву, в вычислительные центры, но и потому, что это нельзя сделать принципиально, нельзя посчитать долю совокупных затрат труда, которые идут в данном конкретном учебнике или о данном конкретном стуле. Что было сделано? Были посчитаны цены единого уровня. «Это – приблизительно капиталистическая цена, она состоит из себестоимости, плюс прибыль, пропорционально вложенному капиталу» (цитата из Белкина, который, разумеется, про капиталистические цены говорил уже в «свободной России», Белкин был один из участников подготовки этой реформы, тоже такой вот больше экономист, чем политический деятель). То есть, берем себестоимость, на нее делаем накидку пропорционально вложенному капиталу, то есть по умолчанию считается, что, чем у нас дороже фонды, тем мы больше вклад даем в народное хозяйство. Чем мы больше это делаем, тем у нас стоимость фондов начинает неудержимо расти, потому что по умолчанию предполагается, что стоимость станка имеет связь с его производительностью. Более производительный станок стоит дороже. Но для этого у нас должны быть адекватные цены. И мы получаем «небольшой порочный круг», который почему-то никто особо не замечал. Что ограничивает желание предприятия забрать себе как можно больше надбавка на себестоимость? Плата за фонд. Получаем некую задачу, где у нас, с одной стороны – предел прибавки к цене, к себестоимости, с другой – увеличение отчислений в бюджет с тех фондов, с которых мы заняли у всего остального общества. Мы начинаем делиться, потому что, если раньше считалось, что основные средства принадлежат «всем и никому по отдельности», то теперь, поскольку у предприятий «заняло» общество, общество платит определенный процент, поскольку использует их именно оно, а не кто-то другой.

Здесь, наверное, одна небольшая ремарка: если вы осознали масштаб задачи, объем вычислений, если так делать, вообще-то уменьшается. Потому что, если раньше нам надо было иметь нормативы на все в натуре: сколько железа на гвоздь, дерева – на стул и вот это все нормировать, то теперь нам нужно иметь такие же нормативы, но в деньгах. Все время следить, чтоб они «плавали», идеальная математическая система с замечательными системами связи, они будут быстро получать информацию о том, как меняются общественно необходимые затраты во всей советской экономике, быстро-быстро пересчитывать, выдавать «на гора» новые цены, с новыми ценами план снова будет становиться оптимальным. Как реализовывалось на практике? Пересмотры оптовых цен в рамках концепции ценового прессы шли в 4-ю пятилетку, потом, по моему, в 52 году, потом в 55-м. Следующий пересмотр оптовых цен произошел в 67-м году. Быстро-быстро – это раз в 12 лет. Со всеми этими проблемами стало понятно, что, если действительно хотим делать реформу, то гениальные идеи математических экономистов придется сдвинуть в сторону.

Мы переходим к воплощению реформы. Опять-таки, со слов Белкина: Косыгин велел подготовить новую реформу, но как он это сделал: реформа уже была готова в Госэкономсовете, ее

курировал Засядько, но Госэкономсовет уничтожили, остался Госплан, все наследие Засядько перешло к Косыгину: он кое-что подпортил, но не сильно. Если читать мемуары людей, которые участвовали в математико-экономических дискуссиях того времени, то, во-первых, они не считают, что косыгинская реформа действительно косыгинская, во-вторых, считают, что Косыгин не осознал весь масштаб и занимался упрощенчеством. Я не берусь судить, но в оригинальной версии дискуссий начала 60-х ее вообще нельзя было реализовать. Как бы там ни было, реформа готовилась с 63 года. В какой-то мере это – тоже наследие Хрущева, хрущевской версии работы советской экономики, о которой мы говорили. К 63-му году были исчислены индексы перехода от действующих цен к ценам производства по всему народному хозяйству. Продолжение реформы было в ГКНТ, Госкомитете по науке и технике. Среди тех имен, которые участвовали в подготовке, Немчинов, Вааг, Трапезников, Атлас, Бирман (Игорь), Захаров, Леонтьев, Малышев, Петраков, Белкин, некоторые другие. Опять-таки, по свидетельству Бирмана, отношение самого Косыгина: «Косыгину, до последнего времени всячески тормозившего реформу, на новом высоком посту пришлось заняться ей вплотную. Для подготовки реформы он создал правительственную комиссию во главе с зампредом Госплана Коробовым. Заместителем Коробова был назначен заместитель начальника ЦСУ Малышев – наш с Бирманом коллега и единомышленник. Что было в его силах, Малышев из проекта ГКНТ сохранил и в урезанном виде на октябрьском пленуме 1964 года Косыгин это дело озвучил. 65-ый год – постановление о реформе. 66-67 годы – переходный период. Реформа не вводилась сразу на всех предприятиях страны. Для того, чтоб ее обкатать, было выбрано 43 новых предприятия, которые перешли на новые методы хозяйствования. В общем, на этих 43 предприятиях были получены положительные результаты, выросли темпы прироста продукции, производительность труда, после этого эту реформу стали распространять на все предприятия. К концу 8 пятилетки реформа была распространена на все предприятия советской промышленности. «Экономические методы планирования, руководства и стимулирования выдвигаются теперь на первый план. Что это означает практически? А то, что воздействие на коллективы предприятий и на каждого отдельного трудящегося государство будет оказывать посредством воздействия на их интересы», - цитата из книги Бирмана, только не Игоря, а Александра Михайловича. У меня есть хорошая книжка «Учись хозяйствовать», она оцифрована и была в материалах для подготовки к лекции. Она написана таким простым языком для работяг, которые «отпахали» смену, после этого хотят еще что-то узнать. Она очень легко читается. Не могу сказать, что сейчас найду что-нибудь подобное: такого экономического научпопа не очень много. Ну или он мне не очень попадается. В общем, была цитата из этой книжки. «Итак, мы начинаем воздействовать на предприятия путем воздействия на их экономические интересы. Это значит, что впервые за годы советской власти после первых лет НЭПа мы производим на свет предприятия как экономическую категорию, как обособленный от государства коллективный экономический интерес». Если раньше рабочий мог с полным основанием считать, что его заработок является частью совокупного продукта советского общества, то теперь, начитавшись хороших книжек, разъясняющих основные положения реформы, мог с полным основанием считать, что теперь его заработок является частью заработка родного

предприятия, значит, он должен заботиться о том, чтоб его предприятие хорошо зарабатывало, а что там будет со всем советским обществом – это не его ума дело. И здесь я, наверное, не откажу себе в удовольствии процитировать еще одного классика, уже нашего. Небезызвестный Владимир Ильич в 36-м томе своего собрания сочинений сказал: «Полным отказом от социализма является всякое прямое или косвенное узаконение собственности рабочих отдельной фабрики или отдельной профессии на их особое производство». Я думаю, что эта цитата тоже не особо использовалась в те времена.

Что хотели и что сделали? Хотели – валовая или товарная продукция. Получили – реализованная продукция. Хотели – производственные фонды. Получили – ассортимент основных изделий, план по номенклатуре по основным изделиям. Хотели – численность работников и фонд зарплаты. Оставили только фонд зарплаты. Хотели оставить показатель производительности труда – выкинули, показатель себестоимости тоже выкинули, оставили показатели прибыли и рентабельности, из которых главным стал показатель прибыли. На мой взгляд, в ходе дискуссий произошла определенная подмена понятий. Когда реформа готовилась, аргументация была такова, что в помощь ЭВМ и матметодов можно будет рассчитать идеальные цены, которые в каждый момент времени будут отражать общественно необходимые затраты труда. Это позволит научно обоснованно выделять передовиков через механизм рентабельности и стимулировать другие предприятия равняться на них. Фактически было принято решение не рассчитывать все «до победного». Предполагалось, что предприятия будут улучшать свои показатели с неопределенных: мы не знаем точно, какие у них общественно необходимые затраты, потому что мы наконец поняли, как их посчитать. У них (предприятий) появляется свой личный интерес, и они с неопределенных показателей будут улучшать их до неопределенных, но лучших. То есть: у нас была система ценового пресса, когда мы не знали общественно необходимые затраты труда, но мы знали, что есть вот такие показатели себестоимости, есть рационализаторы, они поработали, себестоимость снизилась, общественно необходимые затраты стали меньше. Были неопределенные, стали неопределенные, но меньше первых. Мы, в каком-то смысле, вернулись в ту же ситуацию. Только не через ценовой пресс и постоянный контроль, а через материальную заинтересованность. Мы не знаем общественно необходимых затрат труда и даже не хотим их знать, но у нас предприятие как-то работало, у него была малая прибыль, теперь есть прибыль больше, значит, предприятие стало работать немного лучше. Предполагалось, что мы делаем предприятиям новые цены, основываясь на стоимости их основных фондов – это «белкинские цены» единого уровня, когда стоимость предприятия пропорциональна стоимости его основных фондов. Опять-таки, я говорю: в основе лежало предположение, что у нас фонды чем дороже, тем производительнее. От этого тоже ушли. По факту, цены были пересмотрены таким образом, чтоб гарантировать каждому предприятию минимальный уровень рентабельности. Был пересмотр цен, но не в 65, а в 67 году, когда стали это дело распространять.

Показатели: что за чем. Реализованная продукция и ассортимент. Объем валовой продукции мы заменили на объем реализованной продукции. Реализованной продукцией считается только то, что продано и оплачено. Зачем это было сделано? Мы производим вал, который как бы никому не нужен, потому что у нас там ослабла функция плановых органов и плохие обратные связи от потребителей. «Ребят, мы не хотим усиливать работу плановых органов, улучшать обратную связь от потребителей, мы говорим, что предприятию не нужно то, что не купят». Предприятие само разберется. Второй момент – если продукция куплена, но не оплачена, она все равно не считается реализованной, потому что было довольно много проблем, связанных с тем, что предприятия радостно забирали продукцию и не платили. Причем, поскольку это – единая экономика, санкции были не очень жесткими. Опять-таки, предполагалось, что если у предприятия-поставщика есть кровная заинтересованность в том, чтобы предприятие-потребитель все-таки заплатило, не нужно, чтоб там приезжала комиссия из Москвы, разбиралась, кто прав, кто неправ. Они там тихо друг другу сами «морды набьют» и за все заплатят. В первом приближении кажется хорошей разумной идеей. Как это дело реализовывалось? Весь объем продукции предприятия делится на 2 части: директивно наполняемые из центра и наполняемый самим предприятием. Еще раз. Предприятию спускается норматив – в следующем году произвести реализованной продукции на 100 рублей. Что можно реализовать на сто рублей? Можно – книжки, стулья или диктофон. Раньше ему вместе с нормативом спускался план, что из этих 100 рублей на 50 рублей – диктофонов, на 50 рублей – книжек. Теперь ему спускается план – на 50 рублей – диктофонов, а еще на 50 – что сам хочешь. Это – то, что называется «ассортимент основных изделий». Дьявол кроется в слове «основных». Мы тебе говорим, что в рублях ты должен продать на 100 рублей, а видов продукции даем на 50 рублей, а еще 50 рублей – «ты сам умный, сам разберешься». Соответственно говоря, ограничивалось перечнем продукции в натуральных показателях. Это была продукция ВПК, энергетики, транспорта, строительства и других ключевых отраслей. Основной объем плана реализации данной продукции предусматривался в договорах данного предприятия с потребителем. Частично это нивелировалось тем, что у потребителей были какие-то разнарядки, но, тем не менее, производитель имел реальную возможность торговаться с предприятиями-потребителями и решать, что конкретно производить. Опять-таки, предполагается, что, если предприятие будет производить продукцию, не находящую спроса, то у него будут проблемы с реализацией плана, вот так система сама себя сбалансировала.

Вопрос: «То есть, фактически это был НЭП в промышленности?»

А.С.: «Фактически».

Вопрос: «Предполагалось, что при НЭПе это было то же самое применительно к крестьянам, а тут – к промышленности?»

А.С.: «Ну, это было создание параллельно с плановым механизмом некоего такого «квазирыночного», то есть, понятно, что ...»

Вопрос: «То есть можно сравнить вот эту часть за 50 рублей с налогом на продукцию необходимую, а дальше все остальное, грубо говоря, может идти на рынок?»

А.С.: «Грубо говоря, так. Но, опять-таки – это то, как это мыслилось, потому что реализовано было не вполне. Есть предприятие-потребитель, которому нужна была продукция, у него на это нет денег. В рыночной экономике «нет денег – и гуляй». В плановой экономике за потребителем стоит министерство, там сидит министр, министр совершенно не желает, чтобы у его предприятия возникли проблемы уже с его планом. В книжке Бирмана 66-го года оптимистично утверждалось, что «незначительной была ответственность, сейчас решено, что виновная сторона, как правило, будет полностью возмещать убытки, по-видимому, в дальнейшем возникнет вопрос о том, чтобы предприятию возмещались убытки, возникшие ввиду ошибок и недостатков в работе органов материально-технического снабжения, а также министерств и других руководящих хозяйствующих организаций». То есть, ты – плохой министр, ты плохо что-то придумал, мы пошли выполнять твои указания, ничего не получилось, теперь плати. Что было по факту? По факту, журналисты в книжке «Примеры известные и неизвестные» обозвали ситуацию «Бунт сорока министров». «Суть дела заключалась в том, что реформа резко увеличила цену срыва договорных обязательств. Предприятия из-за недопоставки чепуховой, копеечной детали могло задержать выпуск дорогостоящей продукции, сорвать задание по объему реализации, потерять значительную сумму отчислений в поощрительные фонды. По новым условиям, в таких случаях, можно было взыскивать через Госарбитраж не только недостающего, но и сумму потерь и убытков, которые понесло предприятие. Однако, охотников обращаться в Госарбитраж с подобными жалобами находилось мало. Поэтому обходилось себе дороже. С поставщиком надо было работать и дальше, и часто он был один –единственный. Чтоб поднять дисциплину взаимных поставок, Косыгин пошел на такую меру: выполнение плана засчитывалось лишь при удовлетворении всех заказов потребителей. Против этого восстали дружно Госплан и наиболее авторитетные министерства и министры, утверждавшие, что в таком случае все их предприятия останутся не только без премии, но и без зарплаты. В итоге победа осталась за министрами. И, хотя распоряжение Косыгина официально отменено не было, оно практически никогда так и не вступило в действие».

Не получается – если мы будем так судиться, но у нас план не будет выполнен вообще нигде и никем. Здесь важно, наверное, отметить, что понимание планирования 20-30 годов – «планка, до которой мы стараемся допрыгнуть». Мы анализируем наши возможности. Предполагаем, как возможности используем, и после этого начинается самый главный этап – мы напрягаем все силы, используем резервы, премируем стахановцев – пытаемся допрыгнуть до этой верхней планки. Если бы мы так не напрягались – мы бы «и от пола не отжались». 20-30 годы, насколько я смог понять, ситуация, когда план воспринимался, как некое наилучшее из возможного. А в 60-е годы, особенно с развитием матметодов, план стал восприниматься как «сказано – в МОРГ, значит, везем в МОРГ». Это – те вещи, о которых нигде специально не говорится, которые нужно самому распознавать, потому что целый ряд понятий советской экономики с годами менял смысловое наполнение.

Менялось понимание плана. Менялось понимание, что такое «план выполнен». Любят говорить, что «первая пятилетка была выполнена, а там вот эти показатели выполнены, а эти – нет, значит, наврали». Но, когда это публиковали, логика была немного другой. Там было понимание – «раньше у нас не было, а теперь у нас есть». Менялось понимание хозрасчета: период 30-40 годов – мы знаем, во сколько нам обходится эта деталь, то есть, мы понимаем, сколько на нее пошло материалов, труда, изыскиваем возможность это дело оптимизировать; а в 80-е годы понимание хозрасчета – это то, что «как потопаешь, так и полопаешь»: у нас ценовые ориентиры определяют направление развития. Разумеется, ставились вопросы о том, как это будет. Как видели дальнейшее направление развития планирования. Если вы начинаете «умирать, засыпать», я «убиваю» вас цитатами из экономических книжек 60-х годов, сигнализируйте, потому что я вижу, что все заморожено на меня смотрят, это такое уже «смотрю, но не вижу» или всем интересно? Мне как-то говорили, что все научные доклады можно классифицировать на три группы: «каша из топора», «я его слепила из того, что было» или «скатерть-самобранка». «Каша из топора» - у нас есть один новый факт и мы на него «накручиваем» кучу финтифлюшек, чтоб объем нашей работы выглядел больше, чем на самом деле. «Я его слепила из того, что было» - у нас есть несколько фактов, не связанных друг с другом, мы изо всех сил пытаемся сказать, что они на самом деле все-таки связаны». И «скатерть-самобранка» - у нас есть адский массив информации, который мы пытаемся «засунуть» в двухчасовую лекцию. Я все время почему-то делаю «скатерти-самобранки» и заранее перед вами извиняюсь. Цитата: «Мы все согласны с тем, что необходимо усиление централизованного планирования, но как понимать, как представлять себе результаты этого процесса? Означает ли процесс непрерывного совершенствования планирования, что в 2000-м году в централизованном порядке будет распределяться не 18 тысяч наименований производства, а 40 тысяч или 400 тысяч, или, может быть, напротив, успех научного централизованного планирования будет состоять в том, что в 2000-м году ни один вид средств производства не будет непосредственно распределяться центральными плановыми органами. Вот в чем суть вопроса. Повторяем: все согласны с тем, что мы идем к усилению централизованного планирования, но многие по-разному представляют себе содержание и результаты этого процесса». Надо сказать, что товарищ Бирман угадал: мы пришли к усилению планирования и в 2000-м году у нас ни один вид не распределяется в ценовом плановом порядке, с чем я всех присутствующих поздравляю.

Общий фонд заработной платы остается планируемым показателем, но в рамках этого общего фонда предприятие может само маневрировать численностью и составом рабочей силы. Ситуация почти такая же, как с планом производства. У тебя фонд зарплаты – 100 рублей, на скольких людей ты его поделишь – твоя проблема. Или твоя возможность. Интересно, что, как я отмечал раньше, планировалось сделать план по рабочим местам, но потом пошли дальше. И вот Бирман в той же самой книжке говорит: «Много было споров относительно того, нужно или не нужно утверждать для предприятий сверх фонд зарплаты? Пленум решил временно, до тех пор, пока не будут созданы резервы средств потребления, установить предприятиям фонд зарплаты сверх. Можно не сомневаться в том, что успешное проведение хозяйственной реформы сделает в

течение короткого времени ненужным необходимость утверждать и этот показатель, так же, как задание по численности и росту производительности труда. Мы согласились, что фонд зарплаты – показатель временный, который нам нужен на переходный период, а потому, что нам надо создать резервы ширпотреба, чтоб эту зарплату на что-то было можно потратить. Забегая вперед, проблема, куда потратить накопленные деньги, стала одной из ключевых проблем, которые обусловили сворачивание реформы.

Прибыль объявлена главным показателем эффективности работы предприятий. Чтобы обеспечить рентабельность каждому нормально работающему предприятию, была проведена реформа оптовых цен. Новые цены обеспечивали 15-20% прибыли по отношению к основным и оборотным фондам такого предприятия по большинству отраслей. Включая добывающие. Разумеется, если у предприятия большая прибыль, у него ее отбирают, то предприятию от этого никак. Мы планируем отчисления от прибыли в 3 фонда: развития производства, материального поощрения работников, социально-культурных потребностей работников. Я напоминаю, что два фонда под иными названиями существовали и ранее: фонд директора, из которого материально премировались работники. Нам наиболее интересен фонд развития производства. В него поступает, помимо прибыли, еще и доля инвестиционных отчислений, предполагается, что из этого фонда предприятие само начинает осуществлять децентрализованные капитальные вложения. То есть, если раньше у предприятия была возможность наградить отличившихся, то сейчас есть возможность строить, что ему нужно, зарабатывать на этом деле и, вообще говоря, Госплан ему не указ. У него появляется материальная возможность «забить» на Госплан в принципе. Точно так же у нас объем реализованной продукции оказывается составлен из 2 частей, наполняемой в натуре централизованно, наполняемый самим предприятием, исходя из того, что, как оно верит, будет иметь спрос на рынке, так и по капвложениям – есть централизованные, которые планирует Госплан, которые, мы верим, двигают наше народное хозяйство в определенном направлении. И теперь у нас есть децентрализованные капвложения. Они были и раньше, но в незначительном объеме (на рацпредложения). Теперь у нас есть возможность новый завод построить рядом со старым, если мы хорошо работаем и имеем отчисления от прибыли. В 64-м году затраты на внедрение новой техники и промышленности составляли 120 млн рублей. За счет кредитов банка на эти цели было израсходовано еще 600 млн. То есть, кредиты банка пока отставим в сторону, 64 год – затраты на внедрение техники 120 млн рублей. При новых условиях фонд развития составит в 67-м году примерно 4 млрд рублей. Хорошая, на первый взгляд, идея, которая ставит ряд вопросов: вопрос 1 – где предприятие будет брать материалы? Вопрос 2 – в пределе у нас уравнивается отдача от этих фондов и плата в бюджет за дополнительный объем этих фондов. Но: чтобы оно уравнилось, должно пройти несколько итераций, в ходе которых система будет неоптимальна. Естественным образом из возможностей предприятия самим использовать капитальные вложения вытекает необходимость создать подобие рынка средств производства, потому что: откуда еще? Или предприятие идет на поклон в Госплан и Госснаб, говорит: «У нас есть деньги, но мы не можем их отоварить. Или предприятие начинает торговать с другими тем, что нужно. Реформа была

самофинансирующаяся, это было еще одним аргументом ее сторонников, предполагалось, что предприятие мобилизует внутренние резервы, достроит свои недострои, вытащит из складов запасы материалов, которые были накоплены в предыдущие десятилетия. Поначалу выглядело, что все получается. Прибыль 43 пилотных предприятий в 66-м году выросла по сравнению с 65-м на 23,3%. Примерно на 50% за счет снижения себестоимости и на 48% - одновременно снизили себестоимость, больше производим, у нас покупают – все прекрасно. Осознавались ли риски? Мы даем предприятию большую самостоятельность, которая подразумевает, что у его работников становится сильно больше денег, которые, не факт, что есть, на что потратить, у самого предприятия появляется возможность как-то развиваться в ту сторону, в которую оно считает нужным, не будет ли отрицательных последствий. Опять-таки, цитата из оптимистичной книжки 66-го: «Это не значит, что показатель прибыли не может быть использован не в интересах общества. Можно, например, в погоне за прибылью выпускать лишь дорогие изделия, пойти на извращение ассортимента и показателей плана. Но возможность отрицательного использования показателя не может быть его недостатком. Необходимо обеспечить должный контроль и воздействие на производство, к тому же, предприятие, чрезмерно нарушившее ассортимент, несомненно, столкнется с трудностью реализации продукции, тем самым, закон товарного обращения будет вынуждать его работать так, как этого требуют действительные потребности общества».

Взаимоотношения с госбюджетом. Группа показателей, которые остались в числе планируемых сверху: установление предприятиям длительных нормативов для взносов, отчисляемых ими в бюджет. Длительные нормативы означают, что предприятие может планировать на будущее, как мы помним, одна из претензий к той системе, которая была до реформы, сводилась к тому, что она не особо плановая, то есть, она плановая в агитационных плакатах, а по факту – не особо, потому что, во-первых, плановики вместо того, чтобы зреть в будущее, должны заниматься мелочной и ежедневной опекой предприятий, 2 – если у предприятия возникали свободные излишки прибыли, они изымались бюджетом. Предприятие не могло знать, сколько ресурсов будет в 3, 4 году. Это было не очень страшно, пока предприятию оставляли столько прибыли, чтоб премировать лучших работников, самостоятельно внедрить мелкие улучшения, потому что на крупные надо было просить у центра. Но, если мы переходим к системе, когда предприятие переходит на самостоятельное развитие, ему нужно знать, что в этом году оно отдаст столько, в следующем году отдаст столько же, иначе никакие долгосрочные расчеты невозможны.

Плата за фонды – некий ограничитель, чтоб предприятия не набирали слишком много.

Основные задания по новой технике – мы планируем предприятию часть улучшений. Часть оно может делать само.

Подводя итог, можно сказать, что если бы все положения реформы были доведены до конца, складывался бы полноценный квазирынок: предприятие может само определять, какую продукцию производит, оно может само за счет прибыли планировать свое развитие, у него чисто договорные

отношения с бюджетом и контрагентами, с контрагентами: не можешь платить – мы ведем в Госарбитраж, с бюджетом – мы договорились на 10 лет вперед, что я тебе отчисляю столько-то, и ты с меня больше не требуй. Но то предприятие, которое должно было выполнять остатки централизованных планов и то предприятие, которое должно было работать, исходя из показателей прибыльности – было одно и то же предприятие. Здесь, наверное, я сделаю еще одну паузу, так как проговорил еще час. Мы разобрались, что в рамках реформы планировалось сделать, что получилось, далее будем говорить о последствиях, которые она вызвала, а непосредственно вопросы 8-й пятилетки, наверное, оставим на будущее, но потом разберемся. Давайте, второй небольшой перерыв, а затем – завершение. Третья часть будет чуть короче, чем первые две».

А.С.: «Продолжим. Данная часть будет короче, но, может быть, дальше мы перейдем к дискуссии или к вопросам, у меня еще накоплено материала непосредственно по 8-ой пятилетке из серии, что там что-то строили, какие-то новые отделы появлялись, либо про восстановление министерств, но это, наверное, в следующий раз, потому что так получилось, что я не готовил лекции, а затем подготовил сразу две. Давайте закончим разговор непосредственно о реформе, а пятилетка останется на следующий раз.

Противоречия реформы. Что стало происходить, когда реформа заработала на полную силу, после 67-го года, когда опыт передовых предприятий был распространен на все народное хозяйство. Первое и очевидное – есть некие директивы по производству неких видов продукции и то, что у предприятия есть свои интересы по производству других видов продукции. То есть, директивный план требует директивного обеспечения сырьем, рабочими, материалами, энергией, желательно «всего и лучшего». Расширение в собственной номенклатуре требует того же самого. Соответственно, когда требования выполнения плана, повышения прибыльности начинают приходиться в противоречие друг с другом, то есть, каждый раз предприятие вынуждено решать дилемму: что ему хочется больше – выполнить директивную часть и не получить «нагоний» от министерства, либо побольше заработать и построить дом своим сотрудникам? Опять-таки: проблема того, что нормального рынка средств производства у нас тоже нету, и нам опять надо идти на поклон к министерству, или в Госплан, или в Госснаб, или еще куда-нибудь, с тем, чтобы мы могли свои деньги из этих фондов развития потратить. Как можно было решать проблему? Либо мы стимулируем выполнение директивной части плана на основе стимулирующих цен, то есть предприятие выполняет то, что нужно стране не из-под палки, а потому, что там платят лучше, то есть это – полноценный госзаказ, либо мы возвращаемся к тому, что контролируем планом все. К первому никто не был готов, поэтому постепенно директивно наполняемая часть стала расширяться. То есть, если сначала тебе говорили: «Реализуй продукции на 100 рублей, из них на 50 – диктофонов, а на 50 – чего хочешь», - то теперь говорят: «Реализуй продукции на 100 рублей, из них на 80 – диктофонов, а на 20 – чего хочешь, а на третий год – на 90 – диктофонов, а на 10 – чего хочешь». Мы формально ничего не меняем. Но всю эту экономическую логику мы рушим, иначе предприятие «забьет» на наши диктофоны, потому что идеальные цены мы не посчитали, и у нас

возникает выгодная и невыгодная продукция. Она, в общем, была всегда, просто, когда у нас был тотальный план, это никого не заботило. То есть, были планово убыточные предприятия, это тоже никого особо не заботило, потому что руководство награждали не по убыточности, а по выполнению плана: считалось, что это – не их ума дело. Теперь мы пересмотрели оптовые цены, у нас теперь все рентабельные, но, поскольку мы цены пересмотрели в 67-м году и потом их не пересматриваем, то у нас, разумеется, все более и более начинается расхождение: кто-то все более и более рентабельный, кто-то опять уходит «в минус». Рост прибыльности вызывает рост зарплаты. Зарплату надо куда-то девать. Чуть ли не главная проблема советской экономики – это балансирование зарплаты и ее товарного покрытия. Если мы балансируем, у нас нет дефицита. Если у нас товарное покрытие больше, чем зарплата, мы можем даже снижать цену. Если мы зарплату платим больше, чем произведено товаров ширпотреба, то возникает дефицит. Если мы произвели такую радикальную экономическую реформу, то, разумеется, нам нужно производить резко больше товаров ширпотреба. «Мы строим вас. Мы строим ряд других предприятий по производству товаров народного потребления». У меня есть еще одна книга, которая опровергает тезис о том, что в Советском Союзе не было рекламы. Книжка 66-го года, «Печатная торговая реклама». Поскольку в этой книжке нет ссылок на другие книжки, то это – видимо, первая книжка по торговой рекламе, выпущенная со времен НЭПа, потому что в брошюре на 80 листов попытались уместить все виды печатной рекламы, которые бывают. С фотографией, использование ярлыков, использование товарных знаков. Как научить советские предприятия рекламе, если они до этого 15 лет этим особо не занимались? Иностранский опыт используют».

Вопрос: «А, кстати, переговоры по поводу строительства ВАЗа где-то в 65-м году начались, не так ли?»

А.С.: «Да, где-то так».

Вопрос: «То есть, уже было заранее продумано, что это делать придется?»

А.С.: «Безусловно. Вы на самом деле хорошо, что спросили – это дает мне индульгенцию зачитать еще кусок текста. Это из книжки пример известный: опять-таки, мы говорили о том, анализировались ли риски? Риски анализировались. Я читал вам кусочек про прибыль: у людей было понимание, что в определенных случаях погоня за прибылью может сформировать у предприятия антиобщественные интересы. А вот кусок про товарное покрытие увеличившейся зарплаты: «Предварительный анализ показывал, например, что новые методы экономического стимулирования приведут к быстрому росту производительности труда, а, значит, к повышению фонда зарплаты. Расчеты приводили к тому, что рост этот будет идти опережающими темпами в промышленности средств производства (группа А), где имелись значительные неиспользованные резервы. Темпы будут выше, чем на предприятиях легкой и пищевой промышленности, а ведь именно предприятия группы Б, а также сельское хозяйство должны были обеспечить товарное покрытие прироста денежной массы. Возникла идея провести реформу в два этапа. Сначала в

отраслях промышленности группы Б, что позволило бы создать необходимые условия для увеличения товарной массы, и только после этого приступить к реформе на остальных предприятиях. На предложения москвичей я говорил на пленуме ЦК, - это пишет человек, который возглавлял в то время горком партии. – В перерыве Косыгин встретил меня в фойе Свердловского зала и сказал, что я напрасно поднял вопрос о трудностях товарного покрытия. Зная, как тщательно Совмин готовился к реформе и как тщательно Косыгин владел всеми тонкостями финансов, я спросил, а разве не он сам ставил этот вопрос на Президиуме ЦК? Он промолчал, давая тем самым понять, что так оно и было». То есть, еще раз. Видим риск. Верим, что можем с ним справиться. Забиваем на риск».

Вопрос: «Почему забиваем?»

А.С.: «Я, может, немножко утрирую, но, по факту, не удалось наладить производство ширпотреба в тех же объемах, в которых выросла платежеспособность населения. И за счет этого стали накапливаться деньги, пошло увеличение дефицита. Опять-таки.»

Ремарка: «Ну, понятно: капиталист тратит деньги на средства производства. Средства производства у нас – товары группы А. Лишний раз на все остальное деньги не тратятся».

А.С.: «Можно и так объяснять. Но суть в том, что стоит выбор: что делать дальше? У нас нарастает макродефицит. У нас нарастает скрытая инфляция, когда люди не могут потратить свои деньги, через это нарастают спекулятивные вещи, у нас начинает развиваться «теневая экономика». Ну, ладно, пусть не начинает, а получает новый импульс. Допустим, у человека есть деньги купить «ВАЗ». У него нет возможности купить «ВАЗ», он покупает «ВАЗ» с рук в три раза дороже. Соответственно говоря, встает вопрос: либо мы изменяем все хозяйственные пропорции в сторону большего производства группы Б, либо мы как-то «давим» вот эти тенденции. Мы можем отказаться от плановых цен. Варианты: рост цен, неконтролируемая инфляция, перераспределение капиталовложений в пользу строительства предприятий группы Б, которая производит ширпотреб или как-то «задавить» эту тенденцию. Угадайте, что было выбрано? Задавить.

Вопрос: «Но ведь «ВАЗ» построили?»

А.С.: «ВАЗ» построили. Я не говорю, что только. Строительство «АвтоВАЗа» не решило проблемы глобальные. Надо было делать больше. Причем, сильно больше. Рост импорта. 8-я пятилетка – это пятилетка, когда мы начинаем активно осваивать Сибирь. Начинают расти цены на нефть. У нас появляется большой запас валюты. Рост импорта. Рост вовлеченности в мировое хозяйство, безусловно, строительство предприятий крупное, но надо понимать, что Маленкова ругали за то, что он дает обещания – это не была «голая» политическая борьба. Мы можем какой-то период времени развивать опережающими темпами группу Б. Какой-то период. Мы не можем это делать сто лет подряд. Мы не можем, не строя заводы по производству заводов, строить заводы по производству свитеров или телевизоров. 8-я пятилетка была той пятилеткой, когда такой скачок

был произведен. Пришел Маленков, сказал: «Так. Все. Мы долго развивали тяжелую промышленность, наконец, мы развили ее достаточно, чтобы сделать «рывок» в легкой промышленности». Пришли министры, главы партий и сказали: «Не. Ты что-то не то сделал. Уходи». Хрущев в конце своего руководства говорил то же самое: «Мы сделали водородную бомбу и теперь можем дать больше в ширпотреб». Хрущев говорил, что мы сделали баллистические ракеты, теперь можем дать больше в ширпотреб. По стечению обстоятельств, Хрущева в тот момент сместили. Идея о том, что мы запас развития в тяжелой промышленности используем для того, чтобы развить легкую, она перешла как раз на 8-ую пятилетку. И была использована. Допустим, 56-65-е годы – валовая продукция промышленности выросла на 247%, в том числе, производство предметов потребления – 204%. 66075 годы, 2 пятилетки с начала реформы: валовая продукция промышленности выросла на 20%, то есть было - 247, стало - 215, при этом производство предметов потребления было – 204, стало - 205%. Это – официальная советская статистика, на нее тоже можно ругаться, но, в любом случае, разрыв очень сильно был сокращен. И, поэтому, когда в 9-ю пятилетку партийные власти пришли к Госплану и сказали: «Все хорошо, давайте дальше в том же духе», - Госплан ответил: «Я не могу дальше в том же духе; вот в 8-ую пятилетку сделали рывок, теперь надо накапливать». «А как надо накапливать? А у нас зарплаты растут». Говорят: «Все понимаем, но нельзя. Раз прыгнуть можно, 2 раза подряд – нельзя». Говорят: «Нет. Ты не понял. Нам нужно в 9-й пятилетке, чтоб были такие же темпы, как в 8-й». Им в ответ: «Нет. Вы не понимаете». «Нет, говорят, это ты не понимаешь». Если в 8-ую пятилетку плановики вздохнули немножко, Хрущев ушел и не надо было выполнять задачу «мы через 20 лет сделаем материальную базу коммунизма», то в 9-ую пятилетку им сказали: «Нет, давайте дальше в том же духе». Те отвечают: «Мы так не можем. Не получается». Поэтому, в общем, макродефицит, связанный с тем, что у населения денег больше, чем можно потратить, пришелся на 9-ую пятилетку, потому что в восьмой выбрали накопленный запас предыдущего периода. Это – к вопросу о динамике производства группы А и группы Б. Группа Б может развиваться быстрее, но недолго.

С этим разобрались. Отсутствие рынка – понятно, битва внутри предприятий – понятно, нехватка товаров, чтоб отоварить всю зарплату – понятно, и еще одна проблема – цен. В Советском Союзе существовали предприятия совершенно разного технического уровня. Были предприятия, построенные еще при царе, отреставрированные после Гражданской. Были предприятия, закупленные со всей документацией в 30-е годы, были предприятия, построенные после войны, были – в 60-е годы. Трофейные были, привезенные. Суть в том, что они все работали. Я находил книжку 30-го года, некого Бадериана, в которой есть интересное понимание рентабельности 30-х годов. И там он говорит, что, вообще говоря, понимание рентабельности множественное. Допустим, бывают ситуации, когда новое предприятие тратит ресурсов меньше, чем старое: и это – хорошо, нам нужно такое предприятие. Но бывает ситуация, когда новое предприятие просто производит больше продукции. Оно может быть такое же, как старое, даже хуже старого, но если у нас цель – столько-то продукции, и одно наше старое предприятие не справляется, а 2 – справляются, то это – тоже хорошо, его нужно тоже строить. В принципе, это логично. Пока предприятие не мерились, у

кого рентабельность выше, все более-менее работало нормально. Дотации старались делать меньше. И пересмотр оптовых цен, о которых я говорил – они, в общем-то, ставили целью дотационность ликвидировать, но, в любом случае, существование предприятия, которое работает с 1% рентабельности и с 20% рентабельности – они сосуществовали в одной экономике более-менее нормально, поскольку большую часть все равно забирали в госбюджет и перераспределяли. А теперь каждое предприятие само считается, и мы пытаемся назначить цены, чтобы все стали рентабельными. Но мы понимаем, что все предприятия настолько отсталые и неэффективные, что, если мы повышаем цены настолько, чтобы даже они были рентабельными, то, как-то вот передовые предприятия начинают просто «в деньгах купаться». По-хорошему, нам надо ликвидировать технологический разрыв. А как это сделать, если у нас вся реформа направлена на то, что вот мы придумали гениальный способ, как сделать «легче, проще и чтоб оно само», и мы этим предприятиям даем индивидуальные цены. Основная масса предприятий у нас рентабельна за счет того, что мы повышаем оптовые цены, но кому-то даже этого не хватило. И мы говорим ему: «Окей. Вот тебе разрешено продавать не по сто, а по сто двадцать». А дальше приходят покупатели и начинают жаловаться: «Я покупаю чугунные чушки у Магнитогорского комбината. Он толковый, у него чушки дешевые. А вот нехватку этих чушек я покупаю у Керченского комбината, у которого были проблемы с постройкой, у него чушки дорогие, я не хочу их у него покупать. Давайте я все буду у Магнитогорского покупать». Ему отвечают: «Нет. Мы уж Керченский тогда куда девать будем?»»

Ремарка: «Можно замечание? В советском сериале «Следствие ведут знатоки» есть эпизод: злоумышленник поступал с предприятиями так: покупал чеканку на заводе, потом продавал ее через мастерскую в колхозе, а у этой мастерской, видимо, цены были выше, то, о чем Вы сказали. И имелась прибыль. Его, в итоге, посадили».

А.С.: «Еще из таких едких замечаний: когда реформа планировалась, один из аргументов против старого порядка был: «Из центра за всеми не углядишь, нормативы назначают укрупненные. Получается «уровнировка». У нас нет норматива на каждый завод, у нас есть нормативы на группу заводов. Кто-то оказывается в «более равных» условиях, чем другие. Если мы не будем из центра планировать «каждый гвоздь», то у нас «уровнировка» исчезнет, и неиспользованные резервы будут использоваться. Мы запускаем реформу, получаем опять ситуацию, когда у нас некоторые «равнее других». Что делать? Либо старые предприятия надо реконструировать. Хорошо, если там проблема только в том, что только станки надо поставить новые. Но у нас есть Магнитка, она там одна, на богатом месторождении стоимость всегда будет дешевле, чем на бедном. То же самое, если мы ГЭС строить будем: есть Енисей, на нем можно дешевую энергию получать. Нельзя на равнинной реке получить такую же дешевую энергию. Либо второй момент – мы неэффективные предприятия закрываем, и здесь мы упираемся в «идеологическую вилку» – банкротство предприятий, безработица сотрудников. Что делать? Причем, были даже расчеты, как это сделать. Почти все рассказал, что выбрали в предыдущих противоречиях. Как и в предыдущие разы, постарались

притормозить ситуацию и ничего не делать. Не нравится покупать тебе задорого у нерентабельного комбината, а ты все равно будешь покупать дороже. Мы реформу не отменяем, но мы изменяем показатели плана, чтобы «пространство для маневра» осталось совсем маленькое. Растет зарплата – мы не можем ее контролировать: мы вводим в план показатель производительности труда, соотношение зарплаты и производительности труда, а что мы получаем на выходе? Мы дали предприятиям экономические стимулы. Они говорят: «Я хочу работать хорошо. Дайте мне заработать». А ему сверху говорят: «Нет. Иди». Предприятие говорит: «Я тут все улучшил. Я хочу делать больше». А ему отвечают: «Мы норматив ввели назад. Мы не отменили реформу. Мы не сказали, что мы вернемся к дедушке Сталину или Хрущеву». И получается, что у предприятия осталась эта обособленность: «мы» и «все остальное народное хозяйство», к ней добавилась мысль о том, что «они не дают мне заработать, они меня объедают. Я вот такой хороший, но мне сверху поставлена вот такая планка. У меня тут такие резервы, а я не могу сам себе повысить зарплату, потом я не могу ее отоварить – мешают работать и зарабатывать». То есть, мы сначала сделали реформу, которая нам создала предприятия, как обособленные экономические агенты, а потом, когда мы увидели, что она требует рынок средств производства, значительно больше вложений в средства ширпотреба, она требует возможность банкротства предприятий – мы испугались и решили это просто «заморозить»: мы не «откатали назад». И мы создали дополнительную мотивацию: что я «могу», а мне сверху «не дают». И вот после этого и только в этом смысле можно говорить, что реформа 65-го года подготовила почву для реформ 1980-х годов. Здесь я делаю, наверное, точку. Дальше у меня по плану идет рассказ про 8-ую пятилетку, какие были министерства, функции у Госплана, что новое строили, но это – все-таки – рассказ обособленный. Он, безусловно, вытекает из того, что мы слышали, но все-таки, думаю, что все будут рады, если мы перенесем его на следующий раз. Теперь у меня есть возможность сделать следующую лекцию сразу, поскольку есть материал, не ждать 8 месяцев, читая умные книжки, не ждать, пока вы все забудете. Здесь я умолкаю. Я надеюсь, что дал вам понимание, откуда выросла косыгинская реформа, в какой мере она косыгинская, а в какой – других людей, если у вас есть вопросы, я постараюсь на них ответить, или, в худшем случае – запишу, чтобы ответить на них в следующий раз».

Вопрос: «Хотел спросить: та информатизация, которую хотел ввести Глушков, для нее не имело значения, вводят там рынки или не вводят., поскольку, вроде как, они аргументировали все как раз тем, что им невозможно все посчитать – 18 тысяч номенклатурных наименований».

А.С.: «У меня сложилось впечатление, что, до ОГАСа, всем известного, была система с непроизносимым названием, что-то там ЕГСПО или ЕГСПУ, сейчас уже боюсь наврать. Но, в общем, это была система передачи данных. Там предполагалось строительство вычислительных центров, в которых информация, поступающая от предприятий, будет обрабатываться, и вычислительные центры будут давать рекомендации, но мне она мыслится как набор инструментов: безусловно, полезный, но, как молотком можно гвозди забивать, а можно по черепушке кому-то

стучать – так и здесь. ОГАС мыслился как то, что «вы захлебнетесь в информатизации», в дискуссиях до реформы он в явном виде не противопоставлялся: то есть, вот это противопоставление «ОГАС и товарники» пошло, когда реформу приняли, когда выяснилось, что от вот этих трехэтажных расчетов оптимизации решили не то, что избавиться, но теперь это стало таким «приятным дополнением». Предполагалось, что ОГАС или другая система дает нам информацию с мест, мы ее обчитываем, получаем сведения о затратах труда, на их основе делаем, утрированно, «идеальные цены», на их основе делаем перспективный межотраслевой баланс, решаем оптимизационные задачи, выдаем информацию предприятиям, за счет того, что цены дают то, что нам нужно, предприятия в погоне за своим «шкурным» интересом дают народнохозяйственные пропорции в идеальном виде. Система постоянно получает обратную связь, цены пересматриваются не раз в 12 лет, а чуть ли не каждый день, за счет этого у нас такое динамическое управление. Потом, по факту, когда ничего из этого сделано не было, поскольку у нас нет идеальных цен, у нас возникают выгодные и невыгодные товары, у предприятий – свои личные имущественные антиобщественные интересы. Конечно, люди, которые продвигают тему про ОГАС, они начинают педалировать тему: если будет больше информации, то мы сможем активнее реагировать. По-моему, там была аргументация, что мы сможем лучше справляться с той ерундой, которая у нас стала твориться. Но, опять-таки: это – достаточно глубокая тема. Но мне кажется, что разделение пошло не на этапе идеи, а на этапе реализации. Реализация от того, о чем беседовали там в 61-м году и в 63-м году – она стала немного отличаться».

Вопрос: «То есть, вы считаете, что противопоставление ОГАС и рыночников произошло постфактум?»

А.С.: «Мне кажется, что да. Потому что в каком-то смысле ОГАС и всех этих кибернетиков по факту «задвинули» немножко в сторону. Я пытался донести «центровую» идею реформы в том виде, как это было до постановления о реформе, и центровую идею, как это получилось после в действительности. Мне кажется, они различаются. На этапе планирования не было такого жесткого противопоставления, а ОГАС, который на самом деле не ОГАС, а система с непроизносимым названием, мыслился, как инструмент для обеспечения оптимизационных расчетов».

Ремарка: «Как раз перед этим попробовал обновить информацию об ОГАСе. Там в 55-м году какой-то журнал от экономики обнаружил: поначалу хотели использовать вычислительную систему для каких-то командных армейских вещей, и вдруг до него дошло, что это же можно использовать и в планировании».

А.С.: «Да, но только я обозначусь, что это – никакая не система, а на уровне идеи. То есть, да, 55-ый – это какой-то генерал, а потом этим стал заниматься Брук, который создавал первые советские компьютеры».

Ремарка: «Глушков зацепился за книжку, изданную этим генералом, из нее и пошла, в общем-то работа».

А.С.: «Это, скажем так, «генезис идеи» о том, что ЭВМ можно применять в экономике. Это – сильно заранее каких-то реальных дел».

Ремарка-вопрос: «Про ОГАС, насколько я знаю: его свернули потому, что предполагаемые затраты на него, допускалось, что не окупятся, и на этом закрыли эту тему?»

А.С.: «Нет, я читал тоже всякие интернетовские рассказы, что Косыгину предложили 2 варианта – ОГАС или эту реформу, сказали, что эта реформа ничего не стоит, а ОГАС там стоит 100500. Я в исторических материалах ничего похожего не нашел. Поэтому я склонен думать, что это – очередной рассказ из разряда «дали бы нам – мы бы сделали хорошо». Про ОГАС: предполагалось создавать глобальную систему вычислительных центров, общесоюзную, посчитали, что компов нету, специалистов нету, стоит очень дорого, там было принято компромиссное решение «растить ее снизу»: то есть, не сразу делать систему на весь Союз, а, допустим, мы сначала делаем ведомственные системы, а потом их объединяем. Вот на этом этапе все заглохло. Каждый делал свою ведомственную систему, никто не смотрел, насколько они соотносятся друг с другом, как например, Windows и Macintosh. В общем, эти системы оптимизировали что-то на микроуровне, но обмен информацией между ними был плохой из-за межведомственных противоречий: то, что называется «ведомственный эгоизм», вот на этом этапе все и умерло. Там были известные истории, когда на Львовском телевизионном заводе это внедряли, Глушкову фактически карт-бланш дали. Была куча ведомственных автоматизированных систем, 70-е годы – «куда ни ткни – у каждого своя автоматизированная система». Проблема в том, что это были какие-то мелкие вещи, которые в одну сеть особо не объединялись. Говорили: «Да, вот мы за автоматизацию, вот у нас раньше было два компа, а теперь 4», - но реального эффекта от этого было не очень много, это раз. Два – проблема первоначальной информации. Окей, мы можем построить клевою вычислительную сеть, но кто посмотрим, что в самом низу дядя Вася на Дальнем Востоке заложит туда хорошие, правильные данные, особенно, если он знает, что его потом «по головке не поглядят». То есть, известный факт, что сумма ВРП регионов всегда больше ВВП страны. ВРП – валовый региональный продукт, ВВП – валовый внутренний продукт. Понятно, что такого не может быть, это просто математическая сумма. И ОГАС проблему адекватности начальной информации, по-моему, не решал вообще никак. То есть, я, может, недостаточно много читал, но проблема начальных данных там вообще не рассматривалась.

Ремарка: «Но ведь были схемы дублирования в информационной системе».

А.С.: «Там, безусловно, были какие-то системы вычитки и дублирования, но, чтобы знать, насколько это все серьезно, надо поднимать первичные документы, которые, может, где-то лежат в экономических архивах, но их надо поднимать. Я бы сделал про ОГАС отдельную лекцию, если бы нашел материал на целую лекцию, потому что обычно интернетовские рассказы говорят, что потом это все уничтожалось, сжигалось и т.д. Следующий момент: мы до этого не дошли, но это, в общем, тема 10-й пятилетки или 11-й: есть люди, которые работали в этих вычислительных центрах, вот,

они говорили: им приносят информацию, они начинают «обсчитывать» согласованный план. Они половину обсчитывают, а им говорят: «Ой, извините: а мы проектировки поменяли». Считайте заново». Они считают, а им говорят: «Ой, извините, а мы в третий раз проектировки поменяли». Я говорил, что идея повысить роль долгосрочного планирования была в идее частичной разгрузки плановиков поодиночке и в установлении долгосрочных отношений с бюджетом. Но и не только. 8-ая пятилетка – начало работ над СОФЭ – системой оптимального функционирования экономики, это – детище ЦЭМИ и федоренковского коллектива. Я не знаю, в какой мере можно считать, что СОФЭ и ОГАС – конкуренты, потому что, опять-таки, это нужно самостоятельно разбираться, но надо понимать, что эта реформа и макродефицит, который она породила, вызвала потребность очень серьезно планировать какие-то вещи на макроуровне. 70 –е годы – это развитие планирования, насколько только можно: это – автоматизированные системы, у каждого ведомства свои, это – работы над СОФЭ, над матметодами, потому что их никто не запрещал, это – все большее и большее использование компьютеров, но это шло параллельно экономическим стимулам и той ситуации, когда нам надо притормозить следующий шаг. То есть, никуда не девалась мотивация, что «они мешают нам заработать», обособленность предприятий от народнохозяйственного комплекса, новые и новые наработки планирования использовались для того, чтобы все не рухнуло слишком рано».

Вопрос: «А вот то, что Вы сказали – автоматизированные разработки в разных сферах – не было ли это причиной косыгинской реформы?»

А.С.: «Это, скорее, было следствием «ведомственного эгоизма». Я не вижу прямых связей между косыгинской реформой, экономическими стимулами предприятий, что требует создания рынков производства и допускает возможность банкротства предприятий, и тем, что каждое министерство хочет иметь свою собственную «карманную систему», которую не хочет ни с кем делить. Это – скорее ослабление централизма».

Ремарка: «Когда я Вас слушал, я вспомнил такую забавную вещь: мне кажется, одна из самых слабых вещей в этой реформе – оптимизационные модели. Я вспомнил, как в последние 40 лет эти оптимизационные модели вызвали кучу надежд и благополучно рухнули в той области, где нет ни политики, ни идеологии – в поведении животных, собственно. Это – так называемая «модель оптимальной фуражировки». То есть, есть участок с разными местами обитания, расположенными пятнисто. Животному надо как-то «оптимально» его обойти, чтобы за минимум времени набрать больше всего калорий. Предполагалось, что оно вычисляется через некий оптимальный маршрут, «валютой» здесь служит приспособленность, все это даст полную фигну. Животное так не считает. Оно считает более простыми способами. У него есть там, например, 20 видов кормления, каждый имеет «свой выигрыш, свою цену», оно на каждом этапе решает, продолжать ли прежний способ кормления и продолжать ли движение или сменить его на другой, исходя из неких результатов испытания предыдущего. Вот эти «оптимальные цены», которые пытались вычислить, считать надо было как-то по-другому».

Ремарка: «Если бы у муравьев была недетерминированная система вычисления оптимальных маршрутов, возможно, они кормились бы лучше».

А.С.: «Предполагалось, что предприятие в поисках прибыли, будет как-то внедрять эти оптимизационные модели. Хорошее замечание – что, может быть, оно удовлетворилось бы каким-то определенным уровнем: не максимизируя, а «чтоб на хлеб с маслом хватило», да не пошло. Когда мы уже стали вводить ограничения на максимальный фонд заработной платы или там соотношение зарплаты и производительности труда, то получается то же самое: мы можем немного оптимизироваться, но выше определенной планки мы знаем, что все равно не прыгнем. Поэтому нам дальше двигаться не нужно. Про муравьев и животных там, которые «глупые» и всякие оптимизационные модели не хотят использовать – в той популярной книжке для рабочего, который отработал смену и еще должен что-то понять, есть картинка «сетевой график разработки промфинплана предприятия». Бирман надеялся, что каждый рабочий это дело освоит и будет участвовать в разработке. Можете просто оглядеть».

Вопрос: «А какого года книга?»

А.С.: «66-го. Если очень сильно захотеть, то, наверное, можно освоить, но только если очень сильно захотеть».

Вопрос: «То есть, это «самообразующиеся предприятия?»

А.С.: «Да».

Ремарка: «Насколько я помню, все эти вещи удалось урегулировать. В 67-м году осуществлялось и сетевое планирование. Среди рабочих, насколько знаю, модели оптимизации забывались довольно быстро. У меня вот какой вопрос: я ничего не услышал по поводу каких-то финансовых институтов, финансовой реформы. Потому что про 70-е, когда появлялась зависимость, банки начинают кредитовать предприятия, когда у них появляется в этом заинтересованность. Мне интересно, были ли в косыгинской реформе предложения по модернизации финансовой системы и какие?»

А.С.: «Да, были. Спасибо за вопрос. Я действительно об этом забыл сказать. В общем, это шло в русле идеи о платности фондов: если до косыгинской реформы средства под фонды выделялись из бюджета – бюджетное финансирование, то есть, мы по плану решили, что в «чистом поле» появится завод, то мы его финансируем на безвозвратной основе, то вот реформа включала в себя резкое усиление банковского кредитования. Предполагалось, что предприятие, которое хочет что-то построить, имеет собственные средства, новый фонд, о котором я говорил, но вместе с тем у него есть возможность пойти в банк. Эта возможность использовалась и раньше. Банковское кредитование использовалось и в 50-е годы, но предполагалось очень сильно нарастить его удельный вес. Я забыл об этом сказать, и хорошо, что Вы напомнили. Бюджетное финансирование должно было быть меньше, удельная доля его снижалась, а банковское кредитование должно было

возрастать. И предприятие должно было, если хочет это строить, оно может это делать либо за счет отчислений в фонд развития, либо «идешь в банк, берешь кредит, потом за кредит платишь. Если ты все правильно посчитал – то новый станок тебе дает высокоприбыльную продукцию, которую все покупают, ты расплачиваешься с банком, и все довольны». Но, что предполагалось делать с предприятиями, которые «извините, ошиблись», я не знаю. Как предполагалось решать вопрос, если наш инвестиционный проект «вылетел в трубу», я могу только гадать. Опять-таки, предположение: когда через какое-то время выяснилось, что предприятия не могут отоварить средства в этом фонде, то есть, средства-то они накопили, а купить им негде, потому что нормального рынка средств производства по-прежнему нет. Вот это дело, под видом «недостатка средств», стали изымать в бюджет обратно. И фактически и это направление реформы было торпедировано. Получаем стройную систему экономически стимулов, которая требует, по сути, рыночной экономики. Начинаем развиваться в этом направлении, пугаемся, реформу неудачной не признаем, но ее так дополняем, что «ни назад, ни вперед». И вот в такой «раскоряке» стоим до 80-х годов. Совершенствуем методы планирования, которые позволили бы нам даже в этой ситуации как-то развиваться».

Вопрос: «Система хозяйствования, которая до 50-х годов была, опиралась на всякие «инициативы снизу» - «стахановское» движение, «кружки качества», встречные планы. А вот эта система на что предполагала опираться? На бригадный подряд?»

А.С.: «В том числе, да. Смотрите: здесь, кстати, предполагалось «в одном флаконе все занять». Рабочий «блюдет свой шкурный интерес», поэтому изучает умные экономические книжки, проверяет все за главбухом, если находит что-то, то сразу оптимизирует, улучшает, вообще за всем следит. Вот когда вы говорите, что рабочие после все «напрочь забывали», это – еще один «звоночек», что реформа не очень пошла. Как бы свой «шкурный» интерес рабочие блюли, но не до такой степени, чтобы проверять всю экономику в собственном цехе. Когда у нас был «ценовой пресс», то там это «рационализаторство» улавливалось и распространялось. Тебе, кто придумал, мы платим премию, потом везем тебя в Москву, можешь пожать руку товарищу Сталину, потом плакат нарисуют. Знаете, были такие плакаты, что товарищ Сталин кому-то «спасибо» сказал. Да, тебя не любят твои коллеги по цеху, потому что им тоже надо продвигаться, , но я вам показывал книжки времен 4-ой пятилетки, где эти «рацпредложения» тиражировались и выпускались большими тиражами, что это «не твое ноу-хау, на котором ты сидишь и никому не говоришь, как ты это сделал». Когда мы говорим, что у нас есть клевые оптимизационные модели, которые нам все посчитают, вот то, что я говорил, Канторовича: «Вопросы объективно обусловленных оценок»: там же вопрос «почина» исчезает. Если мы считаем, что эффективность производства зависит от стоимости основных фондов, эти цены – единого уровня, то, что Белкин продвигал, тогда «чем дороже, тем лучше», у меня стоит дорогой станок, он хорошо работает – мне не нужно еще больше его улучшать».

Вопрос: «Я вот, собственно, почему спрашиваю...»

А.С.: «По-моему, хороший вопрос: мы от «стахановского» движения отошли в сторону, но полноценно заменить его личным интересом не получилось».

Вопрос-ремарка: «Итак, я почему спрашиваю: я вспомнил то классическое исследование Здравомыслова и Ядова «Человек и его работа в СССР и после». Они как раз во время реформы в конце 60-х и 70-х годов сравнили отношение к труду молодых рабочих в Ленинграде и в Нью-Йорке. Они хотели проверить, выполняется ли прогноз Маркса о том, что при социализме, когда нет безработицы, труд становится непосредственной потребностью, не деньги. Это действительно так получилось на тех производствах, которые были технически продвинутыми, и работа приносила интеллектуальную радость, но там интересно распределение свободного времени. У американских рабочих спрашивали, что они делают в свободное время, и те отвечали: «Ходим к друзьям, выпиваем, отдыхаем». Советские рабочие: «Занимаемся общественной работой, учимся. Учимся в вечернем ВУЗе, учимся во ВТУЗе, повышаем квалификацию». При том, как они свою причастность к работе оценивали: «Мы выполняем план». Все. А вот середина 70-х годов – появляется ощущение личной причастности к деятельности завода, которое достигает максимума в рыночную эпоху, поскольку появляется страх, что с заводом будет что-то не так, и ты потеряешь зарплату... Старые формы организации человека были оборваны, а новых не предполагалось».

А.С.: «Я, кстати, забыл, что мы говорили, у Вас есть какое-то объявление под конец, Вы можете его озвучить. Давайте, если еще есть, пару вопросов».

Вопрос: «В каком году в советской экономике появилось слово «фирма?»»

А.С.: «Не знаю».

Ремарка: «62 год – я читал по истории производства модной одежды – слово «фирма» впервые применилось там, применительно к советским предприятиям. Так назывались и дома моды, и фабрики, которые делали одежду. Причем, с производством одежды там была еще какая интересная вещь: казалось бы, СССР – коллективистское общество. Соответственно, одежда «малыми сериями» - это рационально и удобно. Нет, в СССР старались развивать ателье индивидуального пошива, чтоб каждый свою личность развивал, становился культурнее».

А.С.: «Я должен сказать, что это убрали потом».

Ремарка: «Нет, это действовало до конца Советского Союза».

А.С.: «Это действовало до конца советского периода, но удельный вес снизился».

Ремарка: «Как раз наоборот».

А.С.: «Надо данные поднять».

Ремарка: «Есть мнение, что это связано было с дефицитом».

А.С. : «Я просто видел много рассказов о том, что в ателье труд малопроизводительный, поэтому «давайте делать больше готовой одежды».

Ремарка: «Но вот, собственно, монография Журавлева «Мода по плану» - там как раз показано, что все более с течением времени смещалось в сторону ателье индивидуального пошива, может быть, потому, что крупными сериями было трудно согласовывать новые модели при изменении моды».

А.С.: «Я видел противоположные данные, что больше смещалось к массовой одежде, и да, действительно было трудно согласовывать изменения, из-за этого, собственно говоря, у людей появлялись нарекания на советскую одежду, что она устаревших моделей».

Вопрос: «У Маркса основной ячейкой рынка определен товар. Что является «зерном» плана? И, по поводу одежды, если интересно мое мнение: дефицит считался нормой, поэтому очереди в ателье были строго, если ты хочешь получать хорошие вещи».

А.С.: «Я бы, наверное, сказал, что ячейкой социалистического общества является норматив. То есть, нормативы на все. И динамика их изменения. А через это уже выходят на общественные отношения между предприятиями».

Вопрос: «После этой или предыдущей лекции про хрущевскую эпоху возникло ощущение, что не «предатели какие-то там собрались и начали разваливать экономику», а все гораздо хуже, и вся советская система столкнулась с рядом неразрешимых технических вопросов, которые просто нельзя разрешить принципиально. Из-за этого появилась идея «стихийной экономики», все эти идеи потихоньку «дрейфовали к рынку», потому что не знали, куда двигаться дальше. Рынок пусть решает, а мы ему будем как-нибудь подыгрывать».

А.С.: «Я, наверное, боюсь, что у меня сложилось именно такое впечатление. Есть проблемы – я не зря потратил первый час на то, чтоб рассказать вам предысторию, и вы понимали, откуда это берется. У той системы «ценового прессы», которую я считаю элементом сталинской экономики, есть несколько минусов. Один минус – я уже про него говорил – это постоянное взаимное давление, когда Госплан должен следить, предприятия должны рационализироваться, опыт должен распространяться, потому что, если кто-то один придумал, ему премию выплатили, ему, может, от этого приятно, но экономике в целом от этого «ни жарко, ни холодно». Второй момент связан с тем, что там можно делать, сужая запущенную в серию продукцию. То есть, мы можем запустить в серию продукт и таким образом снижать издержки на него, в пределе – начать делать его «очень массово очень дешево», но это не отвечает на вопрос, откуда будут браться принципиально новые продукты. Одна из трудноразрешимых проблем теоретического уровня, как я ее вижу – проблема научно-технического прогресса, потому что, как его планировать, если он частично растет снизу, и мы про него просто не знаем? Если мы уже что-то придумали, мы верим, что это хорошо, мы можем сказать: «Ребят, вы вот это делайте, вот вам такие-то нормы, такая-то цена, если вы улучшите -

разница пойдет вам». Но для этого мы это уже должны сделать. В ВПК это делалось следующим образом – брался лучший образец. И вторая проблема, с которой я здесь столкнулся – проблема целеполагания. У нас есть какой-то большой общий ориентир, но проблема с частными ориентирами. Мы можем «подглядывать у буржуев» - догнать и перегнать», но когда мы «догоним и перегоним»? Вот те примеры с трубами, полиэтиленовыми или железными, которые я приводил – так можно сказать про что угодно. В каком-то смысле, это – действительно проблема, ее надо решать съездами советов, соборными сходками или чем-то таким, но это – проблема, откуда мы берем промежуточные цели. Партия, как я это вижу, столкнулась с тем, что не видит промежуточных целей и говорит ученым: «Вы рассчитайте». Ученые отвечают: «Мы можем рассчитать, чтоб была равнодефицитность всего. Но глобально это проблему не решает». Целеполагание и банальное стремление «жить попроще». Потому что «ценовой пресс» работал, но в ситуации, когда идет политическая борьба, каждая из сторон привлекает сторонников раздачей «ништяков». Соответственно говоря, проблема Сталина, что он не бессмертный. Там много проблем: большие издержки на принудительный труд, Верховный правитель может просто умом тронуться, много чего можно. Но одна из них: когда идет политическая борьба, высока вероятность, что люди договорятся – «вы нас меньше мучаете, а мы вас поддерживаем». Я не могу назвать сталинскую систему «хорошей». Она работает и дает высокие темпы роста. Там была запредельная скорость внедрения инноваций, когда было понятно, что внедрять. Там 4-я пятилетка, страна в руинах – отрасли создавались «с нуля». Не было ракетостроительной отрасли – ее сделали. Не было геолокационной - ее сделали. Было понятно, что нужно обезопаситься от того, что буржуи на нас скинут ядерную бомбу и желательно сделать систему безопасности намного раньше».

Вопрос: «Почему не пытались выделить содержательные цели развития по принципу «антитезы к буржуйскому», грубо говоря? Буржуйские города развиваются через массовую автомобилизацию – мы развиваем общественный транспорт. У буржуев идет нарастание платности – мы платность ужимаем».

А.С.: «Там были попытки «убирания платности», но они были не вполне успешны».

Ремарка: «Не «обезьянничанье», а контрмеры».

А.С.: «Сначала был хлеб в столовых бесплатный, а кончилось тем, что хлебом стали скотину кормить, потому что хлеб был бесплатный, а зерно или комбикорм стоили ощутимых денег. Просто там еще проблема – периодически возникал разрыв между тем, что мы хотим, и что мы можем. Например, как у классиков написано «ликвидация противоречий города и деревни». Во всех перспективных планах написано, что «остановить рост больших городов», «более равномерное распределение промышленных предприятий по территории».

Ремарка: «Скажем, в 50-е годы была программа «1000 малых городов России», специально, чтоб удерживать там трудовые ресурсы, строились машиностроительные предприятия. Хотя уже тогда с экономикой было не очень».

А.С.: «Я и говорю: битва противоречивых тенденций. Можно посмотреть Москву, Ленинград, любые города, самые крупные – можно посмотреть период, когда в них численность сокращалась».

Ремарка: «Государство не может регулировать численность городов, может только развозить жителей по регионам, чтоб там «город не захватил природу».

Ремарка 2: «Одно дело, когда строятся новые города, а население сдерживается, когда этим занимаются. Другое дело, когда этим не занимаются, население разрастается».

Ответ: «То есть, грубо говоря, чем отличались города СССР от городов капиталистических стран? Они росли «звездчато». То, что Родоман, наш географ, назвал «поляризованным ландшафтом». Поскольку города соцстран, ГДР, ЧССР, росли «звездчато», сохранялись «клинья» природных ландшафтов, которые в виде парков доходили до центра города, что было полезно для здоровья трудящихся, развитие промышленности не сжирало периферию, не было «пояса коттеджной застройки», благодаря которому западные города расплываются, как «пятна на бумаге», была возможна гармонизация интересов промышленности и города, сельского хозяйства и дикой природы. Но для этого, в числе прочего, надо было ездить на отдых на электричке, а не на своей машине».

Вопрос: «Если исходить из показателя ВВП, то страна развивалась нормально. В рамках этой реформы какой-то «истерики» не было. Даже складывалось впечатление, что незаконченная реформа даже в некотором смысле была «благодостной». Противоречия как источник роста. Насколько обоснована была реформа? И когда стала ощущаться трудонедостаточность, недостаток ресурсов?»

А.С.: «Я вижу, что реформы – у них были причины, не всегда чисто экономические, но не было реформы, которая непонятно, откуда взялась. Что-то все равно предшествовало. А что именно – надо смотреть по каждой конкретно».

Второе – да, трудонедостаточность стала ощущаться, в общем, если будет лекция по 8-й пятилетке, будем об этом говорить. 65-ый год – первая информация, которая у меня есть: глава научно-исследовательского экономического института (НИЭИ) Госплана Ефимов подготовил обстоятельный доклад о состоянии трудовых ресурсов, о том, что у нас их не остается, но я б не хотел подробно об этом рассказывать, потому что это – следующая часть. Люди устали. Я благодарю всех за терпение.»

Ремарка: «У меня маленькое объявление. Поскольку наш кружок планируется, как самообразование, в идеале хотелось бы, чтоб участники готовили и рассказывали какие-то вещи, если кто-то хочет что-то рассказать, то можно писать в сообщество «Неформальные марксистские семинары», либо мне Вконтакте – Владимиру Фридману, чтобы планировать темы к соответствующим занятиям. Чем разнообразнее будет состав лекторов, тем лучше».

Лекция 9. «Восьмая пятилетка»

А.С.: «Добрый день всем, кто в этот предпраздничный день дошел до «Циолковского». Эта лекция будет «довеском» к предыдущей. По лицам вижу, что в прошлый раз все были, поэтому повторять про косыгинскую реформу не нужно. Мы сегодня поговорим немного непосредственно о 8-ой пятилетке, о том, как она составлялась и реализовывалась, проследим, какие тенденции сформировались в 8-ую пятилетку, усилились и углубились в последующие эпохи. При разработке плана 8-ой пятилетки, который, разумеется, начался не в 65-м году, а несколько раньше, перед плановиками возникла задача: что делать с «громогласными» обещаниями о том, что новая программа партии объявила, что к 80-му году мы построим материальную базу коммунизма. Проблема в том, что, когда эти обещания звучали, Госплан никто особо не спрашивал, поэтому, когда сделали расчеты, многие вещи, которые были прописаны к 70-му году, промежуточные цели – были недостижимы или труднодостижимы, потому что подход к планированию, если помните, был таковой, что часть эффекта предполагалось получить за счет капитальных вложений, строительства дополнительных мощностей, тому подобных мероприятий, а часть эффекта должна была обеспечиваться повышением эффективности производства, ростом производительности труда, сокращением себестоимости, поскольку это – такие величины, которые варьируются в зависимости от темпа научно-технического прогресса или в зависимости от того, как народ участвует в соцсоревновании, то они допускают некую степень растяжимости. В определенных пределах это допустимо, потому что мы можем поверить в наш народ, но те величины, те задания по повышению эффективности производства, которые получались счетным путем, чтобы сбалансировать всю систему показателей и выйти к 70-му году на ту программу, которая была предписана партией, они были явно нереалистичные. Предполагалось даже, что снова имеет смысл разрабатывать не пятилетку, а семилетку, мы помним, что была семилетка – с 58-го по 64 годы, тогда вот, к 72-му году можно было «влезть» в те показатели, которые мы сами себе заявили. Но проблема в каком-то смысле решилась сама собой: Хрущева сняли, а вместе со снятием Хрущева ответственность за невыполнение этих цифр спала. И вот в воспоминаниях плановиков есть сюжет о том, как в 64-м году к ним приезжал Косыгин и сказал: «Работайте спокойно. Не «насилуйте» народнохозяйственные пропорции и не переживайте, что мы не отвечаем за обязательства прежнего главы государства. После чего началась разработка 8-ой пятилетки, должно было произойти сближение темпов роста продукции группы А и группы Б, потому что, как мы разбирали в прошлый раз, новые методы хозяйствования должны были увеличить долю совокупного общественного продукта, который остается на руках у населения, зарплаты, зарплату нужно было как-то отоваривать, а для этого было нужно, чтобы ширпотреб тоже производилось больше, соответственно говоря, задания были сформулированы таким образом, чтобы рост группы А превышал рост группы Б только на 10-15%. Надо сказать, что в предыдущие 15 лет рост группы А

превышал рост группы Б на 60%. Это было серьезное, радикальное сближение. В прошлый раз мы говорили, что попытки наращивания продукции и ускорения роста группы Б предпринимались и Маленковым, и Хрущевым в конце его правления. Маленков обосновывал, что «теперь можно, потому что у нас есть водородная бомба», Хрущев – «теперь можно, потому что у нас есть баллистические ракеты». То есть, всегда рост группы А планировался, по сути, не столько ради того, чтобы построить заводы по производству ширпотреба, сколько потому, что у нас в группе А всегда «сидел» военно-промышленный комплекс. И, соответственно говоря, восьмая пятилетка была тем моментом, когда долгожданное сближение темпов роста, наконец, произошло. Здесь пишется, что «производство промышленности предметов потребления должно было возрасти примерно на 43-46%, а средства производства – на 49-52%. Рост национального дохода должен был возрасти на 40%, но для этого нужно было повысить объем производства в полтора раза. А еще – добиться среднегодового темпа увеличения сельскохозяйственного производства на 25%, повысить производительность труда в промышленности на одну треть. Рост производительности труда в промышленности на 30% - значения несколько оптимистичные, которыми можно двигать. Соответственно говоря, нужно отметить, что на относительно неплохие показатели роста ширпотреба и продуктов питания повлияло то, что восьмая пятилетка была чуть ли не единственной, когда были благоприятные погодные условия, то есть, в этот период не было ни засух, ни неурожаев, это внесло свой вклад в то, что продукция сельского хозяйства росла относительно бодрыми темпами. Соответственно говоря, это – то, что касается заданий. Рост ширпотреба там на 40%, на 50% - группы А, рост производительности труда – на треть. Как предполагалось эти задания выполнять? Первое, что нужно отметить – это восстановление министерств, отраслевой структуры управления хозяйством. Весь “совнархозный эксперимент” опять-таки после снятия Хрущева был благополучно свернут, и надо сказать, что тенденции к резкой централизации проявились уже в начале 60-х, когда совнархозы стали укрупняться. Если вначале этих совнархозов было больше сотни, то потом постепенно они стали укрупняться, потом были созданы совнархозы республик, которым должны были подчиняться местные совнархозы экономических районов. Закончилось все тем, что был создан ВСНХ, который должен был заниматься тем же, чем ранее – Совмин. Восстановление министерств в этой логике выглядит еще одним шагом к восстановлению централизованного управления промышленностью. При этом надо отметить, что, поскольку население, наверное, задавало какие-то вопросы: зачем все это было? Чтобы вернуться к тому, с чего начали? В книжках 60-х годов, там, в 65-м, обязательно говорилось, что “наши новые министерства – это совсем не то, что наши старые министерства, наши новые министерства работают по-новому, они менее бюрократичны, вообще у нас все наконец-то должно быть хорошо”. Министерства должны были “экономическими методами осуществлять руководство переданными им предприятиями”. Идея была в том, что, поскольку теперь, после реформы, “повседневный” контроль над предприятиями снят, они там сами преследуют свои “шкурные экономические интересы”, хорошо хозяйствуют, то министерства должны, наконец, сосредоточиться на работе по повышению научно-технического уровня предприятий, заняться

научно-техническим прогрессом. Ежедневную работу предприятия делают сами. Министерства взаимодействуют как с отраслевыми научными институтами, придумывают что-то новое, это новое внедряют уже в практику работы предприятий. Через это обосновывалась идея, что, когда мы сокращаем количество плановых показателей, повышается уровень планирования. Предполагалось, что раньше мы “за деревьями не видим леса”, а теперь, наконец, можем сосредоточиться на научно-техническом прогрессе.

Что хорошего должно было остаться от совнархозной системы управления? Оставались районные базы снабжения, которые были межотраслевыми, территориальными – это были всякие заводы по производству мелких всяких вещей, типа там метизов, которые требуются всем предприятиям, если раньше их заводы клепали каждый у себя сам, то в период совнархозного управления была достигнута некая специализация. Эти вещи предполагалось сохранить. Ремонтные, заготовительные, тарные, транспортные, некоторые другие предприятия должны были остаться межотраслевыми. В период совнархозной реформы появилась такая вещь, как централиты. Централит – это “центральное литье” – заводы чугунного литья, которые тоже клепали массовые детали, которые, примерно одинаковые, требуются для всех заводов одновременно. Я напоминаю, что в течение существования советской системы приходилось бороться с тенденцией предприятий к автаркии, которая связывалась с тем, что, зачастую план выпуска какой-то продукции данного предприятия было сложно выполнить не из-за косяков данного предприятия, а из-за косяков его поставщиков. И зачастую там можно находить свидетельства, когда не хватало какой-нибудь пружины для манометра, которая там стоит три копейки, из-за этого нельзя было сделать манометр, его нельзя было прикрутить на станок, а станок стоит тысячу рублей, поэтому кактолько усиливались косяки в централизованном распределении, каждый уважающий себя завод старался “отрастить” себе цеха по производству этих мелких вещей самостоятельно. Производительность труда там, разумеется, была никакая, кроме того, это было перепроизводство, потому что, если это – централизованная база, то она поставляет гайки и пружины всем, кому нужно, а если это – цех при заводе, то он поставляет это, разумеется, только “своим”. Таких цехов надо больше. Напоминаю еще раз, что в условиях новой реформы предполагалось решить эту проблему усилением ответственности за срыв договорных обязательств. Если кто-то раньше кому-то что-то не поставил, то отчитывались у начальства, а теперь “контроль рублем”, как это происходит в современной капиталистической экономике, когда есть арбитраж, есть суды и подобного рода вещи. Забегая вперед, опять-таки, вы помните, что в полной мере не удалось, потому что было коллективное мнение министров Госплана, что, если начать это делать в полной мере, то у нас ни одно предприятие план выполнить не сможет. Что косвенно характеризует уровень плановой системы.

Одновременно с восстановлением министерств произошла очередная реформа Госплана. Госплан тяжело переживал 50-е – 60-е годы. Роль Госплана как раз должна была заключаться в том, чтобы раскидывать проектировки министерств по территории. Министерства планируют по отрасли

то, что им нужно. Госплан это дело сводит и делает территориальный разрез. Соответственно говоря, для того, чтоб он мог этим заниматься, образовывался пленум Госплана, опять-таки, для территориального учета, а для решения оперативных вопросов создавалась коллегия Госплана. Структура аппарата Госплана предусматривала четыре типа отделов – отраслевые, балансовые, функциональные, сводные. Кроме того, при Госплане была создана междуведомственная комиссия по переводу отраслей и предприятий на новые методы хозяйствования.

Еще одной организационной перестройкой была реформа контрольных органов. Я напоминаю, что одним из документов в пользу необходимости реформы были тезисы о том, что у нас будет неиспользованные резервы, которые можно задействовать и получить рост эффективности “на пустом месте”. Или просто производство “на пустом месте”. Существовавшая до 66 года комиссия – орган государственного контроля, возглавляемый Шелепиным, в 66-м был расформирован, что некоторые историки связывают с политической борьбой Брежнева против Шелепина. Вместо него была создана комиссия по устранению потерь, которая через некоторое время была переименована в “комиссию по сохранению государственных ресурсов” под председательством Байбакова, который, видимо, считался более “политически устойчивым”. Она состояла из глав министерств и органов: Госплан, Госбанк, Минфин, ЦСУ, Комитет по труду и зарплате, Госснаб, что эта комиссия пыталась сделать? Сначала она попыталась сократить административные расходы, миллиард рублей. Потом она попыталась сократить количество административного аппарата на 500 с лишним тысяч человек. По расчетам, которые приводились, это дело могло бы высвободить 500 млн фонда зарплаты. Комиссия в 66-м году провела расследование. Результат этого расследования определенным образом характеризует децентрализацию управления. Я напоминаю, что первоначальный штат совнархоза был 15 человек, которые беседуют с главами местных крупных предприятий, что, опять-таки дает сокращение админаппарата, повышение эффективности и прочие красивые фразы. Расследование комиссии показало, проведенное в 66-м году, что за последние 5 лет, то есть с 61 по 66 годы число административных кадров выросло на 24%, составив, в общей сложности, 7 млн человек. Фонд оплаты труда этих работников достиг 13 млрд рублей. Значит, министерства “отрастили” себе сеть управленческих аппаратов, в которых работает 36 тысяч снабженцев. С фондом оплаты труда – 40 млн рублей. В год происходит миллион служебных поездок в Москву. Стоимость этих поездок составляет 600 млн рублей. У меня есть данные на 5 сентября 1970: весь админаппарат состоял уже из 13 млн 800 тысяч служащих, что составляло 15% от общего числа трудящихся, рабочих и служащих. Из них руководителей и их заместителей было 4 млн 600 тысяч человек, включая институт на центральном, республиканском, региональном уровнях, главные специалисты и их заместители составляли примерно 2 млн человек, из чего я делаю вывод о том, что очередная попытка сократить админаппарат, предпринятая новой организованной комиссией, в очередной раз не удалась”.

Вопрос: “По статистике – какая часть этих 13 млн приходилась на Москву?”

А.С.: “Здесь написано, что центральные министерства и госкомитеты состояли из 8 млн чиновников, из них 2,5 млн руководителей. Опять-таки, поскольку это – источник ... у меня нет оригинальных материалов этой комиссии, у меня есть книжка, в которой рассказывается про результат. Может быть, центральные министерства подразумевали с территориальными отделениями. Но, как бы там ни было, имеем, что 66-й год – число административных кадров составило 7 млн человек, 70-й год – 12 млн, из них центральные министерства – 8 млн человек”.

Вопрос: “Получается, из 13 млн, 7 млн – начальники чпего-нибудь, и у каждого еще заместители?”

А.С.: “Нет. 8 млн чиновников – это весь штат центральных министерств”.

Вопрос: “Нет, до этого?”

А.С.: “А, до этого, сейчас скажу. 66-й год, оценка комиссии: число административных кадров, в общей сложности – 7 млн человек. Это все. Соответственно говоря, 70-й год: всех – 13800, из них руководителей – 4 млн. Получается, что на каждого руководителя, в среднем, 2 подчиненных. То же самое происходило ... про число снабженцев в министерствах сказал: на 66-й год почти 37 тысяч снабженцев, которые все время ездили в Москву “выколачивать” дополнительное снабжение. Помимо министерских снабженцев, есть еще штат Госснаба. На 8-е августа 70-го года Госснаб состоял из 34-х отделов. Относительно нестрашно: 382 служащих, из них 286 управленцев. Однако, во всех управлениях и секторах снабженческой сети работало 136 тысяч человек. Здесь не совсем понятно соотношение этих данных. То есть, мы имеем в министерствах 37 тысяч снабженцев, в Госснабе -1000 с хвостиком, всего рисуют 136 тысяч. Это я брал, по-моему, из книг Моше Левина “Советский век”. Можно сделать вывод о том, что в очередной раз попытка сократить административный аппарат не привела к успеху. Поскольку, как я уже попытался объяснить, идея о сокращении количества плановых показателей в головах тех людей, которые ее продвигали, не противоречила идее усиления планирования, то вот как раз вторая половина 60-х – период, когда предпринимались попытки усилить роль планирования, а конкретно – перспективного планирования. Предполагалось это сделать установлением длительных нормативов, о чем шла речь в прошлый раз: когда предприятие может в средние – и долгосрочную перспективу понимать свои взаимоотношения с бюджетом и, соответственно говоря, разрабатывать перспективные планы. 1966 год – год начала работ над СОФЭ. СОФЭ – система оптимального функционирования экономики, которая, фактически до развала СССР, разрабатывалась в ЦЭМИ – Центральном экономико-математическом институте под руководством академика Федоренко. Периодически делались попытки начать как-то ее использовать, но Госплан, надо отдать ему должное, относился ко всем этим идеям резко негативно, поэтому, насколько я сейчас могу судить, до глубокого изучения, идеи эти оставались, в основном, в академической среде. Отдельные идеи СОФЭ и оптимизационные модели, безусловно, использовались. Далее мы можем говорить о том, что 70-е годы были годами расцвета долгосрочного планирования, в том числе, потому, что необходимо было как-то балансировать

негативные результаты косыгинской реформы в плане “разноса” народно-хозяйственной сбалансированности. Теория СОФЭ рассматривает народнохозяйственный механизм как “средство поддержания оптимального функционирования централизованно планируемой экономической системы в условиях самодействия ее производственных звеньев”. Это я даю цитаты с сайта ЦЭМИ, из исторического раздела, вообще всех приглашаю зайти на этот сайт и ознакомиться: много интересной информации, правда, плохо структурированной.

Особенности методологических принципов новой теории. 1 – наличие единого критерия оптимальности как математического выражения основного экономического закона. 2 – необходимость рассмотрения экономики как иерархически построенной саморазвивающейся системы. То и другое – некие постулаты базовые, которые надо понимать, даже если глубоко не влезать в саму систему, потому что, сейчас, насколько я понимаю, это называется “жадным алгоритмом” – это некая теорема или аксиома, согласно которой максимизация “шкурного” интереса каждого маленького субъекта экономики приводит к максимизации всей экономики в целом. Предполагается, что нет ситуации, когда одни субъекты улучшают свое положение за счет других. Одновременно с этим, существует некий единый критерий народнохозяйственной оптимальности, в котором, как в капле воды, отражается все многообразие экономики. По этому критерию можно оптимизировать всю систему, создав большую оптимизационную модель”.

Вопрос: “А что за критерий?”

А.С.: “Ну, так или иначе, приходили к мысли о том, что это – или прибыль или рентабельность. Предполагалось, что предприятия не смогут использовать всякие нехорошие методы, чтобы улучшать себе жизнь за счет других, потому что, во-первых, за ними будут следить поставщики и смежники, во-вторых, централизованный аппарат. Но, как выяснилось, здесь был допущен большой прокол: теория не сошлась с практикой. 67-й год – доклад академика Федоренко “Основные вопросы развития применения методов оптимального планирования и управления”, в котором было подчеркнуто, что принципы новой теории имеют общий характер и пригодны для разрешения разных задач: как плановой, так и рыночной экономики. Здесь возникают идеи конвергенции, такой технократизм, который все политэкономические идеи выносит за скобки. Говорит о том, что у нас есть некие универсальные принципы жизни, которые можно применять к любой экономике для того, чтобы она достигла оптимального состояния. Что хорошего было сделано в рамках СОФЭ и долгосрочного планирования? ЦЭМИ стал рассылать по министерствам и ведомствам что-то вроде анкеты под названием “Примерный перечень вопросов, показателей и расчетов, которые должны быть отражены в докладах министерств и ведомств СССР и союзных республик к основным направлениям народного хозяйства на 71-75 годы”. Главное внимание в этом перечне обращалось на научно-технический прогресс. Этот перечень – “зародыш” будущих работ над комплексными программами научно-технического прогресса СССР, которые мы будем с вами обсуждать, я надеюсь, в следующих сериях, потому что комплексные программы – это 10, 11, 12 пятилетки, но вот здесь возникает сам этот принцип, что мы будем долбить министерства, чтоб они

рассказали нам, какие мы будем применять принципы научно-технического прогресса, которые в следующее пятилетие могут “выстрелить”. Идея мне кажется совершенно здоровой, потому что, во-первых, дисциплинирует министерства. Во-вторых, позволяет нам планировать показатели повышения производительности труда и снижения себестоимости, повышения фондоотдачи и любые качественные показатели “не совсем с потолка”, потому что любой скачок в этих показателях возможен при структурных сдвигах, и эти структурные сдвиги нужно тоже запланировать: в рамках существующей технологии улучшить что-то на треть, если технология уже “обкатана”, практически невозможна. Если мы планируем увеличение на 30%, то мы планируем структурные сдвиги: если это довоенные пятилетки, то механизация сельского хозяйства, которая дает рост производительности и кучу рабочих рук, в целом, избавление от промышленной отсталости и электрификация, 50-е годы – надежды на целину, химизацию, автоматизацию, химизация “выстрелила”, автоматизация – не очень, а дальше – сейчас до структурных сдвигов дойдем.

Изменения в аппарате управления разобрали, в Госплане – разобрали, начало работ над СОФЭ – рассказали. Появилось еще несколько институтов. Поскольку предполагалось, что восьмая пятилетка – пятилетка “разворота к потребителю”, то у нас возникло сразу несколько институтов по исследованию рынка. Во-первых, надо сказать, что еще в 47-м году был создан Всесоюзный научно-исследовательский конъюнктурный институт министерства внешней торговли СССР, сокращенно – ВНИКИ. Этот институт должен был объяснять нашим министерствам, какая советская продукция может найти спрос у буржуев, с тем, чтобы эту продукцию им туда продавать и получать необходимую валюту. Институт работал “на буржуев” до 60-х годов и после этого начал распространять маркетинговые знания среди специалистов по внешней торговле и не только: стал выпускать бюллетень зарубежной коммерческой информации, то есть знакомить отечественные предприятия с основами маркетинга так, чтобы они могли сами, в отсутствие министерского диктата, производить что-то, нужное потребителю. Идея, в общем-то, неплохая.

Был создан Всесоюзный исследовательский институт технической эстетики – ВНИИТЭ – в переводе на русский, это, насколько я понимаю, первый в СССР институт промышленного дизайна. Находился он во вполне себе “эстетском” здании на ВДНХ. Здание существует до сих пор. У меня, к сожалению, маленькие черно-белые картинки. Я, наверное, буду их пускать по кругу, чтоб все оценили красоту здания дизайнерского института. Один из наиболее известных проектов института – создание автомобиля-такси, специализированного. До того времени автомобили-такси – это были просто легковушки. У него были открывающиеся двери, которые позволяли туда загрузить много багажа, вообще, это был такой советский минивэн, который достаточно бодро ездил по Москве. Проблема заключалась в том, что в серию он не пошел, потому что гениальные идеи этого института по улучшению быта советских граждан натолкнулись на нежелание советской промышленности это дело внедрять.

Вопрос: “А почему она не хотела это внедрять?”

Вопрос 2: “Если не ошибаюсь, он из стеклопластика был?”

А.С.: “Да, у него был корпус стеклопластиковый, облегченный. В общем, на самом деле, сейчас такие минивэны отлично используются в такси и секторе мелких перевозок, только уже не советского производства. Это были опытные образцы. Про этот автомобильчик много информации в интернете. Там была еще смешная история, это – уже мемуары первого руководителя этого института – когда решили сделать типа бартера: мы за границу вывозим водку, а нам поставляют известную линию по производству пепси-колы, потому что в Советском Союзе пепси “запороло” кока-колу, пепси была “советским” напитком, а кока-кола – “антинародным буржуйским”. Но возникла проблема, что на ту пору водка разливалась в бутылки такие же, как от политуры, то есть, лаки, политура, денатурат – полировать поверхности, мебель. Суть в том, что бутылки не отличались. И этот институт разработал проект “эстетской” бутылки для “буржуев”. Но, поскольку бутылка была угловатая, ребристая, с рисунком, всем на свете, она опять не пошла в серию – никто не взялся. В 65-м году с началом реформы образования Всесоюзный научно-исследовательский институт по изучению спроса населения на товары народного потребления, конъюнктуры, торговли – ВНИИКС. Позднее на его основе был создан Всероссийский научно-исследовательский институт потребительского рынка и маркетинга, который, судя по “убогому” сайту влечит совершенно жалкое существование. В 66-м году образован НИИ экономики и организации материально-технического снабжения – “головной” экономической институт Госснаба СССР, ныне – Институт исследования товародвижения и конъюнктуры оптового рынка. Судя по названиям институтов, можно понять, что “брендинг”, “нейминг” эти институты презирали и презирают. В 66-м году была выпущена книга про печатную рекламу, которую я приносил в прошлый раз, которая, насколько я понимаю, была первой за десятилетия”.

Ремарка: “Насколько помню, Глазычев как раз в то время выпустил книжку “Дизайн как он есть”.

А.С.: “ВНИИТЭ, на самом деле, в те годы достаточно активно себя вел, в том числе, потому, что они могли давать или не давать знак качества – вот этот пятигранник. В общем, там каким-то образом они “пробили” себе привилегию, что их нельзя было обойти. Предприятие, которое желало бы получить знак качества, должно было получить “добро” этого института, за счет чего у него был некий админресурс и с ним, я так понимаю, достаточно считались. В довершение к этому, в 68 году было принято постановление “О создании на базе бывшей библиотеки Социалистической академии Института научной информации по общественным наукам, который был создан в 1969 и “благополучно” сгорел в январе этого года. В принципе, в рамках первоначальной идеи реформы, был сделан целый комплекс мероприятий, который перестраивал систему управления, чтобы министерства занимались своим делом, академия планировала долгосрочное развитие, предприятия получали поддержку от маркетинговых институтов и могли что-то такое производить “народное”. Если бы предпосылки, заложенные в реформу, оправдали себя, в рамках этой логики все выглядит достаточно стройным и согласованным. Оправдали они себя или нет – речь пойдет дальше, а сейчас

мы переходим к структурным сдвигам, к тем мероприятиям, которые должны были изменить “лицо” Советского Союза, способствовать достижению намеченных целей.

Первый структурный сдвиг, который необходимо отметить – резкое усиление работ по промышленному освоению Сибири. Это – начало создания того нефтегазового комплекса, который “кормит” нас до сих пор. У меня есть данные по динамике добычи нефти, вот здесь можно посмотреть, что за пятилетку добыча нефти и газа выросла практически в два раза, даже кое-где газа – больше, чем в 2 раза. Добыча угля – на 20%. Идет опережающее развитие. Доля топлива и энергии в экспорте выросла на 80%. В общем-то, если раньше тот институт 47-го года планировал что-то такое сделать, чтоб “буржуйам понравилось”, то теперь институт переключился на отечественного потребителя, в общем, был найден товар, который точно “нравился буржуйам”, и его при этом можно было его особо “не дизайнерить”. Сейчас пушу табличку по кругу”.

Вопрос: “Какова была доля сырых углеводородов в топливно-энергетическом комплексе?”

А.С.: “Я могу сказать, что, насколько я помню, доля сырых углеводородов всегда была высокой и остается таковой до настоящего времени. Вторым структурным сдвигом был дальнейший упор на развитие химической промышленности. Частично он был связан с тем, что нефть является хорошим сырьем для химической промышленности, но, вообще говоря, упор на химизацию начался еще при Хрущеве, в семилетку, химизация была одной из немногих идей семилетки, которая была выполнена. Восьмая пятилетка ее продолжала. Расширилось использование пластмасс. Более того, в листочке, который сейчас ходит по рукам, написано, что, когда прошла долгожданная реформа оптовых цен, в 67-м году, то на пластмассу были установлены крайне выгодные цены именно для того, чтобы стимулировать ее внедрение. И в районах добычи нефти и газа создавались крупные центры химической промышленности – Башкирия, Поволжье, Азербайджан, Сибирь, Средняя Азия. Одновременно с ростом добычи ископаемого топлива начался опережаемый рост строительства ТЭЦ против ГЭС. Поскольку пока мы не знали, что у нас в Сибири столько дешевых углеводородов, то упор шел на гидроэлектростанции, ну а в новых условиях выяснилось, что ТЭЦ строить проще, потому что капитальные затраты на ТЭЦ ниже. То есть, гидроэлектростанция долго строится и дорого стоит, потом дает дешевую энергию. ТЭЦ строится быстрее и дешевле, но потом дает более дорогую энергию. В тех конкретных условиях решили, что ТЭЦ строить лучше. Предполагалось, что, может быть следует расширить строительство атомных электростанций, правда, это – уже расчеты на 75-й год, мы немного забегаем вперед. По расчетам некоего Ваксермана, производство 100 млн киловатт/часов атомной энергии в 75-м году в европейской части СССР было бы выгоднее, чем производство ее в гидро- и тепловых станциях Сибири из-за необходимости ее передачи на большие расстояния. Но это – уже следующий этап структурных сдвигов. Сначала у нас – дешевая нефть, мы переходим, преимущественно, от строительства ГЭС на ТЭЦ, потом мы считаем, что АЭС еще выгоднее, в общем-то, если кто из вас смотрел комплексные программы научно-технического прогресса начала 80-х или директивы партии, то до аварии на Чернобыле предполагалось массивное строительство АЭС, не само по себе, а это был ключевой элемент очередного

структурного перехода, который по очевидным причинам не удался. Но я это говорю, сильно забегая вперед. Я думаю, что мы до этого дойдем в следующей лекции.

В 67-м году начали, нет, возобновили работы по БАМу. Первые идеи БАМа появились еще в 19-м веке. Подумали, сколько это стоит, отступились. В начале 20-х посчитали, сколько это стоит – отступились. Потом начато строительство было в 32-м году после постановления Совета народных комиссаров “О строительстве БАМа”, но были построены 2 относительно небольших участка: Комсомольск-на-Амуре – Совгавань, Тайшет-Братск-Усть-Кут. Усть-Кут – это город, где идет перевалка грузов на Лену, по которой их можно доставлять до Якутска. И, поскольку железная дорога до Якутска до сих пор не достроена, злые языки говорят, что “мост через Лену уплыл в Керченский пролив”, соответственно говоря, перевалка грузов через Усть-Кут идет до сих пор. Здесь, к сожалению, опять, за счет черно-белой съемки будет не очень хорошо видно...”

Ремарка: “Восстановление БАМа, на самом деле, связано с советско-китайским конфликтом”.

А.С.: “Здесь, понимаете, у меня те данные, которые я нашел - в них написано, что начало работ, правительственное постановление “Об усилении изысканий БАМа” – это 67 год. Уже “культурная революция”, но еще не конфликт. БАМ, безусловно, имел двойное назначение, но, в том числе, там есть крупные залежи полезных ископаемых, и по БАМу их можно будет вывозить. Собственно говоря, БАМ сейчас используется не очень активно, в существующих проектах РЖД вера в то, что рано или поздно “руки дойдут” до полезных ископаемых, сохраняется до сих пор. То есть, строительство современного БАМа – это 72 год, уже 9-ая пятилетка, здесь мы отмечаем возобновление работ.

Что еще было сделано? Строительство Красноярской ГЭС, Ленинградской АЭС, увеличение новых доменных печей на Криворожском комбинате, Киевский нефтеперерабатывающий завод, Волжский автозавод. Волжский автозавод у меня проходит на границе разделов “структурные сдвиги” и “повышение уровня жизни”, поскольку проблема того, что у нас вырастут доходы населения, оставалась, ее пытались решать. Первое, всем известное – “народные автомобили”, “новый город”, потому что об этом все знают, я на этом не останавливаюсь. Еще 1 интересный момент – в 65-66 годах начался комплекс работ по определению основных параметров подвижного состава с конструкционной скоростью 200-250 км/час. То есть, был замах на то, чтобы создать в СССР скоростные магистрали. Типа “Сапсанов”. Но с ним получилась история, похожая на большинство историй, связанных с попытками СССР совершить “прорыв” во 2 половине 20 века, к сожалению, то есть 65-66 год – работы по тому “что нужно”. Опытный поезд был готов к 73-му году, называется он “Р-200”, запущен он был в 84-м году. В общем, за 20 лет он благополучно “морально устарел”, в 84-м году максимальная скорость 200 км/час, а “Р-200”, собственно, и означает “электропоезд, разгоняющийся до 200”, она уже никого особо не впечатляла. Надо сказать, что он благополучно ходил до 2009 года, несмотря на то, что ему было 10 лет, когда его запустили,

и еще 25 лет после этого он работал, но, в общем, в начале 2009 его сняли с эксплуатации, потому что он “выработался в ноль”, а в конце 2009 уже пошли “Сапсаны”. С одной стороны, это очень большое замедление, отставание, разрыв между моментом, когда подумали, что “неплохо бы это сделать” и моментом, когда сделали”.

Вопрос: “А что останавливало?”

А.С.: “Останавливало то, что не были готовы менять график грузовых поездов, чтоб пропускать скоростной поезд. Строительство отдельных скоростных путей не предусматривалось, в связи с этим, нельзя говорить, что в СССР были высокоскоростные магистрали. Первая в мире высокоскоростная магистраль была построена в Японии в 1962 году, после чего, наверное, как раз наши подумали, что неплохо бы было то же самое сделать. Она как раз отличалась тем, что для нее построили отдельные рельсы. В общем-то, это – мировая практика.

Разумеется, повышение доходов. Повышение доходов – один из показателей, по которым пятилетка была выполнена и перевыполнена. Я не могу сказать, что это хорошо, потому что это дало большой толчок к нарастанию дефицита, так как производство ширпотреба отставало от потребностей. Внутри повышения доходов в 8 пятилетку начался упор на ускоренное повышение доходов наименее обеспеченных слоев населения.

Есть много авторов, которые говорят, что сталинское общество было бесклассовым, но при этом сословным, потому что был большой разрыв в общественном положении в зависимости от того, какое место в социуме ты занимаешь. Были вполне легальные миллионеры, при этом эти миллионеры были академиками, которые “ковали” ядерный щит, у них были совершенно шикарные коттеджи, на которые можно посмотреть в Дубне, они одновременно большие и красивые. Дифференциация в обществе была достаточно сильной, но, с одной стороны, вызывало вопросы, что “у нас – общество равных, но некоторые – “равнее”, с другой стороны, это обеспечивало серьезный стимул к повышению уровня образования, так как связь между образованностью и доходами была очень явной, а, во-вторых, был стимул куда-то стремиться. Затем постепенно в 50-е годы, к 8-й пятилетке и дальше эта дифференциация стала сокращаться, что привело, в общем-то, к появлению “уравниловки”, которую клянут те, кто поминает Советский Союз на основании своих личных воспоминаний.

Опережающее увеличение доходов было у работников сельского хозяйства, особенно нечерноземного центра России, низших разрядов работников минсельхозпроизводства, работников бюджетных учреждений, пенсионеров. Минимальный уровень оплаты труда был поднят до 60 рублей в 68-м году, 70 рублей – в 75-м году. В результате доля минимальной оплаты труда к средней по народному хозяйству выросла с 34-х% в 59-м году до 48% к 75-му году. Если я правильно понимаю, что значат эти данные, то это значит, что у нас в 75-м году половина населения получала минималку. То есть, доходы “нижней” части населения вообще не дифференцировались. Происходило очень значительное уменьшение разрыва в тарифных ставках рабочих высшего и

низшего разряда в промышленности. Привело ко всем известным “извращениям”, когда быть рабочим было выгоднее, чем быть инженером. Это – ситуация уже 80-х годов, но тенденция стала проявляться именно тогда. Частично – это было связано с курсом на социальное партнерство, когда повышаем зарплату наименее обеспеченным слоям населения в обмен на то, что эти слои поддерживают курс на стабильность. Частично это было связано с тем, что в 50-е-60-е годы образование стало массовым и выяснилось, что под проекты автоматизации, роботизации, информатизации произвели большое количество работников умственного труда, которых мы не можем по-нормальному трудоустроить. То есть, в очередной раз “замах” на структурную перестройку экономики вылился в то, что экономика оказалась не готова к тем планам, которые были сделаны. Я пытаюсь сейчас показать некие параллели: из того, что мы уже разобрали – мы можем сделать новое такси – мы не можем заставить промышленность его производить. С новой бутылкой – то же самое. Мы можем произвести большое количество специалистов, которые могут устроить нам компьютерную революцию – мы не можем устроить саму эту компьютерную революцию. Идеи контроля предприятиями “рублем” друг за другом наталкиваются на противодействие практически всех министров, потому что они говорят, что на начальном этапе никакие контракты не будут выполнены: все будут “штрафниками”, стало быть, ничего не сможем сделать. Одновременно с этим, у нас продолжаются: развитие Сибири, развитие химии, которые позволяют частично нивелировать негативный результат того, что у нас за разом не получается то, что запланировали.

Сельское хозяйство: продолжались тенденции, начатые в конце 50-х, когда были отменены фактически обязательные государственные поставки, после чего быстро выяснилось, что, чтобы добровольно брать у крестьян продукцию для отсутствия голода в городах, надо этим крестьянам все время повышать цены. Закупочные цены в какой-то момент стали выше цен розничной торговли, после чего в 62-м году цены на мясомолочную продукцию были повышены, в среднем, на 30%. Это привело к волнениям в Новочеркасске, которые были подавлены с применением силы. После чего руководство оказалось в тупике. С одной стороны, было невозможным повышать цены на продукты питания в розничных магазинах, памятуя о том, что было. С другой стороны, без принудительного изъятия у крестьян части продукции не было возможности с ними договориться. Выход был найден в том, чтобы субсидировать за счет центрального бюджета эту разницу. Мы начали покупать сельскохозяйственную продукцию в 60-е годы по ценам дороже тех, по которым продавали ее населению по государственной розничной сети. Разница покрывалась за счет госбюджета. Здесь у меня есть данные по росту этих дотаций. В 61-м году первые дотации появились, составили 3,6 млрд рублей. К 90-м годам дотации на покрытие разрыва достигли 86 млрд рублей. Пускаю по рукам табличку, здесь можете посмотреть бюджет государства, розничную цену и размер дотаций (прикрепить таблицу)”.

Ремарка: “Бюджет пополнялся за счет водки. И тогда началась проблема алкоголизма”.

А.С.: “Бюджет пополнялся много, за счет чего: за счет того, что, если вы помните, у предприятий есть некие фонды, которые они могут тратить по своему усмотрению. Поскольку свободную продажу средств производства все-таки не ввели, выяснилось, что предприятия не могут потратить эти фонды, даже если бы очень хотели, их стали изымать в бюджет. Это была такая “ползучая” ликвидация косыгинской реформы, о которой мы говорили в прошлый раз, когда мы, не отменяя реформу, таким образом модифицируем систему стимулов, которую мы этой реформой ввели, что они теряют всякий вес, и мы лишаемся результата, что материальное стимулирование вызывает рост производительности, и вызываем недовольство населения, которое видит это дело, говорит, что “нам мешают нормально заработать”.

Еще одним выходом из сложившейся ситуации в сельском хозяйстве стало ухудшение качества продуктов. Рассказы о том, что в советскую колбасу добавляли туалетную бумагу, они тоже берут корни в этой проблеме, потому что, если мы не можем у крестьян добровольно взять столько продукции, сколько нам нужно, то мы начинаем разбавлять нормальное мясо соей, какими-нибудь пищевыми добавками, концентратами, вместо масла делать маргарин и подобные вещи. С хлебом начались проблемы: известные фельетоны про то, что хлебом кормили скотину связаны были с тем, что хлеб был дешевле зерна. Сочетание “доброй” хрущевской политики по отмене госзакупок с тем, чтобы крестьяне работали не “из-под палки”, а руководствуясь материальным интересом, и политическая неготовность повышать цену на продукцию питания привели к явно странной ситуации, начавшейся в 8 пятилетку, усугубившейся в последующие пятилетки, когда мы должны дотировать разницу из госбюджета, при этом ухудшается качество продуктов питания, при этом мы продолжаем делать вид, что все у нас более-менее нормально.

Что влияло на показатели 8 пятилетки? Помимо того, что введенная новая система стимулов к концу 8 пятилетки стала постепенно купироваться, система в 65-м году впервые столкнулась с проблемой трудонедостаточности. Может, она назревала и раньше, но в 65-м году, у меня есть данные, Госплан стал готовить записки, в которых эта проблема анализировалась и в явном виде докладывалась руководству. За семилетку население СССР увеличилось на 23 млн человек. А численность рабочих и служащих – на 21 млн человек. Понятно, что эти 23 млн вновь народившихся – младенцы, они не могут работать, часть населения становится стариками, которые тоже не работают, вот эти 2 цифры вместе показывают, что происходило “давление”, “выжимание по капле” тех трудовых ресурсов, которые еще не были задействованы. Частично делалось путем закрытия кооперации, частично – “наездом” на приусадебные участки, частично – дальнейшим вовлечением женщин в работу. Но, как бы там ни было, если первые советские планы делались в расчете на то, что население у нас всегда в достатке, как-то отдельных планов по тому, где мы возьмем населения для реализации, не выработывалось, во всяком случае, я не видел, но в 65-м году его пришлось ставить, потому что в докладе утверждается, что у нас формируются дисбалансы, потому что население центральной России фактически не растет, так как там уже завершился демографический переход, у нас растет опережающими темпами население Средней Азии, но

одновременно с этим у нас в Средней Азии мало инвестиций и нет мест приложения труда. Более того, население из Средней Азии не готово никуда переезжать, потому что “проклятая советская власть” пыталась обеспечить национальным окраинам уровень жизни не ниже, чем в центре, получалась странная ситуация, когда в одном месте у нас есть люди, а в другом – инвестиции, и мы не можем соотнести их вместе”.

Вопрос: “А почему в одних местах было больше инвестиций, а в другие вкладывалось меньше?”

А.С.: “Я так понимаю, что это препятствовало бы дальнейшему освоению Сибири, потому что на все одновременно не хватало сил. Во-вторых, я думаю, что там были какие-то политические моменты, связанные с тем, что Средней Азии уже обеспечили определенный подъем. Я не знаю точного ответа, но я могу предположить, что, наверное, частично по политическим причинам”.

Ремарка: “Были неразвитые регионы, которые требовали больших инвестиций, дающих мало отдачи”.

А.С.: “Надо сказать, что, может быть, но не готов судить. Инвестиции в Сибирь были тоже очень дорогие, в той же записке докладывалось, что у нас “пробуксовывает” переселение людей в Сибирь, потому что мы, опять-таки, стараемся вкладывать больше в строительство производств, а социальную сферу финансируем по остаточному принципу, поэтому люди там особо не задерживаются. У меня есть пример. В очередной раз я пытаюсь на разных областях показывать, что у нас есть хорошие идеи, которые сами по себе выглядят логичными, а когда мы их начинаем реализовывать, у нас какой-то кусок оказывается нереализуемым, в результате вся “хорошая идея” “уходит в трубу”. У меня есть пример из книжки про строительство Красноярской ГЭС, это – чуть более ранний период времени, семилетка, но на дает представление о том, в каких условиях шло освоение Сибири. В 55-м году началось строительство Красноярской ГЭС. И летопись строительства с гордостью повествует, что осенью 58-го года последние семьи, проживающие в палатках, были переселены в новые дома. Первые три года все строители – и семейные, и холостые – должны были жить в палатках летом и зимой. Кто не был в Красноярске, могу сказать: я там был, там зимой -30 бывает спокойно. При этом, бессемейные рабочие продолжали жить в палатках и после 58-го года. По норме в палатке жило 20 человек. Госплан предложил дать инвестиции Центральной Азии. Вероятно, ученые предполагали, что их стратегия “переадресации” инвестиций в Среднюю Азию и на Кавказ даст значительный экономический эффект, который бы позволил повысить зарплату рабочим в Сибири и привлечь их туда. Предполагалась двухходовка. Насколько понимаю, решение это не было принято, в 68-м году Госплан рапортует о том, что мы от относительной трудонедостаточности, когда у нас, в целом, населения по стране хватает, но мы не можем его “перегнать” из района в район, переходим к абсолютной трудонедостаточности, когда у нас начинает вообще не хватать населения на те проекты, которые мы пытаемся построить. Население малых городов не растет. Население малых городов снизилось до 17% в России, еще

меньше – по всему Союзу, в целом. Население крупных городов выросло. Более того, мы начинаем сталкиваться с серьезными проблемами урбанизации: у нас появляются транспортные, экологические проблемы. Короче, в 28-ми крупнейших городах страны строительство новых заводов было запрещено. Вопрос на понимание работы советской экономики того периода: был ли выполнен этот запрет?”

Ремарка: “Ведомства сопротивлялись. Было невыгодно”.

А.С.: “Правильно. Никто не хотел ехать “в чистое поле”. Времена, когда люди могли поехать строить Магнитогорск, прошли. Министерства, либо получив льготы, либо нарушая постановления, возводили заводы. Более того, получалась ситуация, когда у нас предприятия требовали привлечения специалистов из других мест, при этом, у нас была местная неквалифицированная рабочая сила, которую эти министерства не были готовы за свой счет обучать”.

Вопрос: “У них денег не было?”

А.С.: “Я думаю, что у них желания не было, то есть: мы же пришли к тому, что у нас система централизованной иерархии фактически сломлена. Если у нас предприятия преследуют цели по прибыли, то понятно, что стараются ее как-то оптимизировать. Допустим, у меня есть данные, что рост числа женщин на производстве составил от 19 млн в 50-м году до 40 млн в 68-м году, при этом, в 68-м году, согласно анкетированию, потому что, я об этом специально не говорил, но 2-ая половина 60-х – начало социологических исследований в СССР. Точнее, возобновление после перерыва. Была анкета о причинах аборт: 22% - трудности с жильем, 15- с яслями, 14% - недостаток заработка. Резкий рост числа разводов: в 60-м году – 1 развод на 9 браков, в 66-м году – 1 развод на 3 брака. Госплан в явном виде пишет, что это не проблема незнания: мы не то, что не знаем о проблемах с трудовыми ресурсами, мы не можем ими управлять. Мы видим проблему, но не знаем, как с ней работать”.

Ремарка: “Приглашать или завозить гастарбайтеров”.

А.С.: “Я не знаю насчет гастарбайтеров, если честно, но, может быть. Я просто не знаю, насколько они были значительны в общем объеме. Трудонедостаточность нам важна для того, чтобы потом поговорить о концепции, которая имеет название TFP – total factor productivity, когда я спрашивал по результатам прошлой лекции, чего я не учел, мне попеняли, и правильно сделали. Это – некая очень упрощенная модель роста, которая говорит, что у нас рост ВВП складывается из 3-х факторов: рост вовлечения труда, рост вовлечения капитала, то есть строительство новых предприятий, и некий остаток. То есть, если мы складываем труд с капиталом, и он выдает один в один рост ВВП, то это будет некая мера эффективности, которая показывает, что мы не просто там привлекли больше людей, а эти люди стали лучше работать. Считается он именно как остаток: эта идея дает нам некий результат, но не рассказывает, откуда он взялся. Про проблемы с трудом мы уже поговорили, а теперь будем говорить про проблемы с капвложениями.

Я перехожу к последнему разделу, собственно говоря, итоги восьмой пятилетки, здесь вопрос: я говорю уже час пятнадцать, мы буквально через 15 минут закончим, я надеюсь, мы продолжаем без перерыва?»

Ремарка: «Если так, то да».

А.С.: «Хорошо. Результаты. Первое – результат выполненный – ускорение темпов роста национального дохода, реальных доходов населения, розничного товарооборота. При росте капвложений по всему народному хозяйству, в целом, на 42% по официальным данным, рост промышленности, группа Б – увеличение капвложений на 57%, в сельском хозяйстве – на 58%. Уникальная пятилетка, когда капвложения в группу Б были больше, чем в группу А. Зарплату рабочим и служащим намечалось повысить на 20%. По факту, она выросла на 26,4%. Что было с вводом основных средств? Было плохо, потому что, в соответствии с новой реформой предполагалось, что капвложения идут из 2 частей – у нас есть централизованные капвложения, которые планируются Госпланом в зависимости от того, что он считает необходимым, есть децентрализованные капвложения, которые осуществляются предприятиями. Для этого у предприятий есть соответствующие фонды, и они как-то должны или закупать, или через Госнаб требовать материальное обеспечение этих фондов. Что предполагалось сделать? Инвестиции из всех источников выросли на 1,7%, но главный инвестиционный план снизился на 10%. 1,7% - 10 млн рублей, сокращение централизованных инвестиций – 27 млрд рублей. Дополнительные 37 млрд должны были быть потрачены на покрытие выросше стоимости строительства, то есть, фактически не оказали влияния на рост фондов основных средств. Это вызвало то, что цена плана относительно постановки новых единиц была на уровне 60% по углю и стали, 45% химпрома, 50% - трактора и грузовые машины, 65% - цемент, 40% целлюлозы. Короче, план новых вводов, точнее, объем новых вводов основных средств, которые должны были производить дополнительные объемы промышленной продукции, оказался на 20-40% ниже, чем должен быть по плану. С одной стороны, шло удорожание стоимости строительства, которое необходимо было покрывать большими объемами средств. С другой стороны»...

Ремарка: «Еще было такое явление, как недострой».

А.С.: «Это явление возникло значительно раньше. Оно усиливалось. В общем, у нас произошло невыполнение по новым вводам, которое было частично вызвано резким ростом строительства, частично – невыполнением плана по инвестициям. План был не выполнен как по централизованным капвложениям, так и по децентрализованным. По децентрализованным в значительной степени потому, что инвестиции нельзя было отоварить. По годам – наибольший подъем экономики страны появился в первые 2 года – 66-67 годы. Темпы прироста национального дохода в 66-67 годы были 7%, против 5,9% предыдущей пятилетки. Это я говорю официальные данные. Затем «дополнительный скачок» сошел вниз. Если вы помните, в первые 2 года система новых предприятий тестировалась. Там было 40 с чем-то образцово-показательных предприятий, на

которых все это дело «обкатывали». Опережение доходов населения надо обеспечивать их покрытием, но на 43 предприятиях не могло проявиться. Мы уже получили на предприятиях положительный результат, но еще не получили косвенного отрицательного результата от роста несбалансированности. После этого мы запустили реформу уже на всю экономику, данные по темпам роста говорят о том, что этот скачок был связан с восстановлением министерской системы и мерам по лучшей организации управления, а не переходом на новые стимулы. Ускорение темпов прироста по группе Б – от 6,3 до 8,4%, по сельскому хозяйству – с 2,3 до 4,6%, по реальным доходам населения – с 3,8 до 5,9%. По этим трем позициям в последующие 3 года пятилетия ускорения по темпам прироста не было. Имеем ситуацию, когда одновременно с разворачиванием реформы ее результатов мы не видим. Здесь я попытался свести вместе данные: 7-ая пятилетка, которой не было – конец семилетки, 61-65 годам, данные по 67-68 годам отдельно – по директивам и по официальному факту, а рядом в колонке у меня есть данные альтернативной оценки Гирша-Ханина, я надеюсь, что это имя известно, потому что реформа вызвала «ползучее» увеличение себестоимости всего. Выяснилось, что план по прибыли и рост прибыли гораздо лучше выполнять не улучшением своей работы, а повышением цен. При этом повышение шло неравномерно по отраслям промышленности. В тех отраслях, где цены были более-менее стабильны, например, уголь или металл, оно было маленькое, потому что, чтобы повысить цены, было необходимо, хотя бы на бумаге, произвести новую продукцию и обосновать, что у нас «новый магнитофон лучше старого, поэтому мы можем назначить на него более высокую цену». В машиностроении рост цен был наиболее высоким, потому что там появление новых видов продукции было чаще, чем в других отраслях. Одновременно, высокий рост цен (скрытый) шел в строительстве. То, о чем мы говорим, когда большая часть ушла не на реально новое строительство, а на компенсацию повышения цен строительных работ. В итоге, по капвложения официальная цифра говорит, что они выросли на 42%, а альтернативные оценки Ханина говорят, что выросли всего на 19% за 5-летие».

Вопрос: «А в чем причина задержания строительства? Вроде, техника совершенствуется».

А.С.: «Стоимость строительства растет именно потому, что техника совершенствуется. Цены у нас согласуются с Госпланом и Госкомценом. Предприятие приходит и говорит: «Раньше у нас был экскаватор, который копал вот так, а теперь у нас есть новый суперэкскаватор, который копает лучше. Новый суперэкскаватор должен стоить дороже». И ему эту цену согласуют. Потом выясняется, что экскаватор копает в 1,5 раза лучше, а стоит в 3 раза дороже. То есть, в расчете на копание, на удельный вес, он оказывается хуже старого. И так происходит со всеми позициями, которые надо менять. «Ползучий» рост себестоимости приводит к тому, что у нас стоимость рубля в разных отраслях оказывается разной. То есть, рубль, на который мы покупаем продукцию металлургии, оказывается более «тяжеловесным», чем рубль, на который покупаем продукцию машиностроения. То есть, рубли, вроде, одинаковые, одновременно – разные. В металлургии рост цен идет медленнее, чем в машиностроении. За счет этого национальный доход по официальной оценке вырос на 7,1% за все 5 лет, а, нет, это среднегодовой рост – на 7,1%, по оценке Ханина он

вырос на 4,1%. Производительность труда в промышленности по официальной оценке выросла на 5,8%, годовая, по оценке Ханина, с учетом удорожания – на 3%. Фактически, за счет роста цен, не успел выписать все цифры, но по тем, что выписал – более подробно можете найти в его книгах и статьях, которые я в качестве материала к лекции предлагал всем сказать и прочитать. По сути, мы получаем, что уже в 8 пятилетке «ползучая» инфляция съела половину роста. Опять пускаю сводную таблицу по рукам, чтобы вы могли сравнить с данными по предыдущей пятилетке и дальше. Если мы сравниваем, опять-таки, на скорректированных оценках, индекс национального дохода, фондоотдачу, производительность труда, материалоемкость – мы видим, что идет их монотонное ухудшение. Если национальный доход у нас вырос с 61 по 65 на 24%, 66-70 - 22%, 71-75 – 17%. Фондоотдача: 61-65 годы – сократилась на 7%, 66-70 – сокращалась на 5%, 71-75 – на 3%. Что важно – у нас все время растет материалоемкость. Если мы тратим больше материалов, мы можем обосновать повышение цен. Если мы обосновываем повышение цен, мы получаем выполнение плана по прибыли. И мы получаем рост фондов поощрения, из которых платим себе прибыли и строим жилье работникам. Этот механизм «ползучего» увеличения цен, заложенный, на мой взгляд, это реформой – его оказалось невозможно перебить ничем – ни усилением планирования, ни долгосрочными программами, ни какими-то организационными мерами, ни развитием Сибири. Эти стимулы к тому, что можно выполнить план, обосновав в Госкомцене повышение цены, за счет этого – выплатить самим себе премию и получить зарплату – это оказался «порочный круг». Хуже того: «ползучее удорожание» стоимости строительства вначале никем не осознавалось. За счет этого усиливалось расхождение между объемом новых вводов в рублях и объемом новых вводов в мощностях. Опять-таки: по альтернативным оценкам Ханина к 80-м годам сложилась ситуация, когда объем новых вводов в натуре был такой же или даже меньше по отдельным отраслям, чем выбытие старых. Советская экономика потеряла один из «столпов», который обеспечивал ей возможность ускоренного развития – опережающее строительство новых предприятий.

Одновременно с этим не решались проблемы, связанные с механизацией труда подсобных рабочих, потому что до самого конца существования СССР новому строительству отдавался приоритет перед восстановлением и модернизацией старого. Одновременно с «допотопными» заводами строились новые. «Допотопные» заводы давали нам перерасход сырья, большое количество рабочих рук. Вместо того, чтоб осуществить структурный сдвиг, модернизировать эти заводы, высвободить рабочие руки, направить их туда, где они нужны, мы продолжали замедляющееся экстенсивное развитие за счет сокращения в натуре объемов капиталовложений, которое не отображалось в статистике денежной. Мы получили ситуацию, когда в модели total factor productivity у нас из 3-х составляющих – труда, капитала, эффективности использования – у нас проблемы с трудом, потому что либо не хватает резервов, либо не можем переместить из одной части страны в другую, у нас проблемы с капиталом, потому что приходим к ситуации, когда в натуре – это уже забегаю вперед, это – ситуация 12-й пятилетки перед развалом Союза – в натуре новых мощностей хватает только на компенсацию «выбытия» старых. Фактический рост экономики

прекратился к началу 80-х – перед резкими движениями в сторону перестройки и ускорения. Фактический рост экономики прекратился к 86-87 году. Этот рост был, был постоянный, но постоянно замедляющийся. Я пускаю табличку с качественными показателями, пересчитанными с целью учета «ползучего» удорожания. Вы можете посмотреть, что они монотонно сокращались. Нижняя таблица – официальные данные по десятилетиям. Чуть выше – это таблица по пятилетиям, но скорректированная. Там и там мы видим, что у нас фактически с 6 пятилетки идет «ползучее» ухудшение всех показателей работы экономики. Их чего можно сделать вывод, что относительная успешность 8 пятилетки была только относительно семилетки, когда происходила реорганизация, во-вторых, она была только в деньгах, но не в натуральных показателях. В 8-ую пятилетку мы наконец воспользовались заделом по преимущественному росту группы А, который был в предыдущие годы. Мы получили относительно большой рост ширпотреба, за счет чего – относительно малый размер дефицита. Этот дисбаланс между зарплатой и ее товарным покрытием был относительно мал. Но, когда в 9-ую пятилетку руководство потребовало повторить показатели 8-ой, Госплан ответил, что не в состоянии это сделать, потому что законы расширенного производства никто не отменял, потому, что при выполнении плана по зарплате планы по капвложениям оказались не выполнены, причем, если по официальным цифрам они оказались невыполнены на 5%, то по альтернативным оценкам Ханина, к которым я склоняюсь, они оказались не выполнены в 2 раза. Я пускаю финальную табличку, которая завершает нашу встречу, одновременно дает ответ на вопрос о том, насколько успешна была 8-ая пятилетка, а также, почему дальше становилось хуже. Если у вас будут дополнительные вопросы, постараюсь на них ответить».

Ремарка: «Не то, что вопрос. Посмотрите статистику употребления алкоголя, это – тот товар, который не требует крупных капвложений, но хорошо продается, за счет роста потребления водки эта масса и связывалась».

А.С.: «Частный случай ухудшения качества, который тоже имел социальные последствия. Ухудшения качества жизни населения. Вот этот взаимный «контроль рублем», когда предприятия-потребители должны были противодействовать предприятиям-производителям - росту цен, он не заработал, предприятиям-потребителям было проще тоже цены на свою продукцию повысить, чем с производителями бороться. И в 8 пятилетке это дело как-то балансировалось за счет недобора по капвложениям, за счет недовода новых мощностей, за счет заделов, оставшихся с предыдущих периодов. А в 9 пятилетке, разумеется, пошел обвал. Это будет тема следующей лекции».

Ремарка: «Может, Вы не обратили внимание: у Хрущева была политика – сокращать военные расходы. Вы знаете численность армии. Может, наивно рассчитывал, что ему хватит стратегических сил, какой-то милицейской армии. За это его военные, в том числе, и сняли, среди прочего. А при Брежнев, насколько я понимаю, начался обратный процесс; Вы исследовали вопрос?»

А.С.: «Я исследовал на уровне того, что почитал статьи разных людей на эту тему. Не могу сказать за Хрущева, но при Брежневле военные расходы считались «священной коровой», которые невозможно было резать. Опять-таки, в статьях Ханина есть оценки, но проблема в том, что считать военные расходы еще сложнее, чем считать темпы роста. У западных советологов было 2 любимых темы, на которые каждый считал необходимым высказаться: своя оценка темпов роста и своя оценка доли военных расходов. Потому что военные расходы «размазывались» по куче отраслей. Плюс зарплата рабочих и служащих – где там выцепить? Опять-таки, мы строим какой-то комбинат, который производит металл. При этом, если бы из этого металла не нужно было строить танки, он нам бы не понадобился. Строительство комбината в военных расходах не учитывается никак. Это – хороший вопрос, который нужно исследовать по межотраслевым балансам, такие оценки делались, в частности, академиком Еременко, на базе идей которого я планирую читать следующие лекции, потому что, на мой взгляд, он является единственным человеком, который придумал теорию, адекватно описывающую процессы, происходящие в этой сфере. Я очень жалею, что и он сам, и его теория до сих пор малоизвестны. И тогда, я думаю, мы об этом будем говорить чуть подробнее. И, наверное, на этой ноте необходимо завершить. Я благодарю всех, кто дошел, поздравляю с наступающим Новым годом. И я всех агитирую почитать лекции Ханина и книжки, которые были предложены к предыдущей лекции по косыгинской реформе, если у вас появятся вопросы, пишите, я постараюсь к следующей лекции на эти вопросы ответить».

Лекция 10. «Девятая пятилетка»

А.С.: «Добрый день всем, кто дошел сегодня. Меня зовут Алексей Сафронов, я – экономист, кандидат экономических наук, сейчас пытаюсь «мигрировать» в экономические историки и последние несколько лет я изучаю тему, связанную с тем, как работала советская экономика. Сегодня у нас лекция, посвященная периоду «больших семидесятых годов». Это – часть более крупного цикла. Началось все, понятное дело, с 20-х, я шел по 10-летиям, в какой-то момент меня попросили этот «крупный цикл» прервать и сделать более компактный вариант из 3-х лекций, посвященных конкретно принципам советского планирования. Я его сделал в прошлом году и сейчас вернулся на этот цикл, который надеюсь в ближайшем будущем закончить, потому что, если сейчас у нас рассказ про 70-е, фактически одно десятилетие осталось, чтоб курс сложился. Лекции проходят нерегулярно и с большими перерывами, потому что готовятся в свободное от всех остальных активностей время. На главном слайде есть ссылка, где собраны записи – сначала аудио, потом видео предыдущих лекций цикла. Я постараюсь сделать так, чтобы сегодняшний рассказ был самодостаточным, чтобы люди, которые не слышали предыдущих лекций, не потеряли время, но вместе с тем призываю вас ознакомиться с предыдущими выпусками, потому что тогда представление об эпохе у вас будет более полным. Кроме того, внизу слайда написаны источники, там, где источник есть в интернете, я старался ставить ссылку. Когда запись лекции появится на

Ютубе, там в комментариях можно будет скачать презентацию, которую я сейчас вам буду показывать, то есть нет необходимости ее лихорадочно переписывать. И я всех призываю смотреть не только слайды, но и источники. Есть определенные ограничения, связанные с тем, что то, что я сейчас вам буду рассказывать – это третичный источник. Есть какие-то исторические документы, на их основе кто-то написал книжки, потом я эти книжки прочитал, осмыслил, обобщил и собираюсь рассказать вам то, что я понял. Поэтому есть вероятность, что если вы сами дойдете до книг, которыми я пользовался, или до архивных документов, то у вас сложится какое-то другое понимание и, наверное, это будет хорошо, потому что мы бы хотели устроить какую-то дискуссию по итогам того, что вы сегодня услышите. Планируется, что мы поговорим об общих тенденциях этапа «застоя» или «развитого социализма» и разберем специфические особенности пятилетки – 70-й – 75 года. В эту пятницу, то есть через пару дней, у нас будет продолжение – мы поговорим про 10-11 пятилетки. С одной стороны, общая рамка там будет примерно та же самая, потому что проблемы, которые стояли перед людьми в 9-ую пятилетку, никуда не делись и в 10-ую, и в 11-ую, поэтому в следующий раз мы будем чуть меньше говорить про общую рамку, но у нас останется время поговорить об имеющихся объяснительных моделях, то есть, как историки осмыслиют то, почему все было именно так. И, если товарищи из МУССа подтвердят, то они хотели в воскресенье делать не лекцию, а дискуссию по итогам услышанного. Поскольку планируется отдельное обсуждение, перед началом я попрошу вас насчет вопросов: если вопросы будут уточняющие, то есть на слайде ничего не видно, ничего не понятно, или я говорю какие-то слова, которые вы первый раз слышите, то задавайте их – я поясню. Если в процессе у вас возникает собственное видение всего, то есть вы внезапно понимаете, что все, что я рассказываю – неправда, и вы хотели бы поделиться своим видением, то давайте мы оставим это до воскресенья, потому что сейчас у нас довольно большой блок материала и хочется, чтобы мы в какое-то разумное время закончили. На слайде стоит вторая версия, потому что две недели назад был пробный прогон, я сейчас больше говорю для тех, кто будет смотреть в записи: основной блок материалов остался прежним, я просто постарался его как-то более правильно структурировать. Содержание примерно то же, а форма, я надеюсь, стала лучше. На этом вступление закончено. Давайте начнем.

Проблемы с этапом начинаются уже в тот момент, когда надо придумать какое-то название. Есть несколько общепринятых наименований, как этот этап называть: «застой», «развитый социализм», «развитой социализм», «поздний социализм», «период коллективного руководства», «брежневский период», «длинные семидесятые», «реальный социализм». Понятно, что все названия имеют свои оттенки смысла, поэтому люди, которые о них спорят, спорят не о терминах, а о том, что на этом этапе было первично, а что – вторично. Я, наверное, в своей лекции буду говорить по большей части о «застое»: вы можете открыть любой статистический сборник или какие-то аппаратные издания, которые к 70-летию революции в 87-м году выходили, или любые другие, вы увидите там рост. И это правильно. Действительно, когда мы говорим об этом периоде, это – поступательное увеличение объемов. Не было провалов. Не было того, что мы в следующий год производим чего-то меньше, чем в предыдущий год. И обычно, когда идет разговор о том, что вот

«ностальгия по Брежневу» или «давайте не будем использовать слово «застой» - абсолютные цифры роста используются, как аргумент. «Посмотрите, сколько мы выплавляем стали, как мы осваиваем Сибирь, как мы достроили БАМ» - и это все правильно. Это – правда. Но, если мы сидим здесь через несколько десятилетий после краха СССР, нас в большей степени интересуют негативные тенденции этапа, потому что, если шел такой вот рост-рост-рост, а потом все почему-то развалилось, либо мы чего-то не видим, либо наша картина является немного однобокой. Существует популярное упрощенное мнение, которое базируется на ностальгии старшего поколения, которое помнит Леонида Ильича лично, что это был такой «спокойный» относительно этап, без вон, без всяких потрясений, когда росла зарплата, сталь выплавлялась год за годом в большем объеме, строились квартиры, потом вдруг все сломалось. То есть «пришли злые реформаторы, все порушили». На мой взгляд, эта объяснительная концепция ничем не отличается от объяснительной концепции, что в Российской империи все было отлично, потом прилетели с Марса злые большевики и все порушили. Поэтому я хочу заранее извиниться за то, что сейчас мы будем больше говорить о проблемах. Это не значит, что мне не нравится этот этап. Не значит, что я не замечаю БАМа или Саяно-Шушенской ГЭС. Но нам важно понять, что там происходило, самое главное – как вот эти проблемы, которые, я надеюсь, смогу вам продемонстрировать, накапливались от пятилетки к пятилетке, потом привели к тому, что, когда Горбачев объявил перестройку, большая часть населения, по крайней мере, по первости, приветствовала ее. Этот этап, на мой взгляд, для изучения является наиболее сложным. Я не знаю, какой у вас бэкграунд, насколько вы активно занимались самообразованием, но если предположить, что вы изучали историю в школе, то в школе история изучается примерно так: мы первые полгода тратим на первые 30 лет советской власти, до марта – апреля проходим 2 мировую войну, потом у нас 2 занятия про Хрущева, потом перестройка. К сожалению, это – проблема не только школьной программы. Брежневский период выпадает из рассмотрения. Частично это связано с тем, что по нему закрыты архивы. То есть, у нас относительно неплохо все с архивами времен Сталина, это – самая простая причина, почему сталинский период историки, которые там работают, более-менее «прокопали». Там другой вопрос: кому-то нравятся эти книги, кому-то – нет. Но, по крайней мере, книжки есть. Сейчас появляются работы по хрущевскому десятилетию. А брежневский период – это такой «фронт», куда историки пока не добрались. Связано это не только с проблемой архивов, но еще с такой вот «идейной заряженностью» исследований. Я недавно был на встрече с Шейлой Фицпатрик, которая такая неофициальная глава ревизионистской школы, в общем, она обмолвилась, что у нас сейчас сложнее проследить судьбу человека, которого не арестовали, чем которого арестовали. То есть, советский человек интересует исследователя в той мере, в которой он страдал при советской власти. Поэтому у меня были проблемы, связанные банально с тем, что по этому периоду мало есть, что читать. На мой взгляд, малый интерес историков не оправдан, потому что, во-первых, эта эпоха подготовила перестройку, во-вторых, если мы ведем речь в какой-то более практической плоскости, чему нас это может научить: то вот задачи 70-х годов они из всех задач, с которыми столкнулась советская власть, сохраняют актуальность до сих пор, потому что если в какой-то момент у нас снова произойдет поворот к плановой экономике

или вопросам, связанным с социалистической повесткой, то второй раз проводить коллективизацию уже будет не нужно. Большинство задач, которые приходилось решать товарищу Сталину и его Политбюро, были решены, их не нужно делать второй раз. А вот задачи стимулирования научно-технического прогресса никуда не делись, наверное, нет такого момента, когда можно будет сказать: «Все. Мы эту задачу выполнили. Больше стимулировать не надо». Поэтому те вызовы, перед которыми стояло брежневское руководство, они вневременные, по крайней мере, на нынешнем этапе развития, и поэтому важно понять, почему они тогда не в полной мере их выполнили. На мой взгляд, брежневский период для современности и каких-то уроков более актуален, чем сталинский период.

Про развитый социализм я два слова уже сказал: здесь выдержки из статсборников, по которым видно, что все росло. Производство в промышленности росло, национальный доход рос, то есть, кризиса в том смысле, что был провал по выпуску, не было. Если смотреть только на этот график, неясно: в чем вообще проблемы. Но каждый следующий год, начиная с рубежа 70-х, мы росли медленнее, чем раньше, то есть рост замедлялся и так же непрерывно, как шел рост. Если эти тенденции продлить условно на 13-ю пятилетку, то рост должен был годам к 90-м упасть до нуля. Это не значит, что это плохо, особенно на уровне провала 90-х. Но вместе с тем это показывает, что в народном хозяйстве накапливались проблемы, которые от пятилетия к пятилетию становились серьезнее, потому что замедление шло ускоряющимися темпами. Здесь график среднегодовых темпов роста продукции А и Б. Мы видим скачки, связанные со структурными темпами роста экономики после того, как мы выиграли войну. Начиная с 4 пятилетки, мы видим неуклонное снижение темпов, опять-таки, которое на фоне современных последних лет, когда у нас темп рост на уровне стат. погрешности выглядит очень неплохим, но в то же время, когда такие графики смотрели советские экономисты, причин для оптимизма у них не прибавлялось.

Раз мы сказали про советских экономистов. Современных работ мало: а как изучать? Нехватка современных работ по 70-м годам частично компенсируется тем, что с 60-х годов, особенно с конца 60-х и далее сохранился просто вал адекватных записок самых разных экономистов, аналитиков, советников, которые все писали о том, что да, какие-то тенденции неправильные, надо что-то делать. В очень большой степени лекция базируется на записках тех лет. Вот эти записки очень помогают. Сами по себе эти записки являются определенным «симптомом», потому что говорят нам о том, что проблемы осознавались. Нельзя сказать, что «мы сейчас такие умные, пришли, я сейчас за два часа вам все расскажу, а люди тогда за 20 лет этого не поняли». Нет. Полно записок, в них написано, что нужно делать. Это дает нам основной исследовательский вопрос этапа. Он заключается в том, почему, несмотря на то, что была куча сигналов о негативных тенденциях в экономике, на эти сигналы реагировали, выходили всякие постановления, как стимулировать научно-технический прогресс, повышать производительность труда, сберегать материальные ресурсы. Почему это не выполнялось? Основная проблема связана не с тем, что люди, принимавшие тогда решения, не понимали происходящего. Даже не с тем, что они решения не

принимали, а с тем, что решения принимались, но не выполнялись. Сейчас я покажу вам ряд механизмов, которые блокировали благие намерения. На этом слайде мы видим ухудшение относительных показателей, которое характеризует эффективность производства. (Презентация). Зеленая линия – производительность труда в промышленности. Синяя – просто производительность труда. Светлая – производительность труда в сельском хозяйстве, и мы видим, что 1 половину 70-х падают, причем неуклонно. Столбиками обозначены различные показатели материалоемкости. Отрицательное значение имеют фонды отдачи. Положительное значение имеют показатели материальных затрат. Рост столбиков означает, что каждую пятилетку для получения того же самого объема готовой продукции нам надо было вкладывать больше ресурсов. Если раньше делали комбайн и в него надо было вложить тонну руды, то через 5 лет выясняется: для того, чтобы произвести комбайн, надо нам вложить в него полторы тонны руды. Это выглядит странным, если не принимать во внимание то, что руды бывают разного богатства. Если мы выработали руду более богатого металла, то, разумеется, вынуждены переключаться на руду более бедного, а также, если вспоминать всякие шутки про то, что советские микрокалькуляторы – самые большие в мире – в 70-е годы и в 80-е советская техника становилась банально тяжелее. Мы сейчас поговорим о том, почему это происходило. Отрицательные столбики фонда отдачи говорят нам о том, что на 100 рублей стоимости дополнительных фондов мы с каждым пятилетием получали все меньше продукции. Если в 9 пятилетке мы вводили фондов на 100 рублей, то мы каждый год получали на 100 рублей продукции. Цифра «с потолка», а реальные цифры в статсборниках. Статсборник мелким текстом указан внизу слайда. В 10-11 пятилетке фонды вводятся на те же самые 100 рублей, а продукции с них получается на 90 рублей. Или вообще на 80. Это может быть связано не только с тем, что новые фонды хуже старых. Это может быть связано еще с тем, что фонды в стоимостном выражении выросли. Поскольку в советское время цены обозначались директивно, оставался трюк, которым пользовались все чаще и чаще: план по валу – данные в стоимостных показателях – можно выполнить не только увеличением вала в штуках. Можно договориться с теми, кто выставляет «валы», чтобы «валовую штуку» обозначали дороже. Всем ли присутствующим этот трюк понятен?»

Ремарка: «С ВПК это происходит и сейчас».

А.С.: «С ВПК – и сейчас, потому что ВПК - там госсектор расширен, госзаказ работает по тому же принципу. Итак, начинается 9 пятилетка. Никакая пятилетка не начинается на «пустом месте» - всегда есть наследство, доставшееся с предыдущего этапа. Наследство, доставшееся брежневской команде с предыдущего этапа делится на 2 рода ограничений: одно – с которым сделать ничего нельзя, второе – с которым сделать можно, но сложно. Фундаментальные ограничения этапа – трудонедостаточность. Первые доклады о том, что в СССР «кончаются рабочие руки», относятся к середине 60-х годов. Сначала писали об «относительной трудонедостаточности», то есть, в принципе, рабочих хватает, но не хватает конкретно в тех местах, где они больше всего нужны. А потом уже стали писать и об «абсолютной трудонедостаточности». Это был вызов, с

которым советское руководство, по первости, не знало, что делать. Причем этот вызов – он комплексный: если у вас «кончаются рабочие руки» - вам нужна система новых стимулов всей промышленности, потому что, как я сказал, Сталин и его команда задачи, которые перед ними стояли, выполнили. Там стояло несколько простых задач, одна из которых – подготовить страну к войне, выиграть войну, восстановиться после войны, создать ядерное оружие и средства его доставки, чтобы минимизировать возможность повторения. Надо было решать и другие социальные задачи, но, в принципе, понимали, что военные задачи – сильно более приоритетные, поэтому социальные задачи можно откладывать. Это не значит, что они не решались, но если мы берем директивы, по которым составлялись пятилетние планы, то до 6 пятилетки в директивах есть набор задач, которые нужно решить, повышение благосостояния населения – далеко не единственная задача, которая там стоит. Если мы берем документы 24, 25, 26 съездов КПСС, во многих местах написано, что наша основная задача – повышение благосостояния населения. Частично это связано с тем, что задачи обороны так или иначе были решены. Частично – с потерей цели, на мой взгляд. «Пожар», который достался от «темного прошлого» мы как-то «загасили», а что нам делать дальше – стало своего рода проблемой. Здесь, наверное, я понимаю людей, которых коробит термин «развитой социализм», потому что это был такой конструкт, который «задвинул» построение материальной базы коммунизма на второй план. Вместо этого был придуман термин, что у нас социализм, который с каждым годом становится все более развитым. Я об этом говорил в предыдущих лекциях цикла, потому что это, наверное, скорее проблема, которую можно видеть в 60-е годы. На какой-то момент у нас развитие, которое понимается как развитие структуры, которое может включать цели по социальному развитию, по изменениям общественных отношений, в какой-то момент «развитие» подменяется «ростом», который подразумевает, что в следующем году мы выплавим стали больше, чем в этом году.

Вторая группа проблем, доставшихся в наследство от предыдущего периода – последствия косыгинской реформы. Косыгинская реформа 1965 года, которая, там сейчас есть дискуссия о том, в какой мере ее разделял сам Косыгин: с конца 50-х годов шла экономическая дискуссия по поводу того, как нам реформировать планирование и управление народным хозяйством. Опять-таки, я очень «телеграфным» стилем об этом говорю: во-первых, у меня у самого были отдельные лекции, во-вторых, за последние годы вышло три монографии в Финансовой академии, которые доступны онлайн, там можно почитать разные взгляды. Если у нас где-то в 90-е господствовал взгляд, что реформа была неким прорывом, который бюрократы потом затормозили, а если бы не затормозили, было б у нас все, как в Китае, либо лучше. Сейчас взгляд сильно более комплексный: косыгинская реформа создала некие дисбалансы, с которыми надо что-то делать на следующем этапе. Первый дисбаланс – это опережающий рост зарплат, потому что после реформы у предприятий появилась возможность выплачивать часть прибылей в виде премии самим себе. Как я уже сказал, благодаря трюку с ценами, рост объемов в деньгах опережал стоимость в штуках, полезности, потребительной стоимости, которые «в лоб» посчитать вообще нельзя. Результатом было то, что у населения на руках денег было больше, чем товаров, которые на эти деньги было можно купить. Это, понятно,

вызывало дефицит. Дефицит вызывал недовольство. С этим нужно было что-то делать. С экономической точки зрения нам важен не дефицит и не недовольство граждан, а то, что он приводит к падению трудовой мотивации. Потому что, если ваша зарплата растет, но вы не можете ее отоварить, зачем вам упираться в то, чтобы она росла дальше?

Вторая проблема, связанная с последствиями реформы, заключалась в том, что одна из идей реформы была в том, что у предприятий должно было оставаться денег достаточно, чтобы они сами могли строить то, что им нужно. Реформа родилась не на пустом месте, а из невозможности определять, кто просит из бюджета инвестиций потому, что ему действительно нужно, а кто – с запасом, потому что «все вокруг народное», отчего б не попросить? Рост децентрализованных капложений без должного товарного покрытия привел к тому, что у предприятий выросли фонды, которые надо было направлять на строительство. Но, поскольку экономика была плановой, то, что у нас есть деньги – половина дела. Нужно, чтобы под эти деньги был цемент, кирпич, железобетонные плиты, а ими-то как раз мы не были обеспечены. Получалась парадоксальная ситуация, когда у предприятий есть деньги на капложения, но они не могут эти деньги по прямому назначению пустить, потому что в плане не заложено. И здесь начинается явление второго порядка. Есть строительные организации, которые приходят и говорят: «Построй. У нас денег много – построй». Цены у нас, конечно, вроде как, плановые, но при должной сноровке можно придумать какой-нибудь такой норматив, который обоснует, почему у нас теперь коровник дороже, чем такой же коровник, который мы строили пять лет назад. Мы использовали наноматериалы, инновационную черепицу, дальше, думаю, сами догадаетесь. У нас начинается рост цен в строительстве. Рост цен в строительстве и наша сбалансированность планов подвергается новому удару. Предполагается, что мы сделаем капитальные вложения на 100 рублей и плановики, которые пишут эти условные 100 рублей, думаю, что 100 рублей (условно) – это завод. Его построят, и он начнет работать. А по факту выясняется, что вот с этим «ползучим» ростом цен, 100 рублей – только ползавода».

Вопрос: «А почему против разных форм коррупции планового механизма, о которых Вы рассказывали: начиная с идеи договориться о более высокой цене, партия и правительство не пробовали использовать методы 30-х - 50-х годов? Неэкономические методы?»

Ремарка: «Использовали же. Постоянная колонка была: «Расстрелян за то, за се».

А.С.: «Здесь надо говорить не о «использовал – не использовал», а о тенденциях. Там будет слайд. Я говорю: рассказ начался с того, что об этом писали, говорили. Если кто-то из вас увлекается кино, то это – расцвет жанра производственной драмы, где главный конфликт – то, что из-за разного рода недоделок экономический интерес предприятия идет вразрез с пониманием главного героя о том, что хорошо для общества. Или драма – о том, как он идет, обивает все пороги, а потом побеждает или нет, в зависимости от того, что мы смотрим: комедию или трагедию. Сейчас мне важно передать вам механизмы. Дальше мы будем говорить о причинах.

Что делать, если мы создаем достаточное количество организаций, которые могут выполнить подряд, но нет достаточного количества материалов? Мы должны либо разрешить торговлю средствами производства, что натывается на понятное непонимание ответственных за идеологию. Косыгинская реформа изменила нормативы отчислений: сколько остается в распоряжении предприятий, а сколько берется в бюджет. Задачей было сделать так, чтобы предприятия не клянчили деньги на капвложения из бюджета, потому что плановики не справлялись: они были не в состоянии проверить, кто клянчит обоснованно, а кто – «на всякий случай». Предполагалось, что, если предприятия будут клянчить «на свои», то совершенно не нужные объекты строить перестанут. Но, если они будут строить «на свои», нужно, чтобы они могли купить стройматериалы и заказать работу строителям. Вот здесь блок: мы разрешаем оптовую торговлю средствами производства, поэтому экономика становится «более рыночной». Это – наверное, та причина, по которой многие идеологи реформы через 20 лет приветствовали рыночную перестройку. Начиналось это, насколько можно судить по мемуарам, с благих стремлений «скрестить ежа с ужом», а потом, когда поработали и выяснили, что «гибрид» не работает, встал вопрос «или-или». Надеюсь, что я закончу цикл, у меня будет лекция про перестройку, там об этом подробнее поговорим».

Ремарка: «Нельзя было поднять цену, так как в рынке цены стихийно регулируются».

А.С.: «Да, это – еще один подход. Если мы берем какую-нибудь книжку про ценообразование 1954 года Майзинберга, там вполне черным по белому написано, что плановые цены не значит «неизменные цены», что советское государство меняет цены так, как ему выгодно, чтобы ценовыми методами проводить ту политику, которую считает правильной. По не до конца понятной мне причине в 60-е годы плановые цены стали ассоциироваться с неизменными ценами. Это понятно, если мы говорим о ценах на еду или на ширпотреб, потому что это – такой «негласный договор с населением». В этом случае события в Новочеркасске для такой макроэкономической сбалансированности оказались сильно негативными, потому что после той попытки поднять цены в 62-м году решили, что так лучше не надо делать. Я надеюсь, что мы в конце дойдем до слайда про сельское хозяйство, где поговорим об этом подробнее».

В общем, получились «вершки и корешки». У государства нехватка централизованных ресурсов для капвложений, но есть возможность обеспечить их натурой. У предприятий есть избыток средств, который непонятно, на что тратить, потому что тупо нечего купить. Вы не можете просто пойти и купить вагон леса. То есть, можете, но к вам после этого может прийти ОБХСС. Это было тяжелое наследство, с которым надо было что-то делать. На вот эти предпосылки накладываются особенности самих плановиков и политического руководства. Про потерю цели мы уже поговорили. Будем честны: благосостояние – это не совсем цель, потому что почти все мероприятия, которые вы будете делать, направлены на повышение благосостояния. Там все равно остаются развилки. После войны благосостояние повышали снижением цен. А после решили, что благосостояние будем повышать повышением зарплат. Это – разная политика, разные пути».

Можно больше тратить на строительство жилищное – это повышение благосостояния. Можно тратить на автомобили – общественный транспорт или частный. Это – цель, которая не совсем цель. Ее надо конкретизировать. Этого, к сожалению, не делалось. Второе – сыграла инерционность мышления. Восьмая пятилетка на фоне неудачной семилетки смотрелась весьма неплохо. И в мемуарах плановиков можно было найти такую грусть и обиду, что, когда Хрущева сняли, к ним пришел Косыгин и сказал: «Я все понимаю, коммунизм за 20 лет, но давайте не будем это педалировать, будем делать так, как надо». Можно было не «выворачивать себе руки». 9-ую пятилетку стали разрабатывать в 68-м. Когда плюсы реформы были видны, а минусы не совсем «вылезли». Потому что реформа вводилась постепенно. Ханин считает, что был относительно неплохой результат 8 пятилетки, это – просто то, что мы восстановили отраслевую структуру управления и наши планы были чуть более сбалансированными, потому, что не стояло политического руководства, которое что-то требовало. Есть проблемы чисто калькуляционного характера. Это – то, что ставят в вину, в принципе, самой идее плановой экономике – «вы не можете из центра все планировать». На этот довод есть ряд контрдоводов, связан он с тем, что в сталинское время планировались некие границы/лимиты, все это затем разверстывалось на средний и на нижний уровень, это был фрактал расширяющийся, то есть, в центре и не надо было планировать все «до гайки». Ускорение научно-технического прогресса, диверсификация производства привели к росту хозяйственных связей, которые нужно было планировать, это определяло возможности счета. Этот калькуляционный аргумент не без изъянов, я думаю, что, если вы интересовались, вы читали статьи, например «Ранний Вассерман против позднего Вассермана» на тему того, можно сделать технически сбалансированный план или нельзя. Конкретно в 60-70-е годы производство усложнялось, связей становилось больше. Планирование сталкивалось с более сложными вызовами, чем во время, когда у нас есть несколько крупных заводов, которые очень большими объемами производят определенную продукцию».

Ремарка: «Сальвадор Альенде – это то же время?»

А.С.: «Да, Сальвадор Альенде – это то же время. Путч в Чили – это, по-моему, 73 год».

Ремарка: «Там же до путча тоже была система, когда каждый рабочий мог иметь доступ к центральному аппарату планирования, не в смысле, лично, а в смысле, система получала и обрабатывала информацию. «Киберкоммунизм».

А.С.: «Киберсин», да. Эта идея возникла, понятно, под большим влиянием наших идей. Мы про них будем говорить. Здесь у меня некоторые технические данные про сокращение рождаемости и рост числа женщин на производстве. Есть у меня рассказ про причины абортов, 2% называли трудности с жильем, 18% - трудности с яслями, 13% - недостаток заработка. С 60-го года идет резкий рост числа разводов. Если в 60-м году это 1 развод на 9 браков, в 66 году это 1 развод на 3 брака. Возникла некая дискуссия про равенство женщин в СССР. Абстрактно да, равенство, но, что называется, важны нюансы. Одно дело, если вы сначала обеспечиваете женщину яслями,

обеспечиваете ей обслуживание, чтоб она могла не стирать, не готовить, а потом говорите: «А давай ты пойдешь работать и будешь финансово независима, а другое дело, если сначала ее зовут на работу, а ясли, кухни и всякое такое «зависают» «до светлого будущего». Понятно, что 70-е годы – «эхо войны», но еще и приоритеты социальной политики, что играло свою роль в калькуляционном аргументе: из-за того, что люди заканчивались, надо было заниматься сферой обслуживания, потому что, если у вас заканчиваются люди, одновременно у них на руках больше денег, то, чтобы не падала трудовая мотивация, вы должны обеспечить товарное покрытие этих денег.

Эти проблемы – многогранник, на который ты смотришь по-разному. Если говорить о проблемах на наиболее общем уровне, то, наверное, одно слово будет «несбалансированность». Это означает, что в конце 60-х – начале 70-х годов объем одновременно выполняемых программ начинает превышать возможности экономики. В то же самое время экстенсивный рост сдерживает уже половину накопленного потенциала. Я думаю, вторую половину нужно пояснить. В советское время много говорилось о том, что у нас «перекос» в сторону нового строительства по сравнению с реконструкцией. Реконструкция обходится дешевле, по меньшей мере, потому, что нам не надо строить стены, но у нас доля реконструкции меньше, чем нам бы хотелось. Если у вас есть план по валу, но вы на год останавливаете реконструкцию, то у вас этот показатель неминуемо падает. Для того, чтобы вам установить все устаревшие заводы страны на реконструкцию, вам надо согласиться на то, что какое-то время вы будете выпускать меньше, чем выпускаете сейчас. Одна из причин, почему программа одновременного ускорения и перестройки – это «шизофреническая политика»: вы не можете одновременно ускоряться и перестраиваться. Вместе с тем, несбалансированность означает, что у вас всего не хватает. И, когда кто-то предлагает: давайте на следующий год дадим задание заводам поменьше, чтобы они могли часть цехов остановить и реконструировать, вылезает огромное количество претендентов на продукцию этих заводов и говорит: «Да вы что?» У нас нехватка всего, у нас капвложения не отоварены, у нас деньги у людей на руках, которые надо куда-то девать, а у нас товаров в магазинах не хватает, мы не можем снизить объемы. А через это получается, что мы не полностью используем уже построенный потенциал. В целом, это не проблема расчета. Несбалансированность не означает, что мы технически не можем сверстать сбалансированный план, поэтому калькуляционный аргумент не надо недооценивать, не надо переоценивать. Несбалансированность – это проблема, если объем одновременно выполняемых программ превышает возможности экономики, то от чего-то нужно отказаться, а это значит, что кого-то нужно обидеть. Возникает простой вопрос: а кого обидеть? И выясняется, что брежневское руководство не хочет никого обижать. Я напоминаю, что одно из названий периода – «период коллективного руководства». Это значит, что решения принимаются после того, как все со всеми договорились.

Ремарка: «Если большинство – «за», а меньшинство – «против», то принималось».

А.С.: «Здесь мы упираемся в то, чтобы ответить на вопрос, нужно поднимать протоколы заседаний Политбюро и смотреть, кто как голосовал. Доступны избранные вещи. К примеру, как

было решение о вводе войск в Афганистан принято. Обычно это – консенсус узкой группы. Из того, что известно. Может, когда будет доступна генеральная совокупность, картина поменяется».

Ремарка: «Чтобы понять «интенсивность-экстенсивность», когда Хрущев пошел осваивать целину вместо черноземья, это ж можно сопоставить?»

А.С.: «Да, у нас долгое время экстенсивный подход работал, потому что страна большая, ресурсов много, если смотреть планы первых пятилеток, то проблемы «откуда взять людей» нет. Имманентно подразумевается, что люди будут точно. Проблемы начинаются в момент, когда либо ресурсы заканчиваются, либо становятся дороже. Дальше начинается клубок проблем, которые не позволяют нам распорядиться даже тем, что есть».

Вопрос: «Вам не кажется, что эта разбалансированность проявлялась еще и в том, что, если случайно достичь сбалансированности, то система ее не замечала, а исследователи этой системы замечали. Я про то, что в плане демографии к началу 80-х годов удалось стабилизировать рост смертности, поднять рождаемость. И это прошло незамеченным, точно так же, как то, что середина семидесятых – середина восьмидесятых – удалось обеспечить почти каждую женщину детородного возраста дошкольными образовательно-воспитательными учреждениями. Из монографии Сухановой по репродуктивному поведению россиян 2007 года».

А.С.: «Возможно, это было так. То, что я хочу вам показать – это то, как одни проблемы тянули за собой другие. Пока разобрались с демографией, там много всего другогоросло. Собственно, цели на девятую пятилетку: рост фондов потребления, научно обоснованные нормы питания, решение жилищной проблемы. Научно обоснованные нормы питания – это то, что называлось «рациональный потребительский бюджет» - попытка конкретизировать цель роста благосостояния, до какой степени нам его надо наращивать. Это удалось сделать по еде, потому что можно позвать диетологов, и они скажут, сколько чего человеку нужно есть, чтобы он был здоров. С нормами по товарам длительного пользования у меня вопросы: как их обосновывали, но есть в сносочке данные по тому, как у нас соотносились потребительские нормы СССР и США, это из докладной записки 73, по-моему, года – то, что было на 70-й год. Здесь видно, что если национальный доход составлял 65% американского, то фонд потребления составлял только 40%, в достатке мы отставали больше, чем в экономической мощи».

Вопрос: «Корректно ли соотносить СССР с США? Потому что США –это верхушка капиталистического мира. А если мы будем брать весь капиталистический мир? Мне кажется, тогда надо было соотносить верхушку СССР с верхушкой США».

А.С.: «С точки зрения постановки целей, наверное, корректно, потому что это – некая верхняя планка: если мы будем стремиться к лучшему, хуже от этого не будет. С точки зрения сравнения, насколько мы были хуже»...

Вопрос: «Речь о том – насколько мы были хуже – того же Бангладеша – вот в чем некорректность».

А.С.: «В этой плоскости вас поддерживают современные экономические историки. Я могу, например, вам предложить книжку Боба Аллена, который говорит, что СССР в момент его возникновения в наследство от царской России получил структуру экономики, которая характерна для не особо развитых стран, мягко говоря. И вот он заявляет: «Давайте не будем сравнивать с США. Давайте возьмем группу не особо развитых стран и посмотрим, кто из них как рос. И на их фоне выясняется, что если сравнивать не с лидером, а «в одной весовой категории», то СССР показывал неплохие результаты».

Ремарка: «Я не совсем об этом. Дело в том, что социализм – это отдельная система, а капитализм – отдельная, надо сравнивать систему с системой».

А.С.: «Я считаю, что для того, чтобы цель поставить – корректно, для сравнения – некорректно. Мы разобрались с предпосылками, с тем, что мы хотим за 9 пятилетку получить, теперь нам надо свести одно с другим, как говорится, превратить проблемы в задачи. У нас намечается сокращение ресурсов трудоспособного населения. Как с этим бороться? Фондовооруженностью. Нам надо снабдить наших рабочих такими орудиями труда, которые позволят им производить больше. Чтобы нарастить фондовооруженность, нам надо больше капвложений в механизацию труда. Это значит, что у нас, поскольку капвложения – какая-то конечная величина, если большую долю направляем на механизацию труда, у нас меньше капвложений остается на ширпотреб. Если меньше остается на ширпотреб, то у нас никуда не девается дефицит и снижается мотивация к труду. Мы можем повысить фондовооруженность, тогда снизится мотивация труда, мы можем дать больше на ширпотреб, тогда у нас повысится мотивация труда, но фондовооруженность останется по-прежнему низкой. Ситуация – «дудочка или кувшинчик».

Вопрос: «А люди до 60-х были, куда они делись?»

А.С.: «Рост видите? Было нужно больше заводов, строилось больше заводов, на них же должен кто-то работать? Это раз. Два – экстенсивный рост означает, что если можно было не повышать фондовооруженность, то ее не повышали. Дойдем до слайда, сколько рабочих было занято тяжелым ручным трудом. Дойдем до слайда, сколько рабочих занято на всяких подсобных работах, что называется «ни уму, ни сердцу». Трудонедостаточность – это такая диалектическая величина. Потому что есть ресурсы, как с ней бороться. Один ресурс – повышать вооруженность труда. Другой – повышать заинтересованность. Третий – провести комплексную автоматизацию. Работников заменить роботами. И мы, наконец, сможем освободить множество рабочих рук, освоить Сибирь, Дальний Восток, доделать все, что мы хотим. Как осуществить этот переход? Сейчас мы будем подробно это разбирать. При том, что я говорю: это понималось и тогда, но раз за разом не получалось сделать. С проблемами трудонедостаточности разобрались. А что делать с

распылением капвложений? Каждое предприятие надеется, что именно оно нужные ресурсы достать сумеет. То есть, у вас есть капвложения на сто рублей. Вам так изменили нормативы, что должно хватить на весь завод. А сейчас вы смогли найти только на фундамент от этого завода. И вы думаете: не пропадать же добру? Мы сейчас фундамент заложим, а потом пойдем в Госплан и скажем: «Ребята, но фундамент же есть. Дайте достроить. И мы сможем найти ресурсы «где-то». Поэтому мы строим фундамент, поскольку не мы одни такие умные, а вся экономика так работает, то по всей стране строятся фундаменты. Растет незавершенное строительство. Есть некий норматив незавершенного строительства, который сильно превышен. Одновременно у нас сокращается выбытие старых основных фондов. Ровно потому, что, чтобы нам перестать использовать морально устаревшее, нам надо достроить что-то новое. Достроить мы не можем. А из этого следует старение фондов, рост затрат на ремонт и в целом – замедление технического прогресса. Освоение мощностей, по факту, является их достройкой. В мемуарах вы можете найти рассказы о том, что сдали завод с недоделками. Ленточку перерезали, подписали, а потом выяснилось, что 4 сооружения забыли построить, канализация доделывается, трансформаторную линию в следующем году привезут, выясняется, что сроки освоения у нас оказываются 5-6 лет. Срок освоения – это промежуток между моментом, когда завод официально открыли, и моментом, когда он вышел на проектную мощность. А весь цикл у нас становится 10-12 лет».

Ремарка: «И сейчас тоже».

А.С.: «Я говорю, что проблемы брежневского периода наиболее актуальны. И, если вы задумываетесь, каким бы периодом позаниматься, я всех призываю заниматься брежневским периодом».

Вопрос: «А при Сталине какой был срок освоения?»

А.С.: «При Сталине можно найти какие-то безумные цифры, когда новую продукцию за месяцы осваивали. И когда-то заводы в чистом поле начинали работать, через несколько месяцев после того, как их привезли. Ну, не в чистом поле, а на площадках подготовленных».

Вопрос: «Повысилось ли количество людей с высшим образованием?»

А.С.: «Конечно, повысилось. У нас все неуклонно растет. У нас неуклонно растут все объемные показатели, в том числе, число людей с высшим образованием. Обращаю внимание еще раз: на одну какую-то проблему накладываются последствия 2 и 3 порядка. Если проблема – это распыление капвложений, она тянет за собой незавершенку, слишком длительные сроки строительства и освоения, это тянет за собой то, что мы не можем перестать использовать морально устаревшие основные фонды. Оно тянет за собой, что фонды не только морально устарели, но и износились, их надо чинить. Оно же тянет за собой, что если мы 5-6 лет осваиваем завод, а мы это делаем не потому, что мы тупые и ленивые, а потому, что его сдали недостроенным, то в период освоения у нас низкое качество продукции этого завода. Как правило, завод – это что-то

комплексное, там есть цех первого передела, второго, третьего. Если первый передел не готов, то вы второй, третий либо делаете на привозном сырье, либо еще как-то изгаляетесь, но вы не получаете отдачи, которая была в завод запроектирована. Это частично объясняет, почему мы план, вроде бы, сбалансированный составили на бумаге, а по факту получаем сильно меньшую отдачу, чем рассчитывали.

Все то, что я вам раз за разом проговаривал на предыдущих слайдах, можно изобразить в виде «мертвого узла». В 70-е годы советская экономика столкнулась с тремя фундаментальными проблемами, каждая из которых мешала решить 2 другие. Вам нужно больше вложений в группу А для повышения фондовооруженности/механовооруженности труда. Одновременно вам нужно больше вложений в группу Б для поддержания мотивации к труду, потому что повышение зарплаты само по себе перестает работать. И над всем этим стоит расширяющийся фонд строительства, оттягивающий момент, когда ваши капвложения начнут давать отдачу. Несколько утрируя, экономику того времени можно представить следующим образом. Вообразите, что у вас есть какой-то объем средств и какой-то объем материальных ресурсов, на него вы сейчас построите новый завод, он начнет вам что-то производить, что позволит решить какие-то проблемы. Вы достраиваете его на 90% - и бросаете. А рядом строите такой же завод на 90% – и тоже бросаете. Я очень сильно утрирую, но мне хочется, чтобы вы понимали происходящее. Момент, когда вы начнете получать отдачу от ваших усилий, оттягивается во все более «туманное» будущее. Это мешает вам решить обе фундаментальные проблемы, которые стоят перед вашей экономикой. Для того, чтобы решить проблему, надо что-то сделать с первичными условиями. То есть, у нас есть проблемы первого порядка, они тянут за собой проблемы второго, третьего, четвертого порядка. У нас есть политические требования. У нас запланирован опережающий рост группы Б. 9-ая пятилетка была очередной пятилеткой, когда советское руководство сказала, что вот, в этот раз, наконец, мы ширпотреба сделаем больше, чем продукции группы А. Забегая вперед, скажу, что это была очередная пятилетка, в которую не удалось этого сделать. Начиная со второй пятилетки закладывались планы, что у нас группа Б растет опережающими темпами, но каждый раз находились веские причины этого не делать, потому что вот, у нас есть важные задачи, а «оно» подождет – в следующую пятилетку доделаем. Так момент светлого будущего и не наступил. У нас есть большой объем недостроя и трудонедостаточность. Из этого вытекают вполне понятные требования: нам необходимо устроить рецентрализацию финансовых ресурсов государства. То есть, не то, что «придушить» нашу косыгинскую реформу, если не совсем отменить, потому что она работает как-то не так, как мы себе это представляли. Нам надо сократить фронт работ. Нам надо начинать только те стройки, которые мы точно можем закончить. И через это снизить сроки строительства и освоения. Нам необходимо активизировать научно-технический прогресс. И снизить темпы роста, понимаемого как «каждый год больше стали» ради расширенного технического перевооружения. Нам надо в какой-то момент сказать: окей, у нас этот завод не работает. Мы его закрываем на реконструкцию. И нам нужно повысить производительность труда, это можно делать разными способами. Можно повысить механизацию ручного труда. Можно

улучшить специализацию и кооперирование. Можно повысить оплату труда, но вместе с ней увеличить фонды потребления, чтоб честно заработанные деньги все-таки можно было потратить. Чтобы увеличить объем фондов потребления, нам нужно повысить технический уровень сельского хозяйства и технический уровень всех отраслей, которые производят наш предмет потребления. То есть, наши проблемы и задачи довольно просто превращаются в список требований: что нам нужно сделать за 9 пятилетку».

Вопрос: «Что означают «специализация» и «кооперирование»?»

А.С.: «Специализация и кооперирование» означают, что, как правило, в современной экономике большие партии однотипной продукции производить проще и дешевле, чем малые партии разнотипной продукции. Грубо говоря, если у вас есть завод, который выпускает гайки и болты, если вы его разделите на два завода, один из которых будет делать только гайки, а другой – только болты, то они вам гаек и болтов сделают больше, чем в тот момент, когда они были воедино. И дешевле. Нагляднее всего это можно видеть на китайцах, на современной электронике – вот здесь представитель ВПК сидит. Если вы хотите сделать партию суперраций для ФСБшников тиражом 200 экземпляров, то у вас эти рации будут даже не золотые, а платиновые. Если у вас есть рынок, чтоб этих раций было несколько миллиардов, то у вас эти рации будут стоить копейки. Специализация и кооперирование предполагают, что мы создаем цепочку из заводов, взаимосвязанных друг с другом, и эти заводы договариваются, кто из них что делает. Из-за проблем с поставками, из-за той самой несбалансированности в советской экономике были сильны тенденции к автономии. Каждый завод, особенно крупный, стремился как можно меньше зависеть от поставщиков: если поставщики накосячат, то отвечать ему. Это привело к тому, что любой завод, где нарезали эти болты и гайки несчастные, делали это некачественно и дорого. Специализация и кооперирование означают, что нам надо преодолеть эту тенденцию. Грубо говоря, чтобы головной завод не боялся, что его поставщики накосячат. То есть, надо либо повысить договорную дисциплину, чтобы поставщиков наказывали «рублем», либо не «рублем», а административными мерами. Либо не требовать с головного предприятия, чтобы оно за них страдало. Либо нам просто надо поставщиков сделать филиалом головного предприятия.

Первым пунктом у нас стоит «рецентрализация финансовых ресурсов». И да, действительно, с начала 70-х начинается рецентрализация. Мы начинаем «вольницу» косыгинской реформы «замораживать». Если у нас в 65-м году из списка планируемых показателей была исключена производительность труда, численность работников, задания по снижению себестоимости, ряд других, то в 71 году у нас выходит постановление с невыразительным названием «О некоторых мерах по улучшению», которое добавляет обратно показатель производительности труда, валовой продукции, задание по выпуску предметов потребления на предприятиях тяжелой продукции, некие лимиты по затратам сырья и топлива, мы начинаем планировать объем фондов экономического стимулирования. Что такое «планирование объема фондов экономического стимулирования?» В период реформы было так: делайте то, что прибыльно, платите с этого премии, стройте то, что

считаете нужным: будет хорошо и вам, и государству. Потом выяснилось, что есть много способов обмануть государство и сделать хорошо себе за общественный счет. Теперь мы начинаем планировать объем фондов экономического стимулирования – мы ставим «потолок». Мы говорим, что: «Извините, как бы вы ни поработали, объем фонда, который вы можете пустить на премии самим себе, ограничен». Мы восстанавливаем частично «порушенную» сбалансированность между зарплатой и ее товарным покрытием. Одновременно с этим мы создаем недовольство, потому что «внизу» это постановление воспринимается как то, что «они» не дают «нам» заработать. Мы все улучшили. Мы придумали, как на предприятиях повысить прибыльность. Мы хотели с этой прибыли получить премии. А теперь «они» не дают». Это воспринимается, как обман, как нарушение договора. Отсюда растут ноги у перестроечных тенденций о том, что «они» мешают. «Как только диктат сверху уберется, вот тут мы развернемся и заживем». Новации в планировании связаны с тем, что мы честно пытаемся использовать научно-техническую революцию для целей планирования. Мы используем управленческие новации. 9-ая пятилетка – момент, когда стала модной тема системного анализа и программ целевого подхода. Эта тема модна до сих пор. Это – некая универсальная тенденция нашего госуправления, некая инварианта, которая с советских времен пришла к нам. У нас каждые два года возникает новая модная тема «как все улучшить». Это – некий такой технократический фетишизм. Ноги растут с 60-х годов: мы построим ОГАС – и заживем, мы перейдем на программно-целевые методы – и заживем, мы устроим химизацию – и заживем, мы примем продовольственную программу – и заживем... Очень много, думаю, можно список построить. Раньше это был БОР – бюджетирование, ориентированное на результат. Нанотехнологии вообще «не к ночи будь помянуты». Сейчас у нас, если кто следит, у нас модный переход на проектное управление. Разница, главным образом, в том, что раньше у нас все был госсектор – инновации были тотальны. А сейчас есть сектор государственных расходов, корпораций, которые осваивают эти расходы, вся эта «радость» живет там. Поскольку сфера довольно объемная, есть, где развернуться. Опять-таки, наверное, это не тема нашей сегодняшней лекции. Я немного об этом говорил в лекции, посвященном принципам планирования. В популярном общественном пространстве довольно известна тема ОГАС, но, поскольку она известна, главным образом, по мемуарам самого Глушкова и всех причастных, то она известна, главным образом, как вещь, которая осталась «на бумаге». Между тем, в процессе той ведомственной возни, которая сопровождала принятие решения о том, что ОГАС все-таки нужен, принципиальное решение все-таки было принято, аж в 70-м году, но ОГАС, как вы знаете, не появился. Эта ведомственная возня сопровождалась тем, что, поскольку все были за ОГАС, то каждое ведомство, вовлеченное в это дело, решило строить свой командный ОГАС. Там не было таких, кто на уровне идеи сопротивлялся, что ОГАС не нужен. Вопрос был в том, а кто администратором этой системы будет? То, что вы читали, из того, что Глушков пишет и популярные исследователи по его мемуарам: там возмущался Сторовский из ЦСУ и 68 год – ЦСУ решило делать свою систему на базе своих машинно-счетных станций. Тот же самый 68 год – Госплан, который писал замечание за замечанием, решает, что «тема-то хорошая», начинает заниматься

автоматизированной системой плановых расчетов. Эта – та часть, которая не была широко освящена. Я надеюсь это дело исправить. И надеюсь, что в ближайшем будущем у меня появятся какие-то работы, которые рассказывают про эту АСПР – автоматизированную систему плановых расчетов Госплана СССР, которая создавалась в Главном вычислительном центре Госплана, она должна была стать ядром ОГАС. Люди проделывали титаническую работу. Они фактически оцифровали работу Госплана. Составили алгоритмы, кто как там работал. Я рассказывал, что системный анализ и программно-целевой метод – модные темы девятой пятилетки. Модная тема семилетки и 8 пятилетки – это линейное программирование и сетевые графики. Там в 60-м году, наконец, опубликовали книгу Канторовича. Люди сидели и реально наблюдали за плановиками, там был блок входной информации, блок, что он с ней делает, блок выходной информации. Если бы эти записи удалось найти, если их не выкинули, если они где-то лежат в пыли архивов, если бы удалось найти блоки, то можно было бы Госплан 70-х годов из «бэкапа» достать. «Из пепла» восстановить по щелчку».

Вопрос: «Есть же система, которая существует и функционирует сейчас, основанная на принципах, заложенных в СССР?»

А.С.: «Надо уточнять, но сама идея, что «давайте посмотрим, как вы работаете, переведем в цифровой вид, ненужные операции уберем, нужные оптимизируем» - она на поверхности лежит. Здесь важно обозначить, что работы велись, нас здесь интересуют в большей степени ограничения, потому что та часть ОГАС, которая была построена, столкнулась с большими проблемами, чем та часть ОГАС, которая не была построена. То есть, все «за» до тех пор, пока не вылезают оптимизационные проблемы. То есть, что значит «оптимизация»? Оптимизация – это мы вас обсчитали и верим, что вы справитесь меньшим объемом ресурсов. До тех пор, пока АСПР решала задачи прямого счета, то есть, у нас, положим, есть колонка в Excel, мы можем на счетах суммировать, а можем сделать функцию. Все были «за», все отлично. Республики присылают «хотелки» в Госплан, а тот их не на счетах собирает вместе, а прогоняет через советские компьютеры, и те ему дают сумму «хотелок». Сразу можно видеть, что «хотелок» столько-то, ресурсов – столько-то – надо думать, как что-то сбалансировать. Как только мы говорим, что «давайте мы «натравим» на их «хотелки» какой-нибудь норматив, например, норматив использования, эффективности или норматив материалоемкости и посмотрим: их хотелки обоснованы или не обоснованы? Тут, понятно: все встают «на дыбы». Я читал мемуары одного из участников АСПР, конец идеи был простым и понятным. Госплан разослал по министерствам анкету с требованием заполнить показатели, из которых потом можно было вывести, сколько министерствам на самом деле надо дать. Министерства поняли, зачем это разослали, и тупо не ответили. На этом закончилась история оптимизации советской экономики машинными методами. Здесь мне важно сфокусировать вас на том, что проблемы были далеко не только счетные. Мне не нравится такой «флер» вокруг ОГАС о том, что это была некая «панацея», если бы ее сделали, все было бы хорошо. Надо понимать, что то, что делали «в урезанном виде» - тоже некое объективное

ограничение, потому что делали в урезанном потому, что не в урезанном не получилось. Кто-то возмущился – это тоже объективная реальность. Если мы систематически что-то не делаем, то это – уже не баг, а некое фундаментальное свойство той системы, в которой мы живем».

Вопрос: «А если бы к этой структуре приставили «надзирателей» из ВЧК?»

А.С.: «Возможно, это сработало бы. Глушков требовал, чтоб сделали такую организацию. Но не хватило воли политической. Ситуация, когда мы потребовали заполнить статистическую форму, а вы ее не заполнили, может разрешаться разными способами. Можно «умыть руки». Я могу сказать за Минэк: ситуация, когда Минэк что-то спрашивает, а ему не отвечают, вполне обычная. Но мы немного уходим в сторону. А, между тем, время позднее. И я боюсь за чистоту вашего восприятия. Я говорю полтора часа, поэтому спрошу, можно ли сделать технический перерыв минут на десять? Через десять минут продолжим».

А.С.: «Друзья, чтобы я успел рассказать вам тот блок, который я хочу рассказать, я с прискорбием объявляю мораторий на вопросы, кроме вопросов из серии «я не понимаю, что на слайде». Мне хочется, чтобы была некая смысловая завершенность. Напоминаю: мы закончили перед перерывом рассказом про централизацию планирования, сейчас мы подходим к вертикальной интеграции. Это – штука, которая должна была решить две проблемы. Одна проблема – она должна была уменьшить число единиц, по которым мы планируем, чтобы облегчить процесс планирования. Другое – она должна была обеспечить ту самую «специализацию и кооперацию». Вы не поверите, но в 73-м году вышло постановление с таким-же невзрачным названием, если то было «О некоторых мерах по улучшению планирования», то это – «О некоторых мерах по дальнейшему совершенствованию». Этим постановлением было начато создание производственных объединений, куда должны были включаться группы предприятий и на графике было видно, что рост этих объединений был очень бодрый. Желтая линия – число объединений. Их за десять лет 400 появилось. Красная линия – число предприятий, их 17 тысяч вошло в эти объединения. Более крупных, как бы сейчас сказали, «холдингов». Но если мы смотрим на долю объединений в продукции промышленности и в числе занятых, то мы видим, что доля объединений в числе занятых все время была выше. Даже не все время, она была ниже в 65-м году, а в 70-м и 80-м – уже нет. Что это значит? Это значит, что у нас в объединениях работает 50% занятых, а продукции производят не 50%, а 48%. То есть, в среднем, предприятия в объединениях работают немного хуже, чем предприятия вне объединений. Такой парадоксальный результат объяснялся тем, что было три способа объединяться. «Чтобы объединяться, надо разъединяться». Объединения должны были не только упростить процесс планирования, потому что планировать по четырем вещам легче, чем по восемнадцати, они должны были обеспечить ту самую «специализацию и кооперацию». Было три способа, как это постановление выполнялось. Можно было действительно устроить специализацию входящих в производственное объединение компаний, потому что, если мы внутри одного холдинга, мы меньше боимся, что кто-то кого-то кинет. И в этом случае будет более высокая производительность. Другой способ – можно было обеспечить стабильность работы главного

предприятия за счет остальных. Объединение создается, например, «АвтоВАЗ», в него входят поставщики и десятки предприятий, поскольку мы все в одном контуре, у нас теперь есть способ заставить не срывать нашу производственную программу. В таком случае у нас растет эффективность работы главного предприятия. Как у нас растут поставщики? Они могут иметь специализацию, кучу собственных производств, по крайней мере, на них как-то влиять можно. У них есть также дирекция этого объединения, у нее - канцелярия. Собственно, на этом производственное объединение заканчивается. Современный аналог – это школа. Дети в современных классах, если раньше я учился, там была школа во дворе одна, в соседнем дворе – другая школа, сейчас в одном районе школа носит один и тот же номер, у нее один директор, один завуч, я не знаю, честно говоря, как эта система вообще работает, но «сэкономили на управляющем персонале». Это - одна из причин, почему, с одной стороны, постановление было выполнено. С другой, особого подъема производительности эти объединения не принесли.

Сейчас мне немного сложно, потому что я рассказываю об общих тенденциях этапа. Потом мне будет проще, потому что, когда я расскажу про общие тенденции этапа, про 10-11 пятилетку можно будет рассказывать сильно менее подробно, потому что все общие тенденции были точно такие же. Мы открываем стенограмму 24 съезда ЦК Компартии и читаем там о важности научно-технического прогресса. Откладываем, открываем 25-ый съезд – читаем о важности научно-технического прогресса. Откладываем, открываем – 26 съезд – вы поняли. Борьба за прогресс была непрерывной. «Есть у революции начало, нет у революции конца».

В 68-м году Госплан выработал и разослал примерный перечень вопросов, на которые должны были ответить предприятия: перечень в том ключе, что предприятие должно было написать, какие меры технического прогресса планирует внедрить, сколько это будет стоить. То есть, форма: хотим запустить серию полностью автоматических станков с программным управлением, нам для этого не хватает 100500 миллионов из союзного бюджета. Предприятия эту форму заполнили, достаточно радостно. Когда Госплан ее свел воедино, что если бы все предложения были приняты, то темп роста составил бы в 9 пятилетке всего 4% вместо 7% 8-ой, а при этом заявки на капитальные вложения превышали ресурсы национального дохода в полтора раза. То есть предприятия радостно сказали: «Мы вам обеспечим любой прогресс, только дайте нам, пожалуйста, на это много ресурсов, а мы дадим вам рост в полтора раза меньше, чем у нас уже был». После этого поняли, что опрашивать предприятия – дело бесперспективное. Был создан единый фонд развития науки и техники. Он создавался на уровне министерств, это не совсем единый фонд, а каждое министерство имело свой фонд, из которого имело право финансировать своих подопечных. Идея была в том, что это будет банк венчурного финансирования или не совсем венчурного. То есть, предприятия теперь приходит не в Госплан и не говорит: «Дай мне в полтора раза больше, чем есть в твоей стране», - а оно приходит в свои министерства и говорит: «Мы тут придумали крутую штуку, дайте нам ресурсов, мы эту штуку внедрим, она нам даст эффект, и мы с этого эффекта с вами расплатимся». Там была такая разнарядка, что мы из этого единого фонда, после того, как мы вернули затраты,

70% выгоды остается на предприятии, 15% увеличивают наш единый фонд, а 15% идет в бюджет. Вроде, всем хорошо. Встала проблема, что сами предприятия не особо рады внедрять новую технику по той самой причине, что у нас есть план по валу, а как мы его выполним, если мы ресурсы, во-первых, потратим на внедрение, а не на закупку сырья и материалов, а, во-вторых, пока мы будем внедрять, кто ж будет работать? На это правительство дало, казалось бы, логичный ответ и в каком-то 70-каком-то году, в 9-ую пятилетку решили, что мы теперь затраты на создание новой техники будем включать в тот самый «план по валу». В составе этих объединений, в том числе, были научные объединения, поэтому теперь, вроде как: все, мы обеспечили единый контур, есть НИИ, есть заводы, которые их обслуживают, НИИ что-то придумывают, мы эту придумку включаем в план завода. Теперь заводу не надо разрываться: то ли план выполнять, то ли делать то, что подопечные придумали. И как только мы это внедрили, тут же выясняется, что нам внедрять вообще ничего не нужно. И можно сократить затраты на создание новой техники. То есть, мы можем придумать какую-то новую штуку, сказать, что новая штука очень дорогая, а поскольку новая штука придумана впервые, сравнить ее не с чем, то есть, обоснованность цены проверить Госкомцен не может. Мы говорим: «Это – абсолютно новый станок. Он уникальный, поэтому очень дорогой. Стоимость этого станка равна половине производственной программы нашего завода. После этого – следующая итерация, мы говорим: «Пусть у вас будет лимитная цена на ваш креатив». Как придумать «лимитную цену» на новую продукцию? Мы говорим: «Давайте эта лимитная цена будет как-то связана с тем эффектом, который эта ваша «новая вещь» даст?» Опять-таки, вроде, на бумаге все нормально. Инженеры разрабатывают новый станок. Станок должен дать новую экономию. Мы говорим: ваш станок не может дать больше, чем экономия, которую, собственно, он дает. После этого мы экономию записываем в план, все довольны, можно внедрять. Следующая итерация написана на экране. Как вы думаете, что ею будет в борьбе «благих пожеланий» с суровой реальностью? Мы говорим, что лимитная цена исчисляется из будущего эффекта. Как вы посчитаете будущий эффект штуки, которую вы еще не придумали? Вам надо назначить лимитную цену на станок, который вы еще не создали.

Разрабатывались различные методики. В Ленинке можно найти методики разработки значений цен на новую продукцию. Результат был один и тот же: когда новую штукотину запускали в производство, выяснялось, что эффект от нее сильно меньше, чем записано на бумаге, но никого это сильно не волновало, потому что, как выяснилось, инновация уже сработала. Она помогла предприятию выполнить план по валу в предыдущем периоде, поэтому можно ее уже и не внедрять. Затраты на науку росли – и в абсолютных выражениях, и их удельный вес. Государство не скупилось, оно понимало, что штука важная, нужная, это вы можете посмотреть 70-82-ой: у нас неуклонный рост удельных расходов на науку. Если мы помним схему, когда инновация отбивается на этапе придумки, то нас не удивят результаты «битвы за технический прогресс». Лишь каждый шестой изготовленный образец осваивался в год своего создания, третья часть была освоена в течение 2-3 лет, 15% новинок осваивалось в течение 3-4 лет и более, 80% внедрялось на одном предприятии, менее 20% - на 3-4 предприятиях, 0,6% - на 5 предприятиях и более. Одной из причин

было то, что зачастую средства на внедрение не предусматривались в плане предприятия. То есть, условно: в план производственного объединения, внутри которого «сидит» то НИИ, которое придумало новинку, мы включаем затраты на освоение новинки, поэтому оно его как-то внедряет. А в план соседнего производственного объединения мы эти затраты не включаем. Там свои новинки. И поэтому у нас 80% работает только на одном предприятии. Общий итог «битвы за прогресс»: у нас в 81-84 году внедрено свыше 3 миллионов мероприятий по новой технике, но не каждое мероприятие суть изобретение. Изобретений внедрено в три раза меньше. На одно внедренное мероприятие при затратах около 3 тысяч рублей условно высвобождается «полтора землекопа» – 0,62 работника и получается 0, 63 тысячи рублей экономии. Еще раз: при затратах, в среднем, 14 тысяч рублей, экономия – 6,3 тысячи рублей. На этом, я думаю, рассказ про технический прогресс можно завершить».

Вопрос: «А сейчас разве лучше, чем было?»

А.С.: «У меня есть некоторые цифры. Они брались из книжки перестроечной, что может формировать сомнения в ее беспристрастности. Там написано, что это – результаты исследования, проведенного ГКНТ. Я еще раз призываю всех: конкретно здесь нет ссылки, но я добавлю перед тем, как выкладывать: на слайдах, где какие-то цифры есть, написано, откуда я их брал. Поэтому я всех призываю лезть в первоисточники. И еще раз говорю, что про брежневский этап есть записки того периода, которые фрагментарны: про какие проблемы человек пишет, такие цифры и есть в записке. Есть некий пул работ перестроечных, когда надо было говорить, что «застой – это плохо», после этого – все, никому не интересно. Поэтому я заранее признаю, что здесь, может быть, не совсем правильные цифры, но тенденция того, что эта битва за научно-технический прогресс, к сожалению, к нужным результатам не привела – мне кажется, что она правильно уловлена.

Едем дальше. Длительные сроки строительства и освоения – что с этим делать? Задача разбивается на 2 части: у нас есть централизованные капвложения и децентрализованные. Централизованных у нас маловато, а децентрализованных – многовато. Децентрализованные капвложения надо переводить на кредитование. Если вы хотите что-то строить сами по себе, то берите кредит в Госбанке и потом рассчитывайтесь с ним. Для того, чтобы убрать разрыв, что «деньги есть, а кирпича на них купить нельзя», надо по-хорошему вводить оптовую торговлю средствами производства и еще, наверное, надо дифференцированный процент за кредит устанавливать – это, если мы едем вот в эту сторону, это – просто то, что «реформа зависла на полдороге». Мы один шаг сделали и остановили «в раскоряку». Нам надо вообще либо все сворачивать: тогда мы попадаем в ситуацию, которая была до реформы – нам надо что-то делать с тем, что Госплан не в состоянии оценить, какие «хотелки» обоснованы, а какие-нет. Либо что-то еще придумывать. В централизованных капвложениях нам надо как-то приоритизировать наши стройки, самое страшное – надо «законсервировать» или вообще ликвидировать ряд объектов. Нам нужен «обобщенный Сталин», который может «стукнуть кулаком» и сказать: «Вот это мы достраивать вообще не будем. Я все понимаю, но нет, мы не будем это достраивать, мы достроим

какие-то более важные вещи, а для этого нам нужно как-то определиться, какие стройки – важные, а какие – нет». А если мы вспоминаем, что у нас возникли какие-то проблемы с целеполаганием: мы себе записали целью повышение благосостояния, то вот с приоритизацией возникают большие проблемы. Опять-таки, возвращаюсь к актуальности: если кто следил, в речи Президента в этом году звучал магистральный план комплексной инфраструктуры, за комплексный план были жуткие бои – все стремились включить свои «хотелки» в комплексный план, в итоге, работа людей, которые пытались этот план сверстать, была такой, что не позавидуешь этим людям. И нам надо перейти к планированию комплексных программ. То есть, мы планируем и делаем не просто завод, но мы делаем завод, и всех его поставщиков, и подрядчиков, и смежников – мы их строим одновременно и достраиваем одновременно. Если мы достроим одну половину вовремя, а другую не вовремя, не получим отдачи ни с той, ни с другой половины. То есть, в плане централизованных капвложений мы понимаем, что надо повышать уровень проектности, уровень плановости, в плане децентрализованной – понимаем, что надо нам вообще эту лавочку сворачивать, либо все-таки вводить экономические рычаги, чтобы они отвечали за свои инвестиционные решения. С задачами понятно. Что из этого было сделано? Оптовую торговлю средствами производства не разрешили. В 69-м году утвердили нормативы освоения новых производств. Сказали, что «давайте вы свои новые производства будете пускать в строй в какой-то осмысленный период времени». В газетах написали, что завод сдан, а он через 5 лет выходит на проектную мощность. Понимаю: это не проблема, что на этом заводе ленивые люди, а в том, что что-то не доделали на момент сдачи. Срок освоения: для доменных печей – год, для цементных заводов – год, лучшие коллективы осваивают в 3-6 раз быстрее, но когда мы посчитали средний срок, получилось в 2 раза больше. То есть, если норматив освоения – год, то реально через 2 – 2,5 года мы выходим на проектную мощность. Мы постановление приняли, норматив приняли, а что из этого поменяется? Что этим нормативом решено?

Следующая идея. Объем прибыли у нас большой. В распоряжении предприятия остается 40% всей прибыли против 16% в 65-м году, но оптовую торговлю мы не разрешили, девать деньги некуда, появляется такое понятие как «свободный остаток прибыли». Это означает, что если вы до конца года эти деньги никуда не пристроили, мы у вас их забираем в бюджет. Этим мы частично решаем проблему нехватки денег в бюджете, одновременно формируем недовольство у предприятий. С другой стороны, у предприятий появляется стимул эти деньги хоть куда-то пристроить: ну отберут же! Если кто-то здесь работает в бюджетной сфере – декабрь, адская корячка купить хоть что-нибудь, а то в следующем году дадут меньше. Глядя на задачи и на мероприятия, понимаем, что как-то маловато мероприятий под такие задачи. Как следствие, с незавершенкой у нас ничего хорошего сделать не удалось. Я здесь выписал прямую речь. В мемуарах одного из работников Госплана он признается, что некоторые министерства просто Госплан обманывали. На «КАМАЗ» попросили 3, 6 млрд рублей, а вышло 8. «Так получилось». А строители Саяно-Шушенской ГЭС сетовали, что в бригадах работают молодые люди – ровесники стройки. Станция должна была быть пущена в работу в 1970 году, в 84-м году действовало 6 агрегатов из 10

запланированных. Я напоминаю, что если у нас по всей стране долгострой, то мы не можем решить никакую из задач. Мы принимаем решение – и мы должны начать что-то строить, чтоб получить эффект – а эффекта мы не получаем, потому что мы не можем закончить стройку. Это выглядит странно, но это так. Планировалось, что за пятилетие у нас капвложения вырастут на 43%, а дополнительных фондов мы введем на 42%, что значит, что планировалось сократить объем незавершенки, меньшими капвложениями получить большее количество фондов, которые будут что-то полезное нам делать. Доля незавершенки в общем объеме капвложений должна была сократиться с 73% на момент 70-го года до некоего нормативного уровня. У меня, честно, сил не хватило найти, какой тогда нормативный уровень был, по факту, ничего этого не произошло. В 70-м году объем незавершенки был 73%, в 71-м стал 74%, потом – 78%, в 73-ем удалось снизить – стало 77%, вместо снижения объема незавершенки шел ее рост по причинам, которые я много раз проговорил в предыдущие два часа. Дальше понятно. Невыполнение планов по вводу производственных мощностей тянет за собою невыполнение планов по производительности труда, которые тянут за собой срыв всей производственной программы пятилетки.

Что делается с трудонедостаточностью? Можно бороться экономическими мерами: повышать заинтересованность работников, чтобы те работали более интенсивно. Можно бороться экономическими мерами, как-то репрессировав предприятия, чтоб они не держали у себя лишних работников и отпускали на другие предприятия. Нужен какой-то «лишний штат», который в январе лишний, в июне лишний, а в декабре не лишний. Была идея – давайте заставим предприятия платить за подготовку рабсилы государству. Я хочу отметить для тех из вас, кто будет осмыслять это в терминах классического марксизма, что речь идет о некоем антагонизме: предприятия и государство – некие различные организмы, и их интересы совершенно различны: получается такой «тяги-толкай». Можно бороться техническими и организационными мерами. Нужна государственная централизованная система распределения рабсилы. Напоминаю, что вначале у нас дефицит не абсолютный, а относительный, то есть, где-нибудь в Сибири рабочих рук не хватает, а в Таджикистане их много. Нам надо любыми способами убедить условных таджиков переехать в условную Сибирь. Методы товарища Сталина, которого мы часто поминаем – мы сказали: «Нет, мы так больше не хотим, мы восстановили социалистическую законность, мы не утверждаем, что у нас являются японскими шпионами те, кто ими не является». Соответственно, ГУЛАГ мы тоже распустили. А что это значит для экономики? Это значит, что мы не можем загнать людей в Сибирь дешево. Нам надо им там обеспечить нормальные условия жизни. А это значит, что все наши мероприятия по освоению ресурсов становятся сильно дороже. Если раньше нам нужно было что? Барак и завод. То теперь нам нужен завод, а к заводу – город, а в городе должны быть ясли, потому что туда едет работать комсомол, комсомол активно размножается. К яслям нужны магазины – и дальше понятно. Или надо нам работать вахтовым методом. Это была инновация тех времен, когда решили, что нам далеко не везде в Заполярье нужны города. Либо нам нужна массовая механизация ручного труда. Я обещал вам цифры, вот, здесь, наконец, они появились: в промышленности занято 60%, в строительстве – чуть более 60%, в сельском хозяйстве – 80%, на транспорте – 50%, в

торговле – 70%. У нас есть огромный ресурс, например, грузчиков. Давайте сделаем побольше «вилочных» погрузчиков. И освободим ресурс людской.

С задачами определились. Что с мероприятиями? Мы запланировали опережающий рост группы Б, чтобы повысить мотивацию к труду. Группа Б должна была вырасти на 148% , а группа А – на 146%. К сожалению, по причинам, проговоренным выше, балансы пятилетки «поехали», когда стали решать, чем жертвовать, то – у нас соревнование с Америкой, тяжелая обстановка, группа Б подождет. Поэтому у нас группа А выросла на 146 %. План был практически выполнен. Группа Б выросла на 137%, что, в общем-то, лучше, чем ничего, но с учетом того, что она должна была снизить дисбалансы, это – скорее плохо, чем хорошо. В 73-м году мы приняли программу по сокращению ручного труда. В соответствии с программой мы заложили несколько заводов, которые должны были нам производить малое подъемное оборудование. А также малые подъемные механизмы, чтобы снизить долю людей, занятых ручным трудом. Результат немного предсказуем. К концу 10 пятилетки ни один из этих заводов не вступил в строй. Мы приняли программу, заложили заводы. Заводы не достроены, ручной труд не ликвидирован. В 70-е годы, помимо расцвета производственной драмы, был расцвет «починов». «почины» были и раньше. Были там стахановцы, ударники. Всякие «знатные люди страны Советов». Но «почины» разные. Стахановцы – это не те, кто очень активный. Если ты выполнил 10 норм, то не за счет того, что очень сильный, а за счет разделения труда. И все стахановцы были нужны, с экономической точки зрения, для того, чтоб эти новшества выявлять и тиражировать. То есть, там был «почин», и этот «почин» идеально соответствовал тому, что нам нужно в экономике. Нам надо выявлять рацпредложения, мы создаем систему стимулов, люди придумывают, как все улучшить, мы их награждаем, в Кремле им руки жмут, рацпредложения распространяем, и всем хорошо. Принципиальное отличие 2починов» 70- х от «починов» 30-х в том, что это были «костыли» в 70-е годы. Завод механопроизводственного оборудования мы достроить не сумели, зато у нас есть трудовой энтузиазм. Значит, «динамовский» метод: на заводе «Динамо» довели задание до каждого рабочего. Люди «заморочились». Нет, кроме шуток: это – реально хорошая, полезная вещь. То есть, когда вы получаете план, он не просто обобщенный, а у нас есть «фрактал». Не то, что есть Госплан, который планирует все «до гайки» . А план детализируется на каждом уровне. Потом на заводе доводится до каждого рабочего. Каждый рабочий понимает, что ему надо сделать за год, чтобы план был выполнен. Рабочие устраивают «соревнование личных планов». Каждый рабочий действительно повышает производительность труда. Это – одна из причин, почему в 80-е годы мы вспоминаем Гастева и ЦИТ – Центральный институт труда, потому что это – такая «малая оптимизация». В 20-е годы с ним плохо поступили, потому что у НОТа есть определенные пределы. Организацией труда вы можете что-то улучшить, но она не заменяет новые «Магнитки». Если у вас есть вариант долго, упорно обучать нескольких рабочих, чтобы они идеально делали все движения, либо набрать несколько тысяч крестьян, дать им простые орудия труда и сказать: «Копайте», - то идея с крестьянами будет лучше. Когда крестьяне кончились, вспомнили, что был Гастев, был НОТ, давайте как-то соберем. Хорошая штука, но у этой организации и доведения до каждого рабочего есть пределы.

Следующее. Нижнекамский нефтехимический комбинат, на котором был «совместный график» - помочь достроить. Рабочие завода, которые уже знают, что будут работать на этом заводе (это очень странно с позиции сегодняшнего дня: если завода еще нет, какие там рабочие? Что они там делают?) Рабочие идут к строителям и говорят: «Давайте мы поможем вам достроить наш завод». И они сообща достраивают, и все радуются. Это не так должно работать. Рабочие – молодцы, но не так».

Ремарка: «На ЗИЛе, если хотели получить машину быстрее – присылали своих слесарей и ставили на конвейер».

А.С.: «Ну да. То есть, такая «малая оптимизация». По сути, это значит, что на верхнем уровне мы не можем выделить достаточное количество строительных работников, поэтому часть нестроительных работников на какое-то время превращается в строительных. «Един в двух лицах».

«Щекинский» метод, «злобинский» метод, «калужский вариант бригадного подряда» – там эксперимент совхозов в АКЧИ, много всего разного, суть одна: мы фиксируем фонд оплаты труда и фонд отдачи и говорим: «Ребята, справитесь меньшими силами – эти деньги все равно останутся при вас». Отлично работает на микроуровне, если у вас есть бригада в 15 человек, но они могут сделать это вдесятером. Пять человек отправляются гулять. В идеале, нам надо их трудоустроить. Все довольны. Проблема возникает с масштабированием. Методов было много, разговоров в газетах – много, ничего не зашло по простой причине: вот «щекинский» метод, например, если кто-то про него слышал, то что делает Щекинский комбинат? Удобрения. Работники стали работать активнее. Работало 10 человек, получали 100 рублей в месяц, сократили до 7 человек, стали получать 200 рублей в месяц. Они приходят со своими двумястами рублями в магазин и хотят купить там что-то, кроме химических удобрений. И выясняется, если мы эту штуку масштабируем на всю экономику, то дисбалансы, с которых мы начали, растут. И нам надо, опять-таки, либо очень сильно пересматривать пирамиду приоритетов, то есть отказываться от части наших программ. Были благие пожелания, видите, чем закончилось. Когда встал вопрос, чем жертвовать: вот у вас – план по группе А, а вот – по группе Б: на такое мы пойти не готовы. То же самое – с трудоустройством. Щекинский комбинат заявил: «Мы своих трудоустроили. Мы их переобучили. Никто безработный не остался». Если мы эту штуку масштабируем на всю экономику, то выясняется, что таджики не готовы идти в ПТУ, на кого-то там учиться, а потом ехать впахивать в Сибирь. У них есть свой какой-то жизненный план, вот работа в Сибири на строительстве Саяно-Шушенской ГЭС в этот план не входит. Проблема, в принципе, решаемая, но нам 90-е годы продемонстрировали способ решения проблемы: надо понизить резко уровень жизни в республиках, тогда жители оттуда сами прибегут и будут работать, где скажем, как миленькие. Такие методы даже не предлагались. Если идеи об оптовой торговле в записках встречаются, то идеи «а давайте обрушим уровень жизни в союзных республиках» - такого не встречается. Видимо, не настолько «людоедские» были научные работники.

В итоге, нормальную систему переобучения работников создать так и не удалось. В советское время перераспределение труда никогда не удалось сделать. Вот если говорить о том, что в советское время в разные периоды разные «куски» экономики были плановыми в разной степени, то перераспределение труда удавалось хуже всего. То есть, можно открыть любой план Москвы, там написано: надо ограничить рост города. И какой город у нас самый населенный в стране? Москва. То есть, это не удавалось никому. Можно как-то установить равномерно уровень жизни по всей стране. Если у вас одинаковый уровень жизни по всей стране, то вам не надо придумывать, как ограничить число желающих жить в Москве. Есть пример Германии, например, Берлин не самый большой город, по крайней мере, есть несколько крупных городов, аналогичных Берлину. Если вы живете, например, не в Берлине, а в Майнце, то у вас разрыв в уровне жизни не то, чтоб прям очень большой.

Что у нас с результатами экономии труда? Если мы сравниваем задачи и мероприятия, то мы видим, что мероприятий все еще как-то маловато для этих задач. И тогда мы видим, что эти результаты, наверное, нас не должны удивлять: в конце 70-х годов в промышленности занято ручным трудом 12 млн человек, в рамках всего народного хозяйства – 40 млн человек. У нас не хватает рабочих рук, а 40 млн человек ящики таскает. Мы заложили заводы, подъем машинного оборудования – ни один не достроили. Вопрос: что нам делать, если мы не смогли ликвидировать непрестижные работы? Не значит, ненужные. У нас проблемы с НТП. Мы наши станки автоматизированной линии делаем «для проформы»: мы сделали очень дорогой станок, чтобы закрыть план по валу. Одновременно с этим, если мы начинаем строить автоматизированный завод, на что уходит 15 лет. Неквалифицированная работа не значит «ненужная». Если мы не можем убрать неквалифицированную работу, то мы волей-неволей должны платить больше, иначе люди разбегутся. Человек скажет: «Пойду к вашим соседям. Там лучше. Или учиться пойду». И у нас начинается опережающий рост оплаты труда неквалифицированных рабочих. Всем понятны причины? У нас не получилось убрать неквалифицированные работы. Нам надо как-то удержать там людей. Мы начинаем опережающий рост оплаты труда неквалифицированных работ. И в 72-75 году у нас проходит тарифная реформа, мы вводим новую тарифную сетку, «вилка» тарифных сеток резко сокращается. И, если при товарище Сталине квалифицированный рабочий мог иметь свой автомобиль, жить в отдельном доме, отдыхать с семьей в Крыму, то сейчас у нас получается «вилка» по разным направлениям 1:1.58, 1:1.71, 1:1.86. То есть, если ты будешь уставать, получать какие-то подряды, ты будешь получать на 86% больше человека, которого вчера на работу взяли. Размер минимальной оплаты труда был поднят до 60 рублей в 68-м году, 70 рублей – в 75 году. Абсолютные цифры ничего не говорят, говорят относительные. В 59-м году размер минимальной оплаты труда составлял 34% от средней. Я – молодой специалист, я получаю сто рублей, а в среднем все получают триста рублей, это – неплохой стимул развиваться. А в 68-м году размер минимальной зарплаты – уже половина от средней. Я – молодой специалист, я получаю сто рублей, а в среднем люди получают 150 рублей. Почувствуйте разницу.

Есть деликатный момент. Если мы смотрим на статсборники по промышленности, в целом, то ИТР-ы получают больше, но я вам приоткрываю секрет: был семинар в МГУ этой весной по зарплате, они обещали, что осенью будет опубликован результат – ничего не опубликовано, там было микроисследование: люди пошли на завод «Серп и молот» и на Трехгорную мануфактуру, подняли архивы и посмотрели, что там было с зарплатой. И выяснилось: по этим 2-м заводам с середины 60-х по середину 80-х годов зарплаты рабочих становятся выше, чем у ИТР. Мы получаем понятную ситуацию: у нас исчезает стимул к росту квалификации. Раз за разом я хочу, чтоб у вас в голове была последовательность проблем: первого порядка, второго порядка, третьего порядка и т.д. Экономика – это ситуация, где все взаимосвязано. Мы начинали с двух больших, трех малых проблем. После того, как мы понимали, что не можем их решить, шли дальше, дальше, дальше. Если вам нужен какой-то образ, что мне это напоминает, я в прошлых лекциях говорил: есть игровые автоматы, где из норки выскакивают суслики, и этих сусликов надо бить, чтобы они в эти норки прятались. Постепенно с ростом уровня суслики становятся проворнее и проворнее. У тебя есть проблема – придумал постановление – опа! У тебя следующая проблема вылезает, за ней – второе постановление, за ним – третья проблема, за ней – третье постановление, за ним вылезает следующий «косяк». В этом автомате нельзя выиграть, потому что суслики в какой-то момент становятся суперпроворными. К сожалению, нет никакой интриги. Я показывал вам «узел проблем». На нем можно было бы остановиться и не мучить вас, потому что, к сожалению, мы знаем результат. Есть три проблемы, каждая из которых мешает решить две других. В реальности советское руководство не придумало, что с этим сделать. Здесь можно было бы закончить, но нет: мы будем упорными и пройдем этот путь до конца.

Дополнительно: почему этот слайд называется «костыли»? Что позволяет нам трудовой энтузиазм? Что позволяет нам самоотверженность рабочих завода «Динамо», из которых каждый знает свой план и повышает производительность труда методами научной организации труда. Позволяет в следующем пятилетии ничего не менять. Пока у нас есть комсомольцы, готовые ехать в Сибирь и жить там в палатках, мы можем не строить ясли. Пока у нас есть рабочие, готовые достраивать свой завод, мы можем не бороться со сверхнормативными сроками строительства. Пока кто-то «упарывается» на работе, кто-то другой имеет резерв для нерешения проблем по-человечески. И это очень сильно бьет по трудовой мотивации. Одно дело, когда вас просят мужаться, а мы сейчас все доделаем. Например, прорыв плотины: вы ее «подержите», а мы сейчас доведем песок, цемент, все залатаем. А другое дело, когда прорыв плотины: «Вы ее подержите, пожалуйста, а мы пошли». Этот рассказ делает нам понятным обвал, случившийся в 10-й пятилетке. Здесь мы видим немножко сложную таблицу: у нас здесь отношение прироста продукции к приросту мощностей. Допустим, цифра 1 – 32 по чугуну, означает, что продукции выросло на сто рублей, а мощности – на 132 рубля, то есть, мы с каждой единицы мощностей получаем больше. И мы видим, что большинство цифр в первой табличке больше единицы, то есть, мы как-то справлялись. Я нарисовал вам такую мрачную картину девятой пятилетки, но вот трудовым героизмом, сверхэксплуатацией труда, «высасыванием» сельского хозяйства, агитацией женщин,

чтоб шли работать, мы справились. Я убрал в первой версии презентации слайды, где я сравнивал – в общем, там получалась производственная модель через межотраслевые балансы: то, что прикидывали научные работники – группа Анчишкина – и что получалось по факту. Большинство их предположений не сработало, но факт оказался не таким провальным, каким должен был быть, потому что группа Анчишкина предполагала, что у нас там трудовые ресурсы уже кончились, а они еще не кончились. Одну пятилетку мы еще протянули. В следующую пятилетку мы видим, что во втором столбике ни одна циферка не больше единички. То есть, грубо говоря, мы чугуна отлили на сто рублей, а мощностей с этого чугуна получили на 70 рублей. Это очень грубо, там немного по-другому считается, но просто для понимания. А причина проста. У нас кончились люди. Мы не решили системно ни одну из проблем, о которых говорили, раз. И мы использовали ресурсы, у нас уже все помогают достраивать, все свои производственные графики знают, все, что можно было, мы сделали, а дальше – все. А дальше получается, что мы продолжаем строить заводы, но на них просто тупо некому работать. Это странно, почти так же, как то, что мы начинаем заводы, которые не достраиваем. Но плановая экономика – очень аккуратный инструмент. Если плановой экономикой пользоваться неправильно, то она может давать результаты хуже, чем рыночная. Причем, если у нас ориентация на абсолютные показатели, то она будет выдерживать эти абсолютные показатели, то есть, у нас не будет спада, пока все не рухнет, но вместе с тем это будет достигаться все большей и большей ценой. Если кто-то спрашивал, почему 9 пятилетка – более-менее, а в 10-й обвал, то ответ простой: потому что проблемы у нас остались те же, а ресурс – «что-то вытянуть из сельского или домашнего хозяйства» - он кончился. В феврале 70-го года ЦК обратились ко всему трудящемуся населению с письмом об экономии резервов. Пятилетним планом предполагалось, что у нас экономия затрат в промышленности будет 10%, в машиностроении и металлообработке – 20%, в строительстве – 11%. Что такое экономия в планах? Это значит: мы даем вам что-то сделать на сто рублей, а ресурсов – на 90 рублей. Потому что разницу мы будем считать за экономию. Либо вы придумаете, либо мы централизованно запланируем, что у нас новая технология должна появиться: у нас металла в стружку меньше идет, потому что новая технология отлива придумана. Это не всегда волюнтаризм. На самом деле, очень сложная задача: где границы режима экономии, после которой начинается «экономия через колено». По-хорошему, это задача институтов, низовых работников, а еще и уполномоченных Госплана, которые во время войны смотрели, чтоб предприятия больше, чем нужно, себе не требовали.

Дальше немножко понятно. Если у нас, по сути, балансы поехали, что-то мы сделали, что-то не смогли. Та часть экономии, которая должна появиться за счет новых основных фондов, просто не появилась: мы новые фонды не достроили, или еще что-то с ними случилось. В общем, ежегодный рост материалоемкости продукта вырос на 0,2%, энергоемкости и металлоемкости – на 0,9%. Поскольку это – ежегодный рост, то это – такая экспонента. Получается, что даже ту продукцию, которую мы делали раньше, мы делаем с большими затратами ресурсов. Напоминаю, на это работают последствия косыгинской реформы, потому что, если мы с прибыли выплачиваем себе прибыли, а у нас есть фишка, что у нас научно-технический прогресс, то мы придумали что-то

новое и можем обосновать в Госкомцен, что на это новое цена должна быть подороже, то мы будем это обосновывать. Нет задачи цену снизить, есть задача цену обосновать. Все понимают разницу.

В общем, ползучий рост металлоемкости, материалоемкости, советские компьютеры – самые большие, советские калькуляторы – самые тяжелые. У меня дома есть советский магнитофон, он и не думает ломаться, ему 50 лет, там есть разные режимы, но им можно тренироваться – вместо гири поднимать магнитофон. На него пошло очень много металла. Там кнопки цельнометаллические и точеные. Это была квадратная металлическая болванка, в ней вырезали тубус, в тубусе – углубление, за этим магнитофоном можно спрятаться при артобстреле, я думаю, что этот магнитофон достанется моим внукам, с ним ничего не делается, но его явно можно было бы сделать с меньшими затратами ресурсов. Мы не говорим про качество, это – отдельная тема. Если будет лекция про перестройку, то я буду рассказывать про идеи академика Еременко, там будет рассказ про разное качество металла и про то, как это влияло. Структурные сдвиги я, наверное, буду пролистывать. Заканчивается время. Вот здесь есть желаемые структурные сдвиги. Эта картина показывает, во сколько раз должны расти быстрее или медленнее в этой отрасли показатели, чем в среднем. Единичка – это народное хозяйство, в целом. Вот если мы видим, допустим, по газовой промышленности вот такой огромный столбик – четверка, это значит, что газовая промышленность росла в 4 раза быстрее, чем народное хозяйство, в целом. Был огромный скачок газовой промышленности. Мы узнали, что у нас есть газ в Сибири, очень этому радовались. Здесь у нас есть два момента, которые нас интересуют – это желаемые структурные сдвиги и докладные записки Анчишкина. Всем предлагаю ознакомиться полностью. Он предлагал снизить затраты на машиностроение и электроэнергетику. Электроэнергетика, которая питает машиностроение. А электроэнергетика очень дорогая сама по себе. Саяно-Шушенская ГЭС очень дорогая, и мы ее строим уже столько лет, что ровесники стройки на ней работают. Он предлагал относительно быстрее развивать сельское хозяйство, транспорт и связь и торговлю. Понятно, почему. Сельское хозяйство и торговля – рост ресурсов потребления, восстановление стимулов к труду, товарно-денежной сбалансированности. Транспорт и связь – логистика. Он предлагал развивать промышленность и стройматериалы. Очевидно, почему: потому что у нас стройка не справляется, в смысле отрасли, с тем количествомстроек, которые мы пытаемся сделать одновременно. Что произошло по факту? Не удивляйтесь, здесь не 100% столбики. Нас, главным образом, интересует увеличение зеленого столбика. Машиностроение, разумеется, никуда не делось. Доля машиностроения в валовом выпуске увеличилась, потому что «как же так, у нас всего не хватает?» Как мы сократим, как мы можем остановить завод, чтоб устроить там реконструкцию, если его продукции не хватает по всей стране? Волевым решением. А кто его примет? А кто-то скажет: «А почему мой завод? Чем мой завод хуже? Останавливайте его».

Что получилось? Желаемые структурные сдвиги - ускоренно развивать стройку, торговлю, сельское хозяйство. Что у нас получилось? С чем у нас ассоциируются 70-е, развитой социализм? Чем мы гордимся? Мы гордимся Сибирью, в каком-то смысле мы до сих пор живем на том наследии.

Сибирь – это хорошо, но это не то, что было нужно, исходя из проблем, которые стояли в 9-й пятилетке. Мы гордимся РусАУ, Норникель. Норникель дает значительную статью доходов российского бюджета. Прирост добычи нефти. Рост цветной металлургии. У нас появляется Красноярский металлокомбинат, Саянский, растут новые города, мы запускаем новый блок в Норильске. У нас есть не только никель, но и титан, американские самолеты сделаны из него. В итоге, в импорте доля машин и оборудования возрастает с 22% в 50-м году до 32,8% в 83-ем. Потому что «на западе получается лучше». Если мы завод не достроили, есть возможность купить недостающее. Я на самом деле не касаюсь вообще роли СЭВ, но социнтеграция нам помогала. Надо, чтоб было, на что покупать. Доля топлива и энергии в экспорте составляла 4% в 50-м году, было время, когда мы почти не продавали ресурсы за рубеж, в 83-ем году у нас половину экспорта составил ТЭК. Это – тоже способ решить проблему, вообще не то, про что писал академик Анчишкин, но тоже работает. До сих пор. Слайд про рост материалоемкости, наверное, я пропущу, потому что мы о нем сегодня говорили. Последний слайд сегодняшней программы – про сельское хозяйство, потому что в нем, помимо общих проблем, были еще и специфические. Эти специфические проблемы были связаны с 2 моментами. Один был связан с тем, что после событий в Новочеркаске советское руководство решило, что повышать цены – себе дороже. То есть, после 62-го года нет больше опции «выйти к народу и сказать: «Извините. Не получилось. Мы очень хотели, но, к сожалению, не получилось. Мы распахали целину. Поддерживать ее нечем. Продуктивность упала. В этом году у нас урожая меньше, чем в предыдущем, поэтому придется поднять цены на хлеб». Это – нормальный путь, если у нас есть некое взаимодействие между условной властью и условным обществом. Нормальный путь, если общество состоит из нормальных пролетариев. Мне казалось, что так это должно работать. Мне кажется, на СССР плохо повлияло то, что Ленин мог выйти и признать свои ошибки, а после Ленина уже никто не мог так сказать. Сталин говорил «головокружение от успехов», но говорил, что на местах товарищи неверно поняли указания. Вопрос: мы заморозили цены на продукцию в магазинах. Хлеб стоит, как и 20 лет назад. При этом из сельского хозяйства народ бежит, и мы не против, чтобы он бежал, потому что у нас есть места, куда его пристроить, нам надо тот же объем получать меньшим числом людей. Надо повышать механовооруженность сельского хозяйства. Какие-то агрокомплексы строить. А у нас получается с переменным успехом. В 9-ю пятилетку капвложения в сельское хозяйство дали 26% всех капвложений. Никогда такого не было. Четверть всех ресурсов страны направляется в сельское хозяйство. Потому что все все понимают. И мы с этих огромных капвложений получаем «феноменальный прирост». У нас рост энерговооруженности сельского хозяйства за пятилетку составляет 2,5 раза. Рост обеспечения по минеральным удобрениям – в 4,5 раза. И рост продукции сельского хозяйства при этом составляет 13%, и это – большой провал. И мы начинаем удивляться и думать: а куда делись все капвложения? Мы идем в сельское хозяйство и спрашиваем: «Вы едите деньги?» Сельское хозяйство идет в отрасль сельскохозяйственного машиностроения и говорит: «Придумайте мне суперкомбайн». Там говорят: «Вы знаете, денег вам дали. Это хорошо. Самые нормальные конструктора занимаются новой ракетой. У нас только троечники остались. Весь титан

ушел тоже на ракету. Мы можем сделать алюминиевый или чугунный суперкомбайн, но у нас есть чугуний, который наши соседи не забрали, вот мы сделаем вам из чугуния суперкомбайн. И мы не можем сделать его на высокооктановом топливе, мы сделаем его на соляре. А еще, поскольку у вас денег много, а ничего хорошего мы вам сделать не можем, мы сделаем так, что суперкомбайн будет очень дорогой». В итоге начинается безумный рост цен в области сельскохозяйственного машиностроения. А также безумный рост в области сельскохозяйственного строительства. У нас появляются «золотые коровники». Одна причина – «потому что можно». Вторая – та самая несбалансированность: если мы дали денежных ресурсов, но не обеспечили материальными ресурсами, потому что самый крутой цемент ушел на доты на китайской границе, самые крутые специалисты и металл ушли в «Девятку», и вот мы приходим и говорим: «У нас есть фанера, гвозди и чугунные чушки. Нам надо повысить продуктивность сельского хозяйства». Я утрирую, но мне важно, чтоб вы понимали, откуда берется. Дальше запускается цепочка. Приходят производители комбайна и говорят: «Мы вам сделали комбайн. Он стоит в 2 раза дороже, чем раньше. А работает на 10% лучше. А прошлый мы сняли с производства. У нас научно-технический прогресс». Ему отвечают: «Ладно. Средства есть. Делать нечего. Покупаем». Вопрос. Колхоз закупил очень дорогой комбайн, который не дает нужной производительности – стоит в 2 раза дороже, а работает на 10% лучше. Что происходит? Себестоимость сельхозпродукции растет. Задача людям, знакомым с ВПК: 20 лет мы недостаточно развивали ВПК. И тут мы говорим: «Сделайте нам супер-ракету завтра. Мы дадим вам много денег. Завтра будет ракета?» Нет. Это так не работает. Вы можете дать много ресурсов, но результат будет печальный. Растут закупочные цены в колхозах. Колхоз говорит: «Извините. Мы вашу машиностроительную продукцию получаем дорого». Государство говорит: «Окей. Мы согласны. Отпускные цены неизменны. Закупочные растут. Мы начинаем дотациями из госбюджета покрывать разрыв в ценах на зерно, которое в колхозе, и на хлеб в магазине. У нас и так проблем хватает. А тут появляется новая «дыра»: дотации на покрытие разрыва. Можете посмотреть: дотации государства в 82-м году на кг говядины составляли 5 рублей 37 копеек. Розничная цена была – 1 кг -77 копеек. На каждом кг говядины государство теряло 4 рубля. Чем больше мы производим, тем больше становится «дыра». На этой оптимистической ноте мы заканчиваем. У меня был слайд про «теневую экономику» - понятно, что она кормится за счет всех этих дефицитов. Но, все же, на 10 минут позже крайнего срока, мы завершаем лекцию, и я жду вас через 2 дня на продолжение».

Лекция 11. 10-11 пятилетки

А.В.: «Давайте начнем. Добрый вечер всем. Отрадно видеть, что, несмотря на пятницу, много людей пришло послушать про Андропова и Брежнева. Начну с оргмоментов: когда будет обсуждение. Та информация, что оно будет уже в воскресенье, не подтвердилась: там у организаторов накладка случилась. Так что, обсуждение будет на следующей неделе, когда точно, непонятно. С одной стороны, это плохо, с другой стороны, будет выложена видеозапись лекции и слайды, можно там будет досмотреть некоторые вещи, потому что по своему опыту знаю: с первого раза далеко не все вещи хорошо запоминаются. Насчет видеозаписи первого и второго раза я хочу

немного заранее извиниться, два дня назад я читал лекцию второй раз, у меня была возможность прочитать ее на другой площадке и учесть ошибки. А вторая часть будет читаться без предварительного прогона. То, что будет рассказываться сегодня, будет прочитано впервые в таком виде, и я заранее извиняюсь, если рассказ будет чуть менее стройным. Я уже сейчас вижу, что на слайдках текста многовато, потому что у меня не хватило сил перевести его в какие-то красивые картинки или графики. Я вам рассказал про общие проблемы этапа, про общие тенденции этапа. Я потратил достаточно много времени для того, чтобы объяснить, почему эти тенденции были общими, почему, несмотря на то, какие усилия предпринимались, не все проблемы удалось решить в девятую пятилетку. Мы еще как раз поговорили о том, что предпринималось в 9-ю пятилетку, разобрали отдельные мероприятия, посвященные тому, как с этими проблемами пытались справиться, поэтому сегодня я не буду очерчивать уже эту общую рамку. Мы поговорим о том новом, что появилось в 10-11 пятилетках. Я напоминаю, что 10-ая пятилетка – это 76-80-ый, а 11-ая – это 81-85-ый. Специально для тех, кто будет смотреть мой рассказ в записи: вы смотрите вторую часть. И скорее всего, вторая часть без первой будет не очень понятной.

Особенности этапа одной фразой можно охарактеризовать следующим образом: для полной реализации научно-технической революции требуется в полтора раза средств больше, чем есть на самом деле. Мы говорили о том, что общий объем выполняемых программ превосходил возможности экономики, но, в силу ряда причин, не удалось найти «крайнего» - от чего можно было бы отказаться. А сейчас мы с вами будем видеть по следующим слайдам, что в 10 и 11 пятилетки есть 2 тенденции. Одна тенденция, которая стремится повысить комплексность планирования, «уровень планомерности», взять под контроль происходящие процессы. А другая тенденция – прямо противоположная: собственные интересы ставятся «во главу угла», а вся остальная экономика воспринимается как ресурсная. По воспоминаниям плановиков и тем обобщающим книгам, которые мне удалось найти, каких-то больших планов в плане «изменения структуры» в десятую пятилетку не закладывалось. С невыполнением плана 9-ой пятилетки руководство приняло решение о таких достаточно консервативных пропорциях: если в 9-ой пятилетке мы говорили о таких специфических мероприятиях, как задание по росту производительности труда, создании производственных объединений, разных попытках ускорить освоение вновь введенных заводов, в том числе, привлекая рабочих заводов, чтобы помочь строителям, то в 10- пятилетке вот эта попытка как-то повысить комплексность строек вышла на новый уровень. Несмотря на то, что словосочетание «комплексные программы» появилось году в 69, их расцвет – это как раз 10-я пятилетка, когда комплексные программы стали восприниматься тем средством, которое может помочь с несопряженностью вводов и с оживлением НТП, по данным, которые мне удалось найти, было разработано двести комплексных программ, которые предполагали выполнение около 6 тысяч различных заданий. Но мне кажется, что здесь основная проблема – в другую крайность уперлись: двести – это очень много. Если у вас есть двести важных целей, то, в принципе, это значит, что ни одна цель не важна. И, конечно, если говорить о каких-то знаковых событиях, то это продолжение освоения западносибирских месторождений и строительство БАМа. Если в 9-ую пятилетку

Анчишкин предлагал немного снизить темпы машиностроения, чтобы повысить уровень технической обеспеченности строительства, активнее достраивать то, что мы начали строить, то в 10-ой, наоборот, на машиностроение был сделан основной упор. Было выпущено несколько постановлений о дальнейшем развитии машиностроения и здесь тоже реализовывался подход комплексных программ, которые должны были обеспечить не создание отдельных механизмов, а именно систем машин, которые должны были давать серьезный результат. Мы говорили о проблемах, связанных с научно-техническим прогрессом финансирования, научно-техническим прогрессом внедрения. Они никуда не делись. Так что, эти мероприятия связаны больше с планированием, с увязкой на более высоком уровне важных вопросов, потому что, повторюсь, в 9-ую пятилетку были ситуации, когда была разработана какая-то новинка, но в план забыли внести средства на ее освоение. И новинка ждет, пока эти средства будут внесены при очередной корректировке. В 76-м году прошло первое 2-стороннее совещание по применению вычислительной техники между США и СССР. И мы немного начали говорить о создании автоматизированных системы в планировании. Главная из них, на мой взгляд – это АСПР – автоматизированная система расчетов Госплана. В 76-м году она, в общих чертах, была готова. Мне не удалось найти какого-то одного акта о ее вводе в эксплуатацию, потому что она вводилась по подсистемам. То есть, разные части Госплана потихонечку оцифровывались, это воспринималось как сильная сторона АСПР – то, что она может вводиться частями по мере готовности. Ну и одновременно плановики привыкают. Собственно, для привыкания плановиков и других лиц, принимающих решения, в 77-м году была создана Академия народного хозяйства, которая сейчас РАНХиГС, после всех административных изменений. Туда приглашали не студентов, а крупных хозяйственных руководителей для того, чтобы их обучать работать по-новому. Им преподавали те же самые экономико-математические методы, им рассказывали про АСПР и то, что не надо бояться, компьютер вас не заменит, пытались как-то распространять новые управленческие практики. В 78-м году вышло постановление ЦК «Об улучшении работы Госплана», в котором закреплялось активное использование прогнозов. Это была констатация факта, потому что прогнозы уже использовались к тому времени лет десять как. Внедрение программного разреза в долгосрочном контексте. Усиление роли регионального планирования. Совершенствование нормативной базы. В 81-м году была принята новая нормативная структура Госплана. Основными изменениями стало создание межотраслевых комплексных подразделений, которые должны были преодолеть ведомственную разобщенность. Была создана комиссия по вопросам развития Западной Сибири как наиболее приоритетного направления хозяйственной деятельности, добавлен отдел социального развития, до 81-го года в Госплане отдела, который занимается социальным развитием, специально не было. И сводный отдел был разделен на 2: текущих планов и перспективных. Мы сейчас немного об этом поговорим. Здесь слайды, которые я взял частично из лекции о своих принципах планирования (третьей части), но там материал более широкий. Если кого-то интересует конкретно планирование, то вот, адресую к 3-ей части лекции о принципах планирования. Собственно, зачем были нужны прогнозы? С того момента, когда серьезное целевое видение, куда нам дальше развиваться, исчезло. Это – пока моя

гипотеза, поэтому с ней можно спорить, но пока примем это как некую объяснительную концепцию. С того момента, когда исчезло конкретное понимание, что вот этим надо сказать, что «ты делай то», а «ты делай се», порядок составления планов на уровне целей стал, своего рода, обратным. Здесь представлены принципы планирования, они сейчас частично сохранились в бюджетном процессе, немножко современные госпрограммы пытаются это преодолеть, но сам подход, когда исполнители подают отчеты, наверху их сводят, доводят исполнителям лимиты – 1-ый контур, на основании этих лимитов исполнители говорят, что они за эти лимиты (а лимиты – это лимиты финансирования. А в СССР – лимиты материальных ресурсов), могут сделать, потом это сводится – и до них доводится уже план, который директивный, который закон. То есть, сначала исполнители что-то предлагают, потом им говорят, сколько на это выделяют ресурсов, потом эти исполнители говорят, что на это смогут сделать. Прогноз должен был преодолеть эту ситуацию, когда специально обученные люди в ЦЭМИ, потом был создан специальный институт народно-хозяйственного прогнозирования. Вообще прогнозы составляются так: мы анализируем информацию, составляем некий прогноз, что нам нравится – не нравится, и у нас уже есть какие-то предцели, с которыми мы можем с исполнителями говорить, допустим: «Ты – молодец, работай на полную, а ты можешь на реконструкцию закрыться, потому что твоей продукции хватает». Вот 78-й год – практика прогнозирования получила официальное одобрение. Весь этот период развивались комплексные целевые программы. Я здесь представляю программу, которая, на мой взгляд, является главной, комплексную программу научно-технического прогресса. Она развивалась с 1966 года, 1966 – первые доклады Анчишкина – 68-ой, организационно оформилось в начале 70-х, в 74-м вышел первый вариант. Проблема была в том, что эту программу не удалось встроить в плановый процесс. Были годовые планы, были пятилетки, сбоку немного болталась эта комплексная программа, которая, по идее, должна была быть руководящими указаниями для составления 5-летних планов. Но руководящими указаниями она стать так и не смогла. Я немного рассказывал грустную историю Анчишкина, который перешел в Госплан, в тот самый отдел перспективного планирования, попытался там что-то сделать, после этого быстро умер. Идея была в том, что нужно проанализировать тенденции развития за предыдущие 20 лет. Поскольку там не всегда приятная статистика, то тома эти ДСПшные – я сам смог найти в интернете, и вы сможете часть найти, тем не менее, для широкой общественности она пока не доступна, а из таких академических исследователей, по-моему, с ней никто не работал. С другой стороны, не просто расскажите, какие у вас есть идеи, а то, каким образом они могут помочь народному хозяйству. Предполагается, что с помощью этих идей можно понять, что мы можем сделать в плане научно-технического прогресса в будущие годы. Как-то их соотносим с нашими проблемами. Из того объема идей, которые предлагают межотраслевые институты, мы выбираем, что же мы можем использовать для решения тех проблем, которые мы выявили, проанализировав тенденции развития предыдущих 20 лет. На уровне идеи это выглядит, на мой взгляд, здраво, вот этот синтез – он достаточно интересен. Но, к сожалению, сделать так, чтобы Госплан руководствовался этой программой при составлении 5-летних планов, не удалось. И, забегая вперед, мне кажется, что сейчас аналогичная ситуация со

стратегиями и программами. Если читать закон о стратегическом планировании, то у нас верхний уровень – это стратегия. А деньги дают на программы. Программы – это средний уровень. И, поскольку деньги дают на программы, то программы как бы подминают под себя стратегию. Повторюсь: подробно была отдельная лекция под это дело. Это – структура Госплана без изменений. Мы видим, что есть отделы, ответственные за части плана, причем за каждым отделом стоит свое министерство. Есть сводный отдел, который, вроде как, над ними главный. И, по сути, у каждого из отделов есть свой лоббист. Получается, что «за всех сразу» думает один только сводный отдел. Сводный отдел Госплана все годы существования подвергался страшному лоббистскому давлению. Надо понимать, что там люди не железные. Если нет партийной поддержки должной, то этому давлению сложно противостоять. Изменилось, вот, как я говорю, появились отраслевые сводные управления для того, чтоб можно было какие-то межотраслевые проекты реализовывать, чтобы преодолеть эту межведомственную разобщенность. Я напоминаю, что Хрущев пытался бороться с ведомственной разобщенностью уничтожением всей отраслевой структуры. Получилось плохо. Но проблема никуда не делась. Появился вот отдел социального развития, и сводный отдел разделили на две части. Здесь надо понимать, что трагедия заключалась в том, что все отделы, которые занимались ресурсами, они оказались подчинены сводному отделу, хотя он стал называться «текущего планирования», то есть вот под сводным отделом – под ним все, а отдел перспективного планирования – он как бы в воздухе «висит». И, если идти и торговаться – а к тому времени в Госплане надо было идти и торговаться, не просто, чтобы «давайте ресурсы сюда направим», а «давайте направим сюда ресурсы, и что нам за это будет?» К сожалению, материала для «торга» у Анчишкина не было. Сборник есть, вышедший к его юбилею на экономфаке ГУУ сто лет назад – я вас всех призываю его почитать, потому что, мне кажется, он был неплохим человеком, неплохим ученым.

АСПР. Первый комплекс, первая очередь стала работать в середине 70-х годов, в 78-м году было принято задание на проектирование второй очереди АСПР. АСПР частично выполняла задачи прямой обработки данных. Прямая обработка данных – это то, что сейчас делают в Excel. Нам присылают заявки на ресурсы, мы можем их складывать на счетах, а можем сделать так, чтоб нам компьютер подбил балансы, мы сразу увидим, кто у нас сколько ресурсов просит, может, что-то быстро прикинуть, для кого хватает – не хватает, и что у нас, в целом, делается. 30 процентов должны были занимать балансовые оптимизационные задачи. Доля непосредственно оптимизационных задач была еще меньше. Я чуть попозже скажу вам причины этой ситуации. То есть, это был не совсем полноценный ОГАС, к сожалению, не система, которая все «видит, понимает, принимает оптимальные решения». Но она была полезной. Частично об этом свидетельствует то, что ее 20 лет развивали. В воспоминаниях пишут о том, что она позволяла сформировать некий модельный бюджет. То есть, мы вспоминаем по этим заявкам, как идет процесс планирования. На этапе, когда там шли предложения, можно было сформировать некий баланс. Если в Госплан ехали представители министерств, республик, кого угодно, чтобы вышибать больше лимитов, то Госплан мог показать огромный том распечаток и сказать, что «у нас есть свое

понимание, и нам кажется, что вы просите слишком много». То есть, это был инструмент, который позволял Госплану противостоять этому давлению, что «давайте вы ресурсов нам дадите побольше, а спрашивать с нас будете поменьше». На бумаге ЭВМ внедрялась достаточно бодро. Здесь представлены графики внедрения автоматизированных систем. Видно, что идет большой рост по пятилетке, но если смотреть структуру, большинство – это системы управления технологическими процессами и системы предприятий, либо вот организаций. Мы практически не видим - здесь вот совсем маленькие столбики, министерства и системы, которые, вроде бы, системы верхнего уровня, но они как-то на общем фоне особого вклада не вносят. То есть, получилось, что вот эта вот большая часть стремлений к автоматизации, она выразилась в создании автоматизированных систем низового уровня, которые помогали там как-то улучшать эти процессы, но в меньшей степени помогали при принятии экономических решений. И вот здесь начинаются те самые слайды с текстом, за которые я заранее извинялся, потому что прямая речь поможет нам понять, что не так с этой идеей. Это – Вычислительный центр Госнаба, потому что, как я сказал, каждая контора стремилась «отрастить» свой вычислительный центр, чтоб ни с кем не делиться. Вычислительный центр обрабатывал заявки, но, когда они доходили до главка, они уже были не нужны. Меняли картину, что терялась вся реалистичность информации. Но весь секрет был еще не в этом. Работники отделов, занимавшиеся распределением продукции, были не заинтересованы в том, чтобы афишировать «кухню» своей работы. Они, распределяя продукцию, не могли не дать ее на основные производства. Но «в заначке» оставалось процентов тридцать, они придерживались плана в своих рабочих тетрадах, а дальше все было просто. В Москву отправлялись «ходоки» с портфелями. В портфелях были презенты, с помощью которых они выколачивали то, что для завода было нужно «очень-очень». А счастье было в руках тех специалистов главка, которые распределяли эту дефицитную продукцию. Но это было тайной, к которой не допускался никто, тем более, какой-то там вычислительный центр, который хотел все знать. Уже конкретно про АСПР, про то, почему там была такая невысокая доля оптимизационных расчетов. Расчеты, которые удалось провести, показывали, что экономия ресурсов за счет оптимизации может достигать 20 процентов. На 11 пятилетку было предложено встроить 20 процентов экономии посредством пропорции плана. Я напоминаю, чтоб был подход довольно долго такого «ценового пресса», ставился план по снижению себестоимости, там было важно не переборщить. Если говоришь снизить себестоимость прям сильно, для этого нет технической основы, то ты просто гробишь производство. А если не давать задания вовсе, то ее и не будут снижать. В общем, посчитали, что 20 процентов экономии, разработали формы к основным направлениям 5-летнего плана и разослали до министерств, которые, в свою очередь, довели до предприятий. А дальше – главный абзац всего вот этого большого текста. От абсолютного большинства министерств не было получено ни результатов расчетов, ни материалов для них. По всем традиционным показателям министерства представили данные, по блоку оптимизации – нет. Поэтому 11-ый пятилетний план был составлен при значительно более высоком уровне автоматизации плановых расчетов, но без их оптимизации. Если что, это – цитата из воспоминаний Олега Юня, там огромный талмуд, который писался вообще по

другому поводу, но в середине человека пробило на мемуары, там 500-какая-то страница: предыдущие 400 можно не читать, а вот с 500-ой - советую, потому что там важные вещи человек пишет. С Госпланом закончили. Повышение комплексности, использование прогнозов и комплексных программ, изменение структуры, межотраслевые «спайки», которые должны были помочь министерствам договариваться. Одновременно развивался территориальный разрез планирования. Это – схема замещения производительных сил. Если вот в плане АСПР главный человек – Николай Николаевич Лебединский, за ним потом пойдет Безруков, то вот в плане размещения производительных сил это – Николай Николаевич Некрасов, он долгое время работал в СОПС – Совете по организации производительных сил, которые созданы в 16-м году еще Вернадским для изучения богатств нашей необъятной Родины, которые очень хорошо вписались в концепт плановой экономики. Идея возникла еще в 1962 году, а в 77-м была представлена генеральная схема размещения производительных сил на 76-ой-90 годы. Мы можем видеть, что здесь, как с пятилетками – пятилетка уже началась, а мы составляем ее план – так и здесь – план на 76-ой год, готовый в 77-ом. СОПС находился «под Госпланом». В Госплане, понятное дело, были свои специалисты, которые занимаются территориальным планированием, кто-то с кем-то что-то не поделил. В 76-м году произошел конфликт. Я о нем знаю, потому что в личном фонде Некрасова остались записки, в которых он вообще предлагал вывести СОПС из-под Госплана в систему Академии наук. Дело кончилось тем, что СОПС остался, где был, а выгнали Некрасова, к сожалению, но эта работа над территориальным «разрезом» вылилась в территориально-производственные комплексы. С незапамятных времен каждые несколько лет появляются модные слова в системе государственного управления. Вот модными словами десятой пятилетки стали «комплексные программы» и «территориально-производственные комплексы». Я здесь взял картинку из советской книжки, раскрасил ее немного для того, чтобы с вами разобраться, что же это были за комплексы. Поскольку лекция обзорная, я не могу сказать, что глубоко погрузился в эту тему. Синим обозначен Тимано-Печорский территориально-производственный комплекс, который, понятно, ориентирован на добычу нефти, газа, угля, леса, бокситовых руд и других полезных ископаемых. Вот здесь светится маленький комплекс Курской магнитной аномалии, которая нам «светит» еще с довоенных времен и неплохо себя чувствует и дальше. Почему мы говорим о том, что это теперь комплекс, а не просто завод? Потому что там же есть причерноземье – хорошая основа для возделывания сельскохозяйственных культур. И здесь у меня вопрос, потому что я не понимаю, как связать металлургическое производство и возделывание сельскохозяйственных культур, значит, стали называть это комплексом. Самый большой кусок карты – это Западносибирский территориально-производственный комплекс, я так понимаю, что это просто объединили все места, где, уже точно знали, есть нефть и газ. Рядом есть Братско-Усть-Илимский ТПК, он действительно комплекс, потому что там есть, как минимум, связка – электроэнергия + алюминиевые заводы. А, когда у вас есть электроэнергия и алюминиевые заводы, понятное дело, что вы можете делать что-то полезное: ложки алюминиевые или самолеты. Заодно там можно развивать лесную, деревообрабатывающую, целлюлозно-бумажную промышленность, поэтому,

насчет Братско-Усть-Илимского комплекса у меня проблем меньше. Южно-Якутский территориальный комплекс в период создания книжки – в 82 году – только формировался. Тогда строился БАМ. Там находятся запасы железной руды и коксующегося угля. Это позволяло создать там еще одну металлургическую базу и продолжить движение на восток, которое у нас, в нашей стране, в течение всего 20 века происходило и пытается происходить до сих пор. Саянский ТПК – понятно, у него в центре – Саяно-Шушенская ГЭС, дешевая электроэнергия, рядом – Саяногорск с алюминиевым заводом, опять-таки, когда у вас есть дешевая энергия и дешевый металл, вы из них можете делать много всего полезного. К тому же, там есть огромная стройка, из нее вырос строительный комплекс и, чтоб добро не пропадало, вот эти строительные мощности можно было куда-то использовать. Ну, собственно, их и начинали куда-то использовать. Павлодар-Экибастусский комплекс основан, преимущественно, на каменных и бурых углях, медной и полиметаллической руде. Мы снова видим, что это – направленность на добычу ресурсов. Добычу ресурсов и энергоресурсов мы в прошлую встречу обсуждали, говорили о том, что, к сожалению, в силу ряда причин росла, в том числе, энергоемкость экономики, поскольку эти причины были фундаментальными, сделать с ними ничего не удалось, надо было развивать все это дело, а это дело «отъедало» значительную долю ресурсов, которые можно было куда-нибудь еще распределить.

В 83-м году была представлена «узкой общественности» третья по счету комплексная программа научно-технического прогресса, которая как раз анализировала эту ненормальную ситуацию, что нужно больше металла и энергии, чтобы их больше добывать, нам надо больше капиталовложений вкладывать в Сибирь, Дальний Восток, Казахстан, куда-то далеко, у нас остается меньше сил на реорганизацию производства, за счет которой мы могли бы получить снижение потребностей на эту самую электроэнергию. И там как раз очень большие надежды возлагались на развитие атомной промышленности. Тогда как раз началось активное строительство Волгодонска, который строили как город, который мог эти комплексы для АЭС «конвейером штамповать», ровно для того, чтобы из этого «порочного круга» выйти. Это мы снова говорим о том, что не надо думать о том, что «мы такие умные, а они такие глупые», то есть, все эти проблемы прекрасно виделись и анализировались. Идея «понастроить атомных электростанций и выйти из порочного круга» прекратила свое существование, по-моему, 26 апреля 1986 года, одновременно «похоронив в незавершенке» огромное количество этих атомных электростанций. Здесь помечен КАТЭК – Катско-Ачинский комплекс, который тоже угольный, главным образом – уголь и электричество. И у меня помечен некий Южно-Таджикский ТПК, который начал складываться в 9 пятилетке, опять же, там есть Нурекская ГЭС, рядом был построен алюминиевый завод, нефтехимический комбинат, азотно-туковый завод, много всего еще. Таджикистан должен был расцвести, к сожалению, не получилось. Но, в общем, мы по этим комплексам видим: либо это – сцепка дешевой электроэнергии + запасы ресурсов, которые можно с помощью этой энергии эксплуатировать, и тогда я понимаю, что это – комплекс-комплекс, либо это просто какие-то районы добычи сырья, и вот здесь у меня сомнения – насколько их оправданно было называть комплексами. Но «из песни слов не выкинешь».

Прекрасно. В Госплане все поняли и что-то поменяли. В территориальном плане тоже есть подвижки. СОПС работает и комплексные программы приняты. В чем проблема? Основная проблем заключалась в том, что вот эти прекрасные мероприятия, по большому счету, некому было реализовывать. Проблема не в том даже, что мы сильно напортачили с изменением структуры Госплана, а с тем, что это изменение ни к чему не ведет. Дальше у меня есть несколько примеров, первый из них, наверное, наиболее провокативный, потому что у нас, по-моему, вчера или позавчера было 30 лет полета. В 76-м году была закрыта советская лунная программа. Луноход-3 (Луна-25) остался на Земле, и встал вопрос: что, собственно, делать с теми десятками ведомств, которые программу обеспечивали. И по стечению обстоятельств, в том же 76-м году было принято решение начать программу «Буран», которая разрабатывалась 12 лет, было построено 14 космических кораблей, не все министерств и ведомств, более 1000 предприятий и более миллиона человек. Было удобно смотреть все данные, потому что, в связи с тем, что был юбилей, много всего вышло, и было удобно показывать: «Смотрите, у нас миллион человек работал 12 лет над космическим кораблем, который слетал один раз». И здесь важно было даже не то, что он слетал один раз, потому что это был 88 год, и все можно было списать на перестройку и общий развал, а в том, что лично меня не устраивает ни одно из объяснений, зачем его вообще делали. Объяснение, что «американцы что-то строят, давайте мы тоже что-то такое сделаем» - ну, совсем «обезьянничанье». Объяснение, что «американцы будут наши спутники воровать, давайте воровать их» - то же самое. От разных людей и из разных мемуаров основной целью программы было сохранить налаженную кооперацию. Закрывается лунная программа – и большое количество ведомств остается без заказа. И вот у нас идея: давайте сделаем 14 кораблей, потому что под каждый мы комплекс испытаний будем делать отдельный, давайте мы сделаем самый большой самолет в мире под это дело – но с экономической точки зрения это выглядит нерациональным решением. Это – хороший, на мой взгляд, пример, что кооперация крупных министерств, особенно в военной или космической отрасли, уже начинает планировать программы «сама под себя». То есть, в принципе, уже Госплан не нужен и Политбюро уже не нужно. Нужно самим программу выполнить и самим перед собой за нее отчитаться, а остальная экономика начинает восприниматься ими как некое ресурсное поле, специалисты, материалы – что угодно.

Вторая похожая история – с ракетами средней дальности СС-20. Они в 76-м году были приняты на вооружение. Я напоминаю, что 75-ый год – это Хельсинские соглашения, пик «разрядки». Мы только-только со всеми договорились, Брежнев весь первый период своего пребывания на посту Генсека, пока он был активным, старался снизить международную напряженность – почти получилось. А на следующий год мы обновляем системы средней дальности, которые до Америки не долетят, а до Европы – очень даже. И европейцы беспокоятся, они спрашивают: а кого вы собрались уничтожить. Наши на эту тему ничего хорошего не отвечают. В общем, идея «разрядки» «накрывается медным тазом». Американцы отвечают «Томагавками» и «Першингом», и вот эта система гонки вооружений, уже тогда крайне тяжелая для нас, она заходит на второй круг. И есть воспоминания какого-то немецкого канцлера, который потом спрашивал

Горбачева, зачем вы это сделали? Чего хотели? И Горбачев отвечает (по словам канцлера): «Брежнев с военными это сделали. Никого не спросили». То есть, военные создали новую ракету. Новую ракету надо куда-то приложить. А дальше мы как бы решаем, что мы будем ее ставить, а дальнейшее нас не волнует. Мы создали хорошую базу для нашей ракетостроительной промышленности. К сожалению, понятно, что у военного комплекса было просто больше ресурсов этим заниматься, но не надо думать, что этим не злоупотребляли другие, потому что тот же самый конец 70-х – это вот пример, думаю, их можно найти в любой отрасли, но этот я знаю, потому что по работе немножко разбирались. Это – начало реализации Великой Лихтеровозной Идеи, как ее иронично называют в ряде материалов. Лихтеровоз – это контейнеровоз, который предназначен для перевозки плавучих несамоходных судов или барж – лихтеров. При том, что, допустим, по какому-нибудь Дунаю они сплавляются как плоты, сами, или их какой-нибудь маленький буксирчик тянет, а в море их встречает огромное судно, подъемником грузят – и пошло. Если вы, допустим, хотите торговать между Венгрией и Индией, то это удобно, потому что вы сплавляете по рекам контейнеры, большим океанским судном везете их до какой-либо страны, где тоже есть большие реки, там их выгружаете прямо в море и опять-таки буксир их вверх по течению тащит. Я находил информацию, что эти контейнеровозы неплохо работают, допустим, между западным и восточным побережьем США, где можно по Миссисипи что-то сплавить, потом по океану обплыть Соединенные Штаты и затащить назад. У нас решили, что различные темы для развития Севморпути, и под это дело разработали атомный лихтеровоз, который построили в одном экземпляре. Его в 90-е почти «распилили на иголки», потом он какое-то время стоял в затоне, потом его долго восстанавливали, сейчас, как я понимаю, он используется Минобороны для доставки грузов на те базы, которые надо восстанавливать. Но, в общем, дело в том, что на это потрачено было 10 лет. Свою основную функцию он выполнять не смог. Его сейчас используют как просто контейнеровоз, потому что, в силу ряда конструктивных особенностей, для лихтеровоза нужны одни очертания корпуса, а для того, чтобы колоть льды – совершенно другие очертания корпуса. Это раз. А два – надеялись, что можно будет отказаться от портовой инфраструктуры на севере, потому что он такой идет, раскидывает эти лихтеры, плавает в северных морях, потом каким-нибудь маленьким корабликом их можно будет затащить в реку и поднять желающим. Но казалось, что для северного ледоходства нужны буксиры, а для них – та самая портовая инфраструктура, от которой пытались отказаться. Несмотря на наличие большого количества институтов, типа Крыловского центра или каких-то других, я уж не знаю, кто точно его строил – но все это обнаружилось постфактум. То есть, его сначала построили, потом не заработало, потом вот сказали, что «ну извините».

79-ый год ознаменовался, наверное, последним постановлением, которое пытались что-то сделать в советской экономике, оставаясь в русле плановой логики. Постановление (его иногда называли «695-ый механизм») от 12 июля 79 года. Закрепляла иерархию планов, вводя эти комплексные программы, наконец, давая им законодательное оформление: что да, действительно, это – теперь верхний уровень планирования, в принципе, что уже лет 10 пытались сделать. Наконец,

было сказано, что пятилетка – это сумма годовых планов. То есть, до 79-го года вообще не предполагалось, что сумма годовых планов дает 5-летку. Я знаю, что из западных исследователей есть Залесский, который стал известен тем, что он сказал, что, оказывается, не сходится. Он просуммировал, на этой основе стал писать, что советское планирование не работает. Долгое время этого и не предполагалось. Пятилетка была некой такой «подвижной» вещью, где у нас есть основные направления, если читать какие-то довоенные материалы про первую пятилетку, то там говорится, что у нас есть цель, мы к ней идем, будут хорошие условия – дойдем за 4 года. Будут плохие условия – дойдем за 6 лет. Но, поскольку цель определена, и мы от нее не отступаем, нам это, в общем-то, не принципиально. Здесь, поскольку ситуация поменялась – я много раз говорю о снижении проектности: если план понимать не как ведомость какую-то, а как цель, которую планируется достичь, со снижением проектности получилось, что пятилетка действительно должна быть суммой годовых, чтоб были твердые задания, чтоб предприятия знали, как кому работать. Упор на натуральные показатели и расширение системы нормативов должны были преодолеть негативные тенденции, связанные с тем, что экономические стимулы вызывают очень серьезные побочные эффекты. Если у нас нет идеальных цен, нет рынка, без идеальных цен и без рынка, благодаря которому они могли бы появиться, упор на экономические стимулы провоцирует антиобщественное поведение, а самое главное – дает множество возможностей это поведение реализовать. И планировалось, что, если мы «занормативим» каждый шаг, то мы сможем, во-первых, лучше понимать, что у предприятий есть на самом деле и у министерств, а, во-вторых, обоснованней планировать и лучше контролировать. И здесь, конечно, АСПР Госплана мыслилась, как необходимая техническая база для реализации этого постановления, потому что в эти компьютеры должны были быть загружены эти вот десятки и сотни нормативов, которые должны были в систематическом порядке контролировать, чтобы предприятие не перерасходовало там чего-то, и что оно работает так, как должно работать по каким-то нашим прикидкам. Одновременно была попытка поменять стимулы, поскольку предыдущие лет десять шла критика вала, то был возведен показатель нормативной части продукции, определенным аналогом является сейчас добавленная стоимость – там это была добавленная стоимость именно живого труда. Поскольку к тому времени уже поняли, что план по валу стимулирует только повышение себестоимости, то решили: давайте мы будем смотреть только по той части, которую вы добавили сами, за вычетом ресурсов – материалов, сырья. Разумеется, что, если раньше это стимулировало рост себестоимости, то, как только ввели нормативную продукцию, стал стимулироваться рост трудоемкости, ну, потому что, если вас оценивают по тому, сколько вы труда вложили, то вам выгодно, чтобы рубашка у вас была с 10 карманами, все эти карманы были пришиты ручным швом. Опять-таки, я сейчас немного утрирую, меня в интернете уже поругали за грубые примеры, но мне важно, чтоб вы понимали общий принцип, потому что «тонкие примеры» - это практика жизни, думаю, что в мемуарах их можно найти много ситуаций, как можно было обмануть этот показатель, опять-таки, сделав не то, что в него вкладывали эти люди, которые его продвигали. И это – очередная попытка как-то повысить дисциплину плановых поставок не просто «плоха сама по себе», она мешает нам развивать

специализацию и кооперирование, потому что все боятся договариваться и стараются иметь все подсобные производства внутри своего предприятия, министерства – в зависимости от того, какой уровень мы рассматриваем. В общем, еще раз сказали, что у нас главный показатель – выполнение плана поставок по продукции и ассортименту, в соответствии с договорами. Система документов стратегического планирования по этому постановлению выглядела вот так: у нас есть комплексная программа, как сказал, так она работает, есть какие-то целевые программы, есть долговременные программы КПСС – те самые, на уровне идей, есть схемы перспективного территориального развития, для того, чтоб понять, как наши идеи раскладываются на местности. На основе этого мы формируем основные направления на 15 лет вперед. На их основе делаем пятилетний план, на их основе – текущие годовые планы, причем, сумма текущих планов равна пятилетнему. К сожалению, эта схема никогда не заработала в реальности, основная проблема этого «механизма 695» была не в том, что внутри были какие-то противоречия, либо чего-то не учли, а основные проблемы были в том, что его особо и не пытались выполнить. Об этом пишут разные люди, вот здесь – и Валовой, и Ясин, это я цитирую, по-моему, Ханина, который там, в свою очередь, цитирует огромное количество мемуарных источников. Фактически, эта нормативная «чистая» продукция так осталась расчетным показателем, но, поскольку я объяснил, как его можно было «обманывать», он просто нарушался. Здесь у меня синим выделено слово «долгосрочных». Это действительно важно, потому что идея была в том, что мы устанавливаем правила игры, потом их не меняем, чтобы каждое предприятие могло выстроить свою долгосрочную стратегию. А если мы меняем правила игры, как нам хочется, то предприятия отвечают сокрытием резервов и прочими нехорошими вещами. Вот эта долгосрочность – внедрить ее не удалось. Последним пунктом – рассказ про то, как дело шло с нормативами: идея все «онормативить». На коллегии Госплана выступил директор научного института Госснаба и доложил, что за пять лет – с 79 по 84, когда он выступал – удалось составить несколько тысяч норм. А в стране выпускалось 25 млн видов продукции, на большинство идет не один вид материалов. То есть, идея «онормативить» все натолкнулась на очень жесткий предел, причем, поскольку эти нормативы (по-хорошему) должны быть еще осмыслены, то, на мой взгляд, должна была не машинная, а человеко-машинная операция все это составлять, и вот какими ресурсами все это можно было выполнить, мне очень непонятно, особенно по тому уровню развития техники. Есть опять-таки мемуары людей, которые этим занимались, и они в открытую пишут, что, поскольку эти нормативы выпускались «пачками», то, в принципе, было довольно много возможностей заложить туда то, что нужно тебе, потому что – откуда то же министерство, тот же самый Госснаб знает, сколько нужно тебе на конкретном предприятии? Он запрашивает само это предприятие, предприятие дает конкретные предложения, если возразить нечего, то эти предложения утверждают. Понятно, что, наверное, каких-то «блох» ловили, но явно не всех. В этом смысле, нельзя сказать, что люди, которые не собирались выполнять это 695-ое постановление, были прям уж совсем «идейные вредители», потому что, серьезно: идея понятна, абстрактно – это, наверное, шаг в правильном направлении, так как мы строим плановую экономику, но как это на практике реализовать, неясно вообще. Побочный эффект – с 79-го года идет карикатурный образ

советского планирования: пытаются «запланировать все «до гайки», ничего не получается. Это был такой фрактал, который раскладывался: мы вам спускаем лимиты, что вы должны на них сделать, а дальше крутитесь, как хотите, что уже совершенно не оптимально, но уже как-то работало. То сейчас мы получаем попытку уследить за всем вообще, которая (закономерно) проваливается. Как результат всего вышесказанного, мне, наверное, из всех разделов сегодняшней лекции, легче всего рассказывать про структурные сдвиги, потому что их особо не было. Мы здесь видим два «блина» - один на 70-ый год, другой – на 81, видно, что, даже если особо не вчитываться, то особо ничего не поменялось. Если мы смотрим на соотношение групп А и Б, то мы наблюдаем тут такой рост, потом какие-то колебания – после того, как войну выиграли, потом снова рост, а дальше – столбики вообще до степени неразличимости. После того, как мы попытались в 9-ую пятилетку группу Б ускоренными темпами развить – у нас не получилось, то решили, что «работает – не трогай». Одновременно с тем, поскольку у нас ничего хорошего не происходит со сроками строительства и со стоимостью строительства, когда у нас идет ситуация, когда мы думали, что нам 100 рублей на завод хватит, а сто рублей хватило на треть завода, и теперь у нас растет средний возраст основных средств, потому что мы не успеваем их заменять. А раз у нас растет средний возраст основных средств, у нас растут затраты на ремонт, и они доходят до совершенно астрономических значений. Вот здесь написано, что затраты на капремонт составляют 50 процентов от стоимости выпуска новых орудий труда. Ремонт занимается 8 млн человек, столько же, сколько машиностроением. Ремонт некоторых машин составляет 80 процентов от стоимости закупки новой техники. Ну, то есть, в пределе – это ситуация, когда техника ломается с той же скоростью, что мы ее чиним. Последствиями описанной выше ситуации, когда мы принимаем хорошие решения в плане того, как нам совершенствовать планирование, может быть, не очень хорошие, но самое главное – мы принимаем решения, но не можем их выполнить. Устанавливается общий скептицизм в отношении планирования как такового и все более настойчивые обращения научного сообщества того времени к идеям рынка. Собственно, это видно уже по 11 пятилетке. Потому что 79-ый год – мы приняли такое постановление, что «нормативы-нормативы», сейчас у нас все будет по плану, а 81 – снова мы принимаем постановление об усилении работы по рациональному использованию, как мы можем себя заставить рационально использовать ресурсы? В фонды экономического стимулирования теперь будут отчисляться какие-то доли от использования экономии. Министерством утверждаются стабильные нормативы отчислений от прибыли их предприятий. То есть, министерство уже окончательно воспринимается как некий такой «холдинг», под которым есть его «поляна», чтобы министерство делилось, надо дать ему стабильный норматив и сказать: «Если ты нам столько принесешь, то остальное, так и быть – мы с тебя больше не возьмем». И, если мы вспоминаем эту ситуацию, когда министерство может себе что-то запроектировать, само построить и само – выполнить, то это выглядит не так глупо. Вводится план заводу. Повышены взносы на социальное страхование, чтобы заставить сокращать лишнюю рабсилу. Введены меры, что по некачественной продукции – скидка с цены, а если ее продолжают производить – скидка с цены в размере ста процентов прибыли. То есть, фактически мы видим, что эти меры – они идут в русле того, что мы

сейчас создадим какие-то правила игры, министерства, которые работают фактически как хозяйствующие субъекты – вот мы с ними договоримся, что вот это – вам, а вот это – в бюджет. И здесь важно отметить, что на период начала 80-х основной игрок, с которым мы договариваемся – это министерства. Поэтому когда у нас в перестройку главным игроком попытаются сделать предприятия, возникнет достаточно жесткое противостояние министерств и предприятий, будут много говорить о «министерском диктате», потому что, с точки зрения министерства, это вот был филиал, а теперь филиал хочет стать самостоятельным, и еще лучше, что филиалы договаривались через меня, а теперь филиал через мою голову какие-то договора с третьими лицами подписывает. Перед тем, как мы перейдем к Андропову, важно сказать про сельское хозяйство. Важную рамку я очертил в конце прошлой лекции, заключалась она в том, что на сельское хозяйство росли дотации, связанные с тем, что техника сельскохозяйственная и все ресурсы росли в цене, а стоимость продуктов питания была «заморожена» для сохранения «негласного договора» с населением. В 82-м году, в мае была принята продовольственная программа, в соответствии с которой планировалось создание агропрома – то есть, такого суперведомства, которое будет заниматься всем сельским хозяйством плюс пищевой промышленностью. Кроме того, еще вот обеспечивать научный подход в плане зональных систем земледелия. В СССР удалось создать индустриальную, хорошо работающую, высокопроизводительную отрасль птицеводства. В плане птицеводства – были совершенно промышленные птицефабрики, с инкубаторами, с закрытым полным циклом, которые обеспечивали страну куриным мясом и яйцами. К сожалению, аналогичного уровня индустриализации, допустим, в животноводстве достичь не удалось, хотя были вполне себе развитые комплексы с промышленной дойкой, где там за коровами следили, были научно разработанные нормативы по поводу того, что с коровой в течение жизни должно происходить, но вот в других направлениях сельского хозяйства и пищевой промышленности должного размаха не удалось достичь. Одновременно с тем в следующем году (уже был Андропов), он говорит, что личные подсобные хозяйства – это неплохо, они нам тоже помогают решать продовольственную проблему. Это действительно неплохо, но мы здесь видим совершенно прагматический подход. У нас здесь не какая-то система мероприятий научно разработанная, а мы начинаем любые идеи, которые, как нам кажется, могут помочь, начинаем их кидать. То есть, агропромы – хорошо, подсобные хозяйства – тоже хорошо. И 83 год – у нас новая идея. Если раньше у нас были дотации, потому что была разница между закупочными ценами на сельхозпродукцию и отпускными ценами в магазине, нам надо было покрывать ее из госбюджета, то теперь мы не можем «обуздать» рост цен в отрасли сельскохозяйственного машиностроения, мы не можем заставить эти заводы, чтобы они «заморозили» стоимость комбайнов, но мы теперь говорим, что давайте тем хозяйствам, которые покупают эту технику, будем давать дотацию. То есть, мы теперь из госбюджета дотируем не только сельское хозяйство, но и рост цен в сельскохозяйственном машиностроении.

На этой волне на фоне очередного обострения международной напряженности, доставшейся от Брежнева – войны в Афганистане, очередного витка гонки вооружений – к власти приходит Андропов. Период Андропова изучать проще, потому что он короче. В 82-м году в ноябре на 1-вом

пленуме, где он был главой, Андропов говорит, что «первым делом – дисциплина и порядок», в принципе, по предыдущим слайдам это понятно, потому что, если вы не можете обеспечить реализацию того, что вы приняли, то вам не имеет смысла что-то еще принимать. Если слушать его выступление целиком, то он несколько раз повторяет: «Я не хочу, чтобы было карикатурное понимание дисциплины, что дисциплина относится ко всем, это не только прогульщики, но и министры». Поэтому здесь, поскольку это запомнилось, в основном, облавами в банях – здесь Андропова или не услышали, или не захотели услышать. В плане на 83-ий год были предусмотрены «лимиты по себестоимости», выше которых «не прыгнешь». И по первым «ласточкам» - понятно, что можно было сравнить первый квартал 83-его года с 1-вым кварталом 82-го года. Действительно, там пошел некий рост производства, вызванный минимальным наведением порядка. Но понятно было, что дисциплина – это необходимо, но недостаточно. Поэтому в июне Андропов выступает с речью перед секретарями ЦК, где говорит эту знаменитую фразу про то, что «мы не знаем общество в котором живем», но вообще это была речь, в которой он говорил, что наша пропаганда не работает, нам нужна более живая, гибкая пропаганда, там нужны более адекватные способы работы с населением, нам нужно, чтобы слова вновь обрели смысл, чтобы, когда мы говорим «усилить и углубить», за этим стояло хоть что-то. Я здесь могу вас адресовать к очень влиятельной в кругах западной русистики работе Юрчака, где он выводит вообще, почему, пока Союз не рухнул, все думали, что он никогда не рухнет, а когда он рухнул, все стали говорить, что это было очевидно, и никто особо не удивился. И вот его концепт в том, что в какой-то момент эти слова потеряли свой смысл и произносились не с целью сказать то, что ты хочешь сказать, а с целью (как он это называет) «перформативной практики». То есть, важен процесс, что ты вышел и сказал нужные слова, а не то, веришь ты в них или нет, и не то, что эти важные слова когда-то давно означали. Поэтому Андропов это видел и призывал: «Давайте вы будете возвращать единство партии и народа». Опять-таки, нет возможности узнать, насколько бы это удалось, в силу кратковременности, но по части именно экономических инициатив, каких-то принципиально новых идей там не появилось. Более того, многие говорят, что переход к рынку начался при Андропове. Связано это с тем, что вышел ряд постановлений, которые расширяли права предприятий, расширение прав предприятий не тождественно рыночной экономике, но, в общем, одно в другое вполне себе может перейти. И вот здесь я хочу сказать, что, возможно, это расширение шло в пику расширению прав министерств, произошедшему ранее – это моя гипотеза просто, потому что к 80-м годам получилась система, когда министерствам, особенно крупным, уже никто особо был не указ. 17 июня – закон «О трудовых коллективах». Вводит ряд прав работников по участию в управлении делами предприятия. В августе выходит постановление «О мерах ускорения технического прогресса», о том, что необходимо снимать с производства изделия, которые не проходят аттестацию. Мы видим такую смесь – все, что на наш взгляд может помочь, мы все используем. И, конечно, в 83-ем году начинается экономический эксперимент. Корни у него «растут» с конца 70-х. Тогда «шапкой» комплексной программы начинает работать комиссия по совершенствованию планирования. И эта комиссия представляет предложения, они идут в русле тех реформ, которые в то самое время

начинает проводить Китай. Там прямо постулируется, что мы должны переходить к контролируемой рыночной экономике, в том ключе, что государство должно напрямую управлять только крупнейшими программами, рулить наиболее важными соотношениями, поддерживать общую пропорциональность, а основным драйвером работы экономик будут хозяйственные связи между предприятиями. Понятно, что там нет ни слова ни о какой «шоковой терапии». Предполагалось это делать «плавно и постепенно», но, в целом, работа этой комиссии – «китайский вариант»: плавный переход к рынку с сохранением за государством «командных высот». В то время (насколько можно судить) то, что она представила предложения – их не поддержали, это я взял из сборника «Альтернативы» 90-го года – единственного, известного мне сборника перестроечных времен, где писали, что «нет, не надо нам к рынку, а надо нам к плану», поэтому, возможно, что там немножко пристрастная интерпретация. Я говорю «пристрастная интерпретация» потому, что в 83-ем году большинство людей, которые работали в этой комиссии, начали подготовку этого эксперимента, поэтому о какой-то опале: «А что вы нам представили?», - речь не идет. Андропов летом говорит о том, что необходим решительный поворот экономической науки к практическим задачам, и выражается этот поворот в том, что выходят постановления о дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений, которая расширяет права предприятий в области фондов и усиливает зависимость зарплаты от объемов сбыта. Формируется комиссия по руководству экспериментом. В 84-85 годах он охватывает почти все отрасли. Суть – расширить права предприятий в принятии управленческих решений, конечный показатель – реализация продукции с учетом соблюдения договорных обязательств. Мы про это соблюдение видели еще в «695 механизме» и, в принципе, те же самые слова можно было бы встретить в блоке документов косыгинской реформы. Раз за разом мы говорим, что мы не справляемся, мы не можем из центра контролировать, у нас не получается поддерживать эту пропорциональность, поэтому самое главное – что зачастую предприятия страдают не по своей вине, поэтому давайте будем усиливать договорную дисциплину, наказывать «рублем», в общем, на этой основе повышать эффективность работы. Экономический эксперимент, поскольку там потом началась перестройка, что там с ним было бы дальше, если б он своим чередом шел, узнать нельзя. Первые результаты показали, что начинается то самое противостояние министерств и предприятий. Здесь у меня выдержки из журнала «Эко», по-моему, 84 года – то есть, это буквально 1 год эксперимента, там они обследовали новосибирские предприятия, выяснилось, что в области планирования министерство по-прежнему требует отчетности по всему кругу показателей, не разделяя их на директивные и расчетные, в области труда и заработной платы принцип нормативности по-прежнему не соблюдается, то есть, договориться и выполнять договоренности получается – опять же, если мы видим, что у вас много денег, мы у вас «лишние», на наш взгляд, деньги изымаем. И в области технического перевооружения самостоятельного использования фондов средств производства предприятиями не получилось достичь. Я напоминаю, что был единый Фонд науки и техники, которым заведовали министерства. Была идея, что предприятия будут конкурировать за его средства. Но вот, видимо, идея конкуренции предприятий пришла к тому, что они сами должны ее передать на более низкий

уровень, я не разбирал подробно, но уже видно, что, если у нас есть несколько звеньев, принимающих решения, то эти звенья сразу начинают драться, кто из них главный. Делать с этим не понятно, что, но один результат эксперимента сразу виден: если у нас в 81-83 годах прирост денежных средств у населения составлял 13 млрд рублей или 3,6 процента от суммы денежных доходов, то в 83-ем году он сразу «скакнул» до 18 млрд рублей, значит, 4,7 процента от суммы денежных доходов. Любая попытка развязать самостоятельность предприятий первым делом приводит к выплате «незаработанной» зарплаты. Это – первое, на что употребляют самостоятельность.

Встает вопрос: а что же Госплан, куда он смотрит? Там же есть этот сводный отдел, который один против всех, каждый мыслит свой интерес и только несколько специалистов сводного отдела бескорыстны и думают за всю страну? Госплан в 11-ой пятилетке, по тем данным, что мне удалось «добыть», решил, что называется, «играть на все деньги». По-моему, он просто «пошел вразнос». В 71-75 году у нас был прирост капвложений на 1 процент, прирост национального дохода – на полтора процента. Значит, если хотим, чтоб у нас национальный доход вырос на сто рублей, надо капвложений 150 рублей. В 76-м – 80-м годах было соотношение 1:1,38, что лучше, но не сильно. И поэтому, глядя на 2 предыдущих пятилетки, мы думаем, что в 81-85 годах у нас все поменяется, и мы закладываем, чтоб у нас национальный доход вырос на 100 рублей, нам надо капвложений не 150 рублей, а всего 58, а остальное у нас – эффективность, то самое, что плановая экономика – это очень «тонкий инструмент», очень легко «наломать дров». Вот какие были результаты предыдущего этапа – и вот какие мы из них сделали выводы. В 11-ой пятилетке в тяжелое машиностроение вкладывалось в 28 раз меньше средств, чем в отрасли, для которого оно изготовляло машины. В машиностроение для сельского хозяйства вкладывалось в 18 раз меньше средств, чем, собственно, в само сельское хозяйство, а в химическое и нефтяное – в 47 раз меньше. И когда мы говорим, что у нас балансы, балансовый метод – балансовый метод просто «идет побоку». Я не знаю причину. Раньше мы пытались поддерживать сбалансированность, а потом устали. Здесь опять прямая речь, жалуется гендиректор Иванковского станкостроительного объединения, они там придумали какие-то суперновые станки, повышенной производительности, просили им убрать из плана устаревшие станки, чтоб они выпуск станков новой модели, наконец, наладили. И им отвечали: «Хотите больше изготавливать обрабатывающих центров? Пожалуйста. Но на остальную продукцию тоже есть заявки. Если очень хотите – то сверх плана – без проблем. А осмысленное управленческое воздействие провести не хотим». Что касается потребительского рынка – в 82-м году вышло постановление ЦК и Совмина, что надо нам устанавливать практику заданий по производству ширпотреба и на рубль фонда зарплаты. Очередная попытка справиться с ростом дефицита: сейчас мы говорим: «Давайте у нас будет «сцепка» в плане, значит, насколько у нас рост зарплаты, настолько мы должны предусмотреть рост производства ширпотреба». Что, в общем, разумно. Но посмотрим, что происходит. В 83-ем году Госбанк «ябедничает» на Госплан, говорит, что Госплан как-то очень странно планирует товарные фонды: по нашим расчетам, зарплата вырастет на 2 млрд больше, чем по их расчетам, значит, розничный товароборот должен

быть 326 млрд рублей, а к доплате Госплана в рыночном товарообороте не сказано вообще ничего. Одновременно со всеми этими экспериментами идет недобор прибыли в государственный бюджет против расчетов пятилетнего плана за 3 года на 30 млрд рублей, превышение планового фонда зарплаты на 4 млрд рублей. Поскольку в бюджете образуется «дырка», то эту «дырку» покрывают за счет краткосрочных вкладов населения. И здесь мы наблюдаем крайне изящный, на мой взгляд, «костыль» - то есть, «так делать нельзя, но если работает, то можно». То есть, сначала вы нарушаете товарно-денежную сбалансированность. Населению нечего купить. Оно эти вклады несет в банк, говорит: «Мы не смогли их отоварить, поэтому пусть эти деньги лежат на сберкнижке». Дальше Госбанк берет эти деньги и дает их Минфину на покрытие «дыры» в бюджете. Мы «затыкаем» эту «дыру» и принципиально не решаем проблему. На следующем этапе у нас увеличивается дефицит, у населения больше необеспеченных денег, оно их снова кладет на сберкнижку, и их снова можно взять, чтобы «закрыть дыру» в бюджете. Кто быстрее добежит. На этой не очень радостной ноте – меня попросили закончить в десять, раз, и два – это последние два слайда. На этой не очень радостной ноте я рассказал вам о тех новациях, которые появились в 10-11 пятилетках по сравнению с 9-ой, два разнонаправленных процесса: с одной стороны, попытки усилить комплексность планирования, улучшить территориальный разрез планов, добавить прогнозы, добавить комплексные программы, сделать планы долгосрочными, с другой стороны, мы наблюдаем ситуацию, когда, особенно в 11 пятилетку, Госплан «умывает руки», значит, мероприятия мы начинаем делать, которые идут одновременно в русле плановой логики и «давайте отпустим их на свободу, пусть сами разберутся», потому что, видимо, многие это интерпретировали, что у нас нет какой-то целостной концепции, поэтому мы хватаемся за те идеи, которые нам подсовывают. В этом смысле, была очень циничная реплика у представителя «Змеиной горки» - команды рыночников, которую потом Гайдар «с собой взял», и вот там у кого-то из них было, его спрашивают: «Ну, как, Ваши предложения прошли?», - а он отвечает, что «просто до этого пробовали все остальное, не работало, лежала пачка предложений, что делать, дошли до наших». Понятно, что это, может быть, такая хохма, чтоб веселей читалось, но я не удивлюсь, если так и было. Здесь мы подходим к тому, что, конечно, картина, как я ее сам увидел, как ее вам нарисовал, оставляет некоторое недоумение. И нужны некоторые объяснительные концепции того, почему вот оно шло именно так, как шло. Я здесь вам выписал несколько концепций, которые встречал в литературе. Это не значит, что они «правильные» и там все объясняют. Здесь они немного вперемешку. Одна говорит о том, что стимулы у всех хозяйственников были завязаны на расширении объемов вверенного дела, то есть насколько крупный директор, насколько большой у тебя завод. За счет этого был упор на легкие в реализации и масштабные проекты. То самое экстенсивное развитие, которое толком не удалось переломить. Здесь мы подразумеваем, что, с той стороны, когда директор несет свои «хотелки», некому возразить, с другой стороны, директор понимает, что если завод большой, то и ответственность большая. «Диктаторы-дизайнеры». Мне нравятся статьи Некрасова, некоторые из них можно найти в интернете, он пишет там про развитие нефтегазового комплекса в Сибири, плюс у него есть ряд статей про Госплан хрущевских времен. Это вот та самая проблема,

что про брежневские времена документы либо закрыты, либо исследователи не добрались. И вот он там анализирует, что Хрущев Госплан чуть ли не каждый год реорганизовывал. Некрасов вводит такую модель «диктатора-дизайнера», которая заключается в том, что условный представитель центральной власти понимает, что в том же Госплане сидят представители разных ведомств, у них есть какие-то свои «шкурные интересы». Мастерство управления заключается в том, чтоб так «перетасовать» эту команду, чтобы она работала в том направлении, в котором нужно тебе, а не в котором нужно им самим. То есть, это – модель такой высшей власти, главная цель которой – правильный подбор кадров. Правильный подбор кадров в контексте, чтобы они не слишком продвигали свои интересы и интересы ведомств, из которых они пришли. Тогда можно сказать, что эта модель в 70-е перестала работать. Я находил мемуары дядечки, который в Госплане был в отделе по транспорту, как раз той эпохи, которая нас интересует. И он вообще был каким-то начальником Московской железной дороги. Потом его вызвал к себе Бещев, а Бещев был очень влиятельным министром путей сообщения. Будете выходить к метро «Красные ворота» - его табличка висит на здании РЖД. И Бещев сказал, что «мне нужен «свой человек» в Госплане, поэтому ты идешь в Госплан». И так он попал в Госплан. Он пишет, что представитель Госплана Ломако (на ту пору) его не любил и считал «человеком Бещева». А потом пришел Байбаков, и с Байбаковым они договорились. Если смотреть, что этот человек сделал – а он сначала занимался железнодорожным отделом, потом стал заниматься всем транспортном – то он продвинул 2 больших постановления – первое, разумеется, это БАМ (он там не один был, но активно способствовал), а второе – это какое-то постановление о радикальном улучшении материальной обеспеченности железнодорожного транспорта. То есть, человек за жизнь провел 2 больших комплексных программы, обе – по железнодорожному транспорту. Поскольку после этого он написал книжку мемуаров и издал, то он это воспринимает, как большую заслугу. Если ты лет 20 работаешь в каком-нибудь министерстве, потом ты переходишь в Госплан, то, если тебе кто-то скажет, что ты антиобщественные интересы блюдешь, то ты совершенно искренне обидишься, потому что ты с ними настолько сроднился уже!

План по валу мешает реконструкции. Об этом говорил Андропов, сейчас это есть в статьях Попова. Чтоб что-то реконструировать, надо что-то остановить. Чтоб что-то остановить, надо снизить выпуск. Если у нас сдача в объемных показателях, то мы раз за разом откладываем это на будущее. Следующий аргумент - калькуляционный, он говорит либо про то, что система планов стала такой сложной, что начали планировать от достигнутого, потому что каждый раз ее заново составлять – слишком большие трудозатраты. И одновременно из этого аргумента Найшуль выводит свою концепцию экономики согласования, когда он говорит, что вот сбалансированные планы делать не удавалось, поэтому стали планировать в укрупненных показателях. В укрупненных показателях, когда их дезагрегируют, появляется у исполнителей возможность этим пользоваться в своих целях, и они начинают этим пользоваться в своих целях. Появляется «экономика согласований», «экономика торга». Мягкие бюджетные ограничения – если можно просить денег из бюджета, то чего бы этим не пользоваться? Можно все долбать, потом долбать еще. Есть концепции, больше связанные с анализом советского общества, которые говорят о том, что был

достигнут некий рубеж после достижения ядерного паритета, когда вот эта идея о том, что «нам надо всем сплотиться, в едином порыве работать на достижение общей цели, иначе придут враги и физически всех убьют» - она перестала работать. После этого требовалась дальнейшая демократизация и «приоритет самоконтроля над контролем извне». А этого не последовало. Здесь я взял в кавычки. Мне отраднo, что поступают отзывы уже на эту лекцию в течение двух недель, на сборник «Альтернативы» 90-го года и на некоторые другие тексты, там дается рассказ о том, что фактически на системном уровне не была решена проблема потребления, нужно было потребление как-то подтягивать внутрь этого планового контура. Как-то его планировать опережающим образом и как-то активно на него реагировать. Эта задача не была не только выполнена надлежащим образом, она не была толком даже поставлена. И вот эта вот система централизованного планирования оказалась «однобокой». Раз у нас не было научного планирования потребления, волей-неволей мы «сваливались» в то, что предприятия сами себе что-то планируют, далеко не то, что нужно обществу в целом. Ну и понятно, что та часть, которая старается анализировать, много кто пишет о том, что это – последствия отказа от диктатуры, потому что фактически советское государство создавалось на базисе, который к социализму был не готов, его надо было «надстраивать» таким волевым усилием. И, в общем, когда волевое усилие кончилось, а базис не достроили, пошел «откат назад». Это – не все концепции, которые существуют, разумеется, но вот это – то, что встречается. Я не стал писать про то, что там командно-административная система, в принципе, ни на что не способна, потому что она не объясняет первые 40 лет существования. Я очень надеюсь на дискуссию, поэтому здесь это не объяснение, а некоторая «заготовка для размышления». Раньше у нас был похожий слайд непосредственно об экономических проблемах, где три проблемы, и каждая мешает решить две другие. Здесь мы подходим к тому, что проблемы советской экономики не являются внутриэкономическими. Проблемы советской экономики лежат в плоскости групповой мотивации, групповых интересов, они для экономики, как таковой, являются внешними, то есть, это проблемы стимулов, это – проблема того, кто является субъектом изменений, какие у него есть ресурсы, какие у него есть цели и задачи. Нужен анализ таких вот крупных групп, потому что, с одной стороны, мы видим расширение самостоятельности из-за проблем в планировании, с другой стороны, мы видим необходимость в сокращении самостоятельности из-за антиобщественного поведения предприятий. Увязать это можно каким-то прямым участием в управлении, а главное – награждением по конечным результатам. А главное – как эти конечные результаты восстановить, если у нас сложная цепочка, как сделать так, чтоб каждый получил то, что он должен получить – на практике тогда эта задача решена не была. Поэтому я здесь совсем тезисно прописал последние фразы, что, в общем, вот такой анализ с экономической точки зрения, к сожалению, говорит, что задачи социалистического перехода решены не были, отчуждение от результатов труда рождало «рвачество», когда с ним пытались бороться, то его фактически легитимизировали, попытка «скрестить ежа с ужом» приводила к разбалансировке той части системы, которая оставалась плановой, либо министерства, либо предприятия, получив самостоятельность, начинали ею злоупотреблять. Если мы говорим о том, что нам нужны какие-то

люди, которые активным образом преобразуют общественные отношения, то у них в голове должен тоже складываться образ, в какую сторону их преобразовывать. Для этого должна быть некая система воспитания, самое главное – моральное поведение должно быть выгодным, потому что, если вы воспитываете идейных коммунистов, потом они приходят работать на обезьянью должность в какой-нибудь главк, их там несколько раз возят «мордой об стол» за идейность, то после этого от идейности обычно мало, что остается. И здесь – печальный пример Анчишкина: он достоин не только сожаления, но и изучения. Яркий пример того, что здесь должен быть более системный подход. Поэтому здесь я завершаю, нас попросили освободить помещение в 10, у нас с вами есть 10 минут, к сожалению, у нас с вами сегодня не получится серьезной дискуссии. Я очень надеюсь, что она все-таки будет, потому что здесь есть проблема, которая требует определенного осмысления, поэтому сейчас давайте просто какие-то короткие реплики – и я буду чуть-чуть модерировать. Вот, вы там руку тянете, поэтому давайте».

Вопрос: «Был ли еще вариант, что можно было бы сделать, и что нужно было сделать, чтобы спасти советскую экономику?»

А.С.: «Ну вот, готового варианта, чтоб я мог вам сказать, что в архиве лежит готовый вариант, не было».

Вопрос: «Ну, понятно, но на ваш взгляд, какие меры нужно было предпринять, когда ясно было, что наступил полный раздрай?»

А.С.: «Ну, первые меры андроповские правильные – минимальное наведение порядка, но для этого нужен какой-то костяк там, условно там, пламенных революционеров, которые будут этот порядок наводить. Дальше, на техническом уровне – постепенное снижение проблем экономического уровня. В принципе, эта комплексная программа 83-его года – там есть хорошая идея. Я немножко стал рассказывать про атомные электростанции, про то как использовать идею научно-технического прогресса для снижения разбалансированности – то есть, восстановления. В принципе, наверное, что-то оттуда можно было взять, но вопрос заключается в том, что можно ли считать хорошей альтернативой вариант, под который у вас нет исполнителей?»

Ремарка: «Нет. Нельзя».

А.С.: «То есть, вот есть хороший вариант, но никто не готов его реализовывать. Это – хороший вариант?»

Ремарка: «Не готов реализовывать, или никого нет?»

Вопрос: «Вы говорили о конфликте интересов между предприятиями и министерствами. Правильно ли я понимаю, что это потом распространилось и на противоречия между союзной властью и региональными властями?»

А.С.: «Нет. Не совсем. Это – другое. Союзное и республиканское – это уже «детища» конкретно перестройки. То есть, здесь я вижу, основные игроки – крупные министерства. Еременко их называет «суперведомства». И потом, когда стали пытаться как-то развивать самостоятельность предприятий, пошел целый «блок». В перестройку, кстати, это очень видно, если читать, там против ведомственного диктата очень много. Потом стали обобщать, что это «вся система гнилая», Сталин виноват там, Ленин плохой. Но началось это с того, что попытки дать самостоятельность предприятиям натываются на жесткий «блок» со стороны министерств, потому что они привыкли их воспринимать, как «свое». Поэтому, нет. Центр и республики – это следующее».

Вопрос: «Я скажу по этой проблеме «централизация – децентрализация». Дело в том, что у нас формально был «демократический централизм».

А.С.: «Как-то Вы его нехорошо так назвали. Хорошо. Был «демократический централизм». Формально».

Вопрос-ремарка: «Вышестоящие органы очень хорошо контролировали выборы руководства нижестоящих. И через это, соответственно, выстраивали власть. Нужна была сначала реформа в этой сфере. Если бы она была проведена, то возможно, что в 70-80-е политическому субъекту, то есть партии, выстроить единую стратегию по управлению экономикой. Если у вас партия пошла «вразброс», формально она монолитна, а реально – блюдет свои интересы внутри партии, то экономически это уже не решается».

А.С.: «Я сейчас ничего не готов сказать про форму. Я скажу, что по содержанию, на мой взгляд, действительно нужно было какое-то участие трудящихся в управлении, причем не на уровне, когда они могут что-то сказать своему предприятию. Потому что на уровне, когда они могут сказать предприятию, они говорят: «Хотим больше зарплаты». А то самое, по конечным результатам, с которыми не совсем ясно, что делать. То есть, непонятно, как сделать так, чтобы простой работяга чувствовал: то, что он сегодня сделал на три болванки больше – от этого стало лучше всем и немножечко – ему лично».

Вопрос-ремарка: «Почему, собственно, они всем этим занимались? Потому что во главе стоял Устинов, возглавлявший «оружейные ведомства», оттуда и берется эта «ведомственная психология».

А.С.: «И одновременно он входил в Политбюро. И здесь, я не помню, в прошлый раз я говорил или нет: в перестройку очень «гнали» на КПСС, что она стала большой и «подмяла» под себя все. По факту, получилось наоборот. Вот эти хозяйственные механизмы «подмяли» под себя партийные».

Ремарка: «То, что вы показали, демонстрирует, что рыночный механизм создавался уже в это время. Концепция «самодовлеющих корпораций», которым не указ были министерства, которые

создавались только для того, чтобы отпускать сырье по низким ценам. Такие «предтечи корпоративного механизма».

А.С.: «У меня тут такая ситуация, что, караул, устал, давайте какую-нибудь одну последнюю реплику – и мы на этом завершим».

Вопрос: «А вам не кажется, что все, что случилось в 90-е – оно было необходимо. И рыночная экономика – «как в Китае». И рыночные механизмы – все это было нужно, просто оно было неправильно сделано?»

А.С.: «Поскольку это – последний вопрос, и нас уже совсем просят, то это – «затравка» для большой, хорошей дискуссии, и я надеюсь, что она когда-нибудь у нас будет».